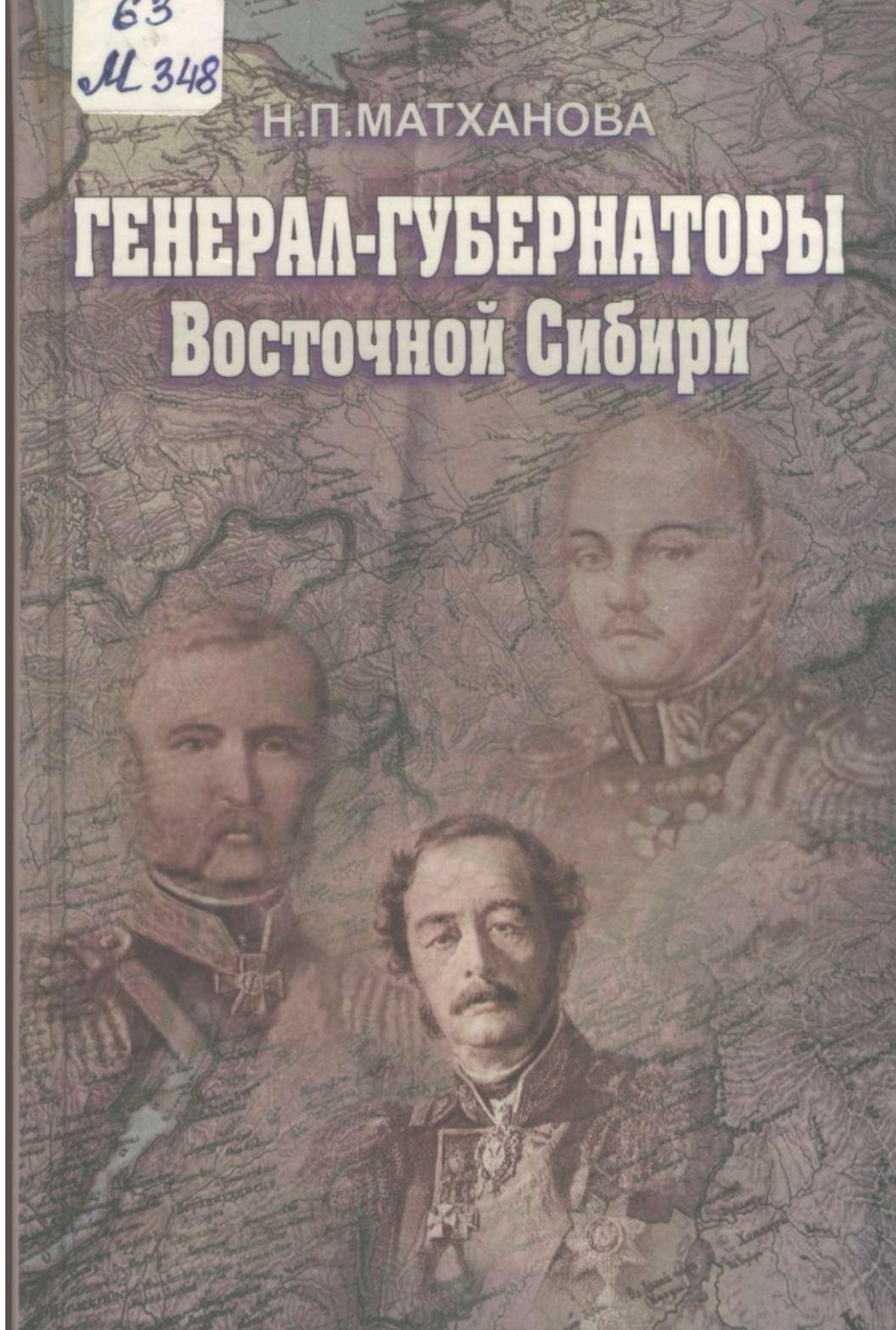


63
М 348

Н.П.МАТХАНОВА

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ Восточной Сибири



Вое

во

ГРАФА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н.П. Матханова

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

В Я. Руперт

Н.Н. Муравьев-Амурский

М.С. Корсаков

Ответственный редактор
академик РАН *Н.Н. Покровский*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СО РАН
1998

УДК 929
ББК 63.3(2)51
М34 О
Д

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук Н.Д. Золышкова
доктор исторических наук Д. Я. Резун
кандидат исторических наук В. И. Иаяндин

Утверждено к печати Институтом истории СО РАН

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 96-01-00147

Матханова Н.П.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. — Новосибирск: Издательство СО РАН. — 1998. — 428 с.

ISBN 5-7692-0180-0

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена важнейшему институту власти дореволюционной России. Властелин огромного края, личное доверенное лицо императора, генерал-губернатор в то же время зависел от столичных министерств и департаментов. В монографии воссозданы биографии трех последовательно сменявших друг друга генерал-губернаторов Восточной Сибири, анализируются их взгляды, основные направления экономической, социальной и кадровой политики, отношения с высшими властями и местным обществом.

Центральной фигурой монографии является выдающийся государственный деятель граф Н.Н. Муравьев-Амурский, сыгравший огромную роль в присоединении к России Амурского края. Анализируются сильные и слабые стороны его административной деятельности, излагается история его борьбы за расширение своих полномочий, показаны его успехи и неудачи.

Особый интерес вызывает стремление автора проследить влияние индивидуальных свойств личности на специфику управленческого стиля администраторов. Рассказывается в книге и о частной жизни каждого из трех ее героев, их характерах, привычках, личных привязанностях, образе жизни.

Книга рассчитана на историков, государствоведов, управленцев и на всех читателей, интересующихся российской историей.

Педуние эрситет*
г.Новосибирск

Б Б К 63.3(2)51

ISBN 5-7692-0180-0

Н.П. Матханова, 1998

Ангелы не пойдут в губернаторы —
а люди всегда люди.

Св. Иннокентий, митрополит Московский
(из письма к М.С. Корсакову)

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к феномену российского чиновничества может быть сравним только с его ролью в российской истории. С одной стороны, как отмечал Ю.М. Лотман, общественный престиж чиновника в России был очень низок. "Русская культура XVIII — начала XIX в. практически не создала образов беспристрастного судьи, справедливового администратора — бескорыстного защитника слабых и угнетенных. Чиновник в общественном сознании ассоциировался с крючкотвором и взяточником"¹. С другой стороны, чиновничество играло важнейшую роль в жизни страны. От его деятельности зависели судьбы миллионов людей и всего государства. При этом огромная армия чиновников была неоднородна во многих отношениях — в ней встречались, и нередко, такие люди, как реформаторы М.М. Сперанский и Н.А. Милютин, декабристы И.И. Пущин и Г.С. Батеньков, писатели И.А. Гончаров и М.Е. Салтыков-Щедрин, или такие выдающиеся государственные деятели, как Н.С. Мордвинов и Н.Н. Муравьев-Амурский. В повседневной жизни громадное большинство населения соприкасалось с органами и деятелями местного управления. Именно местное правительственное управление и местные чиновники определяли собою уклад всей внутренней жизни государства.

Объектом настоящего исследования является административная деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири, управлявших краем в середине XIX в. Автор ставит перед собой задачу изучить основные направления и результаты этой деятельности и влиявшие на нее обстоятельства. Не менее важно предпринятое в работе изучение взглядов, этапов биографий, черт характера генерал-губернаторов — личностного фактора, в значительной степени определявшего специфику их деятельности. Особое внимание мы обращаем на кадровую политику

"главных местных начальников", во многом определявшую состав всего административного корпуса, менталитет и образ действий местного чиновничества.

Хронологические рамки исследования — с конца 30-х до середины 60-х гг. XIX в. — определяются как временем управления трех генерал-губернаторов (В.Я. Руперта, Н.Н. Муравьева-Амурского и М.С. Корсакова), так и важными изменениями в истории управления Сибирью. В центре нашего внимания находится период администрации Н.Н. Муравьева-Амурского. Изучение деятельности его предшественника позволит выявить особенности, которые вносил в управление такой выдающийся государственный деятель, каким был Н.Н. Муравьев, действуя в похожих исторических условиях. Интерес ко времени генерал-губернаторства М.С. Корсакова вызван не только тем, что Корсаков был преемником и последователем Муравьева-Амурского. Конец муравьевского и начало корсаковского периода управления совпали с важной эпохой в жизни России — эпохой подготовки и осуществления Великих реформ. Это обстоятельство серьезно повлияло на состав администрации, систему взглядов представителей данного корпуса, определило новые направления и задачи их деятельности.

Кроме того, нижняя хронологическая граница связана с завершением важного этапа процесса кодификации российского законодательства и складывания основных норм административной практики. Это оказало серьезное влияние и на положение сибирских администраторов. Выбор верхней границы обусловлен тем, что к этому времени завершился первый период реформ, охватывавший 1855—1865 гг., был надолго отложен вопрос о распространении на Сибирь земской и судебной реформ, временно прекратились и реформаторские попытки сибирской администрации.

В нашей историографии до сих пор очень мало исследований, посвященных отдельным деятелям администрации. «Привыкнув иметь дело с такими большими категориями исторического процесса, как народ, нация, класс, государство, некоторые историки утратили вкус к живой конкретной личности, к небольшим историческим ячеекам — к семье, к отдельному роду, к их историческим судьбам, — утверждал С.С. Дмитриев почти 30 лет тому назад. — ...Между тем личность есть для историка неповторимая в ее своеобразии, конкретная историческая величина, без которой нет исторического действия, процес-

са... Изучение такой личности, "микровеличины", должно быть для исторической науки столь же само собой необходимым, как и изучение "макровеличин" вроде экономики, классов, государства».

В последние годы в исторической науке и в общественном сознании произошли в этом отношении серьезные сдвиги: все больше интереса вызывает жизнь и деятельность конкретных людей, особенно сыгравших заметную роль в истории, все больше утверждается представление о важнейшей роли губернаторов в системе управления в России. Возросший в 1990-е гг. интерес к истории местной администрации и ее деятелям, главным образом губернаторам, продиктован отнюдь не только конъюнктурными соображениями (хотя и их не следует вовсе сбрасывать со счетов), но и намерением историков продолжить и развить ту исследовательскую работу, начало которой было положено трудами русских дореволюционных исследователей, а также усилиями П.А. Зайончковского, его учеников и последователей. Если в предшествующие годы изучение истории государственных учреждений, бюрократии, а особенно деятельности и биографий отдельных администраторов по идеологическим причинам не могло занять подобающего места в историографии, то ныне ситуация изменилась кардинальным образом. В условиях утверждения нынешней властью и ее представителями идеи преемственности с дореволюционной Россией работа в указанном направлении должна получать (и в некоторых случаях действительно получает) поддержку со стороны местной власти. Обращение к истории местного управления и деятельности местной администрации вызвано при том и пониманием значительной и возрастающей роли регионов.

Роль генерал-губернаторов, возглавлявших региональную администрацию на большей части территории Российской империи, по-прежнему остается мало известной. Между тем, хотя функционирование всех управленческих структур в основном определялось самим императором, крупные сановники почти столь же полновластно распоряжались в своих ведомствах и регионах. Очень многое и в деятельности органов власти, и в жизни управляемых зависело от авторитета, воли, взглядов, вообще человеческих качеств тех, кто занимал высокие должности. Особую роль, тем более на окраине, играл генерал-губернатор. В восточной Сибири он возглавлял военную и гражданскую администрацию огромного края, ему подчинялись иркутс-

кий и енисейский губернаторы, главы Амурской, Забайкальской, Приморской и Якутской областей, командиры всех расположенных в крас воинских частей. Историк и мемуарист В.И. Вагин даже именовал разные периоды в жизни края "рупертовским" и "муравьевским" временами — по фамилиям главных местных начальников.

* *
*

Должности генерал-губернаторов, существовавшие в середине XIX в. на окраинах и в столицах Российской империи, появились, как известно, еще при Екатерине II. Предполагалось, что генерал-губернатор будет серьезной политической фигурой — он должен был осуществлять надзор от имени верховной власти, а не заниматься текущим управлением, что входило в функции губернаторов.

Создание в начале XIX в. линейной министерской системы управления привело к почти полному сосредоточению серьезных властных функций в центральных органах. Но, несмотря на насаждавшееся единообразие, в условиях России осознавалась необходимость учета и региональной специфики. В 1816 г. был поставлен вопрос о восстановлении наместничеств в качестве института высшего местного надзора, объединяющего располагающиеся части местного управления. Наместник должен был стать посредником между министерствами и их органами на местах, он мог приостанавливать исполнение не только предписаний министров, но и указов Сената, сменять всех должностных лиц, кроме губернаторов, вице-губернаторов, председателей палат и прокуроров³. Проект разделения России на несколько наместничеств, или генерал-губернаторств, во главе с лично назначенными императором доверенными сановниками вновь возник в 1820-е гг. Вертикальное управление с характерным для него подчинением министерствам всех их местных органов неизбежно входило в противоречие с самим существованием главных местных начальников, которым подчинялись "по горизонтали" все органы управления на подведомственной территории. Повсеместное учреждение генерал-губернаторств привело бы к ограничению власти министерств, так как их местные органы были бы переподчинены генерал-губернаторам. Своеобразным компромиссом между двумя противоположными принципами

управления и стало образование генерал-губернаторств не на всей территории империи, а лишь на ее окраинах и в столицах.

До 1853 г. генерал-губернаторы руководствовались весьма неопределенными, но очень широкими формулировками "Учреждения о губерниях 1775 г.", согласно которому полномочными представителями власти на местах были государевы наместники. В 1853 г. появилась особая "Инструкция генерал-губернаторам", которая формально более точно, а по сути столь же широко и неопределенно обозначала их права и обязанности, сохраняя в неприкосновенности огромные полномочия. В 1856 г. МВД попыталось, подвергнув инструкцию резкой критике, поставить вопрос о пересмотре положения генерал-губернаторов и уменьшении их полномочий. Осуществить этот замысел тогда не удалось во многом благодаря единодушному сопротивлению самих "главных местных начальников"⁴.

По закону генерал-губернатор был "главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления во вверенном ему крае"⁵. Он не подчинялся ни одному министерству — только Сенату, а назначался и смещался высочайшими именными указами. "По всем предметам особенной важности" он имел право "обращаться к Государю непосредственно"⁶. Кроме того, он ежегодно подавал всеподданнейшие отчеты по управлению генерал-губернаторством. В отличие от губернаторских отчетов, они не имели фиксированной формы и позволяли доводить до высочайшего сведения собственное мнение по самым различным проблемам.

По замечанию исследователя истории местных учреждений второй половины XIX в. М.М. Шумилова, генерал-губернаторы, назначавшиеся из облеченных доверием и лично известных императору лиц, были гораздо более строптивы, чем губернаторы, и нередко вступали в пререкания с МВД и другими центральными органами. Этому в немалой степени способствовало и то положение закона, согласно которому "никакая новая мера или особое распоряжение, относящееся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крас, вверенном генерал-губернатору, не предпринимается иначе, как по предварительному истребованию соображений и заключений

генерал-губернатора"⁸. Как заключил историк Комитета министров С.М. Середонин, при Александре II со снижением роли личного начала в управлении упало и значение генерал-губернаторов (за исключением Запада и Юго-Запада империи). Это, по его мнению, вело и к уменьшению числа их конфликтов с министрами⁹.

Само обоснование существования должности генерал-губернаторов, основной смысл их деятельности — необходимость учитывать в административной деятельности местные обстоятельства — делали неизбежными весьма существенные различия в статусе и функциях разных генерал-губернаторов. Сибирским генерал-губернаторам подчинялась вся гражданская и военная администрация региона, они сосредоточивали в своих руках высшую административную и верховную контрольную власть. Им были подотчетны все существовавшие в сибирских губерниях местные учреждения — с некоторыми, не очень значительными, исключениями. Так, чиновники не подчиненных непосредственно ему ведомств (например, почты) могли быть уволены и преданы суду только министерством по представлению генерал-губернатора. Но и "из сего исключаются случаи чрезвычайные и времени не терпящие", когда генерал-губернатор мог действовать самостоятельно, лишь поставив министерство в известность о своих действиях¹⁰.

На практике сибирские генерал-губернаторы серьезно зависели в своей административной деятельности от нескольких центральных ведомств: от Министерства внутренних дел, от Военного министерства (поскольку "главные местные начальники" одновременно были командующими войсками, расположенными на территории генерал-губернаторства), от III отделения, одним из основных направлений деятельности которого были, как известно, контроль и надзор за государственным аппаратом. Жандармские штаб-офицеры имелись почти во всех губерниях и, не подчиняясь никому из лиц местной администрации, регулярно доносили об их деятельности, высказываниях и образе жизни. С 1852 г. к важным для сибирских генерал-губернаторов ведомствам добавился и Второй Сибирский комитет, главным образом в лице его управляющего, роль которого была весьма значительной¹¹.

Неизбежность конфликтов между центральными министерствами и ведомствами и местными органами власти, в частности, генерал-губернаторами, была обусловле-

на и тем, что в России явно не выдерживался принцип разделения полномочий между центральными и местными органами власти. По мнению известного дореволюционного историка права Н.И. Лазаревского, центральные и местные органы должны были бы различаться не только по объему полномочий, но и по характеру стоящих перед ними задач: первым полагалось осуществлять общее руководство, обеспечивая этим единство государственного управления, вторым — непосредственное исполнение с учетом местных особенностей. В России же центральные органы не только и не столько осуществляли общее руководство, но и сосредоточили в своих руках распоряжения по всем, даже самым мелким вопросам¹².

Права и возможности центральных ведомств во многом определялись тем, что именно они распоряжались бюджетными средствами. Тому сохранилось множество свидетельств и примеров в отчетах генерал-губернаторов: без разрешения из Петербурга не строились дороги, не ремонтировались ветшавшие здания. Такие главные местные начальники, как Н.Н. Муравьев, сознательно и целеустремленно вели линию на расширение прав местных властей и доказывали необходимость этого хотя бы для отдаленных окраин, приводя вопиющие примеры. "Переписка о построении нового острога в городе Иркутске, — писал Муравьев в отчете за 1852 г., — начавшаяся с 1845 г. и подробно изложенная в отчете за 1851 г., продолжается донныне, а между тем существующее здание ежегодно требует ремонта, давно уже не способно к прочному исправлению, день ото дня приходит в большую ветхость и, приближаясь к окончательному разрушению, угрожает ежеминутно опасностью арестантам"¹³.

Все же и права генерал-губернатора были весьма широки. Он мог лично, помимо руководителей соответствующих губернских ведомств и губернаторов, распорядиться об исправлении недостатков в деятельности любого подведомственного ему учреждения. Он мог¹⁴ изменять, дополнять и отменять решения губернаторов¹⁵ и просто подменять их¹⁶. Он мог требовать, чтобы все сношения МВД с губернаторами и прочих министерств с главами их местных органов шли через него¹⁶. Особую важность для подчиненных имело право генерал-губернатора назначать, увольнять и перемещать чиновников, а также представлять их к наградам. Совет Главного управления, который, по замыслу М.М. Сперанского, должен был несколько огра-

ничивать единоличную власть генерал-губернатора, превратился в подобие его личной канцелярии.

Столь же неопределенными и необъятными были и обязанности генерал-губернатора. Он отвечал за скорое и законное производство дел в подчиненных инстанциях, производил ревизии и обозрения, в середине XIX в. его высшему наблюдению подлежали горная и учебная части, управление казаками и обеспечение продовольствием, пресечение разорительной роскоши и наблюдение за состоянием умов.

К сибирским генерал-губернаторам XIX в. вполне можно отнести вывод М.М. Шумилова, касающийся великороссийских губернаторов. Неопределенность и противоречивость существовавшего законодательства создавала возможность для узаконенного беззакония: губернатор всегда мог сослаться на пригодный для данного случая законодательный или административный акт¹⁷. Ст. 429 Сибирского учреждения прямо указывала: "Не считать превышением власти, когда генерал-губернатор в чрезвычайных случаях примет решительную меру и докажет, что она была необходима и что по настоятельности случая не мог он, не попустив видимого ущерба, отлагать сию меру до высшего разрешения"¹⁸.

О том, при каких условиях и в каких случаях генерал-губернатор мог понести ответственность, можно судить, например, по истории снятия В.Я. Руперта.

О реальной роли сибирских генерал-губернаторов в управлении весьма красноречиво говорит также и опубликованная еще в 1908 г. М.К. Лемке, но забытая и не использовавшаяся современными исследователями истории управления и бюрократии в России Записка В.А. Арцимовича¹⁹ о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств. Виктор Антонович Арцимович в течение нескольких лет был тобольским губернатором, затем прославился своим либеральным управлением Калужской губернией и приобрел репутацию одного из лучших и даже, по мнению Н.А. Милютина, "образцовых" губернаторов. Временное учреждение генерал-губернаторств по всей России предполагалось ввести в качестве предупредительной меры накануне освобождения крестьян, и министру внутренних дел С.С. Ланскому было поручено составить в связи с этим соответствующую инструкцию. Министр перепоручил эту работу В.А. Арцимовичу, который, вме-

сто инструкции представил Записку о ненужности учреждения генерал-губернаторств²⁰.

Напоминая об упразднении Николаем I в 1826 г. института генерал-губернаторства в пяти великороссийских губерниях, Арцимович утверждал, что о времени его существования "живут еще в народе самые тяжелые предания, напоминающие трудные времена воеводского и наместнического управления с принадлежащими им свойствами кормления и произвола"²¹. Еще более убедительно звучит его свидетельское показание, что в тех местностях, где генерал-губернаторства существовали постоянно, "органы местного управления нисколько не улучшились", и это есть следствие того, что "генерал-губернаторы... не имеют никаких условий ни к возвышению нравственного достоинства чиновников, ни к усовершенствованию хода администрации²², ни к уничтожению взяточничества и казнокрадства"²³. Прослужив несколько лет под началом генерал-губернатора Западной Сибири, Арцимович твердо уверился в том, что "учреждение генерал-губернаторов... поколеблет и ослабит полезное влияние губернаторов, возбудит бесплодные и даже вредные столкновения с высшими учреждениями²⁴ и неминуемо усложнит производство дел и переписок".

Сохранение в Сибири должности генерал-губернатора с весьма обширными и неопределенными полномочиями (заставляющими вспомнить полновластных наместников екатерининских времен), полная неясность в вопросе о распределении функций между генерал-губернатором и губернаторами (в соответствующих законодательных актах формулировки их прав и обязанностей совпадали порой даже дословно) создавали возможность для превращения генерал-губернатора либо в чисто номинальную фигуру, либо в единоличного хозяина обширного края. Все зависело от его собственной позиции и, разумеется, от его отношений с центральными властями, главным образом — от личных отношений с монархом и членами императорской фамилии, их доверия и поддержки.

Пользуясь отдаленностью региона и особым доверием царя, генерал-губернатор прочно занимал место между центром и сибирскими губернаторами. Все это создавало еще больший простор для "узаконенного беззакония", усиливало значение личных отношений генерал-губернаторов и губернаторов, расширяло возможности для конфликтов и злоупотреблений. Наличие в Сибири генерал-

губернаторов, имевших полную возможность сосредоточить в своих руках решение всех сколько-нибудь важных административных вопросов, создавало реальную угрозу превращения губернатора в более или менее добросовестного исполнителя указаний генерал-губернатора. Хотя правовая база позволяла губернатору оказывать некоторое противодействие главному местному начальнику, опираясь при этом на поддержку МВД. Если же губернатор был не только гражданским, но и военным, он мог иногда рассчитывать и на помощь Военного министерства. Положение сибирских губернаторов осложнялось также их отношениями с канцелярией и штабом генерал-губернатора. "С давних пор в Сибири были приучены к тому, чтоб губернаторы кланялись лицам, окружающим генерал-губернатора", — отмечал Д.И. Завалишин²⁵. Суть проблемы еще в 1852 г. сформулировал камчатский военный губернатор В.С. Завойко: "Всякий чиновник знает, — писал он М.С. Корсакову, — что я его не могу поощрить ничем... и не имею права отрешить от должности"²⁶. По закону губернатор не имел права без согласования с высшим начальством ни наградить, ни наказать, ни переместить чиновников выше VII класса. По мнению В.А. Арцимовича, в случае повсеместного учреждения генерал-губернаторов "звание губернаторов как лиц второстепенных в губернском управлении всюду упадет до мелкого значения несамостоятельных чиновников, заботящихся не столько об управлении губернией, сколько об угождении генерал-губернатору"²⁷.

Из окраинного положения Восточной Сибири в Российской империи вытекало то естественное обстоятельство, что в круг действий генерал-губернатора входило решение пограничных вопросов²⁸. В этом, как и во многих других случаях, степень активности генерал-губернатора во многом зависела от его личных качеств; разные люди, занимавшие этот высокий пост, по-разному относились к самой возможности участвовать во внешнеполитической деятельности, но объективная возможность (а порой и необходимость) для такого участия существовала. Формально все генерал-губернаторы получили право на пограничные сношения с соседними государствами (в "пограничных губерниях главным их начальникам поручается бдение и предосторожность от соседей"²⁹, — гласило "Учреждение о губерниях"). Н.Н. Муравьев сумел до предела расширить свои полномочия в этой сфере, добившись

предоставления ему права вести переговоры о разграничении с Китаем — на том основании, что удаленность и трудность сношений с центром затрудняла оперативное реагирование на предложения партнеров по переговорам в быстро меняющейся ситуации.

То же можно сказать и о функциях генерал-губернатора как командующего войсками, расположенными в крае. Его роль могла быть чисто номинальной, так как и помимо "главного местного начальника" существовал достаточный военный штат, непосредственно командовавший имевшимися в Восточной Сибири линейными батальонами и казачьими полками. Но при желании генерал-губернатор мог возглавить воинские формирования — нормативная база для этого была. Хотя по статье 156 "Сибирского учреждения" расположенные в крае войска не подчинялись генерал-губернатору Восточной Сибири без особого постановления, сама его титулатура в середине XIX в. такое постановление включала, ибо он именовался, ко всему прочему, "командующим войсками, в ней расположенными". В связи с этим статусом в распоряжении генерал-губернатора имелись, наряду с чиновниками особых поручений, также и адъютанты и офицеры для поручений.

Таким образом, и законодательство, и административная практика, существовавшие в России в середине XIX в., приводят к мысли, что личные качества человека, занимавшего должность генерал-губернатора, в значительной степени определяли и особенности функционирования управленческой системы, и всю жизнь подведомственного ему края.

*

Само понятие "администрация" имеет, как известно, две стороны: это аппарат управления и люди, приводящие его в действие. Так и в историографии вопроса можно выделить два основных подхода, или тематических направления. Во-первых, это изучение структуры и главных звеньев местного управления в XIX в. Во-вторых, исследование самой бюрократии, определение ее социальных характеристик и специфики деятельности отдельных представителей. Известное отношение к теме имеют также многочисленные и разноплановые работы, посвящен-

ные объекту деятельности генерал-губернаторов, — социально-экономической, общественно-политической (включая политическую ссылку) и культурной сферам жизни восточносибирского региона. По этим трем направлениям мы и рассмотрим имеющуюся историческую литературу, сначала дореволюционную, затем — советского и постсоветского периодов, и, наконец, зарубежную.

Система местного управления Российской империи в XIX в. и место и роль в ней отдельных должностных лиц рассматривались в трудах дореволюционных историков и правоведов: А.Д. Градовского, Н.И. Лазаревского, Н.М. Коркунова, В.В. Ивановского, И.М. Страховского, К.Н. Соколова, В.М. Гессена³⁰. Ими систематизированы основные законоположения, определявшие порядок местного управления в дореформенной и пореформенной России, проанализированы специфические черты управления окраинами, отмечена преемственность должности генерал-губернаторов от наместников екатерининского времени и подчеркнута органичность первой для XVIII в. и чрезвычайность последней для XIX в. с характерным для него всевластием министерств. И.А. Блинов, Н.И. Лазаревский, К.Н. Соколов наряду с анализом законодательства уделили большое внимание административной практике, указывая на их несовпадения. Принадлежавшие к либеральному направлению В.М. Гессен, И.А. Блинов, К.Н. Соколов и др. доказывали необходимость усиления роли местного управления³¹, организованного на выборном и бессословном началах³². Весь смысл и значение генерал-губернаторской должности К.Н. Соколов видел в чрезвычайных полномочиях и считал ее анахронизмом, усиливающим роль личного начала в управлении, хотя и признавал полезность этого института на окраинах как позволяющего учитывать региональные особенности, к чему мало склонны министерства³³. Н.И. Лазаревский выделяет из обширного перечня прав генерал-губернатора те несколько его полномочий, которые играли особенно важную роль на практике, и подчеркивает наличие у него неограниченных возможностей для вторжения в частную и промышленную жизнь³⁴. И.М. Страховский как администратор-практик большое внимание уделяет кадровому вопросу, отмечая, что перемены в губернаторском корпусе приводят к радикальным изменениям в ходе и даже коренных началах управления³⁵. Его обширная статья заканчивается констатацией бесспорного факта: вся-

кос административное устройство является только формой для деятельности аппарата управления, но управляют не учреждения, а люди³⁶.

Анализ специфики управления в Сибири и детальный обзор законодательства в этой области был осуществлен С.М. Прутченко, утверждавшим, что "Сибирское учреждение" — ничем не смягченная схема бюрократического строя управления, обеспечившего бюрократической организации управления не просто господствующее, но исключительное положение. Однако идея существования более крупных, по сравнению с губерниями, административно-территориальных единиц (Прутченко называет их округами) представляется ему, как и И.М. Страховскому, плодотворной, так как позволяет учесть региональную специфику, делает возможными децентрализацию управления и согласование интересов центра и окраин³⁶. С.М. Прутченко, как и автор небольшого и не очень богатого по содержанию очерка о сибирском управлении В. Крыжановский³⁷, останавливается на реформе 1822 г. и преобразованиях 1880-х гг., период же середины XIX в. ими пропущен. Эта особенность историографии сибирской администрации сохраняется и позже, в XX в.

Таким образом, в трудах дореволюционных историков и правоведов было проанализировано законодательство, определявшее деятельность генерал-губернаторов Российской империи; отмечено большое значение личностного фактора в административной практике; рассмотрены основные проблемы организации и функционирования всей системы управления, подчеркнута сибирская специфика в данном вопросе.

Если в исследование органов управления дореволюционные историки и правоведы внесли большой и не утративший своего значения вклад, то вопрос о чиновничестве в XIX в., как отмечал П.А. Зайончковский, не являлся предметом специального изучения в отечественной дореволюционной историографии, а освещался лишь попутно, в связи с историей государственных учреждений. Соглашаясь с авторитетным мнением нашего выдающегося историка, считаем нужным сделать две оговорки.

Во-первых, в работах Н.М. Коркунова и, особенно, Н.И. Лазаревского рассматривается не только структура, но и функционирование органов управления, а значит, и деятельность чиновничества; детально анализируются права и обязанности служащих центральных и местных уч-

рождений, причем не только в связи с законодательной нормой, но и на практике. Их анализ бюрократической организации органов управления и бюрократического способа функционирования не устарел и поныне. То же можно сказать и о замечаниях В.В. Ивановского о влиянии профессиональных занятий на социально-психологический облик чиновничества³⁸, и об отмеченных В.М. Гессеном специфических чертах русской бюрократии — в частности, отсутствии³⁹ чувства законности, уважения и страха перед законом. Во-вторых, именно в дореволюционной историографии были обычны исторические портреты выдающихся государственных деятелей, с неизбежностью включавшие и подробное изложение их административной деятельности⁴⁰.

Из сибирских администраторов XIX в. внимание дореволюционных историков привлекали М.М. Сперанский и Н.Н. Муравьев-Амурский. Одно из самых крупных явлений в историографии Сибири — книга известного сибирского историка, публициста⁴¹ и общественного деятеля В.И. Вагина о М.М. Сперанском⁴², не утратившая, по справедливому замечанию Л.М. Дамешека, своего значения и по настоящее время⁴³.

В 1891 г. вышла в свет написанная известным историком и археографом И.П. Барсуковым по инициативе, при непосредственном участии и на средства М.С. Волконского фундаментальная и до сих пор самая полная биография графа Н.Н. Муравьева-Амурского⁴⁴. В первом томе И.П. Барсуков в хронологическом порядке излагает факты биографии своего героя, рассказывает о его основных деяниях, обильно цитируя или близко к тексту пересказывая многочисленные документы, письма и воспоминания. Особенно широко использовал он письма Н.Н. Муравьева брату Валериану и М.С. Корсакову, а также опубликованные к тому времени воспоминания служившего вместе с Муравьевым на Кавказе Г.И. Филиппсона, сибирских сослуживцев и подчиненных графа. Второй том представляет собой, по существу, приложение к биографии. В нем опубликовано 160 документов, главным образом относящихся к сибирскому периоду, — служебные записки, рапорты и официальные письма. В них излагаются взгляды самого Муравьева и мнения его подчиненных, составлявших многие исходившие от имени генерал-губернатора записки по важнейшим экономическим и политическим проблемам.

Работа И.П. Барсукова подверглась резкой, но во многом справедливой критике со стороны известного специалиста по истории Сибири П.Н. Бучинского. Он видел главный недостаток книги Барсукова в необъективном отношении последнего к личности и деятельности Муравьева и в "панегирическом тоне предпринятого жизнеописания"⁴⁵. Однако и сам Бучинский не избежал односторонности и предвзятости по отношению к Н.Н. Муравьеву, деятельность которого оценивается им по большей части негативно. Справедливо замечание Бучинского о приоритете Г.И. Невельского в намерении исследовать Амур, но вряд ли можно согласиться с его утверждением, что "именно Невельской был руководителем Муравьева в амурском деле, делал ему указания на этот счет"⁴⁶. П.Н. Бучинский выдвинул обвинение и более общего характера, упрекая И.П. Барсукова в одностороннем отборе источников и некритичном к ним отношении.

В книге И.П. Барсукова действительно проигнорированы опубликованные ко времени ее создания публицистические выступления Д.И. Завалишина, отрицательно оценивавшего деятельность Муравьева в Сибири и ее результаты, смягчены неодобрительные высказывания о Муравьеве в мемуарах Г.И. Филиппсона. Необходимо, однако, отметить, что критических отзывов о Муравьеве в русской печати, за исключением статей Д.И. Завалишина и находившегося под его влиянием С.В. Максимова, не появлялось. Переписка М.С. Волконского с Б.В. Струве позволяет предположить, что инициатива при подборе материала, в том числе и архивного, исходила от Волконского, довольно жестко пресекавшего любые попытки критики в адрес покойного генерал-губернатора. И все же многообразие и многочисленность использованных и опубликованных в книге источников, точность множества приводимых фактов позволяют труду И.П. Барсукова сохранить свою ценность и поныне.

В дореволюционный период появилось немало работ, посвященных разным сторонам жизни Восточной Сибири, в которых уделялось внимание и деятельности глав администрации края. Период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева занял особое место в историографии Дальнего Востока.

Первыми описали исторические события 50—60-х гг. XIX в. их участники и очевидцы. Статьи и книги таких мемуаристов, как В.И. Вагин, Н.Д. Свербеев, Б.В. Стру-

47 вс, содержали заметное исследовательское начало. Эти авторы стремились воссоздать хронику происходившего, определить роль Муравьева, его помощников, друзей и недругов (в том числе в высших правительственных кругах), проанализировать причины успехов и неудач, охарактеризовать отдельных действующих лиц.

В историографии освоения Дальнего Востока чуть ли не первой попыткой изложить историю присоединения Амурского края к России стала книга Э. Равенштейна, изданная в 1861 г. в лондонской типографии Н. Трюбнера, известного своим сотрудничеством с А.И. Герценом. Работа Равенштейна состоит из двух частей — географической и исторической. Она создана на основе опубликованных к тому времени записок путешественников, устных свидетельств бывавших на Амуре русских офицеров и русских и иностранных коммерсантов, а также исторических сочинений более раннего времени⁴⁸. Автор отмечает выдающуюся роль Н.Н. Муравьева в присоединении Амура.

Первые в отечественной историографии очерки о событиях на Дальнем Востоке в середине XIX в. и о роли в них Н.Н. Муравьева-Амурского принадлежали перу П.В. Шумахера⁴⁹, были написаны им по поручению М.С. Корсакова и являлись, как указано в примечании П.И. Бартенева, частью "обширного труда об истории Приамурского края"⁵⁰. Первый вариант труда был в 1869 г. представлен Н.Н. Муравьеву-Амурскому, прочитан, пополнен и одобрен им⁵¹. Благодаря этому обстоятельству исторические сочинения П.В. Шумахера приобрели источниковую ценность. В очерках воссоздана хроника событий, особо подчеркнута выдающаяся роль Н.Н. Муравьева в присоединении Амура; вопросы внутренней политики практически не затрагиваются. Шумахер широко использовал официальные документы, переписку Муравьева, подробно пересказал содержание разговоров между членами Амурского (Гиляцкого) комитета, бесед Муравьева с Николаем I. Шумахер был полностью согласен с оценками Муравьева, что естественно вытекало из самих условий его работы.

В 1888 г. в "Русском вестнике" появились "Воспоминания о Сибири" Б.В. Струве — по сути, биография Муравьева в первые его сибирские годы, написанная на основе авторских воспоминаний и официальной переписки⁵². Как уже указывалось, работа Б.В. Струве сочетает мемуарное и исследовательское начала. В ней описыва-

ются события первых лет генерал-губернаторства Муравьева, излагается суть дел, которые решались при участии Струве, содержатся живые зарисовки сцен, свидетелем которых он был, даются характеристики встреченных им в Сибири людей, приводятся обширные выписки из имевшихся в его распоряжении документов: рапортов, отчетов, докладных записок, официальных и частных писем Муравьева и его корреспондентов. Вместе с тем Струве предпринял попытку обобщить некоторые характерные для управленческой деятельности Муравьева черты, выявить ее основные задачи. Он анализирует отношения генерал-губернатора с высокопоставленными петербургскими сановниками и членами императорской фамилии, перечисляет основные осуществленные Муравьевым преобразования, характеризует направленность его экономической и социальной политики, подчеркивая стремление соблюдать интересы казны, противостоять влиянию богатых купцов, золотопромышленников и откупщиков, бороться с коррупцией.

Истории генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева посвящены две большие работы В.И. Вагина, долго остававшиеся неопубликованными, — "Муравьевское время в Сибири" (развернутая рецензия на воспоминания Б.В. Струве и Б.А. Милютина, написанная в 1889 г. и предназначавшаяся для журнала "Русская старина") и очерк "К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского", датированный автором 1899 г.⁵³. В обеих работах очень сильно мемуарное начало, но Вагин попытался выделить несколько этапов в истории взаимоотношений Муравьева с сибирским купечеством и тесно связанным с ним местным чиновничеством, определить причины конфликтов и примирений, установить степень реального влияния тех или иных лиц на управление, оценить объективное значение проводимых преобразований. Серьезный вклад был сделан Вагиным и в изучение биографии Н.Н. Муравьева-Амурского и многих важных событий периода его генерал-губернаторства.

После 1917 г. отечественная историография в течение длительного времени не обращалась к проблемам местного управления в России XIX в. Проблемы эти рассматривались лишь в связи с изучением некоторых аспектов внутренней политики или архивообразующей деятельности отдельных учреждений.

Многие черты организации государственного аппарата на губернском уровне были четко определены и систематизированы в монографии (учебное пособие) Н.П. Ерошкина⁵⁴. Основные положения работы повторяли высказанное ранее в трудах дореволюционных исследователей, но были и новые моменты. Так, последовательно проводился тезис о борьбе двух противоречивших друг другу принципов: ведомственного (линейного) и территориального. Их существование в духе господствующей идеологии объяснялось исключительно потребностями самодержавия⁵⁵ и необходимостью борьбы с народными волнениями⁵⁶. Функции, права и обязанности основных звеньев управления, в том числе и генерал-губернаторов, рассматривались главным образом так, как это было прописано в законе. Автор почти не касается важного вопроса о соотношении законодательства и действительности, практической административной деятельности тех или иных конкретных лиц.

Существенно продвинули изучение структуры и функционирования аппарата управления работы, посвященные внутренней политике самодержавия, особенно труды В.Г. Чернухи и И.В. Оржеховского⁵⁶. В монографии последнего "Самодержавие против революционной России" рассматриваются место и роль политической полиции в системе государственного управления: структура, функции и деятельность III отделения собственной е.и.в. канцелярии и корпуса жандармов, их сложные отношения и постоянные конфликты с МВД и губернаторами.

Обращение историков от структуры органов управления к их деятельности естественным образом привело к появлению в исследованиях живых людей с их индивидуальными чертами, личными мотивами и т.д. Мы видим это по работе Оржеховского, то же присуще и статье Э.С. Паиной⁵⁷, посвященной столь важному институту контроля, как сенаторские ревизии, и освещающей ход ревизии Восточной Сибири в 1843—1845 гг. сенатором И.Н. Толстым.

Важнейшим событием в историографии темы стало появление классического труда П.А. Зайончковского "Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.", открывшего новое направление в развитии исторической науки. Впервые в российской историографии была показана необходимость изучения личного состава государственного аппарата и сформулировано то принци-

пиальное положение, "что наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой" на внутреннюю политику страны "оказывают немалое влияние и люди, стоящие во главе администрации"⁵⁸. В этой работе П.А. Зайончковского рассмотрены условия службы и состав (сословность, образование, имущественное положение) чиновничества, в том числе высшего и губернского звеньев бюрократии, прослежена эволюция состояния чиновничества в целом и указанных его групп в XIX в. Огромное значение для исследователей истории управления и чиновничества в России имеют не только теоретические положения и конкретно-исторические выводы автора, но и предложенная им методика их изучения, основанная на комплексном использовании законодательных актов, формулярных списков, донесений жандармских губернских штаб-офицеров (этот вид источников широко был введен в научный оборот именно П. А. Зайончковским) и источников мемуарного характера. Такая методика позволила ученому выявить и проанализировать используемые с тех пор историками количественные характеристики бюрократии высших, центральных и губернских учреждений по состоянию на 1853 г. и одновременно нарисовать впечатляющую картину нравов и порядков, характерных для этих органов власти, создать выразительные портреты отдельных их представителей.

По утверждению Т. Эммонса, одного из американских учеников П.А. Зайончковского, методология ученого заключалась "в прямом эмпирическом изложении фактов, основывавшемся на серьезнейшем⁵⁹ систематическом изучении" исторических источников⁶⁰. По нашему мнению, такой подход характерен для большинства (если не для всех) лучших историков России. Нам представляется, что точнее специфические методологические принципы Зайончковского сформулированы другим его учеником — А. Дж. Рибером. По его мнению, эти принципы сводятся к успешному сочетанию экономического детерминизма, характерного для "марксистской ветви социологической школы", с утверждением, вслед за историками государственной школы, роли государства и отдельных его выдающихся деятелей⁶⁰. Эта же методология лежит в основе работ и многих представителей следующего поколения отечественных историков.

В 1970-е гг. появлялись и работы, предназначавшиеся "для служебного пользования" и находившиеся в спецхра-

пах (например, книга А. Борисова, посвященная министрам внутренних дел Российской империи). В них признавалось, что "личность, наделенная большой политической властью, имеющая под своим контролем существенную часть государственного аппарата, имела возможность оказывать влияние на ход исторического процесса"⁶¹.

Изучение высшей бюрократии Российской империи было продолжено учениками П.А. Зайончковского. В книгах Л.Г. Захаровой и А.П. Шсвырса весьма обстоятельно были проанализированы персональный состав, политические воззрения, круг действий и масштабы влияния либеральной бюрократии накануне и в годы реформ. В них рассматриваются также политические взгляды, черты характера и индивидуальные особенности деятельности входивших в эту группировку лиц⁶². В опубликованных несколькими годами позже статьях Л.Г. Захаровой подчеркивается активная роль в подготовке и осуществлении реформ "либеральной бюрократии во главе с Н.А. Милютиным, олицетворявшей творческий потенциал самодержавной системы"⁶³. В монографии С.В. Мироненко была предпринята попытка увязать анализ формулярных списков высшей бюрократии центральных и губернских учреждений первой четверти XIX в. с исследованием правительственной политики и общего состояния власти⁶⁴.

Изучению правительственного аппарата России, в частности, исследованию структуры, состава и функционирования российского чиновничества, посвящены работы таких зарубежных историков, как Х. Торкс, Д. Филд, Б. Линкольн и др.⁶⁵ В принадлежавшей перу Б. Линкольна биографии Николая I содержится характеристика системы управления и правящей элиты России николаевской эпохи⁶⁶. Анализируя историю реформ, Б. Линкольн приходит к выводу, что решающую роль в их подготовке сыграли представители "просвещенной бюрократии", действовавшие вместе с либеральной интеллигенцией. В книге американского историка Д. Орловского главное внимание уделяется министрам внутренних дел, их роли в формировании и проведении политики государства, при этом учитываются их политические воззрения, индивидуальные качества, отношения с монархом⁶⁷. Как и Линкольн, Орловский подчеркивает инициативу либеральной бюрократии в проведении реформ. В книге Х. Торке наряду с анализом количественных характеристик (соци-

альное и этническое происхождение, образование, размеры жалованья) чиновничества, рассматриваются и вопросы чиновничьей этики и самосознания — но, к сожалению, преимущественно на материале не России, а других стран Восточной Европы. Американским историком В. Пинтнером был осуществлен сравнительный анализ высшего, среднего и низшего чиновничества центра и нескольких губерний Центральной России начала XIX в. по таким критериям, как чин, происхождение, образование, имущественное положение, вероисповедание, возраст⁶⁸. Во многом эти исследования были близки к работам представителей школы П.А. Зайончковского.

В официальной историографии советского периода ведущее место принадлежало совсем другому направлению. Большинство работ по истории России середины XIX в. было посвящено исследованию идейных течений (преимущественно революционных или радикальных) и общественной борьбы. С конца 1950-х гг. представители этого направления под руководством академика М.В. Нечкиной сосредоточили внимание на изучении первой революционной ситуации в России. Если дореволюционные историки государственной школы доказывали, что инициатива и ведущая роль в осуществлении реформ 60-х гг. XIX в. принадлежала государству, если либеральная традиция отводила первенствующее место в этом процессе либеральной интеллигенции, то М.В. Нечкина и большинство в возглавляемой ею Группе по изучению первой революционной ситуации в России в строгом соответствии с ленинской концепцией считали реформы побочным продуктом революционной борьбы и искали их движущие силы в возрастании активности народных масс и выражающей их интересы революционной демократии⁶⁹. Однако и в рамках этого направления было сделано немало для исследования истории либеральной бюрократии, возникновение и активность которой рассматривались как проявление "кризиса верхов". В работах входивших в Группу или примыкавших к ней Н.Г. Сладкевича, Ю.И. Герасимовой, В.Н. Розенталя, И.П. Попова и других в 1960—1970-е гг. было возобновлено прервавшееся после 1917 г. изучение истории либерализма в России, рассматривались многие вопросы истории внутренней политики⁷⁰. В статьях В.Н. Розенталя впервые в советской историографии появилось само выражение "либеральное чиновничество" и были подробно рассмотрены история и значение

петербургских либеральных кружков конца 1850-х гг., проанализированы настроения различных кругов бюрократии (в том числе и либерального чиновничества во главе с Милютиными) в связи с предстоящей отменой крепостного права.

Не касаясь вопроса о непростых отношениях Н.Я. Эйделямана с возглавлявшей изучение истории общественного движения М.В. Нечкиной, следует отметить особое место его работ в историографии. Их неизменно отличало органическое сочетание биографического подхода с анализом политических взглядов и практической деятельности участников освободительного движения, пристальное внимание к всегда живо интересовавшей Натана Яковлевича проблеме взаимоотношений власти и интеллигенции в истории России. Выявляя состав корреспондентов герценовских изданий в России, Н.Я. Эйдельман указал на довольно большое число среди них представителей управленческого аппарата, в том числе и весьма высокопоставленных⁷¹. Высказанные в связи с этим оценки и характеристики отдельных деятелей администрации были довольно далеки от традиционных для советской историографии. Главное же, что в этих исследованиях люди из бюрократических кругов оказывались достойными специальных исследований, а их взгляды могли быть свойственны только им лично, а не им как представителям правящего класса. Не случайно в рецензии на книгу П.А. Зайончковского Н.Я. Эйдельман отмечал несомненность идейного размежевания внутри бюрократических сил и подчеркивал, что "вопрос о социальном, культурном, общественно-политическом лице чиновничества остается полем изысканий для будущих исследователей"⁷². Статья-публикация Эйделямана о Л.В. Дубельте стала первым обращением к фигуре столь одиозного деятеля. В ней были впервые введены в научный оборот семейная переписка и дневники Дубельта, изложена его биография, охарактеризованы взгляды и некоторые стороны профессиональной деятельности знаменитого управляющего III отделением. Убедительно прозвучала в ней очень характерная для Натана Яковлевича мысль о необходимости изучать обе "противостоящие общественные силы, враждующих деятелей", поскольку они "существовали не в разных, а в одном мире и времени, взаимно вписывались в биографии друг друга"⁷³. В биографии М.С. Лунина и комментариях к публикации его сочинений⁷⁴ Н.Я. Эйдельман прослед-

живает взаимоотношения центральной и местной администрации, роль генерал-губернатора Восточной Сибири и III отделения в деле декабриста и его судьбе.

В 1980-е гг. группа иркутских историков и юристов осуществила исследование ряда проблем управления Сибирью в XIX в. В серии статей были рассмотрены отдельные аспекты правительственной политики по отношению к Сибири, проблемы взаимоотношений центральных и местных органов власти, структура и функционирование органов управления горнорудной промышленностью⁷⁵. В эти же годы были достигнуты серьезные успехи в изучении эволюции правительственной политики в Сибири в целом и ее отдельных направлений. Это касается в первую очередь таких вопросов, как управление городами, крестьянами, казаками и инородцами, а также карательная политика и управление ссыльными⁷⁶.

Интересные и многообещающие подходы к теме были проявлены в кандидатской диссертации И.Б. Марковой "Управление Сибирью в 20—60-е годы XIX в.". Впервые в комплексе были рассмотрены государственно-правовые институты управления и состав местной администрации. Детально анализируя структуру, функции и полномочия местных органов власти в Сибири, автор, однако, не ставила перед собой задачу изучения их практической деятельности. И.Б. Маркова впервые исследовала состав административного корпуса, выявила его социальные и имущественные характеристики и указала на его неоднородность, отметив, в частности, существование в нем "немногочисленной группы чиновников, принимавших активное участие в общественной жизни Сибири"⁷⁷. В ее статьях подробно рассмотрен круг чтения, досуг сибирских чиновников и их участие в культурной жизни городов⁷⁸. Но И. Б. Маркова не пыталась определить влияние политики генерал-губернаторов на состав административного корпуса, в ее задачи не входило также и изучение управленческой деятельности отдельных деятелей администрации.

В монографии Г. Ф. Быкони прослежен процесс изменений административно-территориального деления и системы местного управления в Восточной Сибири XVIII — начала XIX в., проанализирован состав чиновничества и офицеров регулярных войск за этот период, приведены краткие биографические сведения о некоторых наиболее типичных представителях различных групп этого социального слоя⁷⁹.

Биографические исследования имеют давние и прочные традиции в отечественной и зарубежной историографии. В некоторых статьях последних лет даже говорится о биографике как особой дисциплине, культурологической или междисциплинарной отрасли гуманитарного знания⁸⁰. Следует отметить очевидную связь интереса к данной проблематике с господствующими в обществе настроениями. В советской историографии в течение многих лет специальных научных биографий удостоивались преимущественно или даже почти исключительно революционеры, полководцы, ученые, деятели литературы и искусства. Вплоть до самого последнего времени серьезные биографические работы, посвященные деятелям администрации, практически отсутствовали. Единственное исключение — книга С.А. Макашина о М.Е. Салтыкове-Щедрине, в которой детально проанализированы условия его жизни и круг профессиональных занятий в связи с политическими взглядами и общественными позициями не только писателя, но и чиновника⁸¹. Интересом к судьбам отдельных людей и умением дать краткий, но выразительный биографический очерк и портрет, включающий как обобщенную социально-психологическую характеристику, так и индивидуальные черты конкретного человека, отличаются работы П.А. Зайончковского, Н.И. Павленко, Н.Н. Покровского, Н.Я. Эйдельмана.

Из сибирских администраторов внимания историков, как и до революции, удостоивались лишь М.М. Сперанский и Н.Н. Муравьев-Амурский, которым посвящен ряд работ 1950—1980-х гг. При этом М.М. Сперанский вызывал интерес главным образом не как генерал-губернатор, администратор, а как реформатор, автор Сибирского учреждения 1822 г.⁸². Деятельность же Н.Н. Муравьева-Амурского анализировалась главным образом в связи с его ролью в решении амурского вопроса и других конкретных проблем социально-экономической и политической жизни управляемого им края⁸³.

Наиболее обстоятельно взгляды и деятельность Муравьева рассмотрены в монографии П.И. Кабанова "Амурский вопрос". В книге излагается история политики России на Дальнем Востоке начиная с XVII в., при этом главное внимание уделяется событиям "муравьевского времени". В нескольких главах подробно прослеживается история присоединения Амурского края вплоть до подписания Айгунского 1858 г. и Пекинского

1860 г. договоров России с Китаем, отдельная глава посвящена общей характеристике деятельности Муравьева в Восточной Сибири. Обозначены основные вехи биографии Н.Н. Муравьева, приведены противоречивые свидетельства современников о его личности, отмечены и положительные, и отрицательные его свойства: честность и вспыльчивость, выдающиеся способности и деспотизм, просвещенность и карьеризм, широкий кругозор и вера в свою начальническую непогрешимость⁸⁴. П. И. Кабанов приводит факты, подтверждающие искренность либеральных убеждений Муравьева, высоко оценивает его борьбу против крепостничества, но утверждает, что генерал-губернатор оставался "слугой существовавшей политической системы". Автор перечисляет основные меры, осуществленные Муравьевым в экономической сфере, указывает на его содействие "культурно-просветительным мероприятиям сибирского общества"⁸⁵, борьбу с злоупотреблениями "представителей старого чиновничьего мира", отмечает его стремление привлечь к себе на службу молодых честных офицеров⁸⁶. Детально прослеживаются действия, предпринимавшиеся Муравьевым для решения амурского вопроса, высоко оцениваются его усилия по подготовке и осуществлению первых сплавных экспедиций по Амуру, оправдываются и те меры, которые вызвали осуждение Д.И. Завалишина и других оппонентов генерал-губернатора.

Н.Н. Муравьеву посвящен очерк известного историка и географа А.И. Алексеева, опубликованный в сборнике, посвященном исследователям Сибири, и написанный в характерном для серии "Жизнь замечательных людей" художественно-документальном жанре⁸⁷. А.И. Алексеев в основном разделял оценки и характеристики П.И. Кабанова. Автор использовал дневники и воспоминания Р.К. Богданова, Г.И. Невельского, В.А. Римского-Корсакова, А.С. Сгибнса, Б.В. Струве, а также несколько писем из фонда Корсакова (отсутствие научного аппарата мешает более точному определению). По мнению Алексеева, главной целью Муравьева на протяжении всего пребывания его в Сибири были подготовка и осуществление амурских сплавов и дальнейшие усилия по решению амурского вопроса. Именно это и составляет основное содержание очерка. Экономические, административные, кадровые и прочие аспекты управленческой деятельности Муравьева Алексеев не затрагивает, о служивших при

нем чиновниках и офицерах упоминает лишь постольку, поскольку они так или иначе участвовали в решении амурского вопроса. В целом, несмотря на свой научно-популярный характер, очерк явился заметным достижением в серии биографических исследований советского времени, отличаясь от большинства их высокой оценкой государственного деятеля царского времени.

Конкретные сведения о жизни, взглядах и административной деятельности генерал-губернаторов и менее высокопоставленных чиновников Восточной Сибири, как и биографические сведения о них, приводились также в ряде работ, посвященных социально-экономическому развитию края, правительственной политике в этой сфере и в исследованиях по истории политической ссылки, общественного движения, общественной мысли и культуры региона в XIX в. Данное обстоятельство объясняется тем, в частности, что политические ссылки первой половины XIX в. были связаны родственными, дружественными, корпоративными и товарищескими отношениями с деятелями высшей администрации края в силу общности сословного происхождения и социокультурной близости.

В опубликованных и неопубликованных трудах Б.Г. Кубалова⁸⁸ охарактеризовано отношение различных представителей сибирской администрации (в том числе Н.Н. Муравьева и М.С. Корсакова) к событиям, связанным с иркутской дуэлью 1859 г., к первой частной сибирской газете "Амур". Показывая в монографии "А.И. Герцен и общественность Сибири" пути распространения и степень влияния герценовских изданий в Сибири, Б.Г. Кубалов приводит сведения об их чтении деятелями местной администрации и характеризует взгляды этих людей по самым различным вопросам. В работе встречаются характерные для многих исторических трудов того времени натяжки и преувеличения (даже волнения крестьян или восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте 1866 г. автор связывает с влиянием Герцена⁸⁹), но вопреки господствовавшей точке зрения уже в 1950-е гг. взгляды и деятельность высокопоставленных лиц царской администрации уверенно характеризуются как либеральные и прогрессивные. И в высказываниях Н.Н. Муравьева Кубалов обнаружил немало сходства с суждениями "Колокола". Правда, в книге сравнительно мало затрагиваются вопросы управленческой деятельности, но автор и не ставил перед собой такой задачи. Б.Г. Кубалов и

Е.Д. Петряев первыми начали вводить в научный оборот архивные материалы из богатейшего эпистолярного комплекса Корсаковых⁹⁰.

В статье Б.Г. Кубалова и С.Ф. Коваля "К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири" подробно характеризуется положение рабочих, приписных крестьян, ссыльных и каторжан Нерчинского горного округа, а также правительственная политика по отношению к ним. Авторы сопоставляют позицию Кабинета и генерал-губернаторов Восточной Сибири, высоко оценивают действия Н.Н. Муравьева и впервые в советской историографии указывают, что он выступал "проводником новой экономической политики в Восточной Сибири", "решительным сторонником частнокапиталистической инициативы в золотопромышленности", "инициатором освобождения горнозаводских крестьян Нерчинского округа"⁹¹.

В работах по истории золотопромышленности А.С. Нагаева, С.Ф. Хроленка и других отмечается, хотя и довольно бегло, участие местной администрации в регулировании новой динамично развивающейся отрасли хозяйства⁹². В публикуемых А. С. Нагаевым документах о выступлении рабочих на золотых приисках в Енисейской губернии в 1841—1842 гг. содержатся важные материалы для характеристики взглядов и деятельности генерал-губернатора В.Я. Руперта⁹³. Действия Н.Н. Муравьева-Амурского при подавлении волнений забайкальских старообрядцев в 1859 г. и В.Я. Руперта в аналогичной ситуации в начале 1840-х гг. рассматриваются в книгах и статьях Ф.Ф. Болоньева, В.Ф. Лобанова и М.М. Шмулевича⁹⁴.

Усилиями декабристоведов освещались темы "Н.Н. Муравьев и декабристы" и — в меньшей степени — "В.Я. Руперт и декабристы"; а вот отношениями с декабристами М. С. Корсакова до сих пор почти не интересовались. Говоря о взаимоотношениях декабристов и сибирской администрации в целом, следует выделить значение публикации дневников, мемуаров, писем и других источников по истории декабризма в известной серии "Полярная звезда". Входящие в состав каждого тома подробные биографические статьи, как правило, включали и сведения о пребывании декабриста в Сибири, о его отношениях с теми или иными представителями местных властей.

В монографиях С.Ф. Коваля о В.Ф. Раевском, Г.П. Шатровой о И.И. Горбачевском и Д.И. Завалишине⁹⁵, в статьях этих и других авторов приводились оценки декаб-

ристами Муравьева и некоторых его подчиненных, характеризовались их отношения, в том числе конфликт Муравьева и Д.И. Завалишина. С.Ф. Коваль отмечал наличие в административных кругах нескольких группировок, вступивших во время иркутской дуэли 1859 г. в скрытое противоборство⁹⁶. Общественно-политическая деятельность петрашевцев в Сибири детально рассмотрена А.В. Дуловым⁹⁷. При этом изучалась и эволюция их взаимоотношений с руководителями местной администрации — Н.Н. Муравьевым и М.С. Корсаковым, приводятся высказывания о них петрашевцев.

О сибирских чиновниках — знакомых М.А. Бакунина, а также о некоторых событиях генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева и отношениях последнего с будущим основателем анархизма упоминается в исследованиях, посвященных М.А. Бакунину⁹⁸. Наиболее подробно политические взгляды Муравьева характеризуются в книге В.А. Должикова о сибирской ссылке Бакунина⁹⁹. Основной своей целью автор называет политическую реабилитацию М.А. Бакунина, при этом многие сложные вопросы трактуются весьма упрощенно, некоторые утверждения выглядят сомнительными, допущены фактические ошибки (подробнее см. гл. 2). Все же некоторые рассуждения автора и приводимые им факты о жизни Бакунина в Сибири полезны для изучения деятельности местной администрации.

Еще одно направление, в рамках которого немало сделано для изучения взглядов и деятельности отдельных представителей восточносибирской администрации, прежде всего Н.Н. Муравьева, — история освоения Дальнего Востока. О книге П.И. Кабанова сказано выше. В диссертационном исследовании и статьях Ю.Д. Акашева¹⁰⁰, продолжившего начатое П.И. Кабановым изучение истории присоединения Амура, проблемы освоения Дальнего Востока рассматривались в связи с обсуждением их в периодической печати. Оценивая Муравьева как "одного из наиболее умных и деятельных администраторов России XIX в.", "просвещенного и дальновидного государственного деятеля", автор вслед за мемуаристами указывает на его стремление привлечь к себе на службу "новых людей, образованных и молодых", признает военную колонизацию Амура "неизбежным злом"¹⁰¹. А.В. Азов, в отличие от Ю.Д. Акашева, усматривавшего плюсы и минусы в аргументах обеих полемизировавших сторон, оценивает выступления Д.И. Завалишина против Муравьева как

беспринципные и честолюбивые и считает, что статьи Завалишина и С.В. Максимова "сыграли на руку придворной камарилье, чем нанесли большой моральный ущерб делу освоения Дальнего Востока"¹⁰².

Перу А.И. Алексеева, наряду с научно-популярным очерком о Н.Н. Муравьеве, принадлежит монография об Амурской экспедиции Г.И. Невельского, биография самого Невельского и несколько очерков о морях — сподвижниках этого выдающегося исследователя¹⁰³. Справедливо подчеркивая важную роль Г.И. Невельского, А.И. Алексеев недооценивает, на наш взгляд, значение той огромной подготовительной организационно-хозяйственной работы, которая была проделана под руководством Н.Н. Муравьева.

Действия Муравьева и его соратников, естественно, освещались и в трудах по истории внешней политики России на Дальнем Востоке, в частности, посвященных русско-китайским отношениям. Борьба Муравьева с внешнеполитическим ведомством и предпринятые им неординарные шаги по-разному оценивались в историографии. В трудах А.Л. Нарочницкого, М.И. Сладковского, П.И. Кабанова, Е.Л. Беспрозванных и др. в основном одобрялась позиция Н.Н. Муравьева и осуждалась проводимая К.В. Нессельроде на Дальнем Востоке политика, для которой были характерны стремление сохранить в неизменном виде традиционные отношения с Китаем, безразличие к перспективам экономического развития Сибири, непонимание угрозы, проникновения в Китай и Японию англичан, американцев и французов¹⁰⁴. Аналогичную позицию занимают и авторы коллективной "Истории Дальнего Востока"¹⁰⁵. В монографии Р. Квестид "The Expansion of Russia in East Asia. 1857—1860" действия Муравьева безоговорочно расцениваются как курс на аннексию¹⁰⁶.

В статье и диссертации А.С. Мамай, посвященных анализу позиций различных групп в русском правительстве по амурскому вопросу, традиционная концепция отечественной историографии подверглась ревизии¹⁰⁷. Автор согласен с основным выводом этой историографии и признает, что Айгунский и Пекинский русско-китайские договоры стали достижением внешней политики России и что решающую роль в их подготовке сыграл Н.Н. Муравьев. Но в статье, написанной в основном на материалах Архива внешней политики России, оправдывается позиция К.В. Нессельроде и осуждаются действия Муравьева. Ру-

ководитель внешнеполитического ведомства представлен в ней защитником идеи правового решения территориальных споров, а сибирский генерал-губернатор — волюнтаристом и экспансионистом.

Итоги изучения процесса русско-китайского территориального размежевания подведены в монографии В.С. Мясникова. Автор подчеркивает, что "с началом военных действий на Дальнем Востоке в ходе Крымской войны стали очевидны несостоятельность и вредность позиции" Нессельроде. В.С. Мясников высоко оценивает "деятельного патриота Н.Н. Муравьева, сумевшего преодолеть "столичную косность" и принявшего решительные меры по защите дальневосточных владений России"¹⁰⁸. В книге прослеживаются дипломатические усилия России и, в частности, действия Н.Н. Муравьева в 1850-е гг., характеризуются Айгунский и Пекинский русско-китайские договоры.

Таким образом, специальных исследований о крупных региональных администраторах в течение длительного времени почти не появлялось, о них обычно писали, освещая историю общественного движения, экономики, внешней политики или классовой борьбы.

Ситуация кардинально изменилась в последние годы. С конца 80-х гг., когда интерес к истории государственных учреждений и государственных деятелей дореволюционной России резко возрос.

Чрезвычайно важна для изучения истории Великих реформ, бюрократии и политики России этого периода предпринятая Л.Г. Захаровой совместно с Л.И. Тютюнник публикация дневников великого князя Константина Николаевича и его переписки с императором Александром II¹⁰⁹.

В коллективной монографии обобщающего характера "Власть и реформы: От самодержавной к советской России" подведены итоги изучения и изложена история реформ и эволюции государственности России за длительный период. Рассматриваются в ней и узловые моменты внутренней политики Николая I и Александра II. Сосредоточив внимание на состоянии и эволюции центральной власти, авторы, к сожалению, почти не затрагивают вопроса о практической административной деятельности и провинциальных администраторах. Отметив такую важную черту эпохи Великих реформ, как "комплектование кадрового корпуса работоспособного чиновничества"¹¹⁰, ав-

тор соответствующего раздела В.Г. Чернуха не касается вопроса о провинциальных чиновниках.

В единственном специальном труде по истории местного управления в XIX в. — монографии М.М. Шумилова — объектом исследования являются "правительственная политика по отношению к губернскому уровню управления, к губернатору как к органу власти", правовое положение губернатора, его отношения с центральными органами власти и их местными учреждениями¹¹¹. Отметив тот несомненный факт, что исполнение губернаторами и вице-губернаторами своих служебных обязанностей "во многом определялось индивидуальными особенностями каждого из них", автор не пытался изучить "личности администраторов", проследить, как и какие коррективы вносили упомянутые им индивидуальные особенности "в объективные условия служебного функционирования"¹¹². Следует признать справедливость замечания рецензента этой книги П.Н. Зырянова: индивидуальные портреты губернаторов обогатили бы книгу¹¹³. Генерал-губернаторы в ней едва упоминаются.

В вышедшей в 1987 г. книге американского историка Р. Роббинса "Царские наместники" подробно рассматриваются положение, круг действий, отношения с центральной властью, с подчиненными и местным обществом губернаторов тех губерний Европейской России, в которых существовали земства, в конце XIX — начале XX в. Автор приводит также обобщенные характеристики образовательного уровня, имущественного положения, служебного опыта губернаторов по состоянию на 1879 и 1913 гг. Весьма интересна его попытка реконструировать "типичный" день "типичного" губернатора в "типичной" губернии¹¹⁴. Благодаря широкому использованию мемуарных источников автору удалось показать будничную жизнь, мелочей, из которых и складывается картина повседневного существования и работы. В книге опровергаются традиционные представления о губернаторах как невежественных и коррумпированных чиновниках и доказывается рост их профессионализма и служебной компетентности.

Характерной чертой общей историографической ситуации последнего времени стало сближение подходов отечественных и зарубежных историков. Существовавшее ранее подчеркнутое разделение историографии на отечественную и зарубежную, помимо того, что оно отражало очевидный факт различий национальных научных школ,

несло и жесткую идеологическую нагрузку. Подразумевалось, что советские историки были представителями марксистско-ленинской идеологии, а зарубежные — буржуазной. В последние годы это жесткое разделение постепенно преодолевается, особенно в изучении истории государственных учреждений и бюрократии, хотя фактор влияния национальных и идеологических традиций продолжает действовать и определять специфику интересов и подходов авторов к предметам исследования, методологию самого научного анализа, стиль изложения и т.д.

Опубликованная в 1994 г. кандидатская диссертация В.А. Иванова посвящена исследованию источников по истории губернского чиновничества Центральной России (двух ее губерний — Московской и Калужской) 1850—1860-х гг.¹¹⁸. Автор анализирует информационные возможности, сохранность и методы использования формулярных списков, мемуаров и газетной периодики. В работе присутствуют также выстроенные главным образом на мемуарах интереснейшие характеристики нескольких московских генерал-губернаторов — прорисованы моральный облик, привычки, уровень культуры, особенности служебных биографий и управленческого стиля. К сожалению, вне поля зрения исследователя остались жандармские донесения и губернаторские отчеты, которые содержат богатую информацию о деятельности и нравах провинциальной бюрократии.

В 1990-е гг. появился ряд работ отечественных и зарубежных историков, посвященных изучению чиновничества и основанных главным образом на анализе формулярных списков. В них выявлены количественные характеристики, определяющие стратификацию российской бюрократии (в основном ее высших групп)¹¹⁹.

Российскому, в том числе провинциальному, чиновничеству конца XVIII — первой половины XIX в. посвящены работы Л.Ф. Писарьковой и О.В. Моряковой. В них анализируются правительственная политика в области формирования бюрократии, социальный состав, условия службы, материальное положение чиновников¹²⁰. Наряду с этими сюжетами, уже традиционными для историографии последних лет, Л.Ф. Писарькова обращает внимание на специфику профессиональной деятельности чиновников различных учреждений, выделяет и характеризует некоторые типы столичных и провинциальных чиновников.

В последние годы авторы многих книг, очерков и статей биографического характера исходят из признания важной роли "верховой власти в авторитарных системах"¹²¹, анализируют политические взгляды, административную деятельность, роль в истории политических и государственных деятелей различной ориентации¹²². В некоторых работах освещается и тесно связанная с общественной частная жизнь этих людей, их привычки, черты характера и т.п.

К сожалению, большинство появившихся в последние годы сборников биографий губернаторов¹²³ представляют собой лишь довольно беглые очерки справочного характера — часто это несколько развернутый пересказ формулярных списков или некрологов, обогащенный извлечениями из мемуаров. Стремление авторов или издателей непременно довести список губернаторов до современности (обычно подкрепленное понятными финансовыми соображениями) далеко не всегда оправдано логикой изложения.

Таким образом, в работах последних лет все чаще изучение внутренней политики, организации и функционирования местных органов власти соединяется с попытками анализировать влияние на их деятельность индивидуальных особенностей, специфических управленческих методов конкретных администраторов. В этом направлении развиваются и сибиреведческие исследования.

Проблемы управления Сибирью — основная тема появившихся в 90-е гг. работ А.В. Ремнева¹²⁴. В них содержится анализ традиционных проблем в отношениях центра и Сибири, порождавших их причин и эволюции правительственной политики по отношению к региону. Как определяет сам автор, исследовательский акцент смещен с управления в Сибири на управление Сибирью¹²⁵. Его внимание сосредоточено на законодательстве, истории появления, принятия и — в меньшей степени — реализации основных документов, определявших правительственный курс. А.В. Ремнев признает, что "отчасти передача властных полномочий из центра в регион явилась уступкой требованиям местной высшей администрации, настаивавшей на необходимости создания в регионе сильной и самостоятельной власти"¹²⁶. Однако не рассматривается вопрос о том, какими соображениями было вызвано это требование, кто именно его выдвигал. Автор убедительно показывает обреченность предпринимавшихся властью усилий для нахождения оптимального

соотношения территориального и отраслевого начал, децентрализации управления без широкого привлечения общественных сил. Реконструируя "механизм взаимодействия сибирских генерал-губернаторов с центральными ведомствами и местными губернаторами"¹²⁴, автор не пытается учесть влияние индивидуальных качеств действующих лиц, их личные отношения и т.п. Особо рассматриваются состояние бюрократии, меры по улучшению ее качественного состава, трудности обеспечения местных органов власти профессиональными, компетентными и благонадежными кадрами. В то же время некоторые из приводимых А.В. Ремневым сведений нуждаются в уточнении. Признавая активную роль генерал-губернаторов в борьбе за предоставление определенных льгот и преимуществ сибирским чиновникам, он не пытается проследить влияние глав местной администрации на кадровый корпус бюрократии.

Существенным дополнением к исследованиям в сфере административной политики являются принадлежащие перу А.В. Ремнева очерки биографического характера, в том числе о генерал-губернаторах¹²⁵. В одном из них кратко обрисованы основные этапы служебной биографии управлявшего Западной Сибирью в 1861—1865 гг. А.О. Дюгамеля, политические взгляды и черты характера этого крупного администратора. В небольшой работе почти не рассмотрены специфические черты управленческого стиля и кадровой политики А.О. Дюгамеля, указано лишь, что его личная честность не помешала процветанию системы фаворитизма и коррупции в ближайшем окружении. Наиболее удачной нам представляется статья А.В. Ремнева о знаменитом сибирском генерал-губернаторе И.Б. Пестеле, в которой уделено гораздо больше внимания характеристике задач, методов и результатов управленческой деятельности Пестеля, рассмотрены перипетии его борьбы с сибирским купечеством, многочисленные конфликты с представителями местной и столичной бюрократии и убедительно доказано, что в основе последних лежали прежде всего противоречия между отраслевым и территориальными принципами управления.

Серию работ омских историков дополняют научно-популярные очерки П.П. Вибе о генерал-губернаторах Западной Сибири П.М. Капцевиче, Г.Х. Гасфордс и Н.Г. Казнакове¹²⁶.

Биографии, научной и административной деятельности последнего дореволюционного генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти посвящена недавно опубликованная книга Н.И. Дубининой¹²⁷.

Продолжая начатое ранее изучение истории управления в Сибири, иркутские историки обратились к исследованию административной политики отдельных выдающихся представителей власти. Наибольшее внимание по-прежнему привлекают фигуры М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева-Амурского. Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек опубликовали несколько статей о реформе 1822 г.¹²⁸ В написанной ими в соавторстве с Е.А. Кузнецовой статье "Сперанский и Муравьев" проводится сравнение основных подходов к управлению этих двух сибирских генерал-губернаторов¹²⁹. К сожалению, авторы не приняли во внимание различия в общей политической обстановке в России в годы деятельности Сперанского и Муравьева, отчего их интересная попытка сравнительного анализа несколько проигрывает.

В статьях Е.А. Кузнецовой рассматриваются и другие аспекты управленческой деятельности Н.Н. Муравьева: его отношение к проблемам сибирской ссылки, административно-территориальному делению Восточной Сибири и кадровая политика. Автор прослеживает принципиальные разногласия между центральной и местной администрацией в вопросе о роли ссылки, приводит аргументы генерал-губернатора, стремившегося подчинить ссылку исключительно колонизационным целям, пренебрегая карательными, и утверждает, что для Муравьева были характерны "либеральные позиции и искренняя заинтересованность в экономическом развитии" Восточной Сибири¹³⁰. Не оспаривая этого тезиса заметим, что не меньшее значение имело и стремление Муравьева подчинить свою деятельность приоритетной цели, какой для него было успешное освоение Амурского края — пусть даже в ущерб экономике всей Восточной Сибири. Изучая специфику области как административно-территориальной единицы, Е.А. Кузнецова отмечает роль Н.Н. Муравьева-Амурского в преобразовании управления в Сибири в 50-е гг. XIX в.¹³¹ В статье, посвященной анализу кадровой политики Муравьева¹³², в центре внимания автора находится вопрос о соотношении удельного веса приезжих чиновников и уроженцев Сибири в Главном управлении Восточной Сибири. Весьма ценным пред-

ставляется также наблюдение о принципах кадровой политики Муравьева, сделанное исследовательницей на основе введенного ею в научный оборот предложения генерал-губернатора об изменении существовавшей системы льгот для служивших в Сибири чиновников. В целом же соединение в одном исследовании изучения личности Муравьева и анализа формальных характеристик его подчиненных представляется весьма плодотворным для понимания его кадровой политики, хотя рассматриваемая статья, разумеется, далеко не исчерпывает тему.

М.А. Кутузов, опубликовавший недавно беддетризованную биографию Н.Н. Муравьева-Амурского¹³³, воспроизвел факты и документы из труда И.П. Барсукова, следуя за ним и в апологетике своего героя. К сожалению, в книге допущен ряд неточностей и фактических ошибок. Укажем лишь на две из них: Н.Н. Муравьев периодически называется то губернатором, то генерал-губернатором, хотя эти две должности различались очень серьезно; А.И. Герцен отнюдь не осуждал, а горячо поддерживал и одобрял усилия Муравьева по присоединению Амурского края и никогда не сотрудничал с Завалишиным.

Таким образом, общей чертой многих разных по предмету исследования, объему и характеру книг и статей последнего времени стало стремление их авторов объективно проанализировать методы деятельности крупных администраторов, ее положительные и отрицательные результаты, характер отношений с центральными и губернскими органами власти, с местным обществом и подчиненными, влияние личных качеств на управление. Однако все серьезные монографические работы биографического характера посвящены только крупным российским администраторам центральных ведомств, представителям столичной бюрократии. Об администраторах провинциального уровня середины XIX в. до сих пор есть лишь небольшие статьи и очерки, чаще всего научно-популярного характера. Влияние же генерал-губернаторов на состав, направленность и характер действий огромной массы провинциального чиновничества почти не изучалось.

* *

*

Источники, положенные в основу настоящего исследования, типологически можно разделить на пять больших

групп: 1) законодательные акты; 2) материалы официального делопроизводства — журналы заседаний правительственных учреждений, отчеты, доклады, записки, обозрения и донесения, формулярные и послужные списки; 3) политические сочинения и публицистика; 4) мемуары и дневники (особенно полно представлены мемуары о времени управления Восточной Сибирью Н.Н. Муравьева — из тридцати с небольшим используемых нами воспоминаний о Восточной Сибири середины XIX в. в 25 говорится о Муравьеве и его генерал-губернаторстве); 5) частная переписка. Каждая из этих групп включает в себя несколько подгрупп.

Основные типы источников охарактеризованы нами ранее¹³⁴. Конкретный анализ некоторых из них будет дан дополнительно в соответствующих главах.

Существующая источниковая база позволяет представить биографии трех генерал-губернаторов Восточной Сибири, их взгляды на главные проблемы в жизни страны и региона, основные направления их деятельности и ее результаты,*их отношения с местным обществом и с центральными властями. Эти люди, сменявшие друг друга на одном и том же высоком посту, были разными по характеру, способностям, воспитанию и образованию. Времена менялись, наступление эпохи подготовки и осуществления Великих реформ 1860-х гг. не могло не отразиться и на деятельности "главных местных начальников". Неизменным оставалось огромное влияние генерал-губернаторов на социально-экономическое положение региона, политическую обстановку в нем, на жизнь населявших его людей.

Вниманию читателей предлагаются исторические портреты этих деятелей в контексте той эпохи.

* *

*

В заключение приношу глубокую благодарность за советы и замечания, а также помощь в архивных разысканиях С.И. Вареховой (РГИА), Г.Г. Лисицыной, (РГИА), С.В. Житомирской, Н.Д. Зольниковой, Е.И. Матхановой, Т.А. Медовичевой (ОР РГБ), З.И. Перегудовой (ГА РФ), Н.Н. Покровскому, а также сотрудникам ГАИО, ГА РФ, ИРЛИ, ОР РГБ, ОР РНБ, РГА ВМФ, РГВИА, РГИА.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЯКОВЛЕВИЧ РУПЕРТ 1837-1847

ДО СИБИРИ



Карьера генерал-губернатора В.Я. Руперта была довольно типичной для николаевских времен. Выходец из голландских дворян ("о происхождении свидетельствовали генералы Сухтелен и Деволланд"), он был записан в 1800 г. юнкером в конную артиллерию в России. У него не было ни имений, ни родственников, за исключением дяди по материнской линии влиятельного сановника гр. Сухтелеца, и он всего добился службой. Тридцать лет (с 1804 по 1834 г.) он служил в саперных войсках, куда не слишком охотно шли русские дворяне. В составе этих войск Руперт участвовал в русско-турецких войнах 1806—1812 и 1828—1829 гг., в Отечественной войне 1812 г., в европейских походах 1813—1814 гг. Он строил полевые укрепления, дороги, мосты, руководил военно-осадными работами¹. "Во время декабрьских событий 1825 г. он находился непосредственно в Зимнем дворце и стал лично известен Николаю, с этого времени и началась его карьера", — писал М.К. Азадовский². В 1826 г. в возрасте 39 лет Руперт получил чин генерал-майора. На этом продвижение по служебной лестнице, ранее довольно успешное, застопорилось. Генерал ценил саперные войска и не хотел переходить в обычные армейские части, считая свою службу "более умственной"³. Ценило его и начальство⁴, не желавшее отпускать Руперта из инженерных войск. Все же после 10 лет командования дислоцированной в Бобруйске бригадой он решил вступить на новое поприще и с этой целью в феврале 1833 г. обратился к старому знакомому, тогда штаб-офицеру при шефе корпуса жандармов, Л.В. Дубельту. В письме Дубельту Руперт напоминал, что "в молодые лета⁵, когда-то в стенах Киева узел приязни соединял" их. Свое

желание перейти в жандармское ведомство генерал-майор Руперт объяснял тем, что прекратилось его продвижение по службе, что его жалованья не хватает для обеспечения достойного уровня жизни большой семьи, в которой тогда было семь детей. Руперт просил не только помочь перейти в корпус жандармов, но и получить место начальника 4-го округа, включавшего Украину и Новороссию. Это позволило бы ему перебраться из Бобруйска в Одессу, где было больше возможностей дать образование детям. Рекомендую себя для новой службы, Руперт писал: "Кроме русского и природного голландского, мне вполне известны языки французский и немецкий, не совсем чужды греческий и молдавский, коими говорят в моем доме. (Руперт женился в Бессарабии на дочери действительного статского советника Недобы; возможно, ее происхождением и влиянием и объяснялось употребление в семье греческого и молдавского языков. — *Н.М.*). Далее честность, беспристрастие и хладнокровие — отличительные качества народа, среди которого я родился, — достались в удел и мне. Вот аттестация, каковую самопознание и чистая совесть дают мне право произнести"⁶.

Через год, в 1834 г., генерал-лейтенант (в очередной чин он был произведен как раз накануне перехода) В.Я. Руперт получил искомое место и стал начальником 5-го (4-го, по прежней нумерации) округа корпуса жандармов, объединявшего шесть южных губерний. Голубой мундир он носил три года — с февраля 1834 г. до июля 1837 г. — и за это время заслужил расположение шефа, графа А.Х. Бенкендорфа. Извещая Руперта о его назначении генерал-губернатором в Восточную Сибирь, Бенкендорф сожалел о потере "столь почтенного сослуживца и ревностнейшего сотрудника" и выражал надежду, что Руперт будет управлять Восточной Сибирью "с тем пылким усердием, которое всегда отличало" его "при исполнении Высочайшей воли"⁷. Судя по ответному благодарственному письму Руперта, именно Бенкендорф предложил его кандидатуру на генерал-губернаторскую должность. Об особом характере отношений говорит и тот факт, что после назначения Руперт получил от Бенкендорфа отчет бывшего генерал-губернатора С.Б. Броневского за три последних года управления с предложением "изложить о нем свое мнение"⁸.

29 июля 1837 г. последовал указ о назначении генерал-лейтенанта В.Я. Руперта Иркутским и Енисейским генерал-губернатором и командующим войсками, в Восточной Сибири расположенными, и 25¹⁰ января 1838 г. Вильгельм Яковлевич прибыл в Иркутск¹⁰. Согласно послужному списку, он был тогда немногим старше 50, имени не имел, и накануне отъезда в Сибирь ему было пожаловано 10 тыс. руб. на уплату долгов и еще 10 тыс. — на подъем для проезда в Иркутск¹¹. К этому времени Руперт был уже кавалером нескольких орденов, в том числе Св. Георгия за 25 лет военной службы в офицерских чинах, Св. Анны 2-й степени с алмазами и 1-й степени с императорской короной, Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней, а также медали за турецкую войну 1828—1829 гг. Новый генерал-губернатор был главой большого семейства: у него были жена и восемь детей, семь из которых жили с ним, а старший сын был определен в Пажеский корпус. Две старшие дочери были уже на выданье, что серьезно влияло на образ жизни семьи. Сам он принадлежал к лютеранскому¹² вероисповеданию, но жена и дети были православными¹².

ПЕРВЫЕ СИБИРСКИЕ ГОДЫ

Руперт довольно энергично начал свою деятельность на новом поприще. Прибыв в Иркутск 25 января 1838 г., он с 31 мая по 2 июля находился с обозрением за Байкалом, с 21 июля по 2 сентября объезжал западную часть Иркутской губернии, в следующем году побывал в отдаленном Якутске (выехал 20 мая 1839 г., вернулся 14 июля), в 1840 г. осмотрел Енисейскую губернию (11 мая 1840 г. выехал в Красноярск, 8 июля вернулся)¹³. Таким образом, в первые три года он объехал основные местности вверенного его попечению края.

По свидетельству расположенного к Руперту В.И. Вагина, "прежняя служба нисколько не приготовила его к гражданской, административной деятельности". В доказательство этого вообще довольно благожелательно относившийся к Руперту мемуарист приводит примеры первых распоряжений нового генерал-губернатора: "На первых же порах по приезде в Иркутск он прежде всего распорядился шить бумагу форменным шелком, вы-

белить трубы на крышах"¹⁴. Что касается последнего замечания, то оно имело под собой отнюдь не анекдотическую, а вполне реальную подоплеку. В отчете за 1838—1845 гг., подводя итоги своей сибирской деятельности, генерал-губернатор причислял к своим заслугам усилия по "уничтожению в городах, особенно в Иркутске и Красноярске, безобразных и грозивших опасностью строений, исправлению и приведению в надлежащую широту и правильность улиц, а равно и строгому впредь наблюдению за чистотою как на улицах, так и на площадях". И особо заметил о своем личном стремлении возбудить "в жителях хороший вкус и охоту заняться наружную красотью их построек"¹⁵.

Уже в первые дни управления Руперт обратил внимание и на другую наиболее известную ему сферу и в рапорте к своему бывшему начальнику А.Х. Бенкендорфу сообщил о запущенном состоянии иркутской жандармской команды и о целесообразности переподчинения ее генерал-губернатору — ранее, как и полагалось, — она состояла в ведении находившегося в Омске начальника Сибирского округа корпуса жандармов. Принимая во внимание прошлую жандармскую службу Руперта, начальство корпуса согласилось. Иркутская жандармская команда и Иркутский конный казачий полк были отданы под начало адъютанта генерал-губернатора капитана Сильвергельма "для приведения их в порядок и устройство"¹⁶. Возможно, это малозначительное событие сыграло роль первого толчка в развитии конфликта между двумя жандармскими генералами — бывшим, Рупертом, и действующим, начальником Сибирского округа генерал-майором Фалькенбергом. Уже в отчете за 1838 г. последний весьма критически оценивал деятельность нового генерал-губернатора Восточной Сибири. Эта конфронтация привела в конце концов к скандальной отставке Руперта в 1847 г.

А.В. Ремнев совершенно справедливо указывает на стремление Руперта усилить военное начало в управлении. Общая идея генерал-губернатора была сформулирована в поданной еще до отъезда в Сибирь записке с изложением некоторых предположений о будущей деятельности: "Ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление, назначая впредь губернаторов из генерал-майоров, окружных начальников, полицмейстеров и даже заседателей — из штаб- и обер-офицеров".

Эта идея не была тогда реализована, увеличение числа и доли военных и усиление милитаризации управления произошло при его преемнике, такая же участь постигла и конкретное пожелание генерала — "дозволить при Главном управлении, сверх положенных гражданских чиновников для особых поручений, иметь в этом звании двух штаб-офицеров военного ведомства"¹⁷.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЗАМЫСЛЫ, УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Характер большинства действий Руперта, как и других крупных администраторов того времени, определялся не столько его личностью, сколько общей направленностью внутренней политики николаевской эпохи. Тем не менее, немалый простор оставался и для проявления личностного фактора.

Источники предоставляют не очень большие возможности для суждения о стиле и методах административной деятельности этого генерал-губернатора. Его всеподданнейшие отчеты, за единственным исключением — отчетом за семь лет управления, — довольно сухи и почти не сохранили отпечатка личности подписывавшего их человека. Мемуарные и эпистолярные свидетельства немногочисленны: несколько беглых и порой случайных замечаний в воспоминаниях посетившего Восточную Сибирь с ревизией чиновника Министерства государственных имуществ Л.Ф. Львова и английского путешественника Ч. Коттрела, короткие и не очень значительные упоминания в переписке декабристов, несколько более развернутая характеристика в мемуарном очерке В.И. Вагина "Сороковые годы в Иркутске"¹⁸. Некоторые сведения о поездках генерал-губернатора в Петербург и разные местности Восточной Сибири содержатся в "Иркутской летописи", там же довольно подробно описана церемония прощания в 1847 г. с В.Я. Рупертом подчиненных и представителей местного общества. Содержательны, но весьма тенденциозны донесения начальника 8-го (Сибирского) округа корпуса жандармов генерала Фалькенберга. То же можно сказать и о служебной переписке, рапортах и донесениях ревизовавшего Восточную Сибирь в 1843—1845 гг. сенатора И.Н. Толстого. Важнейшими

источниками являются деловые письма и донесения самого В.Я. Руперта.

Особую ценность представляет вышеупомянутый отчет за семь лет управления, написанный вне правил, с целью оправдаться в глазах императора в связи с многочисленными замечаниями сенаторской ревизии. Разумеется, этот отчет не был плодом только личного труда и личных размышлений генерал-губернатора, но подписав его, он выражал согласие с его содержанием.

Перечисление самим Рупертом в отчете отдельных своих успехов и неудач, проблем, которые он решал или пытался решить за семь лет, дает некоторые возможности для понимания взглядов и приоритетов генерал-губернатора. Отчет начинается с раздела "Предметы религиозные", а главнейшими своими задачами автор его считал "всемерное содействие здешнему епархиальному начальству как в распространении православия, так в постройке и благолепии храмов Господних"¹⁹. Перечисляя основные направления своей деятельности, Руперт особо указывает на меры по улучшению управления. Сетую на невозможность привлечь на службу в Восточную Сибирь хороших чиновников и вспоминая свои действия, направленные на решение этой проблемы, Руперт признает, что одной лишь местной власти это не под силу. "Частные улучшения и перемены в администрации", произведенные по инициативе генерал-губернатора, сводятся к мелким и незначительным изменениям, самым крупным из которых было учреждение постоянного рекрутского присутствия при Нерчинском окружном управлении²⁰.

Очень подробно и обстоятельно, с чувством гордости и знанием дела излагал он все, что касалось благоустройства городов, строительства новых зданий, переноса Селенгинска, улучшения путей сообщения. При этом неизменно подчеркивалось личное вмешательство в техническую сторону дела. Некоторые замечания и предложения, относящиеся к вопросам продовольственного обеспечения населения, ходу кяхтинской торговли, развитию частной золотопромышленности, необходимости изменения положения ссыльных показывают знание проблем, понимание их значения для края.

К числу своих заслуг в последнем отчете он относил и строительство собора в Красноярске и писал, что "работы по устройству этого храма прочны, чисты и отчетливы"²¹. Но эту стройку, как и многие другие начинания Руперта,

постигла неудача — верхние своды и купол Красноярского кафедрального Богородице-Рождественского собора, возводившегося с 1843 г. по проекту архитектора Тона, в 1849 г. рухнули, "стены растрескались и здание все, кроме колонн, было разобрано". Вновь храм был воздвигнут по прежнему проекту только к 1861 г.²². Наверное, в этом увлечении строительством сказалось уже не жандармское, а более раннее прошлое генерала — его служба по саперной части.

То же можно сказать и о другом, важном и нужном для края предмете забот главного местного начальника — о его действиях по улучшению путей сообщения. "По въезде моем в Восточную Сибирь это был первый предмет, обративший мое внимание, — указывал Руперт. — ...Я тогда же, при надлежащих об этом предписаниях местным начальникам, препроводил особые записки, подробно указывавшие, каким образом приступить им к делу и какие материалы и где им следует употребить; сверх того приложил чертежи для устройства настилки на продольных мостах и даже самое описание производству работ, чтоб никто не мог отозваться незнанием"²³. Так что к некоторым сторонам своей новой деятельности он был подготовлен. С гордостью перечислив далее все сделанное за годы его управления по дорожно-строительной части, Руперт лишь упомянул об одном из наиболее заметных по своему значению для экономики края событиях — строительстве дороги от Иркутска до Кяхты вокруг Байкала.

Выбор направления и способов финансирования этой дороги вызвал полемику между генерал-губернатором и министром финансов Е.Ф. Канкриным, который покровительствовал кяхтинскому купечеству и не соглашался с предлагаемым сибирской администрацией вариантом казенного строительства. Суть расхождений в вопросе о выборе направления дороги сводилась к тому, что кяхтинское купечество и, в частности, осуществлявший от его имени и на его средства строительство Н.М. Игумнов, находили нужным строить дорогу более дешевую, хотя и годную лишь в зимнее время, а власти настаивали на более дорогом всесезонном варианте. Позже в спор вмешался сенатор И.Н. Толстой, предложивший компромиссный вариант, который в конце концов был утвержден²⁴.

Для характеристики Руперта как администратора нам представляются важными два момента этой истории. Во-

первых, его подход к решению проблемы не с экономических позиций, а с позиций строителя-профессионала — он настаивал на дорогостоящем варианте, несмотря на отсутствие средств. И, во-вторых, его явное пренебрежение к интересам кяхтинского купечества, во имя которых собственно и затевалась дорога. А в судьбе генерал-губернатора немалую роль, вероятно, сыграл и его конфликт еще с одним министром.

В то же время Руперт отнюдь не был равнодушен к ходу кяхтинской торговли. Так, он заметил, что эта торговля "начала принимать весьма неблагоприятное направление для торгующего купечества, сибирской сельской и русской фабричной промышленности, что... будет иметь невыгодные последствия и для будущих польз казны"²⁵.

Время генерал-губернаторства В.Я. Руперта совпало со становлением частной золотопромышленности и превращением ее в заметную отрасль экономики края, а Восточной Сибири — в главный район золотодобычи в России. Этот процесс влиял на содержание и условия административной деятельности. Во-первых, развитие частной золотопромышленности в сочетании с неотработанностью законодательства способствовало коррупции. Множество лазеек в законах создавало соблазны и для мелких, и для высокопоставленных сибирских и столичных чиновников. В связи с запрещением служащим в Сибири заниматься горнорудным промыслом прииски записывались на жен и других родственников — так поступил, в частности, начальник Нерчинского горного округа А.Ф. Родственный. В числе акционеров золотопромышленных компаний были статс-секретарь Танеев, сестра министра внутренних дел Л.А. Перовского графиня Толстая и многие другие. Во-вторых, развитие промышленности привело к повышению спроса на хлеб, увеличению его закупок и росту цен на все товары первой и не первой необходимости, что опять-таки весьма неблагоприятно сказывалось на положении чиновничества. В-третьих, появилась довольно многочисленная и весьма беспокойная категория населения — рабочие золотых приисков.

Отношение Руперта к частной золотопромышленности было неоднозначным. Он явно ставил себе в заслугу само бурное ее развитие, пришедшееся на годы его управления: "Я обратил особенное внимание на распространение частной золотопромышленности, бывшей тогда еще в младенческом состоянии, как на важный источник госу-

дарственного богатства", — указано в отчете за семь лет. Ее развитие "дало и новую жизнь здешнему краю" — имелся в виду выгодный сбыт хлеба и скота, трудоустройство "праздных ссыльнопоселенцев", "быстрое возрастание довольства поселений"²⁶. Иная, более взвешенная оценка содержалась в его отчете за 1846 г.: "Золотопромышленность лишает каждый год губернии Восточной Сибири, и в особенности Енисейскую, при самом ограниченном ее населении, с лишком 11 тысяч человек здоровых и сильных производителей и, требуя в год для продовольствия скота и людей более 1 300 000 пудов разного хлеба, возвысила и поддерживает цены на жизненные потребности, а вместе с тем и па труд, и на все, что только ввозится в губернии. Но если, с одной стороны, приносит она невыгоды для потребителей и в особенности бедного класса населения, то, с другой стороны, доставляет огромные доходы казне, очищает и приготавливает для будущего населения доселе неизвестные места, оживляет труд, промышленность и торговлю"²⁷.

В довольно сдержанной форме, но достаточно явно переданы в отчете и претензии золотопромышленников: "Немногие из первых, действовавших с величайшим пожертвованием капиталов и не щадивших трудов и здоровья, успели до 1842 г. открыть богатые или умеренные россыпи. Большая часть промышленников были несчастливы в своем предприятии и оставили оное, потеряв на поиски золота большую часть капиталов, а многие и вовсе разорились. С 1842 г. по настоящее время не сделано ни одного открытия, подобного тем, что были. Многочисленные партии, разбросанные по непроходимым тайгам, остались не вознагражденными". Из получивших разрешение на поиск и разработку золотых промыслов продолжают свое занятие лишь немногие, "в числе коих большею частью такие, кто получил по Высочайшему соизволению право на безочередной выбор казенных остатков. ... Опытные же промышленники, действовавшие на общих основаниях, в настоящее время почти уже прекратили посылки партий"²⁸.

Заявки золотоискателей не могли превышать определенных размеров. Излишки возвращались в казну (казенные остатки) и могли быть пожалованы, с высочайшего согласия, кому-либо из желающих. Высокопоставленные лица, благодаря своим связям при дворе и возможности получить у сибирских горных чиновников сведения об

отрезках от богатых площадей, имели возможность получать казенные остатки с очень высоким содержанием золота. Порой они даже добивались отрезки и последующей передачи в казну именно наиболее выгодных участков с целью завладения казенными остатками. Преемник Руперта на посту генерал-губернатора Н.Н. Муравьев пытался бороться с этим и другими злоупотреблениями в сфере золотопромышленности.

Привлекли внимание генерал-губернатора и другие две категории сибирского населения — казаки и ссыльные. В конце 1830-х гг. он принял участие в обсуждении вопроса о реорганизации забайкальского казачества, выступив за упразднение бурятских полков и увеличение численности русских казаков. Эта идея была поддержана в Петербурге, и в 1841 г. Руперт представил проект преобразования. Но против его основной идеи выступили капитан Генерального штаба Н.Х. Агте, находившийся в командировке в Забайкалье, и сенатор И.Н. Толстой²⁹. При Муравьеве возобладали точка зрения противников Руперта, и его проект был окончательно отвергнут.

Еще будучи в Петербурге, сразу после назначения генерал-губернатором, Руперт направил Бенкендорфу особую записку с соображениями о своей будущей деятельности. Наиболее существенным из них было намерение ввести новую систему управления ссылкой по образцу военных поселений. Предполагалось "все деревни, образовавшиеся из водворенных поселычков, изъять из гражданского ведомства и передать в военное управление подобно селениям пахотных солдат... Усилить над ними надзор, заведя журналы о поведении каждого поселыщика, стараясь по возможности поощрять исправляющихся и строго наказывать нерадивых, употребляя к тому меры, введенные в регулярных войсках и при том по воле начальников, а отнюдь не по приговорам обществ... За вины важнейшие дозволить, по решениям военных судов, без малейшей проволочки наказывать на месте шпицрутенами и отсылать негодяев в исправительные роты"³⁰.

В 1841 г. генерал-губернатор безуспешно ходатайствовал о создании особого управления ссыльнопоселенцами. В отчете за 1846 г. он попытался вновь доказать его необходимость: "Этот бродячий класс русского населения Сибири без особенного исключительного над ним управления... всегда будет, как и теперь, населением для правительства бесполезным, для местного надзора отяго-

нительным, и для поселян, между которыми живут, — вредным", — писал Руперт³¹. Попытки преобразовать управление ссыльными в Сибири были возобновлены при Н.Н. Муравьеве.

В отчетах и записках, поступавших при Руперте в Петербург от имени генерал-губернатора, поднимался еще один важный для Восточной Сибири, особенно ее Тихоокеанского побережья, вопрос — о пресечении или ограничении промысла китов вдоль берегов Берингова и Охотского морей. По инициативе начальника Камчатки капитана Р.Г. Машина предлагалось запретить "иностранным судам подходить к нашим берегам на расстояние [ближе] 40 итальянских миль". Мотивировалось это предложение тем, что из-за нещадного истребления китов и рыбы местное население³² лишается своего единственного источника пропитания³². Тогда же Руперт предлагал даже учредить "русское китоловство", но попытка осуществить эту идею, впрочем, не слишком удачная, пришлось уже на период управления его преемника³³.

Помимо прямых высказываний в отчетах и рапортах, о взглядах генерал-губернатора на важнейшие проблемы края можно судить по его реакции на те или иные события. Некоторые эпизоды представляются особенно показательными.

Характерно поведение В.Я. Руперта во время крупнейших волнений рабочих на золотых промыслах в Енисейской губернии в 1841—1842 гг. В его донесениях излагались история конфликта, требования рабочих и действия администрации. Последние сводились к карательным акциям. Получив донесение о волнениях на Великоникольском прииске, генерал-губернатор, по его словам, "тотчас же командировал... капитана барона Сильвергельма, который *согласно данной ему от меня инструкции*, прибыв на прииск, немедленно открыл зачинщиков, схватил их и предал военному суду и наконец особыми благоразумными средствами, не употребляя силы оружия, восстановил тишину и всеобщее спокойствие между рабочими"³⁴ (выделено нами. — *Н.М.*).

Как известно, "рабочие, признанные зачинщиками, были подвергнуты жестокому наказанию и сосланы в каторжные работы на Нерчинские заводы"³⁵. Из опубликованного А.С. Нагаевым донесения Руперта следует, что генерал-губернатор своей властью значительно ужесточил наказание, определенное военным судом. Суд при-

говорил прогнать сквозь строй через тысячу человек два раза главного зачинщика Александра Иванова, двух других — по одному разу через тысячу человек, еще двух — по одному разу через пятьсот человек, после чего первых трех отправить в каторжные работы, а двух последних сослать в отдаленные места. Штабс-капитан Сильвергельм предложил генерал-губернатору ужесточить наказание: главного виновника прогнать через тысячу человек четыре раза, четырех остальных — через тысячу человек по два раза и отправить в каторжные работы. Руперт выбрал средний вариант: Александра Иванова прогнать через тысячу человек три раза, двух следующих по степени вины — по два раза, и двух последних — по три и два раза через пятьсот человек, после чего всех отправить в каторжные работы³⁶. Таким образом, генерал-губернатор не только не воспользовался правом смягчить приговор военного суда, но и серьезно ужесточил предложенную тем меру наказания. Беспощаден он был и в других подобных случаях.

Одно из самых серьезных происшествий, случившихся во время управления Руперта и потребовавших его вмешательства, — волнения крестьян-старообрядцев в Забайкалье. Инцидент стал предметом изучения современных историков Ф.ф. Болонева, В.Ф. Лобанова и М.М. Шмулевича. Причиной волнений или, по крайней мере, поводом к ним, послужила правительственная политика. Как говорится в статье В.Ф. Лобанова, волнения "были вызваны тем, что с конца 30-х годов правительство Николая I подвергает старообрядцев резким гонениям, прилагая и меры полицейского характера"³⁷. М.М. Шмулевич подчеркивает известную осторожность петербургских верхов и грубые меры местных властей. "Акции восточно-сибирского начальства и консистории против беглых попов и семейских часовен и браков, — пишет он, — вызвали резкий протест старообрядческого населения Забайкалья, который в 40-х—50-х гг. XIX в. нередко проявлялся в открытых выступлениях"³⁸. Особо отмечает он роль иркутского архиепископа Нила, распоряжение которого закрыть старинную часовню в с. Куналей в 1839 г. стало поводом для открытого выступления крестьян и их упорного неповиновения властям. Более подробно ход событий изложен в статье В.Ф. Лобанова. Оба автора указывают на серьезное значение описываемых событий, регулярные донесения о них в Петербург,

личный выезд в "семейские" села высших местных администраторов. Лобанов пишет о том, что "для наведения порядка" в с. Куналей по распоряжению министра внутренних дел выезжал иркутский губернатор с военной командой. Но чиновники были вынуждены уехать ни с чем, и губернатор донес в МВД о "плачевном исходе своих действий в селе Куналей"³⁹. М.М. Шмулевич, ссылаясь на другое дело того же архива, указывает, что в семейские села выезжал сам генерал-губернатор Руперт, но и его приезд не привел крестьян в повиновение. Тогда в марте 1843 г. Руперт приказал командировать в Куналей две роты солдат 14-го линейного батальона с артиллерийским орудием и 50 казаков⁴⁰.

Сопротивление крестьян вылилось в открытый, выказанный в присутствии самого высшего начальства, отказ выполнять постановления правительства; дело дошло до избиения казаков, волостного головы, земского заседателя. В течение двух лет крестьяне отказывались повиноваться. В конце концов наиболее активные участники волнений были заключены в тюрьму. Только к весне 1844 г. при вмешательстве военной команды из 200 казаков под командованием адъютанта генерал-губернатора ротмистра Безносикова старообрядцы были приведены в повиновение⁴¹. На территории семейских волостей был оставлен гарнизон из 200 казаков⁴².

Расследованием причин куналейских волнений в 1845 г. занимался и сенатор И.Н. Толстой. Это происшествие стало еще одним поводом для его столкновения с генерал-губернатором. Как пишет М.М. Шмулевич, Толстой высказал мнение, что куналейские события были вызваны отчасти незаконными действиями местных властей, и указал на большое количество жалоб от старообрядцев еще до 1841 г. Он послал в село своего чиновника Тиле, но того опередил представитель Руперта верхнеудинский земский судья Железняков, попытавшийся настроить крестьян против Тиле. Толстой снял судью с должности, но Руперт опротестовал его решение в Министерстве юстиции. "Чтобы помешать следствию, — продолжает М.М. Шмулевич, — Руперт и его чиновники донесли в Петербург, что среди сотрудников Толстого имеются государственные преступники, политические ссыльные. Два раза Толстой обращался к Руперту с просьбой указать, кто именно из его чиновников является государственным преступником, но генерал отмолчал-

ся"⁴³. Автор ссылается на "Исходящий журнал ревизии Восточной Сибири сенатором Толстым" ⁴⁴ но материалы РГИА дают возможность уточнить и откорректировать этот вывод — Руперт назвал имена декабристов, привлеченных к работе ревизии, но не Толстому, а в рапорте на высочайшее имя. Подробнее об этом будет сказано ниже. Единственной ответной мерой Руперта было использование против старообрядцев воинских команд, аресты, "военные экзекуции"⁴⁵.

Конечно, дело было не только и не столько в Руперте — он действовал в духе общего правительственного курса. Но генерал-губернатор Восточной Сибири не принимал, насколько это известно, попыток предупредить дальнейшие народные волнения, не предлагал проводить или не проводить какие-либо реформы. Разумеется, проекты и реформы были в это время не в моде, но и сам Руперт явно не испытывал потребности вникать в причины беспорядков и пытаться предотвращать их. Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков в ходе и после волнений государственных крестьян в начале 1840-х гг. не только принимал карательные меры, но и предостерегал петербургские власти от распространения на Сибирь нового порядка управления государственными крестьянами. Т.С. Мамсик оценивает политическую линию Горчакова как вполне традиционную и консервативную. Отказываясь применять предлагаемые исполнявшим обязанности тобольского губернатора М.В. Ладыженским методы тайного внедрения в крестьянство своих агентов для руководства им, генерал-губернатор стремился, по ее мнению, действовать традиционными методами административного, а в случае необходимости и военного насилия⁴⁶. Как бы ни оценивать реформу П.Д. Киселева и отношение к ней крестьян и бюрократии, для нас важно другое. Основным сибирским оппонентом министра государственных имуществ был генерал-губернатор Западной Сибири, ⁴⁷ Руперт же в лучшем случае присоединился к его мнению⁴⁷.

Заметным событием "рупертовского времени" стал неурожай в Енисейской губернии, поразивший ее в 1839 г. В условиях возросшего в связи с развитием золотопромышленности спроса на хлеб он грозил весьма неприятными последствиями. Совет Главного управления Восточной Сибири принял одобренное генерал-губернатором решение — приобрести в Тобольской губернии муку и

семенное зерно. Дополнительные закупки для казенных нужд осуществлялись и в самой Енисейской губернии, что породило злоупотребления со стороны чиновников и нашло отражение в донесениях начальника Сибирского округа корпуса жандармов. Обвинения генерала Фалькенберга сводились к тому, что плохая организация этой операции позволила земским исправникам либо произвольно назначать цены, либо вообще не покупать хлеб, требуя его от крестьянских обществ в виде дополнительной повинности. Кроме того, контракты на перевозку хлеба исправники заключали с избранными ими самими подрядчиками по завышенным ценам, а полученная таким образом прибыль, по утверждению жандармов и их информаторов, делилась между исправником и подрядчиком⁴⁸. Причастность генерал-губернатора к этим махинациям не была доказана, и ему инкриминировались только неудачный выбор чиновников и чрезмерное к ним доверие, приведшее к их полной бесконтрольности. Сам Руперт, разумеется, совершенно иначе объяснял происшедшее и в отчете за семь лет доказывал необходимость и оправданность принятых решений стремлением избежать голода в условиях небывалого неурожая⁴⁹.

Характерно и отношение В.Я. Руперта к положению приписных крестьян Нерчинского горного округа. Несмотря на признанное его предшественниками, начиная со Сперанского, тяжелое положение крестьян и вопреки предлагавшимся ранее проектам их освобождения, Руперт в 1845 г. предложил "улучшить" горнозаводское дело в Нерчинском округе припиской к заводам еще 8500 душ государственных крестьян⁵⁰.

В действиях этого генерал-губернатора трудно заметить сколько-нибудь определенную и самостоятельную социально-экономическую политику. Они были направлены на решение текущих задач и не преследовали заранее поставленной цели.

В целом административная деятельность В.Я. Руперта хотя и не была подчинена решению какой-либо серьезной стратегической задачи и не внесла существенных перемен в жизнь края, но не была и особенно неудачной или тягостной для населения. На фоне общего довольно низкого уровня администрации николаевской эпохи она не выделялась сколько-нибудь заметно ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Как уже отмечалось во введении, одной из важнейших обязанностей высшей сибирской администрации был надзор за государственными и политическими преступниками. В связи с этим генерал-губернатор вступал в сложные и противоречивые отношения с III отделением, комендантом Петровского каземата, влиятельными родственниками декабристов. На время управления Руперта пришелся переход многих отбывших каторгу декабристов на поселение. В связи с отсутствием нормативных актов, регулировавших режим ссыльнопоселенцев, возникали и новые проблемы. Для их решения декабристы и их родные часто вынуждены были обращаться к генерал-губернатору.

В.Я. Руперт не проявлял излишней склонности к смягчению режима и улучшению положения ссыльных. Более того — в ряде случаев он занимал более жесткую позицию, чем центральные ведомства. Так, по распоряжению Бенкендорфа, с 1835 г. декабристы могли отлучаться с мест поселения в пределах волости с разрешения земских властей. Это распоряжение противоречило Уставу о ссыльных, и генерал-губернатор запретил подобные отлучки⁵¹. За разъяснением к шефу жандармов обратился не Руперт, а гражданский губернатор. По указу Николая I Комитет министров после изучения вопроса принял в 1845 г. специальные правила "О порядке отлучек ссыльных... из мест их водворения, об отводе им земли⁵² о заведениях и промыслах их и о производстве пособия"

Так еще раз проявилось свойственное Руперту нежелание или неумение вникать в сущность проблем, выяснять причины их появления и принимать управленческие решения стратегического характера. Он реагировал на возникавшие вопросы лишь краткосрочными действиями.

Что касается характера отношений Руперта с декабристами, то источники рисуют его довольно противоречиво: к одним он благоволил, других сторонился. Например, по долгу службы Руперт пересылал все ходатайства декабристов петербургским властям, будучи в данном случае официальным, но добросовестным посредником. За это он устаивался одобрительных отзывов со стороны некоторых декабристов. Д.И. Завалишин прямо

указывал: "Первые два генерал-губернатора мало вмешивались в дела каземата, но последний, Руперт (так в тексте. — *Н.М.*), который был сам, до назначения своего в Сибирь, окружным жандармским генералом, действовал гораздо смелее: он уничтожил пустой призрак работы и не задумался делать представления о разрешении некоторым из нас жениться"⁵³. В то же время генерал-губернатор был чрезвычайно осторожен, избегал всякого неофициального общения и неукоснительно с большим (иногда даже чрезмерным) усердием соблюдал предписания III отделения.

В вопросе о назначении мест поселения декабристам Руперт был готов в отдельных случаях идти навстречу их пожеланиям — но в пределах, дозволенных начальством. Он разрешил некоторым задержаться в Иркутске до того, как будет решен вопрос о месте их поселения. Но после выговора за это из Петербурга ударился в панику. "Это сделало такой переполох, — сообщал А.П. Юшневский в письме к Я.Д. Казимирскому, — что нам велено было немедленно выехать из города. Мы с бедною моею женою среди жестокой стужи, по колено в снегу обошли всю Кузьмиху и не нашли ни одной свободной избы, не говоря уже удобной. Наконец, убедившись, что нам деваться некуда, снисходительное начальство дозволило нам жить до сентября в деревне Жилкиной"⁵⁴. В последних словах Юшневого звучит горькая ирония по поводу трусливого поведения генерал-губернатора. Однако тот же Руперт оказался достаточно добросовестным ходатаем перед III отделением в истории с М.К. Юшневской, просившей через него (хотя и тщетно) разрешения выехать из Сибири после смерти мужа. Этим его ходатайством объясняется и доброжелательный отзыв о нем А.З. Муравьева. Многочисленны совершенно иные характеристики. М.А. Фонвизин со слов А.П. Барятинского писал И.И. Пушкину: Руперт "теснит наших. Сердечно их жаль"⁵⁵. Ф.Ф. Вадковский сообщал Е.П. Оболенскому о жестоком отношении генерал-губернатора к психически больным Я.М. Андреевичу и А.И. Борисову: никакие доводы "не могли убедить высокопревосходительного к отмене бесчеловечного приказанія держать Борисова и Андреевича в домах сумасшедших"⁵⁶.

Как видно из писем М.А. Бестужева, к братьям Бестужевым, особенно к Николаю Александровичу, Руперт относился хорошо. Когда Н.А. Бестужев в видах заработ-

ка занялся писанием портретов, генерал-губернатор разрешил ему выезжать в Кяхту и в Иркутск и задерживаться там надолго. Он поручил Николаю Бестужеву написать портреты своей жены и дочери и даже подарил ему краски и другие необходимые принадлежности. М.А. Бестужев вспоминал, что брат его был "принят как свой в доме Руперта" и называл последнего "простым добряком"⁵⁷. М.К. Азадовский, комментируя воспоминания М.А. Бестужева, объяснял такой его доброжелательный отзыв тем, что "он неправильно представлял себе отношение Руперта к декабристам"⁵⁸. Возможно, особое положение Бестужевых объясняется влиянием находившегося с ними в дружеских отношениях зятя Руперта, горного инженера А.И. Арсеньева.

Поведение Руперта по отношению к другим декабристам резко отличалось. В.П. Павлова на основании анализа переписки Трубецких утверждала, что женам декабристов не разрешалось появляться в общественных местах. Так, Трубецкие не могли присутствовать на вечерах в Девичьем институте, где учились их дочери; местные чиновники, беря пример с Руперта, открыто проявляли неприязнь к ссыльным⁵⁹. По-видимому, это имел в виду С.П. Трубецкой, сообщая в письме к И.Д. Якушкину о мелких неприятностях, о "которых умалчиваю, потому что говорить не хочется о подлостях и мерзостях, на которые бывают люди способны"⁶⁰.

Особенно обострились отношения генерал-губернатора с ссыльными после известного указа 1842 г. о помещении родившихся в Сибири детей государственных преступников в казенные учебные заведения, но не под их настоящими, а под образованными от отчеств фамилиями. Это предложение вызвало бурю негодования среди декабристов. С.П. Трубецкой, С.Г. Волконский, Н.М. Муравьев направили В.Я. Руперту гневные письма, протестуя против подобного унижающего их и матерей их детей решения царя. Реакция Руперта возмутила декабристов еще больше. Он обвинил их в неблагодарности, в том, что своим отказом они "преграждают всякое дальнейшее покушение имп[ератора] к сближению" и пригрозил, что подобное поведение "может озлобить власть до такой степени, что над детьми может исполниться общая мера по существующим узаконениям, которые могут быть всегда использованы как угодно"⁶¹. ("По существующим узаконениям", т.е. по указу самого Николая, "дети, рож-

денные в Сибири", должны были поступать в государственные крестьяне.) Этой угрозы Руперту не простили не только сами декабристы, но и их дети. Через много лет, издавая Записки своей матери, М.С. Волконский в комментариях к ним с гневом и сарказмом писал, что Руперт "увидел в отказе декабристов проявление какого-то неизъяснимого упрямства и себялюбия", за что они должны были быть навсегда лишены "всякого права на какое бы то ни было снисхождение правительства"⁶².

Надо заметить, что в отличие от генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова и от своего приемника Н.Н. Муравьева Руперт не имел родственных и дружеских связей ни с кем из декабристов и их родных. Поэтому не срабатывало или срабатывало в меньшей степени самое эффективное средство борьбы декабристов за смягчение режима ссылки — влияние на представителей сибирских властей через общих родственников, друзей и знакомых. Не случайно, видимо, более доброжелательным было отношение Руперта к сдружившимся с его зятем Бестужевым.

Пришедшее на конец "рупертовского времени" общее смягчение режима в отношении декабристов произошло не по воле генерал-губернатора, а в силу ряда причин — в частности, окончания срока каторжных работ и выхода декабристов на поселение. Известно, что с начала 40-х гг. многие декабристы фактически жили в Иркутске, хотя числились на поселении в пригородных селах — Оеке, Урике, Малой Разводной и т.д. В изменении положения декабристов в обществе немалую роль сыграло и прибытие ревизии сенатора И.Н. Толстого. В воспоминаниях ссыльного поляка Юлиана Сабиньского есть примечательное упоминание о его встрече с чиновником ревизии М.А. Безобразовым на приеме, устроенном ссыльным князем С.Г. Волконским в Иркутске⁶³. Подобные встречи и приемы стали нормой, а дома Волконских и Трубецких начали превращаться в центры светской жизни. Н.А. Белоголовый вспоминал, что в 1845—1847 гг. "в доме Волконских жило шумно и открыто, и всякий, принадлежавший к иркутскому обществу, почитал за честь бывать в нем, и только генерал-губернатор Руперт и его семья и иркутский гражданский губернатор Пятницкий избегали... появляться на многочисленных праздниках в доме политического ссыльного"⁶⁴.

Как отмечали авторы исследований, посвященных М.С. Лунину, определяющим в отношениях Руперта с декабристами было его жандармское прошлое. "Лунинская история" выходит за рамки вопроса об отношениях Руперта с декабристами. Это событие, казалось бы, могло и должно было стать вершиной его карьеры, но стало одной из причин ее крушения.

Все началось по инициативе приближенного к генерал-губернатору чиновника по особым поручениям П.Н. Успенского. О роковой роли, которую он сыграл в судьбе М.С. Лунина, писали все биографы декабриста. "Не лишенный внешней обаятельности, этот беспринципный карьерист и провокатор во имя служебного продвижения не брезговал ничем", — отмечал С.Б. Окунь. Приведя замечание С.П. Трубецкого о том, что Успенский был любовником жены Руперта, С.Б. Окунь именно этим объяснял покровительство генерал-губернатора ретивому чиновнику⁶⁵. С наибольшей полнотой роль Успенского в судьбе Лунина раскрывают опубликованные Н.Я. Эйдельманом документы сибирского следствия по делу⁶⁶. Во "Всеподданнейшем докладе III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии за 1842 год по делу о государственном преступнике Лунине" есть многозначительная фраза А.Х. Бенкендорфа, ходатайствовавшего о награде П.Н. Успенскому "как оказавшему открытием означенных бумаг... весьма важную услугу и *известному мне с отличной стороны по прежней его службе под моим начальством*"⁶⁷ (выделено нами. — Н.М.).

Карьера и биография Успенского подробно характеризуются нами в специальной статье⁶⁸. Здесь заметим лишь, что, начав со службы чиновником в департаменте разных податей и сборов Министерства финансов, П.Н. Успенский затем несколько лет состоял при штабе корпуса жандармов, занимаясь финансовыми делами. В 1837 г. он получил благодарность Бенкендорфа и в том же году был, по ходатайству Руперта, переведен вместе с ним в Иркутск на должность чиновника особых поручений Главного управления Восточной Сибири⁶⁹. Первое время новая служба соответствовала прежнему финансово-хозяйственному опыту: Успенский выполнял различные поручения по ревизии в Енисейской губернии и Забайкальском крае, участвовал в работе ревизии по Министерству государственных имуществ камер-юнкера Л.Ф. Львова. Во время этих поездок он познакомился с В.К. Кюхельбе-

кером и сумел ему понравиться. Декабрист записал в дневнике: "Я в его обществе провел несколько очень приятных не баргузинских часов. Вдобавок просил его кое о чем, с чего, ежели удастся, начнется для меня совсем новая жизнь"⁷⁰. Знакомство продолжилось в следующем году, когда "давно ожидаемый Успенский" посетил Акшу вместе с Львовым⁷¹.

Не исключено, что Кюхельбекер был не единственным знакомым Успенского в декабристской среде. В таком случае рукопись лунинского "Взгляда на тайное общество с 1816 по 1826 г." не случайно попала в его руки. Так или иначе, получив ее в 1841 г. Успенский действует в духе часто повторявшегося Бенкендорфом требования к жандармам: "открывает и изобличает виновного"⁷².

Донос Успенского был отправлен⁷³ в Петербург, куда 6 декабря 1840 г. выехал В.Я. Руперт⁷⁴. Руперт поспешил доставить его Бенкендорфу, а тот доложил царю. Последовало высочайшее распоряжение о внезапном обыске у Лунина, о его аресте и отправке в Нерчинск и о проведении "строжайшего исследования" об обстоятельствах сочинения, переписки и распространения "преступной записки"⁷⁵. Оно было спущено по инстанциям от Бенкендорфа к Руперту, от того — к исполнявшему обязанности генерал-губернатора енисейскому губернатору В.И. Копылову и, наконец, вновь к Успенскому, которому и поручено было провести обыск, арест и следствие.

После обыска и ареста, Успенский немедленно приступил к "решительным и быстрым розыскам"⁷⁶ и сумел выявить нескольких переписчиков еще ряда сочинений Лунина ("Разбор Донесения тайной Следственной комиссии", "Письма из Сибири", "Розыск исторический"). Но, как отмечали С.Б. Окунь, Н.Я. Эйдельман и Т.А. Перцева, дело было иркутскими и петербургскими властями свернуто. "Копылов и Руперт боялись, как бы не открылось слишком много", Бенкендорф был «тоже не склонен дать делу слишком большого хода: ведь "Письма из Сибири" все-таки прошли через его цензуру». В результате никто из привлеченных к делу, кроме, разумеется, самого Лунина, не был наказан. Муравьевых, Волконских, Вольфа даже не допрашивали⁷⁶. Успенскому дали Станислава 3-ей степени. Лунин погиб в Акатуе.

В этой истории обращает на себя внимание пассивность Руперта. Он шел на поводу у Успенского и был, по сути, лишь передаточным звеном между ним и Бенкен-

дорфом. С.П. Трубецкой даже утверждал, что Руперт "стыдился несколько своего поступка с Луниным и старался отвлечь от себя нарекания в подлости своего поступка, рассказывая, что он будто бы не мог скрыть доноса Успенского и что Николай Павлович сначала дал повеление расстрелять Лунина, но что будто бы он (Руперт) представил тогда государю, что Лунин помешан в уме, и тем спас его от казни"⁷⁷. Другие свидетельства, подтверждающие рассказ С.П. Трубецкого, неизвестны.

Для судьбы Руперта, возможно, еще более важным оказалось то обстоятельство, что от дела были отстранены или, во всяком случае, в нем не принимали активного участия сибирские жандармы и их глава генерал Фалькенберг. Нелегальная деятельность государственного преступника, оказавшаяся тайной для всей жандармов, была раскрыта чиновником генерал-губернатора Успенским, ему же было поручено вести следствие. Даже арест Лунина производил не иркутский жандармский штаб-офицер, выехавший в это время из города, а начальник жандармской команды, с 1838 г. находившийся в непосредственном подчинении генерал-губернатора. Это был второй и, как можно предположить, решающий *casus belli*.

КОНФЛИКТ С ЖАНДАРМСКИМ ВЕДОМСТВОМ

В литературе не раз отмечалась важная роль жандармского ведомства в системе управления Российской империи⁷⁸. Взаимоотношения жандармов с сибирскими властями в 1820—1830-е гг. рассматриваются А.В. Ремневым, который совершенно справедливо утверждает, что "жандармские офицеры способствовали обнаружению целого ряда случаев вопиющих злоупотреблений и откровенного произвола, творимых сибирской администрацией"⁷⁹. Однако его вывод о слабой результативности жандармских донесений нуждается в существенной корректировке — в частности, и в связи с историей отставки В.Я. Руперта⁸⁰. Характер отношений Руперта с III отделением и жандармским корпусом, а также тесно связанная с ним история его отставки рассматриваются нами столь подробно потому, что они дают возмож-

ность показать положение генерал-губернатора во властных структурах, выявить реальные, хотя нередко и незримые факторы, влиявшие на это положение.

III отделение и выступавший в качестве его исполнительного органа жандармский корпус, выполнявшие функции общего контроля и надзора за государственным управлением, не только собирали информацию о состоянии администрации, но и прямо вмешивались в ее деятельность⁸¹. Уже в "Записке о необходимости преобразования управлений Сибири", представленной в 1839 г. начальником Сибирского жандармского округа Фалькенбергом⁸², подвергалось критике генерал-губернаторское управление Западной и Восточной Сибирью и предлагалось объединить Сибирь под властью одного лица, но имя Руперта не упоминалось. Первые критические замечания персонально в адрес генерал-губернатора Н.Я. Фалькенберг позволил себе в записке о состоянии Восточной Сибири от 4 ноября 1840 г., адресованной Бенкендорфу. По мере разрастания конфликта обвинений становилось все больше, а суть их — все серьезнее. В отчете за тот же год Фалькенберг утверждал, что на деле "положение этого края по всем частям весьма незавидное, везде беспорядки, недоразумения и неустройство. Генерал-губернатор Руперт необыкновенно слаб"⁸³. Суть обвинений заключалась в следующем: получил чрезмерные полномочия чиновник особых поручений К.Я. Дараган, были допущены злоупотребления при закупке и перевозке хлеба в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях, брал взятки иркутский губернатор Пятницкий, он же оказывал покровительство тайше хоринских бурят Дымбылову, который "до чрезмерности утесняет" своих сородичей.

С отчетом был ознакомлен находившийся в Петербурге генерал-губернатор. Подробный и многостраничный ответ Руперта от 30 апреля 1841 г. сводился к тому, что генерал Фалькенберг есть "только орудие" в руках своих подчиненных, клеветующих на генерал-губернатора. В том же году Руперт представил Дубельту доклад о поступках титулярного советника Попова, служившего при Фалькенберге и являвшегося, по мнению генерал-губернатора, инициатором всей кампании⁸⁴. Последовало удаление Попова из Красноярска, о чем Бенкендорф специально уведомил Руперта, что тот счел знаком "милостивого внимания" со стороны шефа жандармов. Обстоятельно от-

ветив на каждое обвинение, Руперт напомнил о своем статусе "главного местного начальника", отвечающего за вверенный ему край, и протестовал против вмешательства подчиненных своего хулигателя — т.е. жандармов Сибирского округа.

Очевидно, это был ошибочный шаг. Фалькенберг сделал ответный ход — 23 марта 1842 г. обратился с доверительным, хотя и официальным письмом к начальнику штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельту. Одна фраза в письме весьма недвусмысленно указывает на дополнительную возможную причину конфликта двух генералов: "Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Руперт, осыпанный милостями Государя в последнюю поездку в Санкт-Петербург, казалось бы, должен теперь обратить особое внимание свое на допущенные беспорядки во вверенном ему Крае"⁸⁵. Письмо послужило толчком к появлению в III отделении особого дела "О неблагоприятных сведениях насчет генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Руперта". Под "милостями", очевидно, имелось в виду награждение Руперта в 1841 г. орденом Белого Орла. На ту же награду явно намекал Н.Я. Фалькенберг в поданной им Бенкендорфу в 1843 г. записке "О состоянии управлений в губерниях 8-го округа корпуса жандармов с предположениями перемен для улучшения". Среди возможных прегрешений "главных начальников" названо и такое: "получать значительное казенное содержание, поправлять им расстроенное имение, платить долги, быть самовластным в этой отдаленности и, не заботясь ни об чем, за одно свое пребывание в Сибири получать еще особенные награды и пользоваться незаслуженными милостями Государя Императора, — особенно при поездках в С.-Петербург, когда они все части, состоящие под их начальством, выставляют на бумаге в самом цветущем состоянии, зная, что проверка на деле, в такой отдаленности, слишком трудна"⁸⁶.

К прежним обвинениям добавились новые. В том, что Руперт строит для себя "огромный, можно сказать, великолепный загородный дом" с флигелями, оранжереями и чуть ли не с фонтанами в саду, — и все это бесплатно, силами рабочих ремесленного дома, из леса, свозимого и чуть ли не похищаемого крестьянами по требованию полицмейстера. В том, что генерал Руперт имеет свои тайные золотые прииски. В том, что Руперт подписывает

важные бумаги, не читая их. И даже в том, что в городе ходят самые дурные слухи о семейной жизни генерала Руперта. В конце доклада Фалькенберг жаловался Дубельту на то, что Руперт разгласил содержание секретного жандармского отчета и это "подало новый способ его подчиненным без страха продолжать злоупотребления"⁸⁷.

На письме Фалькенберга Дубельт сделал помету: "Дело это важное и весьма важное, полагал бы послать туда доверенное лицо узнать" и заготовил отношение министру внутренних дел от имени шефа корпуса жандармов, в котором признавал сведения Фалькенберга "заслуживающими особенного уважения"⁸⁸. Но Бенкендорф не сразу согласился "отдать" бывшего подчиненного. Фалькенбергу было сообщено, что по докладу генерала Дубельта об обвинениях в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири "граф Александр Христофорович усмотрел, что... подозрения основаны большею частию на расказах и общих слухах", а столь важное обвинение должно быть основано на "неоспоримых фактах"⁸⁹.

Запрос, на имя Фалькенберга с требованием привести неоспоримые факты был отправлен 1 мая 1842 г., но еще не получив его, начальник Сибирского жандармского округа 4 мая отправил специальную записку "О злоупотреблениях в Восточной Сибири", содержащую новые порочащие Руперта сведения. Теперь он обвинялся в попустительстве якутскому областному начальнику (эту должность занимал тогда И.Д. Рудаков) и иркутскому губернатору А.В. Пятницкому, которым, в свою очередь, вменялись в вину злоупотребления при закупках хлеба в Иркутской губернии для Якутской области и его перевозке. Жандармский генерал явно плохо ориентировался в сибирских реалиях — он утверждал, будто "в Якутске хлеб родится хорошо, а в Вилюйске часто бывает урожай сам-сорок"(!) и поэтому с усилением там хлебопашества значительные расходы на снабжение Якутской области хлебом могли бы прекратиться, но об этом не только не заботятся, но и препятствуют отводу земель для хлебопашества"⁹⁰. Вновь повторялись обвинения во взяточничестве в адрес покровительствуемого генерал-губернатором чиновника особых поручений Дарагана и утверждалось, что родственник губернатора Пятницкого советник Главного управления Сельский позволяет себе именем Пятницкого и Руперта "разные поступки, извлекая из оных свою пользу"⁹¹.

В злоупотреблениях обвинялись не только подчиненные Руперта, но и он сам. Фалькенберг сообщал о составлении фиктивной сметы на ремонт генерал-губернаторского дома на 17 тыс. руб. ассигнациями при фактических расходах менее 1 тыс. За эту операцию проделавший ее иркутский архитектор Суторгин якобы получил 1 тыс. рублей⁹². В заключение Фалькенберг позволил себе вывод: "главные начальники одного края заботятся только о своих выгодах и... если оставить его еще в настоящем положении, то весьма могут быть дурные последствия"⁹³. Годом позже Фалькенберг отправил новый донос, опять-таки с обвинениями в корыстных злоупотреблениях самого генерал-губернатора. На сей раз Руперт обвинялся в том, что заказав для своего "загородного дома и сада множество разных чугунных вещей... утвердил цены на чугун вдвое ниже против прежних лет"⁹⁴, дабы меньше заплатить за свой заказ⁹⁵.

Получив от шефа жандармов требование предоставления "неоспоримых фактов", Фалькенберг 1 июня 1842 г. отправил новый рапорт. Отвечая на упрек в недоказанности обвинений, он напоминал в нем об обязанности "лиц сего корпуса не... упускать без внимания ни одного слуха" и объяснял, что жандармы, "ограниченные в своих действиях одним наблюдением, редко могут доставать неоспоримые факты, могущие только извлекаться из одних дел письменных внимательным расследованием и поверкою на месте"⁹⁶. По сути же обвинения повторяли то, что уже было высказано в записке "О злоупотреблениях в Восточной Сибири". Главным из них оставалось потворство злоупотреблениям подчиненных.

СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОРПУСА. ОТНОШЕНИЯ С ПОДЧИНЕННЫМИ

Кадровая политика была важнейшим направлением деятельности генерал-губернатора, как и любого крупного администратора. Хотя в значительной — и очень значительной — степени назначение высших лиц провинциальных органов управления зависело от министров, но и генерал-губернатор имел реальную возможность влиять на кадровый состав административного корпуса.

Главную роль играл, конечно, высший слой местной администрации. При определении и анализе его состава можно руководствоваться, как это обычно и делается, формальными или официальными критериями, ведущими из которых признаются чин и должность. Традиционно в группу высшего чиновничества включаются лица с чином не ниже V класса (статский советник), и лица, занимавшие высшие должности в служебной иерархии. (Должности, как и чины, были расписаны по тем же 14 классам.) Формальным основанием для причисления тех или иных должностей к высшим служит "Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V-го включительно"⁹⁶. В губернской администрации высшие должности занимали губернаторы, вице-губернаторы и председатели палат, как это не раз указывалось в литературе⁹⁷.

Таким образом, в состав высшего слоя администрации Восточной Сибири должны быть включены губернаторы и вице-губернаторы, председатели губернских правлений (старшие советники областных правлений), казенных палат и судов, члены Совета Главного управления Восточной Сибири, управляющий горным отделением, начальник Якутской области (до 1851 г., когда стали назначаться якутские губернаторы), кяхтинский градоначальник (с 1851 г.), управляющие комиссариатскими и провиантскими комиссиями Военного министерства (обер-провиантмейстеры), глава Нерчинского горного округа, окружной почт-инспектор (начальник Сибирского почтового округа)⁹⁸. Губернские жандармские штаб-офицеры, даже если класс этой должности и может быть условно отнесен к V (на основании приложения к ст. 383 "Устава о службе гражданской", в котором управление губернского штаб-офицера корпуса жандармов включено в "Список мест, кои могут быть сравнены с губернскими"), явно не входили по формальным признакам в состав губернской администрации. Это следовало из особого места спецслужб в структуре органов власти: жандармы не подчинялись местным властям.

При Руперте (по состоянию на 1845 г.) в Восточной Сибири высокий чин имели 18 чел. и 19 чел. занимали высокие должности⁹⁹. Всего в высший слой входило 25 чел. При этом для 44 % было характерно соответствие классов чина и должности, у 24 % класс чина был выше класса должности, а у 32 % — ниже. Соответствие классов чина и должности обычно обозначало либо неспешное

и равномерное продвижение в карьере, либо достижение ее середины. Превышение чина над классом занимаемой должности означало, что человек или завершает свою службу (и поэтому за выслугу лет получает высший для его должности чин), или достиг ее пика. Состояние же, когда чин был ниже класса занимаемой должности, было характерно для удачно складывавшейся карьеры, когда молодой человек, еще не выслуживший срока, необходимого для производства в очередной чин даже "за отличие", уже назначался на сравнительно высокую должность.

Доля военных в верхушке сибирской администрации была несколько меньше, чем в последующие годы: по военному ведомству числилось 16,7 % чиновников, правда, карьера 41,7 % лиц была так или иначе связана с армией. Доля военных была также ниже, чем в конце XVIII — начале XIX в.: по данным Г.Ф. Быкони, в 1783 г. среди всего классного чиновничества (т.е. имевшего чин) "доля офицеров, непосредственно вышедших из частей или вскоре после отставки попавших на гражданскую службу в Иркутское наместничество", составляла 62,7 %¹⁰¹. Почти столько же, как в прошлом и в последующем, было дворян: в 1845 г. — 52,4 % лиц из всего состава высшей администрации (в 1799 г. дворяне составляли около 51 % чиновников VIII класса — высшего тогда для Иркутской губернии, в 1810 г. к дворянству принадлежало 50 % чиновников VII и VIII классов Приенисейского края¹⁰²). Помещиками являлось 20,8 % чиновников этой категории, а 79,2 % либо не владели недвижимостью, либо были только домовладельцами. Около половины (45,4 %) высокопоставленных лиц имело высшее или среднее образование, 75 % находилось в возрасте от 41 до 60 лет (средний возраст равнялся 47 годам). Преобладали опытные администраторы: более 11 лет прослужило по одному и тому же или близкому ведомству 88 %, менее 5 лет — только 8 %. Более 96 % было православных, около 4 % — лютеран (сведения о национальности в официальных документах, как известно, не фиксировались).

Таковы основные характеристики высшего слоя восточносибирской администрации, выделенного в соответствии с официальными критериями стратификации. Если же принимать во внимание не официальные критерии, а реальное участие в административной деятельности, оценки тех или иных должностей в общественном мнении

и возможности у занимавших эти должности влиять на других деятелей администрации и на осуществление функций самой администрации, то состав административного корпуса должен быть уточнен. Из высшего слоя нужно исключить прежде всего попавших в него только благодаря личному высокому чину председателей врачебных управ, губернских почтмейстеров, директоров гимназий, губернских прокуроров и советников губернских присутственных мест, должности которых официально не принадлежали к высшему рангу, а реальная роль в управлении была сравнительно невелика. Исключаются и имевшие высокий ранг окружные почт-инспекторы, не принимавшие заметного участия в управлении.

Особо следует рассмотреть вопрос о членах Совета Главного управления Восточной Сибири. По закону высшим органом в крае было Главное управление, состоявшее из генерал-губернатора и Совета. Три члена Совета были представителями министерств (внутренних дел, финансов и юстиции) и назначались по рекомендации министров. Еще*трое возглавляли отделения Главного управления (иногда их называли членами-делопроизводителями) и назначались по рекомендации генерал-губернаторов. Официально в расписании должностей гражданской службы по классам должность советника была отнесена к V классу, наравне с должностями председателей губернского правления, суда и казенной палаты¹⁰³. Предположение Сперанского о возможном появлении в лице Советов Главных управлений неких коллегиальных органов, если не ограничивающих, то хотя бы смягчающих всеилие генерал-губернаторов, было сведено на нет лишением Советов исполнительной власти — от генерал-губернатора зависело "принять или не принять его мнение". Как считал В.В. Ивановский, основываясь на соответствующей статье закона, Советы все же до известной степени ограничивали власть генерал-губернаторов¹⁰⁴. В книге А.В. Ремнева роль Советов и всех его членов оценивается как ничтожная¹⁰⁵. Более точным нам представляется утверждение С.М. Прутченко: "От усмотрения генерал-губернатора зависело расширить или сузить рамки деятельности Совета, принять решение в соответствии с мнением большинства или иное"¹⁰⁶. Но, по наблюдениям С.М. Прутченко, особое мнение случалось подавать только тем трем членам Советов, которые назначались по представлениям министров, и никогда — тем, кто был

назначен по представлению генерал-губернатора. Высокопоставленные и хорошо информированные современники — такие, как Н.Я. Фалькенберг и С.Б. Броневский — напротив, дают отрицательные характеристики именно членам Советов от министерств. Фалькенберг в "Записке о необходимости преобразования управлений в Сибири" писал, что "советники... назначаемые от министерств, были и есть большею частию люди малознающие и малоспособные, а потому они подписывают только журналы, составленные советниками-делопроизводителями"¹⁰⁷. В другом документе он, характеризуя этих чиновников, утверждал, что "круг действий их состоит только в небольших совещаниях"¹⁰⁸. Броневский также отмечал, что "советники от министерств... люди престарелые, очень сговорчивые и, кажется, помещены только для пенсионера"¹⁰⁹. Но остаются управляющие отделениями Главного управления Восточной Сибири. Вполне разделяя мнение большинства исследователей о возрастающей зависимости Советов от генерал-губернаторов и превращении их в канцелярии последних, мы считаем все же возможным включать членов Совета — руководителей отделений в состав высшего слоя местной администрации.

Последние включаются в этот слой отнюдь не как члены высшего совещательного органа, а именно как руководители канцелярии и ближайшие в этом качестве сотрудники главного местного начальника. О реальном значении лиц, занимавших такие должности, свидетельствовали В.И. Вагин и Я.С. Скропышев¹¹⁰. В уже цитировавшемся донесении генерала Фалькснберга о начальниках отделений Главного управления Сукачеве, Библине и Тюменцеве сказано, что они "состоят в тесной связи с губернским секретарем Дараганом (чиновник особых поручений. — *Н.М.*) и все вместе единодушно и единогласно направляют дела пред своим начальником"¹¹¹. На том же основании — близость к высшему местному начальству и возможность влиять на его решения — в высший слой должны быть включены чиновники особых поручений, адъютанты и офицеры для поручений при генерал-губернаторе. В нем остаются также губернаторы, бригадный командир Иркутского и Енисейского конных казачьих полков, горные начальники (до подчинения местных органов горного ведомства генерал-губернатору), жандармские губернские штаб-офицеры (не входя формально в состав местной администрации,

они, безусловно, занимали важное в нем место и играли заметную роль), председатели губернских правлений, казенных палат и губернских судов.

Основанием для включения занимающего соответствующую должность в данную группу является предоставляемая законом возможность этому лицу придерживаться сколько-нибудь самостоятельной позиции при решении серьезных административных вопросов. Важно также и наличие исторического прецедента, когда занимающий данную должность человек пытался в чем-либо противостоять "хозяину губернии" или "главному местному начальнику", опираясь на свои законные права и полномочия. При этом для нас важен не сам факт противостояния, а доказываемый им действительный (не формальный) ранг должности.

При таком подходе неофициальная административная верхушка при Руперте составляла 27 чел., из которых только 40 % имели высокий (не ниже V) чин, у 60 % чин был ниже должности, 37 % числилось по военному ведомству (включая корпус жандармов) и у 62,9 % карьера была так или иначе связана с армией. Дворян было 60,8 %, помещиков — меньше трети (3,4 %). Почти половина (43,5 %) деятелей администрации была моложе 40 лет, более половины их (55 %) имели высшее или среднее образование, подавляющее большинство (77, 2%) прослужило более 10 лет.

В следующих главах мы проследим изменения в административном корпусе при других генерал-губернаторах. Сейчас же заметим, что фактическая верхушка отличалась от формальной: в ней вдвое больше военных, меньше людей в высоких чинах, несколько больше дворян, значительно больше помещиков и молодых людей.

Нами был предпринят анализ состава административного корпуса Восточной Сибири середины XIX в. еще с одной позиции — культурно-нормативной стратификации. "Здесь дифференциация, — как отмечают современные социологи, — построена на различиях уважения и престижа, возникающих из сравнения образа жизни и норм поведения, которым следует данный человек или группа"¹¹². В основе социального деления при данном подходе лежат такие критерии, как нормы поведения, стиль жизни, манеры общения и этикет, особый язык. Причем происходит не только разграничение на "своих" и "чужих", но и ранжирование групп¹¹³.

Социокультурные группы объединяли людей, которые могли быть лично не близки и даже не знакомы, но придерживались одной системы норм и ценностей. В быту и в художественной литературе они назывались людьми одного круга. Принадлежность к одной социокультурной группе предполагает одинаковые или близкие социальный статус, происхождение, имущественное положение, образовательный и культурный уровень, типологию досуга, определенный стиль жизни и поведенческую модель.

Социокультурные группы существовали, как можно заметить, на пересечении нескольких линий, разделявших административный корпус. Это деление на приезжих — местных; дворян — не дворян (разночинцев); военных — штатских; образованных — необразованных; пользовавшихся льготами и протекцией — начинающих с нижних ступеней канцелярской лестницы и прошедших все их, не пропуская.

Традиционным для Сибири (и не только для нее) было деление на приезжих из Европейской России, с более высоким сословно-социальным статусом, и местных — они ниже по происхождению, менее обеспечены материально, пользовались обычно меньшим доверием начальства и имели более слабые связи с центром, но сильны были своими родственными и иными связями с местным населением, главным образом — с его верхушкой. О подобном делении применительно к XVII в. писали В.А. Александров и Н.Н. Покровский: "Обычно новый воевода отправлялся из Москвы, особенно в крупный город, не один, а с свитой своих будущих помощников (дьяки и письменные головы)".⁴¹⁴ В то же время, по замечанию и этих авторов, и Н.Ф. Демидовой, пополнение приказной группы в Сибири происходило в основном за счет включения в нее выходцев из различных слоев местного русского населения.¹¹⁵ По данным Г.Ф. Быкони, в группе чиновников VIII класса и выше, служивших в Иркутской губернии в 1799 г., сибиряки составляли 11,8 %. При этом среди них не было ни одного губернатора, вице-губернатора, председателя и даже советника палат.¹¹⁶ В начале XIX в., как говорится в книге Г.Ф. Быкони, "командные должности от генерал-губернаторов до руководителей основных губернских учреждений по-прежнему доверялись, как правило, присланным из центра дворянам-чиновникам".¹¹⁷

Уроженцы Сибири и в середине XIX в. довольно редко достигали высших ступеней иерархической лестницы, наполняя главным образом ее низшие и, частично, средние этажи. При Руперте уроженцами Сибири были председатель губернского правления, начальник отделения Главного управления, начальник горного округа и адъютант генерал-губернатора — всего 4 из 25 чел. Все остальные, т.е. огромное большинство высокопоставленных чиновников и офицеров, либо приезжали вместе с очередным генерал-губернатором, либо выдвигались им же из ранее приехавших, либо присылались петербургскими властями уже в сравнительно высоких чинах и на значительные должности. Такие должности не доставались местным уроженцам даже с большим опытом и стажем. Порой это было обусловлено вполне законными причинами: более высоким уровнем образования приезжих, их более высоким сословным статусом. Но по мере развития самосознания сибиряков подобная ситуация все острее воспринималась как явная несправедливость. Не случайно современники с особым удовлетворением отмечали успехи местных уроженцев в карьере.

Одним из приезжих рупертовского времени, сумевших остаться на службе и при Муравьеве, несмотря на близость к прежнему генерал-губернатору, был уже упоминавшийся П.Н. Успенский. Не будучи ни дворянином, ни выпускником привилегированного учебного заведения, он получил высшее образование в Духовной академии, а практический опыт службы — в жандармском ведомстве. Подобное прошлое (за исключением последнего обстоятельства) было характерно и для многих других приезжих — разночинцев, окончивших гимназии, семинарии, Главный педагогический институт, Московский и Казанский университеты. Такие люди быстрее и легче сходились с местным обществом и местными чиновниками.

После нескольких лет пребывания в крае многие прежние "чужие" становились "своими", сливались с местной элитой, чему обычно способствовали распространенные в XIX в. браки дворян-чиновников с дочерьми богатых сибирских купцов и золотопромышленников. При Руперте подобное произошло с ближайшим к нему чиновником особых поручений К.Я. Дараганом, который женился на дочери красноярского 1-й гильдии купца и золотопромышленника И.К. Кузнецова, и с адъютантом

генерал-губернатора Я.С. Безносовых, жена которого была дочерью золотопромышленника Н.Ф. Мясникова.

Еще одно важное деление — на начинающих с нижних ступеней канцелярской лестницы, прошедших все их, не пропуская, и тех, кто пользовался льготами и протекцией. Такое деление было связано с огромным значением канцелярской деятельности в функционировании системы управления.

В.И. Вагин в конце XIX в. называл профессионалов канцелярского дела "дельцами прежнего времени". В этой характеристике содержалось и указание на главное содержание их деятельности, так как понятие "делец" в середине XIX в. имело совершенно определенный и отличный от современного смысл, о чем говорит и приводимое Л.Ф. Писарьковой типичное восклицание одного из мемуаристов: "О, это был умница, дельец! Бывало, от любой министерской бумаги сумеет отписаться"¹¹⁸. Чиновников подобного типа — канцелярских дельцов и умельцев — было во все времена немало.

При В.Я. Руперте и Н.Н. Муравьеве таким "дельцом" был начальник отделения Главного управления Восточной Сибири Николай Егорович Тюменцев. Сын казачьего сотника (по другим сведениям — простого казака), он начал свою канцелярскую карьеру с низшей должности копииста палаты Иркутского гражданского суда, через год стал писцом и лишь через шесть лет службы получил первый классный чин коллежского регистратора¹¹⁹. Иркутскую гимназию он окончил, уже служа в губернской канцелярии. Тюменцев был чиновником особых поручений и одним из самых близких к иркутскому губернатору начала века Н.И. Трескину людей. При Руперте Тюменцев пользовался большим влиянием¹²⁰, в его ведении как начальника хозяйственного отделения Главного управления находились дела о производстве торгов на казенные подряды, об управлении питейными сборами и отношениями с откупом, о чайной торговле, закупе хлеба для казенных нужд и тому подобные экономические вопросы. Влияние Тюменцева при Руперте основывалось на хорошем знании канцелярского дела, "быстром, находчивом уме", "энергической деятельности", твердом характере¹²¹. При Руперте и при Муравьеве он был членом Совета ГУВСа, начальником его III (хозяйственного) отделения. Первым из уроженцев Восточной Сибири Тюменцев достиг "генеральского" чина действительного стат-

ского советника, что особо отмечала "Иркутская летопись"¹²².

Похожую карьеру сделал другой член Совета Главного управления, Иван Михайлович Осипов. Он был потомственным чиновником ("из приказного звания"), не имея образования, начинал тоже с копииста, но не в Иркутске, а в Симбирской губернии, знаменательный чин коллежского регистратора получил через восемь лет, далее неторопливо продвигался от одного чина к другому, а с переходом на службу в Восточную Сибирь сумел достичь чина коллежского асессора. В Сибири Осипов последовательно занимал должности журналиста канцелярии Енисейского общего губернского управления, Красноярского земского исправника, советника Енисейского губернского суда, товарища председателя этого суда и, наконец, в 1839 г. стал членом Совета Главного управления. В отличие от Тюменцева, он не окончил гимназии, не был чиновником особых поручений и не возглавлял какого-либо отделения Главного управления¹²³. В Совете он представлял Министерство юстиции и как член Совета играл не очень большую роль в управлении. Настоящим делом жизни Осипова стало заведование хозяйственной частью Девичьего института Восточной Сибири — эту обязанность он исполнял безвозмездно с основания Института в 1845 г. и до своей смерти в 1867 г., и в этом качестве оставил "по себе память как о человеке безусловно честном, не запятнавшем себя на всем протяжении своей долгой и полезной для края службы никакими корыстными действиями. В Сибири в его время и при его влиятельном положении это было редким явлением" — замечал автор истории Института¹²⁴. Хотя Осипов и не был уроженцем Сибири, он стал своим в местном обществе, чему немало способствовал и его приезд не в свите важного начальника.

Вообще "дельцов" среди приезжих оказывалось немало. Как правило, это были люди, не получившие серьезного образования, а выучившиеся всему в канцеляриях, — обычно они начинали с низших должностей копиистов и подканцеляристов, имели опыт службы и в канцеляриях столичных департаментов, и в присутственных местах губернского уровня.

Жизненный путь, привычки, нормы поведения подобных людей, разумеется, не совпадали, но многие из них типичны для группы в целом. Хорошо знавший Тюменцева Вагин отмечал, что этот чиновник прекрасно разбирался

в делопроизводстве, не имел себе равных в знании всех канцелярских хитростей, блестяще владел тем специфическим языком, на котором писались официальные доклады и отчеты. Об Осипове жандармы регулярно доносили, что этот чиновник "знает свою обязанность весьма хорошо"¹²⁵, приносит "действительную пользу службе"¹²⁶.

Своеобразным стержнем, коренной общей отличительной чертой чиновников подобного типа — "дельцов" — оставались низкое происхождение, сравнительно невысокий образовательный и культурный уровень, долгое и последовательное продвижение по всем (начиная с нижней) ступеням иерархической лестницы, сугубо канцелярски-бюрократическое содержание и соответствующий стиль профессиональной деятельности. Характерные для них нравственные ориентиры и культурно-бытовые нормы соответствовали традициям чиновничьей среды. По замечанию Д.И. Завалишина, Тюменцев откровенно признавал, что и при Муравьеве продолжает брать с откупа. Родственник и ближайший помощник Муравьева М.С. Корсаков на вопрос Завалишина, почему борющийся с коррупцией генерал-губернатор не сменил его, отвечал: "Да вот видите ли, он человек нужный, он один в Главном управлении знает, как следует писать бумаги, особенно к высшим лицам и учреждениям"¹²⁷. Важен не сам по себе факт взяточничества, а признание его нормальным и естественным. Характерно, что подозрение во взяточничестве, павшее при Н.Н. Муравьеве на одного из его приближенных из другой социокультурной группы, вызвало настоящий скандал.

Деление по принципу "канцелярские дельцы — привилегированные" близко к делению на "не получивших образования — образованных", но не совпадает с ним. Среди канцелярских дельцов были и образованные, и чиновники без всякого образования, выслужившиеся из канцеляристов, как и среди тех, кто получил среднее и высшее образование, встречались приверженцы и любители канцелярского дела и пренебрегавшие этой стороной службы. Со временем неизбежно менялось само содержание понятия "образованные" применительно к деятелям администрации. Для начинавших свою служебную деятельность в начале и даже в первой половине XIX в. среднего образования (гимназия, семинария, кадетский корпус, не говоря уже о Пажеском) было достаточно для зачисления в разряд образованных. Это положение сохра-

нялось и позже по отношению к людям, уже достигшим солидных чинов и должностей.

Одним из наиболее образованных чиновников в дореформенной Сибири был ученый-любитель, дилетант в лучшем, старом смысле этого слова, Илларион Сергеевич Сельский. Он один из немногих чиновников рупертовского времени имел университетское образование, был "правителем дел Сибирского отдела ИРГО и действительным членом ВЭО, Общества сельского хозяйства, Российского общества любителей садоводства и других ученых обществ"¹²⁸. Купеческий сын, Сельский в 1831 г. окончил Московский университет и после двух лет службы в канцелярии Министерства финансов перешел в Восточную Сибирь, где также служил по финансовой части¹²⁹. В 1839 г. Сельский стал членом Совета Главного управления от Министерства финансов и формально оставался в этой должности до конца дней. В Иркутске у Сельского был свой сад, он серьезно увлекался ботаникой и, как сообщалось в некрологе, "высылал семена, корни и луковицы сибирских растений, интересовавших ботаников, садоводов и сельских хозяев"¹³⁰.

Еще более страстным было увлечение И.С. Сельского историей Сибири. Его отличал особый вкус и интерес к архивным разысканиям. Еще в 1836 г., будучи по служебным делам в Нерчинске, он "между служебными занятиями" разбирал нерчинский архив¹³¹ позже стал автором нескольких сочинений по истории¹³². Эти труды относятся уже к периоду управления Муравьева, который использовал исторические познания и увлечения этого чиновника, — переменяв характер его профессиональной деятельности, назначил заведовать делами Архива ГУВСа. При Руперте же репутации Сельского был нанесен серьезный урон. Как доносил начальник 8-го округа корпуса жандармов генерал Фалькенберг, Сельский, "будучи родственником гражданского губернатора, вкрался к генерал-губернатору"¹³³. В жандармском донесении 1842 г. приводились порочащие Сельского факты: он-де "имел под чужим именем лавку в городе и держал до 10 торгов, которые разносили по городу камни, приобретаемые им непозволительными средствами"¹³⁴. Несколько раз в доносе подчеркивалось корыстолюбие Сельского, утверждалось, что он "вообще к приобретению денег готов на всякие низости"¹³⁵. Трудно сказать, насколько эти обвинения были обоснованны и справедливы. Во всяком

случае, они не повредили карьере Сельского: Муравьев, обычно не склонный щадить проштрафившихся любимцев прежнего генерал-губернатора, оставил его в должности. Не исключено, что снисходительное отношение к Сельскому было обусловлено и его контактами с декабристами Бестужевыми, С.П. Трубецким, А.В. Поджио и другими (что заставляет усомниться в справедливости жандармских обвинений), а также и намерением Муравьева использовать обширные познания этого чиновника, особенно в географии и истории Сибири.

На нравы высокопоставленных чиновников заметно влияла позиция генерал-губернатора. Многие обвинения жандармов, а позже — и сенаторской ревизии — сводились к попустительству генерал-губернатора незаконным действиям чиновников. О доброте Руперта по отношению к подчиненным вспоминали многие современники, указывавшие и на любовь к нему подчиненных. Л.Ф. Львов писал о нем: "Руперт был человек очень добрый, не отличавшийся особенным умом, но весьма любимый в крае"¹³⁶.

Для особой любви к своему начальнику у чиновников были некоторые основания. В отчете за семь лет своего управления чуть ли не в числе первых и основных своих достижений Руперт перечислил меры, принятые им самим, либо по его ходатайству, для улучшения положения служащих в разных присутственных местах. Он просил, — правда, безуспешно, — о новых штатах (т.е. новых окладах), особых правах и преимуществах чиновникам за службу в здешнем крае, о введении добавочного 30-копеечного земского сбора для улучшения их содержания¹³⁷. В отчете за 1845 г. в решительной, даже несколько дерзкой форме повторяется тезис о необходимости увеличения жалованья чиновникам. Руперт замечает, что "казна получает ежегодно податей с добываемого в Сибири золота более, чем 1 300 000 рублей серебром, — и что из этого источника удовлетворение прибавочного содержания для чиновников Восточной Сибири было бы тем справедливее, что главною причиною невыгодного их состояния есть развитие в здешнем крае золотопромышленности"¹³⁸. Примечательно, что это требование повторяется, несмотря на неоднократные отказы, и в условиях, когда ход сенаторской ревизии уже показал опасность ее для положения генерал-губернатора. Обращаясь к императору в отчете за семь лет, Руперт еще раз

повторяет, что "административная часть в Восточной Сибири, при всем усердии и рвении Высшего местного начальника, не может быть поставлена прочно на ту полную степень исправности, в коей желательно бы было видеть ее, доколе не воспоследует Всемилоостивейшее соизволение... на дарование особых новых преимуществ для гражданской службы по Восточной Сибири и на утверждение для управления ее общих штатов по проекту, представленному... в конце 1845 г."¹³⁹.

О распушенности чиновников, служивших при Руперте, писал В.И. Вагин. При общем довольно доброжелательном тоне воспоминаний о Руперте он констатировал, что в его управление "злоупотребления действительно увеличились, потому что и поводов к ним было больше прежнего", а "взяточничество чиновников было почти всеобщее". Более того, говоря об обычае давать служебные командировки "только для наживы", Вагин прямо указывал, что и сам "Руперт старался давать своим чиновникам такие же случаи"¹⁴⁰.

Для более полного представления о генерал-губернаторе немалый интерес представляют сведения о людях, входивших в его ближайшее окружение. Как уже говорилось, современники называли любимцами Руперта К.Я. Дарагана и П.Н. Успенского. Личность и действия первого из них удостоились особого внимания в том самом жандармском донесении, которое положило начало роковому конфликту. Н.Я. Фалькенберг писал о Руперте: "Слабость его увеличилась до невероятной степени! Им управляют те же неблагонамеренные и ничтожные люди, каков мальчишка Дараган и другие"¹⁴¹.

К.Я. Дараган действительно был в то время еще молод (в 1837 г., при назначении в Восточную Сибирь, ему было 24 года), в небольших чинах (в 1837 — губернский секретарь, в 1848 — титулярный советник) и на самом деле был ближайшим сотрудником генерал-губернатора. При объезде последним Восточной Сибири в 1838 и 1839 гг. Дараган управлял его путевой канцелярией, по поручению генерал-губернатора писал его всеподданнейшие отчеты, в 1841 г. руководил закупкой хлеба в Енисейской губернии¹⁴². Сын небогатого полтавского помещика (напомним, что Полтавская губерния входила в жандармский округ, которым в 1834—1837 гг. управлял Руперт) он, не окончив учебного заведения, начал службу в 17 лет канцеляристом Департамента государствен-

ных имуществ Министерства финансов, через четыре года перешел в армию, но через год продолжил штатскую карьеру в Министерстве внутренних дел. В 1837 г. с места старшего помощника столоначальника в канцелярии министра был, по рекомендации Д.Н. Блудова, взят В.Я. Рупертом в чиновники особых поручений. Здесь он сумел проявить, по отзыву высокопоставленного начальника, "отличные способности, примерное усердие и истинное рвение к службе"¹⁴³. Уже упоминавшаяся женитьба на дочери богатого красноярского купца и золотопромышленника И.К. Кузнецова Анне Ивановне привела к его сближению с купеческим обществом.

Персональные обвинения в адрес Дарагана со стороны Н.Я. Фалькенберга, а затем и И.Н. Толстого были вызваны его близостью не только к генерал-губернатору, но и к кругу сибирских купцов и золотопромышленников. Центральные власти традиционно и не без оснований считали подобное сближение грозящим коррупцией и злоупотреблениями. Фалькенберг характеризовал Дарагана "отъявленным по всеобщей молве взяточником", считал покровительство ему порочащим генерал-губернатора фактом и утверждал, что именно через Дарагана "все решительно успевают в затруднительных случаях, заплатив без всяких околичностей наличными". В донесении указывалось, что подобным образом получили свои места иркутский полицмейстер Г.Е. Тюменцев и директор Тельминской казенной фабрики И.В. Бронниковский¹⁴⁴. Дараган до 1848 г. продолжал числиться среди чиновников особых поручений ГУВСа, но в это время он уже покинул Сибирь, а впоследствии вышел в отставку, жил в собственном доме в Москве и в своем подмосковном имении. Известны его дружеские отношения с декабристами, особенно с А.В. Поджио — после того, как родной племянник Поджио отказал в приюте вернувшемуся из Сибири старому декабристу, он на некоторое время поселился в подмосковном имении семьи Дараганов¹⁴⁵.

Иначе сложилась судьба другого чиновника особых поручений при Руперте — П.Н. Успенского. О его карьере до Сибири и о роли в деле Лунина уже упоминалось. После отставки Руперта Успенский остался в Сибири, но был переведен на формально более высокую должность советника Иркутского губернского правления. К 1854 г. он — сначала исправляющий должность, а затем и председатель этого ведомства. В 1857 г. Успенский вернулся в

ГУВС уже в чине статского советника и в высокой должности начальника отделения и члена Совета управления. После образования акцизных управлений он был назначен председателем питейно-акцизного управления Восточной Сибири. Таким образом, за 20 лет он поднялся по чиновной лестнице от X до V класса, что вполне соответствовало существовавшим нормам: лицам недворянского происхождения с высшим образованием для этого требовалось 20, а имевшим особые заслуги — 13 лет¹⁴⁶. Таким образом, гибель Лунина если и подтолкнула карьеру его погубителя, то на короткий период. К концу жизни он все же достиг генеральского ранга и умер около 1867 г. в чине действительного статского советника¹⁴⁷.

В круг ближайших помощников генерал-губернатора наряду с чиновниками особых поручений обычно входили и адъютанты. Адъютантом В.Я. Руперта и одним из близких к нему людей был К.К. Максимович. Как и Дараган, он был выходцем из Полтавской губернии. Дворянское происхождение Максимовича вызывало некоторые сомнения — во всяком случае, в формуляре значится: "признан в дворянстве по отношению бывшего начальника Главного штаба генерал-адъютанта графа Дибича к Его Высочеству Цесаревичу в 1824 г."¹⁴⁸. Имена ни за ним, ни за родителями не значилось. Службу начал в 1824 г. 17-летним унтер-офицером на правах вольноопределяющегося в Егерском полку. В 1834 г., поручиком лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, был назначен адъютантом к начальнику 5-го округа корпуса жандармов Руперту. Вместе с ним Максимович отправился в Восточную Сибирь и был старшим адъютантом генерал-губернатора до 1840 г., когда получил новое назначение — иркутским обер-провиантмейстером. В связи с ревизией и он подвергся нареканиям: его брату генерал-майору Максимовичу были с нарушением закона отведены казенные остатки золотого прииска¹⁴⁹. Сибирская служба К.К. Максимовича завершилась с отставкой его покровителя.

По мере того, как ухудшалось положение Руперта и неизбежность его отставки становилась все более очевидной, менялись его отношения с иркутским губернатором А.В. Пятницким. Фалькенберг называл последнего "главнейшим злоупотребителем в Восточной Сибири"¹⁵⁰, а попустительство по отношению к нему было одним из основных обвинений, предъявлявшихся Руперту. Но в результате ревизии одним из важнейших нарушений Ру-

перта уже оказались "оскорбления, оказываемые им в служебных сношениях с иркутским губернатором"¹⁵¹. Пятницкий даже обращался к министру внутренних дел с просьбой "оградить его от обид, несовместимых ни с его положением, ни с его службою, и делаемых ему генерал-лейтенантом Рупертом уже не в первый раз"¹⁵².

При обычном для его времени и положении покровительстве любимцам В.Я. Руперт не добивался для них необычных наград, выходящего из существовавших норм продвижения в чинах и должностях. Ни Дараган, ни Успенский, ни Максимович не сделали особо успешной карьеры. Родственники генерал-губернатора — его зятя А.И. Арсеньев и В.К. Падалка — также не были обязаны ему своим положением, хотя о последнем и говорили противоположное.

ДЕВИЧИЙ ИНСТИТУТ

Одним из важнейших для Сибири событий, произошедших во время генерал-губернаторства В. Я. Руперта, причем по его инициативе, было открытие в 1845 г. в Иркутске Девичьего института. В проекте устава, представленного генерал-губернатором в 1840 г. в Петербурге на высочайшее усмотрение, перед этим учебным заведением ставилась задача "дочерям благородных чиновников дать по возможности сообразное с их званием и состоянием образование"¹⁵³. Во всей Сибири к тому времени существовало только одно учебное заведение для девочек — учрежденный в 1838 г. Сиропитательный дом имени Елисаветы Медведниковой. Он был основан по завещанию иркутской купчихи Е.М. Медведниковой ее сыновьями и предназначен "для неимущих сирот женского пола"¹⁵⁴. Ближайшее учебное заведение для девиц благородного происхождения находилось в Казани, а отправление дочерей в институты было сопряжено для сибирского чиновничества с большими трудностями и расходами. Одним это было недоступно "по ограниченности состояния", другие не могли "решиться на отправление детей своих в младенческих летах в столь дальнюю дорогу", третьи были "столь нежны к детям своим, что никак не в состоянии расстаться с ними", ¹⁵⁵ писал Руперт в проекте устава Иркутского института. Вообще невоз-

можность дать детям образование нередко фигурировала в отчетах и записках генерал-губернаторов как одна из причин, затруднявших привлечение на службу в Сибирь добросовестных и компетентных чиновников.

Для характеристики взглядов генерал-губернатора и тех его подчиненных, кто готовил проект устава, немалый интерес представляют расхождения проекта и утвержденного текста. В отличие от предполагавшегося варианта, в институт было разрешено принимать дочерей не только дворян — служивших в Сибири чиновников и офицеров, но и купцов 1-й и 2-й гильдий, тайшей и шуленг¹⁵⁶. Именно это выделяло Иркутский институт среди подобных учреждений.

Весьма примечательны также действия генерал-губернатора при основании и строительстве института и возникавшие при этом коллизии. Институт был основан на частные пожертвования, "собранные стараниями генерала Руперта", причем львиная доля их (100 000 из общей суммы 133 100 руб. асе.) была внесена золотопромышленником П.В. Голубковым¹⁵⁷. Чем расплачивался с щедрым жертвователем генерал-губернатор, можно только догадываться. Строительство здания не было поручено по контракту кому-либо из подрядчиков, а осуществлялось "хозяйственным способом": землю под него "уступила" казна, отдав место под бывшим домом вице-губернатора, слом старого дома и расчистку места под строительство нового бесплатно произвели арестанты, устройством и разведением сада занимались ссыльные, специально для этого задержанные в Иркутске. Железные предметы были заказаны на казенном Петровском железоделательном заводе одновременно с решеткой, вазами и прочими украшениями для генерал-губернаторского дома¹⁵⁸. "Ближайшее наблюдение за постройкой зданий и все хозяйственные хлопоты по заготовке строительных материалов" были поручены члену Совета ГУВСа И.М. Осипову. "Его усердием" эти материалы были приобретены по ценам ниже заложенных в смете¹⁵⁹. Осипову также было поручено изучить устройство Московского Екатерининского института благородных девиц и "лучшие заведения сего рода" в Петербурге и, исходя из возможности "применения этого устройства к институту здешнему", приобрести нужные для него предметы. В выборе учебников и учебных пособий Осипов положился на мнение начальницы Московского Екатерининского института¹⁶⁰.

В. Я. Руперт не только формально числился председателем Совета Института. Как отмечается в "Историческом очерке деятельности Иркутского института", переписка Совета Института, его отчеты и ведомости испещрены собственноручными надписями и замечаниями генерала¹⁶¹, вникавшего во все мелочи жизни своего детища, к которому он был явно неравнодушен. Он часто посещал его, и "дети горячо привязались к любившему их основателю Института"¹⁶². При прощании с покидавшим Сибирь генерал-губернатором воспитанницы Института проявляли искреннее горе и сожаление¹⁶³.

Создание Института, задуманное в интересах служивших в Сибири чиновников и офицеров, стало серьезным вкладом в развитие просвещения и, может быть, лучшим, что было сделано Рупертом в Сибири.

ОТНОШЕНИЯ С ПЕТЕРБУРГОМ. РЕВИЗИЯ И ОТСТАВКА

Как уже отмечалось во введении, само положение генерал-губернатора в системе управления обуславливало, с одной стороны, важность отношений с министерствами и, с другой, неизбежность конфликтов с ними. На практике особое значение имели личное доверие монарха и личные связи в придворных и бюрократических кругах. У Руперта не было влиятельных родственников и знакомых в свете. И по происхождению, и по прежней службе он оставался в этих кругах чужаком.

Напомним, что с министром финансов Е.Ф. Канкриным у Руперта было столкновение в связи со строительством Кругобайкальской дороги, министру государственных имуществ П.Д. Киселеву он, хотя и пассивно, противодействовал в вопросе о реформе управления государственными крестьянами. Сибирские генерал-губернаторы оказали сопротивление министру юстиции, когда в 1841 г. В.Н. Панин пытался распространить на Сибирь действие общероссийского законодательства о прокуратуре и предоставить прокурорам и стряпчим право доносить о своих замечаниях непосредственно в Министерство, минуя Главные управления (т.е. тех же генерал-губернаторов). После длительных препирательств Государствен-

ный совет разрешил сибирским прокурорам доносить в Министерство в случае отклонения их замечаний Советами Главных управлений¹⁶⁴. Были у Руперта недоброжелатели и в жандармском ведомстве.

В первые годы генерал-губернаторства он мог рассчитывать на доверие царя и прежние связи в жандармском ведомстве. Утратив после лунинской истории поддержку Дубельта и Бенкендорфа, он оказался без всякой опоры. Об изменении отношения к нему бывшего шефа лучше всего свидетельствует направление сенатору И. Н. Толстому всех имевшихся в III отделении материалов о злоупотреблениях и беспорядках в Восточной Сибири, а также распоряжение¹⁶⁵ жандармам оказывать всемерное содействие ревизорам.

Осенью 1842 г. было принято самое неприятное и опасное для генерал-губернатора решение: назначить сенаторскую ревизию. Это грозило Руперту снятием с должности. Институт сенаторских ревизий в течение длительного времени служил важным инструментом в системе надзора за аппаратом управления. Вот как описывал существовавшую в середине XIX в. практику и ее восприятие современниками генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель: "Существует обыкновение посылать сенаторов для ревизии тех губерний, в которых административный механизм действует неправильно и откуда приходит много жалоб на превышения власти, совершаемые правительственными чиновниками. Сенаторы, на которых возлагаются такие ревизии, пользуются довольно широкими правами, и эти ревизии обыкновенно имеют последствием увольнение губернатора и чиновников, уличенных в злоупотреблениях"¹⁶⁶.

Решение о посылке в Восточную Сибирь именно сенаторской ревизии было принято по предложению министра внутренних дел Л.А. Перовского. А.В. Ремнев, опираясь на воспоминания С.Б. Броневского, называет поводом к ревизии разногласия Руперта с Перовским и интриги иркутского губернатора А.В. Пятницкого и его влиятельной петербургской родни¹⁶⁷. По сведениям В.И. Вагина, в Иркутске ревизию объясняли тем, что, находясь в Петербурге, "Руперт не сделал визита Перовскому, тогда еще не министру внутренних дел, и что Перовский, сделавшись министром, постарался отплатить ему за это ревизией"¹⁶⁸. По материалам, отложившимся в архиве III отделения, уже 9 июля 1842 г. Бенкендорф дал ход

прежней заготовке Дубельта и обратился к Перовскому с предложением направить в Восточную Сибирь доверенного человека для проверки на месте сведений о злоупотреблениях генерал-губернатора¹⁶⁹.

Первоначально предполагалась ревизия и Западной, и Восточной Сибири, а во главе ее должен был стоять сенатор М.Н. Жемчужников. Но на заседании Комитета министров по предложению министра юстиции графа В.Н. Панина Жемчужников был заменен И.Н. Толстым¹⁷⁰. Только когда сенатор уже находился в Сибири, стало известно, что ему вверена ревизия лишь восточной ее части — и в таком варианте круг поручений оказался достаточно обширен. На основании изучения материалов сенаторских ревизий XIX — начала XX в. Э.С. Паина пришла к заключению, что ревизия И.Н. Толстым Восточной Сибири была "самой значительной из сенаторских ревизий окраин империи в XIX веке". Трудно также не согласиться с ее мнением, что при проведении ревизий "почти все зависело от личности сенатора"¹⁷¹.

Иван Николаевич Толстой в молодые годы был близок со многими декабристами, хотя и не входил в тайные общества. При встрече в Сибири с бывшим другом и однополчанином С.П. Трубецким он "держал себя по-приятельски. Совершенно так, как если бы расстался с ним лишь накануне"¹⁷². Несколько иное впечатление сложилось у Д.И. Завалишина, вспоминавшего о конспиративной организации своей встречи с Толстым, который "извинялся тем, что и вообще, и особенно по враждебным его отношениям к генерал-губернатору Руперту, за ним наблюдают и, конечно, воспользуются малейшею его неосторожностью, чтобы заподозрить его в глазах такого подозрительного человека, как Государь"¹⁷³. Впрочем, в Читу И.Н. Толстой попал позже, уже в разгар своего конфликта с Рупертом, когда сенатор обвинялся в контактах с государственными преступниками.

По утверждению И.А. Блинова, в состав ревизий обычно входили "знающие и добросовестные люди", участие в них считалось привлекательным для молодых чиновников, было видным назначением и хорошей школой. Поэтому на ревизии "стремился цвет столичной молодежи, и при сенаторах мы постоянно видим лиц, носящих княжеские и графские титулы, состоящих в придворных званиях и вообще членов лучших дворянских фамилий"¹⁷⁴. Не была исключением и ревизия И.Н. То-

лстого. К сенатору были прикомандированы четыре старших и пять младших чиновников, впоследствии еще один старший и младший¹⁷⁵. Всего, по словам Руперта, при Толстом находилось более 20 человек, что равнялось штату канцелярии Главного управления Восточной Сибири. Особенно возмущало генерал-губернатора то обстоятельство, что среди членов ревизии были молодые люди, едва только получившие первые офицерские (точнее, приравнивавшиеся к офицерским) чины¹⁷⁶. По воспоминаниям Н.А. Белоголового, вместе с Толстым приехало много молодых людей "из лучших знатных фамилий... и все они постоянно вращались у Волконских"¹⁷⁷. Руперт же по-прежнему избегал общества декабристов. Вряд ли можно утверждать, что сближение приехавшей из столиц светской молодежи с декабристами было продиктовано какими-либо фрондерскими или тем более оппозиционными настроениями. Очевидно, оно объяснялось принадлежностью к одному кругу, наличием множества общих родных и знакомых, социокультурной общностью. •

Ревизия проводилась долго и обстоятельно. Выхав в конце 1842 г., ревизоры весь 1843-й год осматривали Енисейскую губернию, а с января 1844 г. приступили к ревизии Иркутской¹⁷⁸. Сам И.Н. Толстой побывал в Кяхте, Якутске, Нерчинске; находившиеся при нем И.Д. Булычев и князь Львов ревизовали Камчатское и Охотское приморские управления, выполнив таким образом "беспримерное и опасное поручение", — как писал Толстой Перовскому¹⁷⁹. Уже в ноябре 1844 г. Толстой сообщил в Петербург, что в крае царит "всеобщий беспорядок, допущенный губернаторами, в течение многих лет не обременявшими вверенных им губерний"¹⁸⁰.

Конфликт между сенатором и генерал-губернатором был неизбежен. Он был обусловлен самой ситуацией ревизии, но дополнительным фактором стала неясность статуса обеих сторон. Обычно сенаторским ревизиям подвергались губернаторы, обязанные подчиняться всем требованиям ревизора, и их взаимоотношения регламентировались инструкцией для сенаторских ревизий 1819 г., вошедшей в Свод законов 1832 и 1842 г.¹⁸¹ Некоторым сенаторам давались дополнительные полномочия, оговоренные в указах о назначении ревизий¹⁸². Положение Толстого отличалось, во-первых, тем, что ему была поручена ревизия не губернии, а генерал-губернаторства. Не-

обходимо было обревизовать две губернии, огромная территория, отдаленность и труднодоступность которых усложняли задачу. Во-вторых, — и это главное, — статус генерал-губернатора был значительно выше губернаторского, и его взаимоотношения с сенатором-ревизором инструкцией не оговаривались. В-третьих, в указе о назначении ревизии не было открыто объявлено, что она последовала по докладу министра внутренних дел вследствие разных беспорядков по управлению генерал-губернатора.

Намерение Толстого продолжить ревизию в мае 1845 г., распространив ее работу на Главное управление Восточной Сибири и подчинявшееся лично генерал-губернатору горное отделение, натолкнулось на отчаянное сопротивление Руперта. Обе стороны апеллировали к министрам и государю. Их аргументация обнаружила противоречивость и непоследовательность законодательства о местном управлении в Сибири. Руперт пытался опереться на формулу "Сибирского учреждения" Сперанского и утверждал, что права генерал-губернатора "во многих отношениях равны правам гг. министров", а Главное управление Восточной Сибири образует "часть министерского установления, действующего на месте", и что генерал-губернатор дает отчет одному императору. "Желая... защитить дарованные... законом и Вашим Величеством права, охранить силу доверия и должного уважения к главному местному начальству", Руперт во всеподданнейшем рапорте просил царя "указать мне и сенатору Толстому, в каких отношениях мы поставлены друг к другу, и каким его требованиям я должен повиноваться"¹⁸³. Обращения аналогичного содержания были отправлены им к министрам юстиции и финансов. В них Руперт также настаивал на праве генерал-губернатора давать отчет только императору и доказывал, что следствие над ним, как и над министрами, могут производить только члены Государственного совета по именному высочайшему повелению и что Главное управление Восточной Сибири и горное отделение не относятся к губернским управлениям, подведомственным сенаторским ревизиям¹⁸⁴.

Апелляция Руперта к министрам с неоднократным повторением тезиса о приравненности генерал-губернаторского статуса к министерскому была несвоевременной и очевидно противоречила стремлению министров подчинить местное управление. Расклад сил был явно не в

пользу Руперта: по разным причинам им были недовольны министр юстиции, ведавший делами Сената, и министр внутренних дел, стремившийся подчинить себе генерал-губернаторов на общих основаниях с губернаторами. Как уже отмечалось, он перестал пользоваться поддержкой III отделения, прежний начальник которого, А.Х. Бенкендорф, умер в сентябре 1844 г. Руперт попытался обратиться за помощью к новому шефу жандармов, князю А.Ф. Орлову. Напомнив о заслугах своей 46-летней службы, он просил Орлова как "своего защитника и поборника истины" передать государю отчет за семь лет управления Восточной Сибирью, который должен был стать оправдательным актом для генерал-губернатора¹⁸⁵. В ответ он получил вежливый, но сухой отказ. Новый шеф жандармов сообщал, что просимое не только выходит из круга его "собственных обязанностей, но нарушает совершенно общеустановленный порядок, по которому все подобного рода бумаги должно доставить через подлежащих министров"¹⁸⁶. А.Ф. Орлов отрекся от бывшего подчиненного своего предшественника и рекомендовал ему обратиться к министру внутренних дел, т.е. к покровителю его врага — И.Н. Толстого.

О значении поддержки сенатора Л.А. Перовским и В.Н. Паниным откровенно писал Толстой Перовскому 30 августа 1845 г.: "Без Вас и почтенного графа Виктора Никитича мною пожертвовали бы, чтобы не уронить в генерал-губернаторе звание, которого важность вместе с священными обязанностями сановника, призванного доверенностью Государя императора для устройства края, забыл генерал Руперт"¹⁸⁷.

В своих официальных донесениях И.Н. Толстой доказывал необходимость ревизии Главного управления и горного отделения тем, что "здесь сосредоточиваются главнейшие распоряжения по всем частям администрации, суда и хозяйства... отсюда все части управления должны получать правильное и твердое направление". Без ревизии этих органов управления уже открытые ранее упущения и злоупотребления не могут быть вполне раскрыты и объяснены, а "ревизия Восточной Сибири осталась бы не совершенной и не полной", — писал Толстой¹⁸⁸. На заседании Комитета министров 3 июля 1845 г. император "изволил признать обвинения сенатора Толстого на генерала Руперта столь важными, что они подвергнут его суду, буде они справедливы"¹⁸⁹.

Сопоставление обвинений, выдвинутых против Руперта Фалькенбергом и Толстым, показывает, с одной стороны, их близость, а с другой — более обстоятельное, доказательное и глубокое содержание выводов Толстого, их большую опасность для Руперта. Были подтверждены и уточнены обвинения в нераспорядительности и попустительстве злоупотреблениям подчиненных по делу о неурожае в Енисейской губернии, а также в незаконном использовании арестантов для постройки собственной дачи. Кроме того, было предъявлено обвинение в установлении без утверждения высших властей дополнительных повинностей для приписанных к Нерчинским заводам крестьян и дополнительных сборов, размер которых составил с 1839 по 1845 гг. более 152 тыс. руб.¹⁹⁰. Были конкретизированы и уточнены не вполне ясные сведения Фалькенберга о неких злоупотреблениях, связанных с надзором за золотопромышленностью, — в частности, при получении прииска братом бывшего адъютанта Руперта, генерал-майором Максимовичем. В заключение своего всеподданнейшего рапорта И. Н. Толстой утверждал, что "все сии действия выказывают превышение власти, нерадение о благосостоянии края и пользе казны" и позволяют говорить о личной ответственности генерал-губернатора¹⁹¹.

Казалось, судьба Руперта уже решена, ибо если не суд, то снятие с должности неизбежно. Но тут он сделал неожиданный и очень опасный для сенатора ход, обвинив его в "употреблении государственных преступников для занятий по ревизии"¹⁹². Речь шла о том, что старший чиновник ревизии Тиле поручил декабристу П.А. Муханову составить проект об улучшении плавания по Ангаре, а декабрист А.В. Веденяпин "около двух лет работал по найму в канцелярии старшего советника Безобразова и занимался просмотром дел, поступавших к этому чиновнику из разных присутственных мест, составлял записки, экстракты и заготавливал исполнительные бумаги". Все это якобы возбудило "в городе разные невыгодные толки о ревизии вообще"¹⁹³.

Удар, нанесенный Рупертом, был тем более опасен для сенатора, что обвинения во многом были справедливы: общение и Толстого, и его подчиненных с декабристами не ограничивалось светскими развлечениями. Кроме приведенных в доносе фактов были и другие, оставшиеся тогда неизвестными властям. Через много лет

М.А. Бестужев вспоминал, что члены сенаторской ревизии были очень хорошо знакомы с ссыльными. "Они все нас посещали, — писал он М.И. Семевскому, — гостили у нас по нескольку дней, просили и узнавали от нас все, чего они ни по своей европейской образованности, ни по своему благородному стремлению быть полезными краю не могли бы узнать, если б даже они прожили десятки годов"¹⁹⁴. По словам Д.И. Завалишина, он подал И.Н. Толстому несколько "пространных записок", в том числе "об общем устройстве края; о производительных силах его и их развитии; о значении Сибири для России; о необходимости занятия Амура и средствах исполнения; об условиях для выбора и назначения лиц; о средствах организации; об общественном состоянии и разных сословиях в Сибири; о улучшении быта низших сословий; о развитии промышленности, особенно ремесленной; о военной организации; о преобразовании торговли китайской; о горной части и пр."¹⁹⁵.

Несмотря на подробные и убедительные объяснения подчиненных сенатора, стремившихся оправдать и себя, и своего начальника, Николай был разгневан. Для сенатора дело кончилось неодобрительной резолюцией императора на журнале Комитета министров¹⁹⁶. В то же время донос Руперта еще больше настроил против него Панина, о чем свидетельствует заключение министра юстиции: "Возводимое генерал-лейтенантом Рупертом на сенатора обвинение в употреблении им государственных преступников для занятий по ревизии не только совершенно несправедливо... но и оскорбительно для звания сенатора"¹⁹⁷. Можно предположить, что и в III отделении были не слишком довольны новым использованием Рупертом декабристского вопроса в своих целях. В июле 1845 г. в Иркутске побывал новый начальник Сибирского округа корпуса жандармов К.И. Влахопулов, не обнаруживший ничего особенного в положении государственных преступников. Донос Руперта на Толстого оказался таким образом косвенно направленным и против жандармского ведомства, вновь, как и в лунинской истории, не проявившего должной бдительности.

На сей раз не оправдались пессимистические ожидания многих честных людей, высказанные в письме И.И. Пущина: "Кончится тем, что сенатору... дадут ленту, да и баста"¹⁹⁸. И.Н. Толстой, действительно, получил орден Белого Орла, но этим дело не ограничилось.

В постановлении Комитета министров вновь появилось грозное слово "суд" (впервые оно фигурировало в высочайшем замечании на докладе Толстого от 31 мая 1845 г.). Теперь же Комитет министров не предлагал предать Руперта суду только потому, что до этого необходимо было рассмотреть его объяснения. Однако обнаруженные ревизией неправомерные действия генерал-лейтенанта Руперта вынуждали Комитет признать, "что он не может оставаться в нынешнем своем звании и пользоваться далее доверенностью правительства по управлению отдаленным краем"¹⁹⁹. Фактически это был приговор. Николай смягчил его, решив, что Руперт должен быть уволен в отставку "по прошению"²⁰⁰.

Отчет И.Н. Толстого изобличал "местную администрацию в бездействии, злоупотреблениях и полной запущенности всех отраслей управления краем, — отмечала Э.С. Паина. — Руперт не смог защититься и был Николаем уволен с должности генерал-губернатора, а многие его чиновники преданы ревизором суду"²⁰¹. Енисейский губернатор В.И. Копылов был отстранен от должности в ходе ревизии²⁰². Как доносил Толстой, "длинный ряд преступных действий, раскрытых мною при ревизии, поставил меня в необходимость некоторых чиновников, обличенных уже в сокрытии вверенных им сумм и в ложных поступках, предать суду, над другими нарядить следствия"²⁰³. Трудно согласиться с мнением опирающегося на свидетельства некоторых мемуаристов А.В. Рсманева о низкой результативности ревизии Толстого. Совершенно иначе оценивает он итоги ревизии Западной Сибири генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым, основываясь на данных отчета и других документов ревизии²⁰⁴. К сожалению, отчет ревизии Толстого не сохранился, но косвенным свидетельством серьезности его содержания служит то, что проекты и материалы ревизии были предоставлены для изучения новому генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву и использованы им в начале его деятельности в Сибири.

Справедливости ради следует заметить, что злоупотребления Руперта не были особенно выдающимися. Оставались в империи и другие генерал-губернаторы, о чьем вопиющем невежестве, самодурстве и взяточничестве коротко, но убедительно²⁰⁵ написано в классическом труде П.А. Зайончковского.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но и первым лицом в обществе. Порядки, принятые в его доме и ближайшем окружении, особенно среди приехавших вместе с ним чиновников и офицеров, воспринимались как модные и чуть ли не обязательные. По отзывам современников, В.Я. Руперт был в быту и частной жизни просвещенным, любезным и светским человеком. "В начале 40-х гг. Руперту было около 55 лет, — вспоминал В.И. Вагин. — Это был тогда высокий, полный, немного сутуловатый мужчина, еще не очень седой. Лицо его, когда-то довольно красивое, дышало добротой. В деловых сношениях он был серьезен и важен, но не было человека проще его в домашнем быту: тут он был разговорчив, весел, иногда остроумен. Обращение его и его семейства отличалось той простотой хорошего тона, которая приобретает постоянным пребыванием в лучшем обществе"²⁰⁶.

Впервые нравы высшего света привез в Сибирь М.М. Сперанский. И.Т. Калашников вспоминал в "Записках иркутского жителя": "Для большего соединения общества было положено в 1819 г. основание Иркутскому благородному собранию. Приехавшие с генерал-губернатором молодые люди внесли в состав танцев совершенно новые элементы"²⁰⁷. Он же отмечал, что "сильная картежная игра и шампанское" были введены в употребление при Трескине"²⁰⁸. По воспоминаниям В.И. Вагина, при Руперте "общество было еще очень невелико", а "разделение на кружки уже существовало, но не было так сильно". "Центром общества было, разумеется, генерал-губернаторское семейство. Вокруг него группировались с своими семействами прежде всего главные местные чиновники; небольшая еще тогда военная и гражданская свита генерал-губернатора, горные инженеры, некоторые учителя... и значительнейшие местные купцы"²⁰⁹.

Для всей светской жизни было важно то, что генерал-губернатор был человеком семейным и семья его жила в Иркутске. Жена и дочери Руперта приехали в Иркутск через²¹⁰ полгода после него, по летней, менее трудной дороге. Две старшие дочери, Елена и Людмила, были уже на выданье, сын Николай остался в Петербурге — он был принят в Пажеский корпус. Младшие дочери, шести,

пяти и одного года от роду, жили с родителями, как и родившийся в Иркутске младший сын Иван²¹¹.

Семья поместилась в приобретенном казной у купца Сибирякова и ставшем знаменитым иркутском "Белом доме" — Руперт занял его первым из восточносибирских генерал-губернаторов²¹². Жили, по воспоминаниям того же Вагина, "открыто... Зимой, по четвергам, у Рупертов бывали вечера; в торжественные дни — официальные обеды; праздновались также дни рождения и именин жены и дочерей"²¹³. Зимой давались также вечера в Благородном собрании и у иркутского губернатора А.В. Пятницкого²¹⁴. Альтернативными центрами светской жизни были дома декабристов Волконского и Трубецкого. Как уже отмечалось, ни Руперт, ни Пятницкий там не бывали и члены семей декабристов также не показывались в домах глав местной администрации. Более того, в Институте, где учились младшие дочери С.П. Трубецкого, Руперт запретил показываться их родителям.

С приездом членов ревизии в обществе появился совершенно особый, независимый от местной власти и даже оппозиционный по отношению к ней элемент. По словам Вагина, "сенаторские чиновники не пользовались расположением иркутского общества". Это вполне понятно, если принять во внимание конфликтные отношения генерал-губернатора и его окружения с сенатором и его чиновниками. Правда, сам мемуарист дает иное объяснение: "С одной стороны, они (чиновники ревизии. — *Н.М.*) смотрели на местное общество свысока, по-петербургски, — этим оскорблялось самолюбие; с другой — некоторые из них перенесли на иркутскую почву флигельные нравы петербургских танцклассов и загородных гуляний — этим оскорблялась местная чопорность"²¹⁵.

Семья генерал-губернатора не только находилась в центре светского общества. Ее быт, нравы и родственные связи оказывались немаловажным фактором и в деловой жизни чиновного люда. Мемуаристы большей частью благоприятно отзываются о Елене Федоровне Руперт и ее доме. В некрологе преподавателя, а впоследствии и директора Иркутской гимназии К.П. Бобановского упоминалось, что "супруга Руперта, женщина редкого ума и образования, оценила дарования Бобановского и сделала его другом своего дома", пригласив Константина Петровича учителем для своих дочерей²¹⁶. В доме Рупертов часто звучала хорошая музыка, о чем вспоминал

Л.Ф. Львов. "Генерал-губернатор Руперт очень часто устраивал у себя музыкальные вечера... У генерал-губернатора бывали также домашние спектакли, в которых дочь его Елена и майор горной службы Таскин... выказывали выдающиеся драматические таланты". Львов же писал об организованном с разрешения Руперта благотворительном концерте в "пользу отбывших каторгу и не имеющих средств на обустройство на поселении", в котором, наряду с офицерами и чиновниками, приняли участие и декабристы. Труднее всего было уговорить Ф.Ф. Вадковского. "Только благодаря настоянию генерала он согласился играть со мною", — писал Львов²¹⁷.

Вагин вспоминал, что Е.Ф. Руперт "по болезни (у нее сохла рука) никуда не выезжала, но принимала у себя очень радушно"²¹⁸. Несмотря на то, что сам генерал-губернатор избегал контактов с декабристами, Елена Федоровна изредка встречалась с их женами. Известно, например, что она ездила лечиться на Туркинский минеральные воды вместе с М.К. Юшневской²¹⁹. По просьбе Елены Федоровны и с разрешения генерал-губернатора Н.А. Бестужев писал портреты ее и ее детей, бывая, разумеется, при этом в их доме.

Диссонанс в эту почти идиллическую картину дружной и счастливой семейной жизни вносят сведения о романе Е.Ф. Руперт с П.Н. Успенским. С.П. Трубецкой, излагая в "Замечаниях на записки декабриста В.И. Штейнгеля" свою версию истории ареста М.С. Лунина, заметил: "Успенский был любовником жены Руперта, который это знал очень хорошо и держал его очень близко к себе"²²⁰. Косвенное подтверждение этой версии содержится в донесении Фалькенберга: "О семейной жизни генерала Руперта самые дурные слухи... в городе"²²¹.

Старшие дочери Рупертов вышли замуж в Сибири. Людмила — за управляющего Петровским заводом А.И. Арсеньева, о котором с удивительной теплотой вспоминал М. А. Бестужев: "Человек прямой, бескорыстный, честный и благонамеренный", "среди нас — он был наш; мы и он делили пополам и радость и горе. Он был истинный отец для служителей и канцеляриков... В его успехах и неудачах мы брали живейшее участие, и ничего он не предпринимал, не посоветовавшись с нами, а особенно с братом". Бестужевы были даже приглашены на свадьбу Арсеньева и Людмилы Руперт, и Михаил Александрович по этому случаю гостил у Арсеньева три

недели²²². Елена вышла за председателя Иркутского губернского правления В.К. Падалку. По сведениям жандармов, он не ладил с губернатором Пятницким, противился "беззаконным действиям кого-либо из чиновников, протежируемых начальником губернии"²²³. В 1840—1841 гг. Падалка даже "имел неприятность" с самим генерал-губернатором, так как "не хотел утвердить купчую крепость" на землю под загородный дом Руперта, строившийся на "городском выгонном месте", т.е. на месте для выгона скота городских жителей. "После разных убеждений и просьб генерала Руперта Падалка наконец утвердил купчую крепость, да и как было ему можно сопротивляться, — замечал генерал Фалькенберг, — будучи в совершенной зависимости от генерал-губернатора"²²⁴. Не исключено, что среди методов убеждения, примененных Рупертом, были не только средства давления, так как в 1843 г. В.К. Падалка был назначен исправляющим должность енисейского гражданского губернатора вместо смещенного В.И. Копылова. Енисейский губернский жандармский штаб-офицер в своем весьма комплиментарном отзыве о губернаторе Падалке передавал, вероятно, распространенное в обществе убеждение, что тот "достиг, как кажется, занимаемой им должности посредством жеңи́тбы своей на дочери генерал-губернатора Руперта"²²⁵. Думается, что немалую роль в назначении Падалки на губернаторскую должность сыграли и его деловые качества, справедливо оцененные ревизией. Ведь не случайно он оказался одним из немногих высокопоставленных чиновников рупертовского времени, оставшихся, несмотря на теперь уже бесполезное и даже опасное родство, на прежнем месте и при новом генерал-губернаторе.

17 августа 1847 г. В.Я. Руперт выехал из Иркутска после торжественных проводов "чиновниками разных ведомств и гражданами всех сословий"²²⁶. Искреннюю признательность к бывшему покровителю, как уже отмечалось, высказали при прощании воспитанницы основанного им Девичьего института Восточной Сибири. Обе замужние дочери бывшего генерал-губернатора — Л.В. Арсеньева и Е.В. Падалка — оставались в Сибири еще в течение нескольких лет после отставки отца. Сам же В.Я. Руперт прожил после этого недолго и умер в 1849 г.

На 10 лет генерал-губернаторства В.Я. Руперта выпали значительные события в истории края: подъем золотопромышленности и неурожай в Енисейской губернии, выход декабристов на поселение, начало их полулегальной просветительной и последний эпизод антиправительственной деятельности — дело М.С. Лунина, волнения рабочих золотых промыслов и крестьян-старообрядцев Забайкалья, завершение постройки Сиропитательного дома для девочек им. Е. Медведниковой и учреждение Девичьего института Восточной Сибири, строительство новой Кругобайкальской дороги и сенаторская ревизия. Участие генерал-губернатора в ходе большинства из них оказывалось весьма незначительным. Административная деятельность Руперта не преследовала каких-либо определенных стратегических целей, для нее характерно лишь более или менее энергичное реагирование на происходящее. Почти ни один из его немногочисленных проектов не был утвержден. Единственным крупным успехом и самым значительным вкладом Руперта в последующую историю Восточной Сибири стало создание Девичьего института.

Пассивностью и отсутствием определенной политической линии характеризуется и отношение Руперта к составу административного корпуса. Доминирующее положение в административной верхушке при Руперте занимали люди с невысоким образовательным уровнем и социальным статусом, заметную роль в управлении играли так называемые дельцы. Для чиновничества рупертовского времени характерны почти полная бесконтрольность и расцвет коррупции. Не был исключением и сам генерал-губернатор, хотя предъявленные ему обвинения далеко не превосходили размаха злоупотреблений других высокопоставленных сановников эпохи. Решающую роль в бесславной отставке Руперта сыграли отсутствие у него серьезной поддержки в министерствах и при дворе, а также конфликт с влиятельным жандармским ведомством.

**НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ**

1847-1861



5 сентября 1847 г. последовал Высочайший приказ о назначении тульского губернатора генерал-майора Н.Н. Муравьева исправляющим должность Иркутского и Енисейского генерал-губернатора и командующего войсками, расположенными в Восточной Сибири¹. Это событие наделало немало шума в свете, главным образом, из-за молодости нового начальника огромного края, — ему только что исполнилось 38 лет (родился 11 августа 1809 г.). Однако новый генерал-губернатор уже имел довольно богатый и разнообразный служебный опыт.

ДО СИБИРИ

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Николай Николаевич Муравьев происходил из известного дворянского рода, давшего немало воинов, ученых, государственных деятелей². Его отец в 1813—1815 гг. был вице-губернатором, а в 1815—1819 гг. — губернатором Новгородской губернии. Он поддерживал довольно близкие деловые отношения с графом А.А. Аракчеевым. Вершиной карьеры Николая Назарьевича стала должность статс-секретаря при Николае I и управляющего его канцелярией. Со стороны матери, урожденной Мордвиновой, Николай Николаевич Муравьев приходился двоюродным племянником будущему наместнику Кавказа Н.Н. Муравьеву-Карскому и будущему министру государственных имуществ и графу М.Н. Муравьеву-Виленскому.

Первоначальное образование Н.Н. Муравьев получил в частном пансионе, а затем был принят в Пажеский

корпус. Пребывание в этом привилегированном учебном заведении способствовало установлению столь необходимых для успешной административной деятельности придворных связей. В 14 лет Николай Муравьев стал камер-пажем великой княгини Елены Павловны, чью поддержку он ощущал затем в течение почти всей своей жизни.

В 1826 г. Муравьев окончил курс учения первым и с золотой медалью, но по малолетству вышел из корпуса только через год и в 1827 г. 17-летним прапорщиком вступил в лейб-гвардии Финляндский полк. В зрелые годы он охотно принимал к себе на службу выпускников Пажеского корпуса и офицеров Финляндского полка — подобная приверженность корпоративным связям была традиционна для Российской империи. Вместе с полком он участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

С 1828 г. Муравьев в чине подпоручика стал адъютантом начальника 19-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Е.А. Головина. Это было началом длительной совместной службы, продолжавшейся с перерывами 15 лет — до 1843 г. Тогда же были сделаны и первые шаги в военно-административной деятельности. Адъютантом Головина Муравьев был и во время польской кампании 1830—1831 гг., приобретя в ходе ее первый военно-дипломатический опыт — его не раз посылали с поручениями к польским генералам.

"Школа Головина" дала Муравьеву не только разнообразный опыт и полезные связи. Е.А. Головин был известен в русской армии своим пристрастием к "фронту" и жестокой муштровке солдат: декабрист А.В. Поджио в "Записках" называет его среди генералов, "наводивших страх и ужас" истязаниями³. Возможно, под влиянием Головина и Муравьев приобрел неоднократно отмечавшиеся мемуаристами привычку к рукоприкладству, хватки "отца-командира" и склонность во время припадков гнева, порой справедливого, отдавать жестокие приказания, впрочем, отвечавшие духу тех суровых времен.

Служба в гвардии, как известно, не только не приносила доходов, но и была сопряжена со значительными расходами. Положение Н.Н. Муравьева в этом смысле было довольно непростым: отец не мог оказывать ему серьезной денежной помощи. Посылая в 1827 г. молодому гвардейскому офицеру 100 руб. "на штиблеты и в запас",

Николай Назарьевич наставлял сына: "Ничего возможно не жалея на полезное", но и "не стыдись показаться недостаточным в кармане"⁴. Расходы были велики, а "недостаточность в кармане" не мешала вести обычный для гвардейской молодежи образ жизни. В опубликованных И.П. Барсуковым письмах Н.Н. Муравьева к брату Валериану встречаются упоминания о картежных долгах и о некоем "милом₅ друге", разлуку с которым (которой) нелегко переносить⁵.

Несмотря на наличие у Н.Наз. Муравьева "родового и благоприобретенного имения", к середине 1830-х гг. его материальное положение стало угрожающим. Имениям грозила продажа с публичных торгов⁶. Не давали результатов попытки исправить ситуацию путем экономного и рационального ведения хозяйства и получения дополнительных доходов с пожалованного в пожизненную аренду казенного имения Стоклишки в Виленской губернии. Николай Николаевич как старший сын вышел в отставку и поселился в Стоклишках, но роль сельского хозяина ему не давалась. Лишь младший из братьев, Александр, прервав успешно начинавшуюся служебную карьеру, сумел поправить имущественное положение семьи и "блистательно кончил" дело в арендном имении⁷.

В 1838 г. после непродолжительной отставки Н.Н. Муравьев вернулся на военную службу и отправился на Кавказ: в чине майора он поступил для особых поручений к Е.А. Головину, назначенному командиром Отдельного Кавказского корпуса. В 1840 г. Н.Н. Муравьев стал полковником, начальником отделения Черноморской береговой линии, а в 1841 г., 32 лет от роду, был "за отличие" произведен в генерал-майоры. Начальство высоко ценило и военную, и, особенно, дипломатическую деятельность молодого генерала, установившего хорошие отношения с многочисленными горскими племенами⁸. И сам он был доволен. "Я понимаю, — писал Николай Николаевич брату Валериану в 1842 г., — почему Кавказ меня любит — потому что я его люблю со всеми его лихорадками и лишениями; — там я только мог развернуться; там я в своей тарелке; там я только могу быть полезен своему Государю"⁹.

В 1842 г. Е.А. Головин покинул Кавказ. Через некоторое время подал прошение об отпуске, ссылаясь на раны и лихорадку, и Н.Н. Муравьев. На деле, судя по письмам к брату, он был недоволен новой системой управления

генерала Нейдгардта: чувствовал себя оскорбленным мелочными придирками, требованиями бумажной отчетности в мелких расходах, отказами в наградах для подчиненных и повышении их в чинах¹⁰. С возмущением писал он о "неуместной скупости, неоцытности, недоверчивости и упрямстве" нового начальника¹¹. Н.Н. Муравьев решил оставить Кавказ и перейти на службу по гражданской части.

Подводя итоги кавказской деятельности Н.Н. Муравьева, И.П. Барсуков констатировал — ив этом с ним можно согласиться, — что этот период отмечен не столько военными подвигами, сколько "необыкновенными административными способностями... искусством... обращаться с враждебными нам горскими племенами; в краю, где все дышало войной, он, можно сказать, всецело следовал политике мирных завоеваний"¹².

В апреле 1844 г. Муравьев, молодой (35 лет), полный сил и энергии, заслуженный боевой генерал (к этому времени он был награжден золотой шпагой за храбрость, польским знаком отличия за военное достоинство 4-й степени, орденами Св. Анны 3-й степени с бантом и 2-й степени с императорской короной, Св. Владимира 4-й степени с бантом и 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени и 2-й степени с короной) получил отпуск и поселился в уездном городе Богородицке Тульской губернии, в имении родственника и друга В.И. Муравьева¹³. Попытки найти себе достойное место на новом поприще обнаружили не раз сказывавшийся и впоследствии недостаток связей в высших бюрократических сферах. Он либо не умел использовать возможности, которые предоставлял Пажеский корпус и связанное с ним пребывание при дворе, либо утратил их за проведенные на Кавказе годы. Отвечали духу времени и традициям попытки обратиться за помощью к родственникам — двоюродному дяде Михаилу Николаевичу Муравьеву (в то время управлявшему Межевым корпусом) и даже к опальному Александру Николаевичу Муравьеву (проходил по делу декабристов, уволен в 1839 г. без прошения с должности архангельского гражданского губернатора и причислен к МВД), но и они, очевидно, не удались. Возможность получить губернаторское место, на что позволял надеяться генеральский чин и предыдущий опыт, были не слишком обнадеживающими — во всяком случае, в переписке упоминалась и должность председателя губернского прав-

ления¹⁴. Возможно, мешала молодость — в 1853 г. в России было всего три губернатора моложе 40 лет¹⁵.

После смерти отца в 1845 г. Н.Н. Муравьев получил продление отпуска и отправился за границу для лечения минеральными водами. С назначением наместником Кавказа М.С. Воронцова возникла было мысль вернуться туда — или губернатором Дагестанской области, или командиром дивизии. Планам этим не суждено было осуществиться: когда от Воронцова пришел запрос о назначении Муравьева губернатором в Грузию¹⁶, тот получил уже место в Туле.

По возвращении из-за границы Н.Н. Муравьев был причислен к МВД "для исполнения поручений, по случаю предполагавшегося назначения его впоследствии в должность военного губернатора, с сохранением военного чина"¹⁷. Причисление к министерству было обычной практикой использования лиц, находившихся в ожидании губернаторских вакансий. Важным и ответственным поручением стала ревизия Новгородской губернии, что позволило Н.Н. Муравьеву ближе познакомиться как с практикой гражданской администрации, так и с министром внутренних дел.

Решение о назначении его исправляющим должность военного губернатора г. Тулы и тульского гражданского губернатора было принято в апреле 1846 г., назначение состоялось в июне того же года¹⁸.

ТУЛЬСКИЙ ГУБЕРНАТОР

Короткий период губернаторства в Туле (менее полутора лет — с июня 1846 до сентября 1847 г.) уже позволяет отметить некоторые черты муравьевского стиля управления. Свою деятельность новый губернатор начал, как это было принято, с ревизии и объезда губернии. В первом же отчете, указывая на замеченные недостатки, он намечал пути их устранения и пытался найти такие решения, которые позволили бы искоренить сами причины их появления. По поводу "неумеренного и нерасчетливого истребления лесов... угрожающего величайшим бедствием для народонаселения", Муравьев предлагал принять особые меры к ограничению вырубки и поощрению лесопосадок, а также обратить особенное внимание на разработку каменноугольных месторождений¹⁹.

В Туле же были впервые сформулированы и откровенно проявлены антикрепостнические убеждения Н.Н. Муравьева, впоследствии во многом определившие основные направления его деятельности как генерал-губернатора Восточной Сибири. По словам М.И. Венюкова, Н.Н. Муравьев "первый из всех русских губернаторов поднял... вопрос об освобождении крепостных. Девять помещиков, в том числе князь Голицын и один из Норовых, подписали приготовленный по внушению Муравьева адрес Государю об освобождении крестьян. Император был очень доволен, но повелел продолжать дело с крайнею осторожностью и прежде всего добиться большего числа помещичьих подписей под адресом. А как таковых собрать не удалось, то дело кануло в воду"²⁰. Прочитывая это высказывание, И.П. Барсуков опубликовал среди других записок, проектов и официальных писем Н.Н. Муравьева и "Опыт возможности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве"²¹. У читателя создается впечатление, что "Опыт" и есть текст того самого адреса, написанного Муравьевым и поданного им Николаю I от имени девяти тульских помещиков. Возможно, эту точку зрения разделял и сам Барсуков. Нам картина представляется несколько иной.

В остающемся по сей день наиболее обстоятельным исследованием истории крестьянского вопроса при Николае I обстоятельной монографии В.И. Семевского изложен и тот эпизод, в котором участвовали тульские помещики и тульский губернатор. В начале 1844 г. несколько тульских дворян официально обратились к своему губернатору (князю А.Н. Голицыну) с предложением собственного варианта перевода принадлежащих им крепостных в обязанные (какой-то проект, следов которого Семевский не нашел, существовал еще в 1837 или 1838 г.). Вариант 1844 г. значительно отличался от условий, оговоренных в указе об обязанных крестьянах 1842 г. По высочайшему повелению губернатор (вероятно, уже Н.Н. Муравьев) запросил дворян, отказываются ли они уволить своих крестьян в обязанные, и получил ответ за девятью подписями с просьбой созвать комитет под наблюдением губернатора для составления проектов освобождения крестьян²². В январе 1847 г. копия ответа была представлена П.Д. Киселеву, которого, как известно, царь считал своим "начальником штаба по крестьянской

части"²³. Хотя предложение о созыве комитета было Петербургом отвергнуто, в апреле 1847 г. губернатор Н.Н. Муравьев передал дворянам разрешение составить проекты освобождения крестьян в их собственных имениях. В цитируемых Семевским, но оставшихся неопубликованными записках активного участника (а, может быть, и инициатора) этих событий П.Н. Мяснова говорится, что "вследствие этого начались... совещания у губернатора, которым был тогда Николай Николаевич Муравьев, при рассуждениях завязывались большие и бестолковые споры"²⁴. В записках, найти которые к сожалению, не удалось, были названы имена авторов первого обращения 1844 г. Это сам П.Н. Мяснов, В.И. Муравьев (уже упоминавшийся друг и родственник Н.Н. Муравьева), граф Н.Н. Татищев, **Ошанин**, М.П. Болотов, а также присоединившиеся к ним граф В.А. Бобринский, Воронцов-Вельяминов, И. Раевский (очевидно, епифанский уездный предводитель дворянства,²⁵ титулярный советник Иван Артемьевич) и Ключарев²⁵. Мяснов не упоминал названных Венюковым среди авторов адреса Норова (известен как весьма суровый помещик и автор всеподданнейшей записки об опасности предоставления крестьянам права выкупа при продаже имений с публичных торгов²⁶) и князя Голицына.

Скорее всего, опубликованная И.П. Барсуковым записка была написана Н.Н. Муравьевым в связи с обсуждением в конце 1846 — начале 1847 г. тульскими дворянами проекта освобождения крестьян. В пользу этого предположения говорит и начало сочинения, не характерное для такого типа документов, как проект, служебная записка или адрес: "Нечаянно развернув историю государств и невольно взглянув на ход всех народов, ясно увидел, что все они шли по одной стезе, но в различных формах"²⁷. Такая фраза была бы вполне уместной в начале речи на одном из совещаний, упоминаемых П.Н. Мясновым. Об этих совещаниях известно не только из цитируемых В.И. Семевским записок Мяснова, но и из донесений тульского губернского жандармского штаб-офицера. В июне 1847 г. полковник Шварц сообщал, что в губернии появился "проект, составляемый в виде особого комитета, приблизительно об освобождении крестьян из крепостного права и наделении их землей, в роде условных"²⁸. Никаких деталей Шварц тогда привести не мог, и даже через год, в апреле 1848 г., сообщая о

представлении проекта "через начальника губернии (уже нового. — *Н.М.*) к министру внутренних дел для доклада Государю Императору", признавался, что так и не смог ни "узнать, в чем подробно заключаются излагаемые ими предположения", ни "достать того проекта". В доносе указывалось, что по отзывам "людей весьма благомыслящих, начиная с губернского предводителя (им стал к этому времени В. А. Норов. — *Н.М.*)... все они чрезвычайно против этого проекта, находя его неуместным вообще и особенно при обстоятельствах нынешнего времени". Проект подписали, в числе прочих, бывший губернский предводитель дворянства граф Бобринский и два уездных предводителя — Муравьев и Мяснов²⁹.

В опубликованной И.П. Барсуковым записке рассуждения о способе отмены крепостного права составляют примерно половину текста. Основная цель предлагаемых преобразований — не допустить в России государственных переворотов, пережитых другими государствами. Автор надеялся, что Россия сможет избежать революционных потрясений, типичных для всех государств, при условии "возможно равного уравниения состояний или разделения земель... на возможно равные части"³⁰. Главные причины потенциального возмущения народа автор (авторы) видел в неимении недвижимой собственности, нищете, несправедливом распределении³¹ государственных повинностей и сословных привилегиях.

В пользу авторства Н.Н. Муравьева говорит тот факт, что в последующих проектах, официальной и частной переписке он неизменно выступал против сословных привилегий, за крестьянскую собственность на землю. Косвенное подтверждение его авторства содержится и в воспоминаниях Б.В. Струве. Рассказывая об усилиях Муравьева по освобождению приписных крестьян Тальцинской посессионной фабрики в 1850-е гг., он писал: целью нового положения было "прекращение всех этих обязательных отношений и водворение *оснований вольного труда*". Муравьев имел на эти вопросы совершенно определенный взгляд, выработанный особенно во время бытности его тульским гражданским губернатором³².

В записке активно отстаивались интересы земледельцев и землевладельцев против "мануфактуристов", покровительствуемых министром финансов Е.И. Канкриным. Государственных крестьян автор предлагал переименовать в вольные хлебопашцы и отдать им казенную землю

из расчета по 2 дес. на душу с уплатой половины от существующей в губернии цены на землю и с правом приобрести дополнительные наделы по полной цене — не больше 4 дес. на душу. Вольные хлебопашцы получали бы и право продавать землю, но только внутри сословия. Из губерний, страдающих от малоземелья, крестьяне должны были переселяться в те, где имелись свободные излишки земли. Одновременно все государственные повинности должны были распределяться "по состоянию, т.е. по десятинню с владимирской земли"³³. Признавая (как и декабристы) крепостное состояние "постыдным, унижительным для человечества"³⁴, автор неодобрительно отзывался и о последней правительственной мере — Положении об обязанных крестьянах. По его мнению, оно еще больше восстановило крестьян против помещиков и не обеспечило ни тех, ни других. Освобождение крестьян без земли не удовлетворило их, как "то ясно доказываются происшествиями в Остзейских губерниях и Галиции"³⁵. Единственный выход — "дозволить помещикам освобождать крестьян в вольные хлебопашцы без согласия крестьян, ибо... нерадивые и ленивые никогда не согласятся быть свободными" и, таким образом, не будет общего согласия, без чего переводить в вольные хлебопашцы по существующим законам нельзя. Помещики получают право освобождать крестьян при условии дачи им в вечное наследуемое владение по 1,5 дес. на мужскую душу (в имениях, где на душу приходится менее 4 дес. — по 1 дес.), за исключением не поддающихся осушению болот и больших оврагов, с правом переселять крестьян по собственному усмотрению, но не на бесплодные земли; крестьяне принимают на себя долги помещика Опекунскому совету; в течение 15 лет они обязаны с каждых 100 ревизских душ давать помещику по 20 работников и 20 работниц для работы на него за натуральную и денежную плату; в это время по отношению к ним за помещиком сохраняется право применять телесные наказания³⁶. Как видим, условия весьма суровые для крестьян.

В записке, автором которой, скорее всего, был Н.Н. Муравьев, просматриваются подходы к некоторым идеям либеральной бюрократии 1850-х гг.: отмена крепостного права как средство предотвращения революционных потрясений; освобождение крестьян за выкуп при сохранении помещичьего землевладения; сотрудничество правительства и помещиков. Муравьев, как и авторы

заявления тульских дворян 1844 г., увязывает отмену крепостного права с решением проблемы заложенных помещичьих имений (хотя и на более льготных для крестьян условиях), предлагает освободить крестьян с земель (в больших, чем авторы заявления 1844 г., размерах) за выкуп.

Трудно сказать, оказало ли мнение губернатора решающее влияние на позицию тульских дворян, участвовавших в совещаниях, но их проект 1847 г. по ряду позиций близок к записке Муравьева и одновременно отличается от заявления 1844 г. Это касается многих важных вопросов. В проекте появился тезис об уничтожении общинного землевладения и отмене круговой поруки; о превращении крестьян в вольные хлебопашцы с правом собственности на землю; об учреждении неотчуждаемых крестьянских владений (у Муравьева минимальный размер крестьянской земельной собственности должен был составлять 1,5—2 дес. на душу, в проекте 1847 г. — 3 дес. на семью); о предоставлении помещикам права освобождать отдельных крестьян без согласия всей общины; следствием реформы должно было стать образование в России класса фермеров³⁷.

Несмотря на явную и значительно большую радикальность предложений Муравьева по сравнению с запиской "Об уничтожении крепостного состояния в России" Л.А. Перовского, между ними можно заметить некоторое сходство. Это неудовлетворенность законом 1842 г. об обязанных крестьянах; признание необходимости уравнения в правах и обязанностях государственных и помещичьих крестьян; утверждение о неизбежности освобождения крестьян с землей при обеспечении интересов помещиков. Возможно, это сходство позиций, или даже только то обстоятельство, что тульский губернатор вообще выступил с подобной инициативой, обратило на него внимание Л.А. Перовского. Во всяком случае, ранее — во время ревизии Новгородской губернии, — Н.Н. Муравьев писал брату о недовольстве отношением к нему министра внутренних дел. А 1 июля 1847 г. он уже сообщал Валериану: "Лев Алексеевич очень благосклонен"³⁸.

Во время тульского губернаторства антикрепостнические убеждения Н.Н. Муравьева подверглись весьма серьезному испытанию: в июне 1847 г. произошли волнения в имении помещицы Веневского уезда Резвой,

потребовавшие его вмешательства. Подобные события не были редкостью в губернии. Но, вопреки утверждению исследователя вопроса В.И. Крутикова, тогда дело не дошло до выезда губернатора с военной командой в село и экзекуции³⁹. Как доносил через год преемник Муравьева, новый тульский губернатор генерал-майор Н.И. Крузенштерн, "1 июня сего (т.е. 1847. — *Н.М.*) года 60 человек крестьян Веневской помещицы Резвой явились в Тулу с жалобой на стеснительное для них управление помещицы. Бывший начальник губернии, выслушав жалобу крестьян, приказал им возвратиться в имение", задержав одного из них для наказания в полиции за дерзость⁴⁰. Крестьяне, как доносил полковник корпуса жандармов Шварц, жаловались "на отягощение их работами, строгое безмерное наказание и поступки с беременными женщинами"⁴¹. Жалобу Муравьев передал губернскому предводителю дворянства (исправляющим эту должность тогда был тульский уездный предводитель П.Н. Мяснов) "для, совместного с офицером корпуса жандармов исследования на месте меры справедливости недовольствия крестьян на помещицу Резвую"⁴². Мяснов и капитан Лихачев пришли к выводу, что "распоряжения помещицы Резвой действительно для крестьян были отяготительны" и убедили ее обязаться "утеснительные распоряжения уничтожить, и имение... передать дочерям"⁴³. Но для крестьян ничего не изменилось. Более того, восемь человек из тех, кто ходил жаловаться, она назначила к ссылке в Сибирь на поселение. Подобные действия вызвали новое неповиновение — теперь уже оно было оказано и исправнику. Получив донесение последнего, Муравьев распорядился арестовать одного из восьмерых, но не для ссылки в Сибирь, а для наказания за непослушание исправнику. Кроме того, он распорядился внушить крестьянам, что "они могут жаловаться, но не должны выходить из послушания"⁴⁴. Отправленный им вновь в имение помещицы Резвой губернский предводитель дворянства сообщил, что "крестьяне состоят в повиновении", но хотят, чтобы помещица выполняла свое обещание. Капитан Лихачев добавил, что причиной беспорядков является образ управления помещицы, которая преклонных лет, своенравна и не может переменить своих привычек, в настоящее время уже неуместных⁴⁵. "Начальник губернии, видя, что неурядицы в имении Резвой делаются более и более важными,

признал необходимым командировать туда для сохранения порядка и спокойствия сельского заседателя земского суда и сотского, снабдив заседателя особой инструкцией и обязав его еженедельно доносить прямо к себе о состоянии имения⁴⁶.

После отъезда Муравьева волнения возобновились. Новый губернский предводитель В.А. Норов пришел к заключению, что "нынешние действия крестьян сих, находясь в несомненной связи с предшествующими, имеют один и тот же корень — дух своеволия и неповиновения" и потребовал строгого наказания виновных. Новый управляющий губернии выяснил, что помещица выполняет свои обещания, а крестьяне неправы в своих жалобах. Был найден и отдан под суд составитель жалоб отставной губернский регистратор Фролов, а назначенные помещицей восемь зачинщиков сосланы-таки в Сибирь⁴⁷. В 1849 г. Шварц доносил в III отделение: тульские помещики сплошь да рядом оставляют крестьянам для работы на себя не более двух дней в неделю⁴⁸.

Действия Н.Н. Муравьева, как видим, отнюдь не сводились к мерам наказания виновных, а были направлены на предотвращение повторения событий и устранение причин, их вызывавших. Рискнем также предположить, что крестьянские выступления только укрепили его антикрепостнические убеждения, что проявилось в сибирский период деятельности.

Во время пребывания в Туле Н.Н. Муравьев приобрел не только новый административный опыт, но и некоторых сотрудников, последовавших затем вместе с ним в Восточную Сибирь. Среди них были младший чиновник особых поручений В.И. Бершадский, исправник Кропивенского земского суда Е.А. Коржневский, бывший домашний учитель сына графа Н.Н. Татищева, ставший чиновником канцелярии тульского губернатора В.В. Гаупт и чиновник особых поручений, а затем старший советник Тульского губернского правления А.О. Стадлер. В Тульской губернии Стадлер занимался ревизиями⁴⁹ и даже приобрел в связи с этим некоторую известность.

С тульским периодом связано еще одно важное событие в жизни Н.Н. Муравьева — он женился. Со своей будущей женой Николай Николаевич познакомился во время поездки за границу в 1846 г. Через год по его вызову она приехала в Петербург, а 19 января 1847 г. в

г. Богородицке Тульской губернии состоялась свадьба, перед которой Екатерина Николаевна приняла православие. По сведениям, полученным И.П. Барсуковым, вероятно, от членов семьи, она принадлежала к дворянскому роду de Richemond из Лотарингии, но ее родители и родственники жили близ г. По на юге Франции⁵⁰. Там же находился семейный склеп, в котором Е.Н. Муравьева была похоронена в 1897 г.⁵¹ "По свидетельству знавших Екатерину Николаевну, — пишет Барсуков, — она была чрезвычайно красива, умна и образована. Характера она была мягкого, ровного, добрая сердцем и отличалась любовью к своему новому отечеству. При безграничной любви к жене, Муравьев поддавался ее влиянию, не ослабевшему и в последние годы его жизни, и нельзя не сказать, что, при пылкости характера Муравьева, это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим"⁵².

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ

Судя по письмам к брату, Н.Н. Муравьев не подозревал о предстоявшей кардинальной перемене в его судьбе, тем более, что утверждение в должности тульского губернатора состоялось только в июле 1847 г. Он был озабочен предстоявшим проездом через губернию императора и готовился встретить и сопровождать его по долгу службы. При встрече в с. Сергиевском царь неожиданно сообщил ему о назначении исправляющим должность Енисейского и Иркутского генерал-губернатора.

Как уже указывалось, это назначение произвело сильное впечатление на современников. Д.И. Завалишин приводил в своих воспоминаниях слух об ошибке, якобы допущенной сопровождавшим императора А.Ф. Орловым, — будто бы вместо Николая Николаевича Муравьева, корпусного командира и будущего наместника Кавказа, тот вызвал его полного тезку и двоюродного племянника, тульского губернатора⁵³. Этой версии противоречит само место, выбранное для объявления нового назначения, — Тульская губерния. Более убедительными представляются доводы Б.В. Струве, объяснявшего этот выбор покровительством Н.Н. Муравьеву со стороны великой княгини Елены Павловны⁵⁴. М.И. Венюков, во многом опирающийся на рассказы самого Муравьева, безоговорочно объяснял выбор императора тем, что Николай

был доволен инициативой тульского губернатора с адресом об освобождении крестьян⁵⁵. Можно предположить, что рассуждения Б.В. Струве о существовании в высших правительственных сферах того времени двух направлений или партий также были основаны на полученных от Муравьева сведениях, — вряд ли юный выпускник Лицея, каким был в ту пору Струве, имел другие источники информации. Отношения же его с Муравьевым были в начале совместной службы довольно близкими, а разговоры — достаточно откровенными. Косвенное указание на источник информации содержится и в тексте мемуаров Струве: "Отправляясь в Сибирь, Муравьев и мы все, его приближенные, вполне сознавали трудность его положения. Как всегда, так и тогда в руководящих правительственных сферах... проявлялось раздвоение взглядов". Одну группировку составляли К.В. Нессельроде, Ф.П. Вронченко, В.Н. Панин, другую — А.С. Меншиков и его сотрудник В.А. Перовский, П.Д. Киселев и Л.А. Перовский⁵⁶. Н.Н. Муравьев примыкал ко второй группировке и впоследствии имел столкновения и с К.В. Нессельроде, и с Ф.П. Вронченко, а поддержку получал от Л.А. Перовского, в меньшей степени — от А.С. Меншикова и А.Ф. Орлова.

В истории назначения Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири многое проясняют несколько фраз из "Автобиографии А.О. Дюгамеля". Генерал-майор Дюгамель после семи лет службы на дипломатическом поприще был обойден назначением на открывшуюся вакансию посланника в Стокгольме, на которую претендовал, и подал прошение об отставке. Но император не принял отставки и "приказал передать", что для Дюгамеля "имеется в виду более высокий пост". Вскоре бывший дипломат узнал, что имелся в виду пост генерал-губернатора Восточной Сибири. "Многочисленные жалобы, поступавшие на генерала Руперта, вызвали командировку сенатора Толстого с поручением обревизовать управление этой части империи, и можно было предвидеть, что генерал Руперт будет отставлен. Действительно, так и случилось. Но и на этот раз я обманулся в моем ожидании и, несмотря на формальное обещание императора, бывший в ту пору министром внутренних дел граф Перовский добился того, что на предназначенное мне место был назначен один из его любимцев, тульский губернатор Муравьев"⁵⁷. Слова "формальное обещание" означают, что о

своем возможном назначении Дюгамель узнал от кого-то из официальных лиц, скорее всего, от военного министра. Прежняя дипломатическая служба, занятия финансами, дружеские и родственные отношения с княгиней Ливен — все это сближало Дюгамеля с враждебной Перовскому группировкой. Мемуары А.О. Дюгамеля, достоверность которых не вызывает сомнений, дают дополнительное свидетельство в пользу утверждения Струве о решающей роли Л.А. Перовского в назначении Н.Н. Муравьева на генерал-губернаторскую должность.

Как уже отмечалось, Н.Н. Муравьев выделялся среди других генерал-губернаторов того времени прежде всего своей молодостью — буквально за несколько дней до назначения ему исполнилось 38 лет. Остальные генерал-губернаторы были не просто старше — они принадлежали к поколению его отца. Средний возраст лиц этого ранга был равен приблизительно 58,4 года (с учетом возраста самого Муравьева). Тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову было около 58 лет, сменившему его через четыре года Г.Х. Гасфорду к моменту назначения — около 56, В.Я. Руперт стал генерал-губернатором Восточной Сибири в 50 лет. Значительно старше Н.Н. Муравьева были и все возможные кандидаты на этот пост — А.О. Дюгамелю было около 46, Н.Н. Муравьеву (Карскому) — 53 года. Ближе всех к Муравьеву по возрасту и служебному стажу был назначенный в 1848 г. в Прибалтийский край А.А. Суворов, но и он пятью годами старше. Все коллеги и потенциальные конкуренты также имели значительно больше опыта и заслуг по военной части, но еще меньше — в области гражданского управления. Правда, Дюгамель мог считаться специалистом в дипломатической сфере, к тому же несколько лет он провел на Ближнем и Среднем Востоке. Кстати, Н.Н. Муравьев не раз имел неприятные столкновения с директором Азиатского департамента МИДа Сеньявиным, весьма расположенным к Дюгамелю, судя по воспоминаниям последнего.

Во всем остальном генерал-губернатор Восточной Сибири особенно не выделялся. Правда, он имел чин генерал-майора, хотя другие были генерал-лейтенантами, но это по молодости, а уже в апреле 1849 г. и Муравьева произвели в следующий чин. Довольно обычно и его происхождение из нетитулованных дворян — позже Д.И. Завалишин с язвительностью отмечал, что "Муравь-

ев... не принадлежал к высшему кругу, к хорошему, как говорится, обществу. Его круг — был круг выслужившегося чиновничества"^{5*}. Но это в общем обычно для николаевского времени. Имущественное положение его было скромным — имения заложены, наследников у отца много, и единственным источником доходов оставалась служба (в формулярном списке за 1861 г. отмечено: имений нет⁵⁹), что, впрочем, также не редкость. Прошлая служба дала известный административный опыт, а награды свидетельствовали о заслугах и способностях.

Можно предположить, что среди тех, кто поддержал кандидатуру Н.Н. Муравьева, был и граф А.Ф. Орлов — в качестве начальника III отделения. Перед отъездом в Сибирь Н.Н. Муравьев провел несколько месяцев (с конца 1847 по конец января 1848 г.) в Петербурге, знакомясь с материалами сенаторской ревизии, отчетами прежних генерал-губернаторов и другими материалами. Некоторые факты дают основание предполагать, что были среди них и жандармские донесения. Во-первых, они, как известно, были в свое время предоставлены сенатору И.Н. Толстому. Во-вторых, несмотря на весьма благоприятный отзыв последнего об иркутском губернаторе А.В. Пятницком, Муравьев потребовал его отстранения от должности буквально в первые же дни после приезда в Иркутск — а в донесении Фалькенберга Пятницкий характеризовался в самом невыгодном свете. В-третьих, именно к А.Ф. Орлову обращено письмо Н.Н. Муравьева с изложением плана борьбы с коррупцией и злоупотреблениями в Восточной⁶⁰ Сибири и с просьбой о поддержке его в этом отношении.

27 февраля 1848 г. Н.Н. Муравьев прибыл в Красноярск — первый губернский город Восточной Сибири на пути из столицы, 28 февраля он отправил в Петербург рапорт о вступлении в управление краем, а в ночь "на 14 марта во втором часу пополудни в Иркутск прибыл... генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-майор Николай Николаевич Муравьев с супругой; был встречен... полицмейстером Гаврилом Егоровичем Тюменцевым" — записано в "Иркутской летописи"⁶¹. Николай Николаевич Муравьев вступил в самый значительный период своей жизни, а в Сибири началось "муравьевское время".

По воспоминаниям Б.В. Струве, первоочередной своей задачей новый главный начальник края считал "хотя бы

привести все в движение, дать всему толчок, соответствующий будущему назначению этой громадной окраины великой Руси"⁶². Он же выделил "три черты характера" Муравьева, которые точнее было бы назвать особенностями его административной деятельности: "он всегда больше делал, чем сам надеялся и обещал", задуманные преобразования проводил с "настойчивостью и последовательностью" и "не затруднялся сделать подчас несколько шагов назад" ради достижения поставленной цели⁶³. Не во всем можно согласиться с приведенной характеристикой. Во-первых, эти черты не были столь уж неизменно присущи деятельности Муравьева. Он далеко не всегда "несамонадеянно обрисовывал" свои цели — известно, например, его невыполненное обещание добыть в год 100 пудов золота, не говоря уже о радужных перспективах быстрого расцвета Приамурья. Во-вторых, особенности управленческого стиля Муравьева (и уж, тем более, его характера) отнюдь не сводятся к трем выделенным Струве чертам.

Прежде чем перейти к детальному изучению целей и методов административной деятельности Н.Н. Муравьева, следует заметить, что в ней можно выделить несколько периодов. Первый из них охватывал приблизительно три года — от вступления в должность генерал-губернатора примерно до 1851—1852 гг. Второй закончился заключением в 1858 г. русско-китайского Айгунского договора. Важнейшие события этого периода связаны с подготовкой и осуществлением первых сплавов по Амуру, положивших начало процессу его практического присоединения к России за несколько лет до заключения формальных юридических актов. "Амурский вопрос" был главным для Муравьева в это время. Третий, заключительный период его генерал-губернаторства, продолжался с 1859 до начала 1861 г. Главным его содержанием стало завершение ранее предпринятого и обеспечение передачи управления краем в руки избранных Муравьевым и сформировавшихся под его влиянием администраторов.

Определить основное содержание первого периода не просто. По мнению некоторых мемуаристов и биографов (Б.В. Струве, П.В. Шумахер, И.П. Барсуков), возвращение России Амурского края стало основной целью деятельности Муравьева с самого ее начала. Иную точку зрения высказывал Б.А. Милютин. Он полагал, что дея-

тельность Муравьева была направлена вначале "исключительно на подъем материального и нравственного благосостояния народа... Эта непрестанная борьба с эксплуатацией и злоупотреблениями, свившими себе гнездо в Восточной Сибири, эта непрерывная попечительность об интересах народа со стороны Муравьева продолжались до тех пор, пока его не увлекли политические соображения вообще и Амур в частности"⁶⁴.

Изучение отчетов, рапортов и официальных писем Н.Н. Муравьева заставляет признать, что существовавшая в первый период его генерал-губернаторства система приоритетов была сложнее, чем это предполагал Струве и принявшие его оценки исследователи. Возвращение Амура, действительно, с самого начала генерал-губернаторства было одной из главных задач, какие Н.Н. Муравьев поставил перед собой. Об этом говорят и переговоры с Г.И. Невельским еще в Петербурге, и интерес к работам А.П. Баласогло⁶⁵, и опубликованные Барсуковым письма к Л.А. Перовскому, А.С. Меншикову и К.В. Нессельроде 1848—1850-х гг., и рапорты и донесения императору, и инструкция 1848 г. и "дополнительные наставления" 1849 г. Г.И. Невельскому, и, наконец, записка "Причины необходимости занятия устья реки Амура и той части острова Сахалина, которая ему противостоит, а также левого берега Амура" 1849 г.⁶⁶ Но все эти действия до 1851—1852 гг. были направлены лишь на подготовку и обеспечение благоприятных условий для будущей деятельности, а непосредственная административная практика в первый период была подчинена иным задачам.

СИБИРЬ. НАЧАЛО: 1848-1851/52 гг.

Первые шаги Н.Н. Муравьева действительно были направлены на то, чтобы "все привести в движение". Энергичные преобразования охватили почти все направления его политики, все области управления. Некоторые из поставленных задач были за это время выполнены, отдельные ориентиры и принципы позже претерпели изменения и были пересмотрены, но многие подходы сохранились надолго. В первую очередь это касается проявившихся уже в первые сибирские годы особенностей

стиля и методов управления и таких стратегических целей, как присоединение Амура и расширение сферы компетенции генерал-губернатора. Одной из характерных черт муравьевского стиля управления было умение подчинять всю свою деятельность главной цели. Сама эта цель могла с течением времени и изменяться, на пути к ее достижению могли быть отступления, компромиссы, отвлечения, но приоритет оставался ясен и самому генерал-губернатору, и его ближайшим подчиненным.

Еще в Петербурге после беседы с императором Муравьев изложил во всеподданейшем докладе от 8 января 1848 г. 12 вопросов, на которые предстояло обратить внимание в первую очередь: об обустройстве ссыльных; о частной золотопромышленности; о "выгоднейшем для казны устройстве" солеваренных и винокуренных заводов; о путях сообщения "вообще и в особенности около Байкальского озера"; о Нерчинских заводах; об устройстве городских и пограничных казаков; о "пограничной нашей линии" и сношениях с Китаем; об "устранении вредного распространения ламайского духовенства" в Забайкальском крае; о возможности распространения там православия; об "удобнейшем и выгоднейшем сборе" ясака; о неудобствах Охотского порта и возможности перенести порт в другое место; о средствах к⁶⁷ улучшению сообщений с Охотским морем и Камчаткою.

По приезде в Сибирь и "соображении местных обстоятельств" Муравьев скорректировал эти задачи. В докладной записке на высочайшее имя от 25 февраля 1849 г. он писал: "Я нашел здесь весь народ под влиянием и в руках, так сказать, богатых торговцев, промышленников и откупщиков и всех чиновников правительственных, почти без исключения, на содержании и в услугах тех же богатых людей. Я строго и твердо принялся действовать против этого направления, ни законами, ни совестью не оправдываемого"⁶⁸. Таким образом, Муравьев поставил перед собой две взаимосвязанные первоочередные задачи: во-первых, пресечь коррупцию сибирского чиновничества и удалить со службы взяточников, и, во-вторых, ослабить влияние верхушки "торгово-промышленного класса", пресечь двойную и тройную эксплуатацию им народа.

Своеобразной демонстрацией намерений стал отказ генерал-губернатора принять обед от золотопромышленников в Канске, по пути в Иркутск⁶⁹. Еще более ре-

шительная демонстрация состоялась в самом Иркутске, во время первого приема высших гражданских и военных чинов. Дело было не только в том, что "прием был важный, серьезный и оставил неприятное впечатление", как отмечено в записках Н.Е. Тюменцева (записки не сохранились, но процитированы В.И. Вагиным). Уже на этой, самой первой встрече со своими новыми подчиненными Муравьев предложил занимавшему формально невысокое, но по существу очень важное место начальника "золотого стола" в горном отделении Главного управления и замешанному во многих злоупотреблениях А.М. Мангазееву немедленно подать в отставку⁷⁰. Это было лишь началом.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА

"Чистка кадров" в Восточной Сибири, если допустимо воспользоваться термином из другой эпохи, — по существу началась еще в ходе сенаторской ревизии. В числе обвиненных И.Н. Толстым были, как указывалось ранее, енисейский губернатор В.И. Копылов, управляющий 3-м (хозяйственным) отделением ГУВСа Н.Е. Тюменцев, иркутский полицмейстер, а затем управляющий казенной Тельминской фабрикой И.В. Бронниковский и др.

Н.Н. Муравьев действовал решительнее. В течение первых трех лет им или по его настоянию были отстранены от службы в Восточной Сибири или перемещены на менее значительные места: иркутский губернатор А.В. Пятницкий, председатель Иркутской казенной палаты П.К. Лавриновский, иркутский губернский почтмейстер М.И. Лобковский, управляющий горным отделением ГУВСа К.А. Дейхман (все в 1848 г.), сменивший его А.Н. Таскин (1850), начальник Нерчинских горных заводов полковник А.Ф. Родственный (1850), управляющий Иркутской провиантской конторой военного министерства К.Г. Егоров, бывшие и еще находившиеся на службе адъютанты и чиновники особых поручений прежнего генерал-губернатора К.К. Максимович, Н.М. Яковлев, К.Я. Дараган, П.Н. Успенский и Г.Е. Тюменцев. Вероятно, по просьбе Муравьева был отправлен в отставку бригадный командир генерал-майор В.Н. Щетинин (1849 г.)⁷¹. Кроме того, новый генерал-губернатор предложил подать в отставку члену Совета и управляющему его

отделением Н.Е. Тюменцеву. Но тот отказался это сделать и впоследствии сумел убедить Муравьева в своей незаменимости⁷².

Еще большее впечатление на чиновников производило то, каким образом осуществлялись отставки и те выговоры и "распекания", которым подвергались подчиненные. В.И. Вагин передавал рассказы чиновников о том, как Муравьев требовал их к себе, "кричал на них, обзывал негодяями и мошенниками, выгонял и из своей квартиры, и из службы"⁷³. Так же он накричал на иркутского городского голову К.П. Трапезникова и "погрозил выслать его как бунтовщика". Непосредственный начальник Вагина, управляющий Иркутской комиссариатской комиссией барон Э.Е. Сильверсгльм (бывший адъютант Руперта) стал случайным свидетелем "распекания" Муравьевым иркутского обер-провиантмейстера и «с ужасом рассказывал, как Муравьев кричал на Егорова, не давал ему сказать ни слова в свое оправдание и при всякой попытке к этому топал ногами и кричал: "Молчать, молчать!"»⁷⁴. Известны многочисленные свидетельства других мемуаристов о подобных вспышках гнева Муравьева, относящиеся к более позднему времени, так что воспоминания Вагина вполне правдоподобны.

О содержании последовавших в Петербург доносов можно судить по цитируемому в воспоминаниях Струве письму Л.А. Перовского. "Здесь распускают слухи о вашей вспыльчивости, которая будто выходит часто из дозволенных границ, — сообщал он Муравьеву; — о поспешности, с которою вы осуждаете людей, прежде, чем имели время их узнать или даже выслушать и проч. Нет сомнения, что чиновники вредные для службы, от которой вы их удалили, суть распространители этих слухов ... Дружеский совет: действуйте сколь можно осмотрительнее, хладнокровнее, без шума и отдаляйте всякий повод к нареканиям и жалобам"⁷⁵. Ни жалобы и доносы увольняемых и распекаемых чиновников, ни дружеский выговор министра не изменили общего курса Муравьева на решительную смену кадров. Но возможности генерал-губернатора в этой, как и в других сферах деятельности, были ограничены, несмотря на широчайшие, казалось бы, полномочия.

Муравьеву необходимы были подчиненные, выбранные им самим, которым он мог бы доверять. Но для того, чтобы занять важные и значительные должности губерна-

торов, председателей губернских учреждений центральных ведомств, членов Совета ГУВСа, надо было иметь соответствующие чины, определявшиеся "Уставом о службе гражданской". Честные, образованные, дельные люди, дослужившиеся до таких чинов, как правило, уже имели достойные места и не склонны были отправляться на далекую окраину.

На первых порах Муравьев прибег к вполне традиционному для российских администраторов способу: он пригласил своих знакомых и сослуживцев. Иркутским губернатором стал приятель еще с кавказских времен, когда они вместе находились при Е.А. Головине, — В.Н. Зарин. Председателем Иркутской казенной палаты — товарищ по Пажескому корпусу П.Н. Кобяков. Советником ГУВСа и начальником вновь созданного 4-го отделения — бывший тульский подчиненный А.О. Стадлер. Кроме того, с Муравьевым или сразу вслед за ним приехали молодые адъютанты, офицеры и чиновники особых поручений, которые либо были хорошо известны генерал-губернатору, либо имели надежные рекомендации от близких ему людей. Это бывший адъютант Е.А. Головина, двоюродный брат самого Н.Н. Муравьева, ротмистр В.М. Муравьев; служившие в Туле В.И. Бершадский (Бершацкий) и Е.А. Корженевский; выпускник Лицея Б.В. Струве и др. Своеобразие их положения заключалось в том, что, несмотря на сравнительно невысокие чины и должности, они получали от генерал-губернатора весьма важные и ответственные задания.

Традиционно считалось, что Муравьев недооценивал и пренебрежительно относился к чиновникам-сибирякам и, наводнив сибирскую администрацию приезжими, ускоренно продвигал их по службе. В статье, посвященной анализу кадровой политики Муравьева, Е.А. Кузнецова соглашается, что "чиновникам, прибывающим на службу в Восточную Сибирь из внутренних губерний, генерал-губернатор отдавал явное предпочтение перед коренными сибиряками", уточняя, правда, что у Муравьева, как свидетельствовал В.И. Вагин¹⁶, не было стойкого предубеждения против сибиряков¹⁶. До 1851 г. приезжих из Европейской России было, как можно видеть из вышеприведенного перечня, не очень много. Большинство важных должностей занимали прежние чиновники. Практически не произошло изменений в составе высших лиц Енисейской губернии, всего несколько новых человек

появилось в иркутской губернской администрации и лишь один новый советник — в ГУВСе.

Эти наблюдения можно подтвердить и подсчетами. К 1850 г. на 16,6 % (по сравнению с 1845 г.) возросло число администраторов в высоких чинах $\frac{4}{7}$, на 31,6 % — количество должностей высокого ранга¹⁷. Как мы отмечали в предыдущей главе, важно соотношение классов чина и должности. В 1850 г. чин был ниже должности у 25 % служащих, а у 57 % чин равнялся должности. Напомним, что превышение класса должности над чином, как правило, означало, что еще не выслуживший соответствующего чина человек получал значительное место. Еще более выразительны аналогичные данные у неформальной верхушки местной администрации — здесь превышение класса должности над чином было характерно для 46,4 % ее состава.

Высший слой администрации к 1850 г. несколько изменился по сравнению с 1845 г. Участие военных в управлении, несмотря на известное пристрастие к ним Муравьева, почти не увеличилось: доля числившихся по армии и флоту в формальной верхушке выросла с 16,7 до 18,5 %, в неформальной даже уменьшилась с 37 до 35,7 %, а людей, чья карьера была связана с военной службой, стало меньше и в формальной (в 1845 г. — 41,7 %, в 1850 г. — 29,6 %), и в неформальной верхушке (в 1845 г. — 62,9 %, в 1850 г. — 57,1 %). Доля дворян в формально высшем слое ненамного уменьшилась (в 1845 г. — 52,4, в 1850 г. — 51,8 %), в неформальном — увеличилась (в 1845 г. — 60,8, в 1850 г. — 63 %). Значительно вырос образовательный уровень: лиц с высшим и средним образованием в составе формально высшего слоя стало 60 % (в 1845 г. — 45,4 %), хотя для неформальной группы эти показатели менее впечатляющие: 55 % в 1845 г. и 57,7 % в 1850 г. Новые люди, разумеется, появились, но их доля в формальной верхушке не была особенно велика: в 1850 г. прослужившие в Сибири пять лет и менее составляли 16 % (в 1845 г. — 28 %). Иначе обстояло дело в реальной верхушке: в 1845 г. таких было 23,8 %, в 1850 г. стало 40,7 %.

Вопреки утверждениям мемуаристов, ни формальная, ни реальная верхушка за первые муравьевские годы не помолодела: в первой группе средний возраст вырос с 47,0 до 48,7 лет, во второй — с 42,1 до 44,8. Не только не

увеличилась, но даже уменьшилась доля лиц моложе 40 лет и в формальной (с 20,8 в 1845 до 7,4 % в 1850 г.), и в реальной верхушке (с 43,5 в 1845 до 25,9 % в 1850 г.). Примерно на прежнем уровне в сформальной группе осталась доля опытных людей, имевших стаж службы по профилю своего ведомства в 10 и более лет (88 % в 1845 и 84,6 % в 1850 г.). Существенно уменьшилась их доля в реальной верхушке — с 77,2 % в 1845 до 63 % в 1850 г. Таким образом, наши сведения несколько уточняют представления и оценки современников. То же можно сказать и об отношении Муравьева к сибирякам.

Е.А. Кузнецова рассматривает вопрос о соотношении приезжих чиновников и уроженцев **Сибирь** в Главном управлении Восточной Сибири. Под этим углом зрения сопоставляются извлеченные из формулярных списков данные об их возрасте, происхождении, образовании, ранге занимаемых должностей и делается вывод о несправедливости мнения П.Н. Буцинского о том, что Муравьев полностью разогнал старый аппарат управления⁷⁸. Утверждение было бы убедительнее, если бы исследовательница опиралась на сведения не только о чиновниках Главного управления, но и обо всем круге деятелей высшей администрации. Это соображение представляется нам тем более важным, что Главное управление при Муравьеве окончательно утратило самостоятельную роль, превратившись в подобие личной канцелярии генерал-губернатора.

По нашим данным, в 1850 г. доля сибиряков в формально высшем слое администрации не только не сократилась, но в полтора раза увеличилась по сравнению с 1845 г. — с 14,3 до 22,2 %. Выросла она и в неформальной верхушке: с 16,7 % в 1845 г. до 25,9 % в 1850 г. Увеличилась также доля лиц, прослуживших в Сибири более 10 лет: в формальной группе с 52 % в 1845 г. до 76 % в 1850 г., в неформальной — с 47,6 % до 48,1 %.

Таким образом, кадровая политика Муравьева в первые годы еще не успела значительно изменить состав административного корпуса — во всяком случае, его формально высшего слоя. При присущем Муравьеву глубоко недоверии к деятелям прежних времен ситуация была непростой.

Первым и очевидным ее следствием стало увеличение собственной нагрузки. "Деятельность его, — отмечал

В.И. Вагин, — была необычайна. С 6-ти часов утра уже начинались занятия, и к этому времени должен был явиться дежурный чиновник"⁷⁹. Н.Н. Муравьев справедливо гордился своей трудоспособностью и в письме к брату противопоставлял себя прежним генерал-губернаторам, "которые любили есть, пить, волочиться и наживаться. ... Бог дал мне молодость... с молодостью сопряжена деятельность"⁸⁰. И позже он не раз отмечал, что управление Восточной Сибирью требует "от главного в крае начальника чрезвычайных физических усилий, здоровья необыкновенного, непомерной деятельности"⁸¹.

Это убеждение было связано с характерной чертой муравьевского стиля управления, воспринятой и "муравьевцами": стремлением все видеть и во все вникать самому, верой в то, что только осмотрев лично все, даже самые отдаленные местности подведомственной ему огромной территории, он может судить о ее потребностях и своих задачах, готовностью к лишениям и преодолению трудностей ради достижения поставленных целей. Б.В. Струве вспоминал, что Муравьев "считал безусловно необходимым немедленно и тщательно познакомиться лично с истинными потребностями края"⁸². Известно, что Николай I "проводил за работой восемнадцать часов в сутки из двадцати четырех, трудился до поздней ночи, вставал на заре... Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовывать своею волею"⁸³. Многие в управленческом стиле Муравьева указывают на сходство с принятыми при николаевском дворе порядками. И стремление не только править, но и управлять, вникая во многие частности. И склонность больше доверять военным, чем штатским, даже в делах сугубо гражданских. И использование отделений Главного управления, превращенных в канцелярию, "помимо нормальной системы правительственных учреждений". И особое доверие к своим адъютантам и чиновникам особых поручений, уподоблявшихся "личной дружине членов государевой свиты" и превращенных в ближайших помощников в делах управления⁸⁴. Возможно, Муравьев стремился сознательно подражать императору, которому он был глубоко и искренне предан. Но воплощение подобного подхода в практике управления отнюдь не было общим для администраторов николаевской эпохи.

И Струве, и Корсаков, и другие подчиненные Муравьева отмечали не только необыкновенную его работоспособность, но и требовательность, умение и других заставить или вдохновить работать много и энергично. При этом люди, подобные М.И. Венюкову или Б.В. Струве, осознавали себя не подчиненными, а сотрудниками генерал-губернатора и были движимы общей преданностью не только лицу, но в первую очередь делу⁸⁵. В письмах М.С. Корсакова родным нередко такие замечания: "у Н.Н. без дела не сидишь"; "без Н.Н. и у меня мало дела"⁸⁶. Прекрасно знавший все реалии чиновничьей жизни В.И. Вагин писал о сравнительно малой обремененности службой чиновников при Руперте: "По утрам... час или два проводили в разговорах... Занятия оканчивались в час, редко позже, вечерние занятия были редки"⁸⁷. При Муравьеве и сменившем его Корсакове нагрузка на чиновников значительно возросла. Постепенно вошли в норму вечерние занятия.

Требовательность к подчиненным порой переходила в жестокость, случаи нарушения дисциплины приводили вспылчивого генерала в состояние ярости, когда он сыпал угрозами, весьма опасными в устах обложенного серьезными полномочиями начальника. Обычно жертвами становились чиновники прежнего, рупертовского времени, но бывали и исключения. Так, уже в 1850 г. потерял свое место назначенный только в 1849 г. председатель Иркутской казенной палаты П.Н. Кобяков, бывший однокашник Муравьева по Пажескому корпусу. По воспоминаниям современников, "он навлек на себя неудовольствие Муравьева тем, что отказался исполнить какое-то распоряжение губернатора Зарина об отпуске денег, которое он считал незаконным". Как заметил записавший это свидетельство Вагин, дело было в нежелании Кобякова отступать от строгих правил, по которым выдача средств казенной палатой могла осуществляться только с разрешения Министерства финансов⁸⁸.

Но Муравьев продолжил прежнюю традиционную линию ходатайств перед центром об "увеличении штатов", т.е. жалования чиновникам. В отчетах неизменно повторялись сетования на "крайность положения всех здешних присутственных мест, которые часто, чтоб не приостановить вовсе делопроизводства, бывают вынуждены делать займы и входить в долги такого рода, которые впоследствии они не в силах уплативать; чтобы предотв-

ратить подобные неудобства, необходимо как можно поспешнее усилить средства канцелярий и оклады штатных чиновников"⁸⁹. Более того, во время своего первого обозрения генерал-губернаторства Муравьев выплатил способным, но неимущим чиновникам добавочное жалование из своих собственных денег. Истратив на это 2500 руб., он надеялся возместить их из специально ассигнованных на подобные цели средств, но узнав о встретившихся затруднениях в осуществлении замысла, смирился с потерей денег⁹⁰.

На особом положении находились ближайшие подчиненные. Им поручались весьма ответственные дела, уровень которых значительно превышал их формальную компетенцию — главным образом, следствия по поводу многочисленных злоупотреблений.

За первые годы Муравьеву не удалось кардинально изменить состав высшей администрации, но современники единодушно отмечали появление в окружении генерал-губернатора людей нового типа. Особую социокультурную группу среди тех, кто был близок к генерал-губернатору, составляли и местные уроженцы из числа "сибирских самородков"⁹¹, к которым принадлежали, например, управляющий казенным винокурным заводом И.В. Ефимов и подпоручик корпуса топографов В.В. Ваганов. Более заметны они стали в последующий период. Меняется социокультурный облик приезжих: на смену людям типа П.Н. Успенского или К.Я. Дарагана приехали сравнительно молодые, образованные и проникнутые идейными устремлениями В.М. Муравьев, А.О. Стадлер и Б.В. Струве. Вместе с М.С. Корсаковым и еще несколькими столь же молодыми чиновниками особых поручений и адъютантами они и составили ближайшее окружение⁹² Муравьева — "наш круг", как называли его они сами.

Если не самым типичным, то самым выдающимся среди них был Андрей Осипович Стадлер. Он окончил Московский университет, в студенческие годы был дружен с К.Д. Кавелиным, близок к известной в либеральных кругах семье Свербеевых. После университета Стадлер служил в Грузии, в канцелярии грузинского гражданского губернатора, и редактировал газету "Закавказский вестник". Затем перешел чиновником особых поручений к тульскому губернатору. В Туле Стадлер прославился борьбой с взяточничеством и злоупотреблениями, за что,

по словам А.С. Хомякова, имение которого находилось в згой губернии, "был ненавидим всеми... тульскими плутами", а самим Хомяковым причислен к числу "замечательнейших людей, воспитанных Московским университетом"⁹³. В Иркутске Андрей Осипович стал членом Совета Главного управления и пользовался полным доверием генерал-губернатора, став одним из самых близких его подчиненных. По воспоминаниям Б.В. Струве, Стадлер отличался блистательными способностями и знанием дела, замечательной наблюдательностью, но "не шадил никого своим острым языком; насмешками своими нажил себе множество врагов"⁹⁴. Похожую характеристику давал ему и М.С. Корсаков в письме к своим родителям: "Стадлер... очень умный, не шадит никого в разговоре, очень похож в этом случае на Мордвиновых, и видит все с дурной стороны"⁹⁵. Сравнение с Мордвиновыми представляется весьма многозначительным, принимая во внимание известную склонность некоторых молодых членов этой семьи к увлечению социальными и либеральными идеями⁹⁶. В одном из немногих сохранившихся писем Стадлера к Е.П. Ковалевскому упоминались петрашевцы Черносвитов и Спешнев, причем о Черносвитове Стадлер писал: "Не могу понять, как такой человек мог попасть в такое дело. Хвастун, болтун и с первых двух слов весь на ладони, так что остается только отвернуться"⁹⁷. Выполняя порученную Муравьевым ревизию Минусинского округа, Стадлер начал успешно завершившуюся впоследствии борьбу против злоупотреблений владельца завода Коновалова в отношении вывезенных из Европейской России крепостных.

Однако весьма успешно складывавшаяся карьера была внезапно прервана. В 1851 г. он был снят с должности начальника отделения и члена Совета Главного управления и отправлен председателем губернского суда в Красноярск. Причиной внезапной опалы были, по воспоминаниям Вагина, неблагоприятные слухи и интриги Д.В. Молчанова⁹⁸.

Довольно подробная и любопытная характеристика была дана А.О. Стадлеру в очередном жандармском донесении в конце пребывания этого чиновника в Красноярске. "Замечательный по уму, образованию и сведениям, человек находчивый, способный и многосторонний, здравый, определительный и увлекательный, способен приобретать себе приверженцев, в особенности между моло-

дежью, на которую он действует обаятельно; характера беспокойного, любит интриги и не упускает случаев развивать их под рукою... Как чиновник, замечательно дельный, но как человек частный, требует особенного за ним наблюдения"⁹⁹.

Сибирский жандарм был весьма проницателен: через несколько лет, покинув не только Сибирь, но и Россию, Стадлер вступил в переговоры с известным эмигрантом князем П.В. Долгоруковым. Задуманное ими издание должно было быть чисто либеральным. "Не думая вовсе о революции и о ниспровержении всех основ общества, — писал Стадлер К.Д. Кавелину, — не будучи даже красным республиканцем, не только социалистом, очень возможно думать иногда о переменах к лучшему, о реформах, о преобразованиях. У нас из этой возможности рождается целая литература, вроде твоих статей, вроде тех, о которых ты говорил мне... Вот этими-то произведениями, умеренными, но прогрессивными, свободными без задора, либеральными с уважением к первым началам общества и благопристойности, — я бы хотел служить органом за границу"¹⁰⁰. Этот проект, как и большинство "умеренных, но прогрессивных" либеральных начинаний, не был осуществлен, но достаточно ясно характеризует позиции его автора.

Но это позже, а в Сибири судьба Стадлера — и его взлет, и опала, — достаточно типична. То же самое произошло и с Б.В. Струве, и с И.В. Ефимовым.

Для кадровой политики Муравьева вообще были характерны внезапные решения. Одну из характернейших особенностей муравьевского стиля управления составляла склонность не считаться ни с должностью, ни даже с профессиональным уровнем подчиненного, превыше всего ставя честность, ответственность, точное исполнение указаний. Личные отношения начальника и подчиненных становились более важным фактором, чем такие законные основания, как происхождение, образование, служебный стаж и квалификация. Подобная практика позволяла преодолевать искусственные препятствия, создававшиеся архаичной системой чинов, не позволявшей гибко и эффективно использовать дефицитные кадры, но с неизбежностью переходила в систему фаворитизма со всеми присущими ей пороками и злоупотреблениями. Тем не менее, на первых порах генерал-губернатор получил хоть какую-то опору в своем

противодействию засилию коррумпированного чиновничества, тесно связанного с богатейшими купцами, золотопромышленниками и откупщиками, против которых он вел энергичную и решительную борьбу.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Экономическая политика Муравьева была одновременно и попыткой реализовать собственную систему взглядов. Он был убежден в необходимости отмены крепостного права и введения частной собственности на землю. В то же время на первом плане для администратора должен был, по его мнению, стоять казенный интерес, забота о сбережении расходов и приросте доходов казны. Государство может и должно контролировать и направлять всю экономическую сферу, вмешиваясь в деятельность "богатого промышленного и торгового класса" и в его отношения с народом, защищать "низшие классы" от торговцев, золотопромышленников и откупщиков¹⁰¹. Богатство не должно давать никаких преимуществ перед законом и властью, — считал Муравьев. Таким образом, антикрепостнические убеждения смешивались со старыми, традиционными для России патерналистскими идеями, и все это имело к тому же весьма заметный социалистический оттенок. Его во взглядах и высказываниях "красного генерала" не раз находили люди, придерживавшиеся самых разных политических принципов — от М.А. Бакунина до В.Д. Скарятин (в молодости — чиновник Забайкальского областного правления, а в зрелые годы — редактор-издатель консервативной газеты "Весть"). Вагин вспоминал, что Скарятин назвал "социалистической" речь Муравьева при открытии Забайкальской области¹⁰². Сам Скарятин писал о Муравьеве: "Всегда и во всем стоит он за бедного и слабого против сильного"¹⁰³.

Экономическая и социальная политика Муравьева в первый период его сибирской деятельности была довольно логичной и последовательной. Она была направлена против могущества откупщиков, кяхтинских торговцев и золотопромышленников. Для подрыва их влияния и власти он предложил запретить совмещение занятий откупом и золотопромышленностью. Своей властью генерал-губернатор распорядился с целью прекращения "всех бес-

порядков и даже преступлений при роспуске с золотых приисков рабочих" запретить продажу спиртного вблизи золотых приисков и дороги, по которой возвращались с них рабочие, а само это возвращение должно было сопровождаться полицейскими командами¹⁰⁴.

По воспоминаниям Струве, во всеподданнейшем рапорте от 25 февраля 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири даже высказывал сомнение в целесообразности сохранения частной золотопромышленности. Лучше всего, по его мнению, было бы создать единую государственную золотопромышленную компанию. Если же государь все-таки находил нужным сохранять частную золотопромышленность, то богатства должны были бы распределяться "более справедливо", для чего необходим строжайший и бдительный надзор. В сохранившейся в ГАИО копии этого доклада, написанного, кстати, рукой Струве, ничего подобного нет. Но в находящейся в том же деле копии не датированной всеподданнейшей записки содержится подробная характеристика положения в золотопромышленности. В ней обнаруживаем и цитируемые в мемуарах Струве слова: "Не смею разрешить вопроса, полезно ли для государства, чтоб частная золотая промышленность распространялась, но убежден в том, что доколе она существует и доволена, то Вашему величеству угодно, чтоб богатства эти распределялись более справедливо и правильно, чем это до сих пор делается"¹⁰⁵. Но о государственной золотопромышленной компании в этом документе нет ни слова.

И в приводимом документе, и в других текстах генерал-губернатор энергично протестовал против широко распространенной практики передачи казенных остатков в другие руки — как правило, компаниям с участием петербургских сановников. Почти все прииски можно было бы за те или иные отступления от закона обратить в казну, но реализовывалась такая возможность только "в особых случаях", когда в этом оказывались заинтересованы достаточно влиятельные люди. Прекрасно понимая, что выступлением против сложившихся порядков он наживает могущественных врагов, Муравьев понимал и другое: существующая система будет с неизбежностью порождать коррупцию, и прекратить ее в этих условиях невозможно. Он так и писал императору: "В настоящем виде при всех благих намерениях Вашего Величества

предмет этот, возбуждающий до высшей степени наиболее свойственную человеку слабость — корысть и любостяжание, — будет всегда источником несправедливостей, несправедливостей и общего развращения нравов во всех состояниях, до него касающихся"¹⁰⁶.

Позиция Н.Н. Муравьева по другому важнейшему для экономики края вопросу — о кяхтинской торговле — не сводилась к максимальному увеличению таможенных доходов. В письме к Л.А. Перовскому от 18 февраля 1850 г. он утверждал, что "главная выгода для России от кяхтинской торговли — сбыт своих мануфактурных произведений, для Сибири — провоз этих произведений. Контрабандисты заменяют это золотом, лишая этим выгоды и подрывая сбыт наших мануфактурных произведений"¹⁰⁷. Поэтому борьба с контрабандным провозом золотой монеты велась энергично и жестко. Иркутский 1-й гильдии купец В.И. Марков был в 1850 г. посажен в острог, предан военному суду, лишен права вести торговлю с китайцами и проживать в Забайкалье, отдан под полицейский надзор и только в 1856 г., уже полуразорившийся (перешел в 3-ю гильдию), освобожден от полицейского надзора с сохранением запрещения на проживание в Кяхте и ведение торговли с китайцами. Несколько лет находились под гласным полицейским надзором известные купцы Наквасин, Носков, Старцев¹⁰⁸.

В первые годы генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева произошло еще несколько суровых и скандальных расправ с отдельными представителями "торгового и промышленного класса", имевшими особенно большое влияние на народ. Первыми пострадали забайкальские купцы Кандинские, богатство и власть которых были в значительной степени связаны с финансовой зависимостью их многочисленных должников — забайкальских крестьян. Во время ревизии Забайкалья адъютантами В.М. Муравьевым и И.С. Мазаровичем в 1848—1849 гг. было продемонстрировано отношение новых властей к Кандинским. Казак Р.К. Богданов, бывший свидетелем этих событий, вспоминал, как дом "забайкальского магната, 1-й гильдии купца и коммерции советника" был оцеплен солдатами¹⁰⁹. Серьезным ударом по могуществу Кандинских стало распоряжение Муравьева не признавать долги свыше 10 р. 50 к., не зафиксированные документально. Поскольку практика письменного оформления такого кре-

дита была еще не развита, это означало разрешение и даже распоряжение не платить долгов вообще.

Во всеподданнейших отчетах давалась общая весьма невысокая оценка сибирского купечества и его деятельности. Так, в отчете за 1850 г. Н.Н. Муравьев писал: "Торговый класс, не получив в коммерческом отношении основательных познаний, ведет дела свои большею частью наудачу, и, не имея собственного значительного капитала, основывает свои выгоды на кредите. Это обстоятельство заставляет торгующих налагать на продаваемый товар чрезвычайно высокие цены, а в случае неудач продажи, отдавать товар в долг". Хотя здесь заметно понимание причин и специфики положения сибирского купечества, вывод весьма резок: "Самое направление здешнего купечества слишком своекорыстно и лишено должной благонамеренности"¹¹⁰.

Негативное отношение к сибирским богачам сочеталось с противопоставлением их простому народу, который был в глазах Муравьева традиционной опорой верховной власти.

В первые же годы генерал-губернаторства проявилась и такая характерная для Муравьева черта, как внешний демократизм, доступность для простых людей. Он охотно беседовал с казаками, крестьянами, инородцами, принимал их в своем доме. М.С. Корсаков, описывая родителям в 1849 г. обычный распорядок дня генерал-губернатора, сообщал, что четыре раза в неделю — по вторникам, средам, пятницам и субботам — он проводит прием, обычно в 12 часов, на который с просьбами и жалобами являются разные лица, больше простой народ¹¹¹. "С самого своего приезда, — вспоминал и Вагин, — он открыл всем свободный до себя доступ, в его приемной всегда можно было найти много крестьян и вообще простого народа, с самыми разнообразными просьбами"¹¹². Пренебрежительно относясь ко всякого рода "канцеляршине", Муравьев нередко решал во время таких приемов важные и насущные вопросы. Правда, при этом столь же просто нарушались законы Российской империи, но это мало волновало "главного блюстителя законов в крае", как, впрочем, и его подданных.

В сибирские же годы нашла практическое воплощение и общая антикрепостническая направленность взглядов и деятельности Н.Н. Муравьева. Одним из ее проявлений в административной практике стало "следственное дело о

противозаконных действиях отставного коллежского советника Коновалова по управлению своими крепостными людьми". Речь шла об использовании на принадлежавшем Коновалову заводе его крепостных, привезенных из Европейской России. Дело было возбуждено по инициативе направленного для ревизии в Минусинский округ А.О. Стадлера, и генерал-губернатор, несмотря на пришедшееся как раз на это время серьезное недовольство этим бывшим своим приближенным, поддержал его в преследовании крепостника. По его распоряжению дело было рассмотрено в Совете Главного управления Восточной Сибири, и "за жестокое обращение Коновалова с его крепостными людьми, находящимися в Енисейской губернии, за отягощение их работами в нарушение законом установленных правил, дурное их содержание и приведение в бедность" было принято решение установить опеку. Кроме того, енисейскому губернатору было предложено передать на рассмотрение вышестоящим инстанциям вопрос о "неправильном" владении Коноваловым многими из людей, находящимися при его стеклянном заводе, о незаконном употреблении их, и, наконец, "о противозаконных и пристрастных действиях при укреплении за Коноваловым некоторых из людей в противность существующим законоположениям"¹¹³. Разумеется, в данном случае было пресечено только злоупотребление помещицкой властью, но в дореформенных условиях большего и нельзя было сделать.

Как и прежде, антикрепостнические убеждения сочетались с признанием необходимости крестьянской собственности на землю. В Сибири, естественно, этот вопрос не возникал, но применительно к одной категории населения Муравьев его поставил. Доказывая необходимость серьезных преобразований в положении ссыльнопоселенцев, он подчеркивал особый вред запрещения им иметь недвижимую собственность. "Одна уже мысль не иметь никакой существенной собственности и своего неотъемлемого приюта, естественно должна образовать из каждого, лишенного этого приюта, бродягу", — писал Муравьев в отчете за 1849 г.¹¹⁴

Крупная мера муравьевского времени в сфере экономической и социальной политики — перечисление нерчинских горнозаводских крестьян в казаки — должна была способствовать решению приоритетных для Муравьева задач. Генерал-губернатор и его помощники рас-

ценивали это как освобождение крестьян от полукрепостной зависимости. Их участь, — писал Муравьев великому князю Константину Николаевичу, — представляет "один из самых отвратительных видов крепостного состояния"¹¹⁵. Из приписных крестьян Нерчинских горных заводов должны были быть образованы пешие батальоны Забайкальского казачьего войска, которые затем сыграли важную роль в движении на Амур.

Обстоятельства, связанные с этим перечислением крестьян, рассматривались в статье Б.Г. Кубалова и С.Ф. Ковалая. Авторы указывали, что Муравьев был "решительным сторонником частнокапиталистической инициативы" и поэтому "выступил инициатором освобождения горнозаводских крестьян Нерчинского округа и перевода их в казаки"¹¹⁶. Авторы не приняли во внимание эволюцию взглядов Муравьева и считали, что он с начала и до конца своего пребывания в Сибири придерживался примерно одних и тех же позиций в понимании путей развития ее экономики. Рассматривались эти сюжеты и в монографии А.Т. Топчегое. Автор подробно охарактеризовал тяжелое положение приписных и даже указывал, что "передача их в казачье ведомство в большой степени была попыткой сгладить социальные противоречия в крае". Но вряд ли можно согласиться с другим его утверждением, что одной из причин подобного преобразования было стремление администрации увеличить контингент феодально эксплуатируемой рабочей силы.¹¹⁷

Б.В. Струве писал о радости крестьян при известии о перечислении их в казаки. Но не все современники свидетельствовали о подобной реакции. Вагин утверждал, что крестьяне попали из одного ярма в другое.¹¹⁸ Были и серьезные инциденты.

Во всеподданнейшем рапорте от 17 сентября 1852 г., служившем дополнением к ежегодному отчету о состоянии края, Муравьев докладывал о происшествии в только что образованном Забайкальском казачьем войске при формировании первого пешего батальона из приписных крестьян. Как сообщал генерал-губернатор, там находилось до 70 семей раскольников, сосланных еще за Пугачевский бунт. Один из них, новоиспеченный казак Овчинников, "призванный для взыскания в бригадную канцелярию, дерзнул поднять руку на бригадного командира и схватил его за эполеты; за пре-

ступление это он, по конфирмации наказного атамана (П.И. Запольский. — *Н.М.*), прогнан сквозь строй через тысячу человек три раза и наказания этого не перенес". Муравьев оправдывал решение Запольского и отмечал: "Строгий пример этот был для упорных, хотя немногочисленных раскольников необходим". Но сам он действовал все же иначе. В том же рапорте изложено, что другой казак, "отказываясь от принятия военной одежды, осмелился дерзко выразиться о Высочайшей особе Вашего Величества; и, наконец, третий, также из раскольников, показал на смотре при мне уже упорное одобрение действий первых двух и просил перевода из своего места к другим раскольникам; я обоих их перевел в Якутский казачий полк"¹¹⁹. Положение старообрядцев, действительно, осложнилось: их уставы запрещали службу в армии, и формирование Забайкальского казачьего войска поставило их в ситуацию, когда надо было либо оказывать сопротивление, либо бежать из обжитых мест.

До 1851 г. пограничные и городовые казаки числились в гражданском ведомстве и были свободнее в смысле воинской дисциплины. Генерал-губернатор считал своим долгом отметить в рапорте, что "большая часть из вышеозначенных раскольников исполняют свои обязанности усердно", и добавлял, что впредь будет, при необходимости, переводить упорствующих в другие казачьи полки Восточной Сибири¹²⁰. Сравнительно мягкое решение Муравьева контрастирует с ужесточением приговора при конфирмации генерал-губернатором Рупертом по делу о волнениях на золотых приисках в 1842 г.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Создание и представление проектов преобразований административного характера стало еще одним типичным для Муравьева направлением деятельности, обозначившимся уже в первые годы его генерал-губернаторства. Впечатляет прежде всего объем проделанной работы, особенно если учесть, что Муравьев, как вспоминал Б.В. Струве, "все писал своею рукою, требуя только к себе дела"¹²¹. В подготовительной работе ему помогали А.О. Стадлер, а позднее Д.В. Молчанов и М.С. Корсаков. Оправдываясь в том, что не успел закончить намеченное

к сроку, Муравьев писал: "У меня ведь нет огромной канцелярии... и все составляется мною с управляющим 4-м отделением и одним адъютантом"¹²².

Проекты преобразований, предлагавшиеся генерал-губернатором Восточной Сибири, предполагали не частичные, незначительные изменения в организации управления, а серьезные и существенные.

Характерный пример связан с историей казачества. В статье А.С. Зуева прослеживается история попыток реорганизации управления забайкальскими казаками в 1830—1840-х гг. Рассматриваются проекты полковника Ладыженского, капитана Агтс, сенатора Толстого, генерал-губернатора Руперта. Все они, при известных различиях, сводились к набору частных мер¹²³. Проект Муравьева, осуществленный в 1851 г., вносил кардинальные изменения. Если его предшественники предлагали изменить количество казаков в пределах одной — двух тысяч, то по предложению Муравьева их штатная численность была доведена почти до 16 тыс. чел., а после включения в состав казаков нерчинских горнозаводских крестьян к ним прибавилось еще около 30 тыс. Реально, к 1857 г. он располагал на границе примерно 23 тыс. чел.¹²⁴. Если в 1830—1840-е гг. речь шла о создании бригады, передаче казаков в военное ведомство, то Муравьевым было создано войско, подобно Донскому или Оренбургскому. Но главное — Забайкальское казачье войско получило совершенно новое назначение, связанное с планами Муравьева на Амуре.

Свойственные Муравьеву размах и масштабность намечаемых преобразований нагляднее всего видны в его действиях по изменению административно-территориального устройства края. 3 марта 1850 г. был отправлен всеподданнейший рапорт с приложением особой записки из 21 раздела. Это были проекты положения о Забайкальской и Якутской областях и Кяхтинском градоначальстве, новое штатное расписание и др.¹²⁵. Всего были подготовлены, во время первой поездки в Петербург в 1850—1851 гг. представлены, а в течение 1851 г. утверждены: новое административно-территориальное устройство Восточной Сибири с выделением Забайкальской, Камчатской, Якутской областей и Кяхтинского градоначальства; образование Забайкальского казачьего войска с обращением нерчинских горнозаводских приписных крестьян в ка-

заки; передача Иркутского и Енисейского конных казачьих полков из гражданского в военное ведомство; новые временные правила для кяхтинской торговли; новые условия продажи вина в крае, основанные на сочетании акцизной и откупной системы; учреждение Амурской экспедиции под начальством Г.И. Невельского. Одновременно Муравьев добился расширения прав генерал-губернатора в отношении чиновников ряда до сих пор не подчиненных местным властям ведомств — горного, почтового и таможенного. Эта мера, наряду с переменами в штатном расписании существовавших и образованием новых учреждений, имела наибольшее значение в жизни сибирских чиновников.

В выделенных в 1851 г. из состава Иркутской губернии Забайкальской и Якутской областях был установлен по предложению Муравьева особый, упрощенный механизм управления. Общее губернское управление, губернское правление и казенная палата были соединены в одно общее присутствие. В 1860 г. сам Муравьев указывал в официальном письме к управляющему делами Сибирского комитета В.П. Буткову, что 10 лет тому назад он предлагал разделить Иркутскую губернию на несколько особых областей и во всех ввести именно такой порядок управления. Тогда предложение его не прошло, так как оно противоречило Сибирскому учреждению. Опыт функционирования упрощенной системы управления в Забайкальской и Якутской областях привел Муравьева к следующему выводу: "никакие частные изменения и улучшения существующего в сибирских губерниях порядка не дадут того результата, какой получится от предполагаемой мною реформы (т.е. применения упрощенного порядка и к Енисейской, и к Иркутской губерниям. — Я.М.); и мне кажется, — продолжал он убеждать Буткова, — что та система управления хороша, при которой не только не возможен произвол, злоупотребления и важные затруднения в делопроизводстве, но еще получается возможность именно от этого сокращения расходов употребить остатки на увеличение содержания чиновников и улучшение других частей управления"¹²⁶.

Изменения в административном управлении Восточной Сибири, вносившиеся по инициативе Муравьева, были подчинены двум основным принципам: раздроблению Иркутской губернии на более мелкие единицы и сосредото-

чении управления войсками в руках генерал-губернатора с целью использования их для решения амурского вопроса. Последнее достигалось в результате образования Забайкальского казачьего войска, а также передислокации и переподчинения городских казачьих полков и линейных батальонов. Л.А. Дамешек, И.Л. Дамешек, и Е.А. Кузнецова, сравнивая административные реформы М.М. Сперанского и Муравьева, подчеркивают стремление¹²⁷ Муравьева к установлению принципа единоначалия. Нам представляется, что стремление Муравьева к полному административно-территориальному переустройству Восточной Сибири, созданию в ней все новых и новых областей не было следствием самолюбивого желания получить новых подчиненных в губернаторском ранге и тем возвыситься до наместнического уровня. Оно с очевидностью вытекало из усвоенного им коренного принципа управления — все видеть и во все вникать самому. Разумеется, в этом случае речь не шла о непосредственном участии генерал-губернатора в разрешении всех дел, но этим должен был, по его мнению, заниматься губернатор, а требовать от иркутского губернатора непосредственного управления такими отдаленными территориями, как Якутская или Камчатская области, было нелепо.

Н.Н. МУРАВЬЕВ И ДЕКАБРИСТЫ

Отношения Н.Н. Муравьева с декабристами не раз рассматривались в мемуарах и литературе, главным образом¹²⁸ — в работах по истории декабристов в Сибири. Большинство авторов при этом следовало логике Д.И. Завалишина, повторяя его схему: Муравьев как "умный, деятельный, склонный к либерализму, ловкий и хитрый администратор преследовал, сближаясь с декабристами", собственные цели. В первые годы декабристы, хотя и ссыльные, были ему нужны своими советами и знаниями, а еще больше — своими связями при дворе и в правительственных кругах. Во второй половине 50-х гг. наступило охлаждение, вызванное осуждением действий генерал-губернатора на Амуре¹²⁹. Источники показывают более сложную картину.

Уже в первые месяцы пребывания Н.Н. Муравьева в генерал-губернаторской должности иркутский губернатор А.В. Пятницкий донес шефу жандармов А.Ф. Орлову, что

"государственные преступники приобрели к себе особенное внимание г. Муравьева"¹³⁰. Были названы имена П.А. Муханова, Н.А. Панова и др. Действительно, Екатерина Николаевна и Николай Николаевич Муравьевы с самого своего приезда в Сибирь проявляли внимание к ссыльным декабристам. Они часто посещали дома Волконских и Трубецких, принимали декабристов и у себя, поддерживали дружеские отношения с П.А. Мухановым, И.Д. Якушкиным и А.В. Поджио ("Мы с Николаем Николаевичем очень, очень близки", — писал этот декабрист С.П. Трубецкому¹³¹). Муравьев встречался и подолгу беседовал с Д.И. Завалишиным, о чем тот много рассказывал в своих "Записках". М.С. Корсаков в дневнике отмечал долгие разговоры Н.Н. Муравьева наедине с П.А. Мухановым. Тот же Муханов, как свидетельствует его дальний родственник, знал и одобрял намерения генерал-губернатора "очистить состав чиновников, искореняя злоупотребления"¹³². Часто общались с декабристами и ближайшие подчиненные и сотрудники Муравьева — В.М. Муравьев (племянник И.Д. Якушкина), М.С. Корсаков, Б.В. Струве и др.

После новой серии доносов начальник Сибирского округа корпуса жандармов генерал К.И. Влахопулов использовал в оправдание Муравьева ставшую известной по мемуарам отговорку. "Если он оказывает некоторое внимание к государственным преступникам, живущим в Иркутске, то... по весьма естественной причине: жены их лучшего образования, а недостаток этого в прочих сословиях города послужил к тому, что супруга генерала Муравьева оказывает им внимание и даже расположение, иногда посещает их и даже принимает их у себя", — писал он в очередном отчете¹³³. На самом деле все было гораздо серьезнее. Не говоря уже о ставших широко известными в Восточной Сибири тесных дружеских отношениях с декабристами самого генерал-губернатора, а не только Екатерины Николаевны, общение отнюдь не сводилось к светскому.

Генерал-губернатор и его подчиненные выполняли поручения декабристов — тайно передавали их письма в Западную Сибирь, Петербург, Москву и обратно, перевозили книги и посылки. Проездом через Западную Сибирь Муравьев "останавливался всегда у И.И. Пущина и просил оповестить своих товарищей о его прибытии, желая в кругу их провести несколько досужных часов"¹³⁴.

Муравьев оказывал помощь многим декабристам и их семьям. При нем служили сыновья декабристов М.С. Волконский, В.И. Якушкин, Ю.В. Раевский, родственники ссыльных Н.Д. Свербеев, Н.Р. Ребиндер, А.И. Бибииков. Генерал-губернатор обсуждал с декабристами важные события. И.Д. Якушкин писал И.И. Пущину из Иркутска 30 сентября 1854 г. о встрече и беседе у Муравьевых после окончания первого амурского сплава: "Николай Николаевич, отвечая на наши вопросы, в продолжение нескольких часов рассказывал нам подробности своего путешествия. В будущем году он собирается опять с экспедицией спуститься по Амуру"¹³⁵. И.И. Пущин так отзывался о нем в письме к лицейскому другу Ф.Ф. Матюшкину: "Он один из живых лиц нашей администрации"¹³⁶.

Известно, что Е. Н. Муравьевой в 1850-е гг. в Иркутске был сделан список знаменитых сибирских сочинений М. С. Лунина ("Письма из Сибири" и "Взгляд на польские дела") "с оригинала, хранившегося у Волконских"¹³⁷. Этот факт говорит и о доверии Волконских к супруге генерал-губернатора, и о необычных интересах высокопоставленной дамы.

Несмотря на уважительное отношение Муравьева к декабристам, сохранилось, хотя и единичное, свидетельство о резком и даже грубом выпаде с его стороны. Адьютант А.Н. Похвиснев написал Корсакову, что он получил от генерала распоряжение "передать некоторым лицам, а именно кн[ягине] Трубецкой, находящейся под влиянием Персина с его штабом, Муханову, чтобы они держались осторожнее и не мешались бы в глупые разговоры и суждения, из опасности *переменить Иркутск на Колыму*"¹³⁸ (выделено в подлиннике. — Н.М.). И.С. Персина был доверенным в деле о наследстве матери Е.И. Трубецкой и своим человеком в семье Трубецких. Гнев Муравьева был, скорее всего, вызван сочувствием Персина опальному Занадворову (о "занадворовской истории" см. ниже). Очевидно, адъютант не передал оскорбительные слова — в ином случае переписка Муравьева с С.П. Трубецким впоследствии не была бы столь теплой.

Дружеские связи с декабристами Муравьев сохранял в течение всех своих сибирских лет, а со многими и дольше. О его тесных контактах с декабристами в годы Крымской войны рассказано в статье С.Ф. Ковалев¹³⁹. Муравьев

принял самое активное участие в организации выезда декабристов из Сибири после амнистии: хлопотал о возвращении казенного пособия малоимущим В.П. Колесникову, Х.М. Дружинину, дал из собственных средств деньги на дорогу сестре К.П. Торсона, устраивал осиротевших детей Н.Ф. Лисовского и М.К. Кюхельбекера.

Особую страницу составляют отношения Муравьева с Д.И. Завалишиным. В "Записках декабриста" они трактуются весьма односторонне и пристрастно. По утверждению Завалишина, генерал-губернатор сначала использовал его знания и рекомендации по амурскому вопросу и административному переустройству Восточной Сибири и действовал успешно, но затем, поставив превыше всего удовлетворение собственного тщеславия, перестал прислушиваться к советам декабриста и неизбежные с этих пор неудачи прикрывал обманом и злоупотреблениями. Несмотря на свойственную Завалишину склонность к гиперболам и завышенной самооценке, в его характеристике взаимоотношений с Муравьевым, как и в его мемуарах вообще, есть зерно истины. Как явствует из переписки самого Муравьева и воспоминаний других мемуаристов (Б.В. Струве, А.И. Заборинского, В.И. Вагина), Муравьев действительно на первых порах поддерживал дружеские отношения с Завалишиным и склонен был выслушивать советы его, как и других декабристов. Охлаждение связано с конфликтом Муравьева с забайкальским губернатором П.И. Запольским, еще более близким к Завалишину, и с приездом адмирала Е.В. Путятина, в котором Муравьев видел соперника и с которым Завалишин возобновил старинное знакомство. После появления в конце 1850-х гг. статей Завалишина с резкой критикой действий Муравьева прежние отношения сменились открытой враждой.

Если не для положения декабристов, то для понимания позиции Муравьева важны его официальные высказывания. Еще в 1850 г. на запрос А.Ф. Орлова, "какое возможно облегчение участи государственных преступников, находящихся в Восточной Сибири", Муравьев отвечал осторожным ходатайством об улучшении их положения. Оговорившись, что предположения его "основаны на примерах Высочайшей милости", он заключал: "Все лица ведут себя так скромно и благопристойно, и в образе мыслей так далеки от понятий, которые 25 лет тому назад

вовлекли их в преступление, что нет препятствий для оказания им любой милости"¹⁴⁰.

Более настороженно относился Муравьев к ссыльным полякам. И в ответе А.Ф. Орлову в 1850 г., и в более поздних письмах к М.С. Корсакову звучало опасение, что чрезмерное скопление польских ссыльных в Восточной Сибири может распространить их вредное и опасное для России влияние на местное население.

ОТНОШЕНИЯ С ПЕТЕРБУРГОМ

Первая поездка в столицу показала необходимость упрочения связей с петербургской бюрократией. "В силу установившегося обыкновения, — вспоминал о начале 1860-х гг. А.О. Дюгамель, — генерал-губернаторы отдаленных областей приезжают раз в каждые два года в столицу, чтоб ускорить окончание нерешенных дел и явиться ко двору"¹⁴¹. Муравьев следовал этой традиции и регулярно бывал в Петербурге, совмещая, как правило, эти поездки с заграничным отпуском¹⁴². Об эффективности посещений генерал-губернатором столицы свидетельствуют письма М.С. Корсакова родным: "У Николая Николаевича продолжают комитеты, воюет он сильно и, кажется, не без пользы" (8 января 1851 г.); "В комитетах после долгих и сильных прений... решается большею частью в нашу пользу" (12 января 1851 г.)¹⁴³.

Личные объяснения с министрами подтвердили уже сложившийся характер отношений. Прочную и неизменную поддержку генерал-губернатору Восточной Сибири оказывал только министр внутренних дел Л.А. Перовский. Не случайно его уход из Министерства произвел на Муравьева "потрясающее впечатление... Ему казалось, что он терял, с выходом графа Перовского из Министерства внутренних дел, одну из главных опор для борьбы с теми препятствиями, которые ему ставили в высших сферах Петербурга, по делам восточносибирским вообще, а амурским в особенности"¹⁴⁴. Управляющий Морским министерством князь А.С. Меншиков также нередко поддерживал его, особенно в амурском вопросе. Большое значение имело и в целом доброжелательное отношение начальника III отделения графа А.Ф. Орлова. Открыто враждебными были отношения с министром финансов, что сам Муравьев объяснял влиянием преследуемых им

откупщиков и золотопромышленников. Неизменное и во многим справедливое недовольство высказывал Муравьев и позицией Министерства иностранных дел и самого графа К.В. Нессельроде. В 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири с плохо скрываемым возмущением просил сообщать ему содержание листов, препровождаемых из Пекинского Трибунала внешних сношений в российский Сенат¹⁴⁵. По свидетельству побывавшего в Иркутске зимой 1854/55 г. И.А. Гончарова, Муравьев "не мог говорить хладнокровно" о Нессельроде и о тех "batons dans les roues" (палках в колесах), которые министр и прочие "кидали" ему в Петербурге¹⁴⁶.

Не складывались отношения и с Военным министерством: не утверждались представления генерал-губернатора Восточной Сибири о наградах и назначениях. Но здесь, скорее всего, дело было не в позиции министра, а в роли директоров департаментов и более мелких чиновников. Обер-провиантмейстер Восточной Сибири И.Ф. Тваровский считал, что "провиантский департамент ... вообще не очень жалует" подчиненных Муравьева¹⁴⁷. Сам Муравьев одну из причин такого отношения видел во влиянии своих недоброжелателей еще с кавказских времен и поставщика военного ведомства — сибирского откупщика Бенардаки¹⁴⁸. Схожая ситуация могла сложиться и в тех ведомствах, главы которых поддерживали Муравьева. Начальник Камчатской области капитан 1-го ранга В.С. Завойко предлагал М.С. Корсакову в 1852 г. свою помощь в продвижении дел в Морском министерстве, ибо "интендант мой старый капитан, и я бы все выхлопотал", а иначе "сколько Николай Николаевич ни пиши, толку не будет"¹⁴⁹. Открыто враждебно встречали посланцев Муравьева даже в Департаменте общих дел МВД — во всяком случае, до тех пор, пока брата его всесильного директора генерал-губернатор Восточной Сибири не взял к себе адъютантом.

Вероятно, Муравьев был прав, объясняя в письме к брату сложность своего положения в Петербурге: "Никто еще в таком странном положении, как я, не находился, и причина простая: меня выхватил из рядов сам Государь и поставил так высоко, что заметили меня и другие, с которыми я однако ж ничего общего иметь не могу... я с ними не родня, не сват и круга их не ищу, и поэтому я для них несносен, а от Государя очень далек... а дело у

меня важное, где бы надо **явное неограниченное доверие**"¹⁵⁰ (выделено в тексте. — Н.М.).

Были и другие причины. Конфликты генерал-губернаторов с министрами и аппаратами министерств в XIX в. в известной степени были обусловлены неопределенностью положения, полномочий и характера взаимоотношений "главного местного начальника" с центральной властью. Основа этих конфликтов коренилась, как уже говорилось, в противоречивости самой системы управления, использовавшей вертикальный и горизонтальный принципы без их органического сочетания. Не только письма и записки, но и вся логика поведения Муравьева показывает, что он рассматривал себя как наместника, полноправного и полновластного правителя, представлявшего в отдаленном крае особу самодержавного российского монарха. Это представление он мог вынести с Кавказа, где власть и должность наместника сохранялись до 1880-х гг. Подобная ориентация именно на кавказский вариант и апелляция к административной практике и административному устройству Кавказа вполне естественна для человека с его биографией. Не менее естественна и попытка опереться на поддержку именно министра внутренних дел в стремлении отстранить другие министерства от вмешательства в деятельность их собственных учреждений в крае. Высказывая Перовскому недовольство явным и откровенным покровительством министра финансов откупщикам, Муравьев писал ему 23 марта 1850 г.: "Одно средство здесь, чтобы ни г[осподин] министр, ни его департамент не принимали никакого участия в здешних откупках"¹⁵¹. Вообще борьба сибирских генерал-губернаторов с местными представителями министерств шла давно¹⁵².

Сознательно и целеустремленно ведя линию на расширение прав генерал-губернатора, Муравьев не покушался на изменение всей системы управления в России, а доказывал необходимость сделать исключение для самой отдаленной ее окраины. Излюбленным методом доказательства при этом было использование в отчетах и записках многочисленных примеров вопиющей медлительности в решении самых простых и неотложных вопросов. Чаще всего примеры брались из сферы компетенции тех министерств, отношения с которыми были особенно напряженными. Во введении уже приводился пример жалобы в отчете за 1852 г. на длительную и бесплодную

переписку с возглавляемым П.А. Клейнмихелем Главным управлением путей сообщения и публичных зданий о строительстве нового острога в Иркутске. И хотя графу Клейнмихелю были отправлены как проект и смета, составленные соответственно существующим в его ведомстве нормам, так и проект и смета, "составленные сообразно токмо с действительностью, потребностью и местными обстоятельствами", ответ не был получен в течение семи лет, а "между тем, — говорилось в отчете, — существующее здание день ото дня приходит в большую ветхость, приближаясь к окончательному разрушению". Построить же новое можно было "хозяйственным способом" очень быстро и всего за 50 тыс.¹⁵³.

Особенно настойчиво и последовательно добивался Н.Н. Муравьев расширения своих полномочий в области надзора за границей и пограничными делами, вплоть до предоставления ему исключительного права вести переговоры по этому вопросу с Китаем. Муравьев упорно доказывал, что "необходимо было бы прямо поручить здешнему главному начальнику все эти сношения, так как в распоряжении его и войска, и край"¹⁵⁴. Поставив с самого начала своей деятельности в Сибири задачу возвращения России Амура и, таким образом, определения новой границы с Китаем, он знал о нежелании МИДа во главе с Нессельроде предпринимать какие-либо шаги в этом направлении. Так что стремление к получению полномочий на ведение самостоятельных переговоров с Китаем содержало в себе противодействие официальному курсу внешней политики. Но единственное, чего сумел добиться в первые годы своего генерал-губернаторства Н.Н. Муравьев — он остановил экспедицию Военного министерства во главе с капитаном Генерального штаба Н.Х. Агте (Ахте). Экспедиция была направлена летом 1849 г. с целью осмотра восточной части российско-китайской границы. Муравьев распорядился впредь до высочайшего повеления остановить ее продвижение и фактически задержать экспедицию в Иркутске и не только не выполнил таким образом приказ вышестоящего начальника (по военной линии генерал-губернатор был, разумеется, подчинен военному министру), но и прямо воспротивился его выполнению. Во всеподданнейшем рапорте он объяснял свои действия необходимостью и целесообразностью. По его мнению, неуместны были любые сухопутные предприятия по ту сторону

Горбицы (т.е. на остававшейся неразграниченной территории) до занятия устья Амура и начала переговоров с Китаем¹⁵⁵. Тогда же завязались контакты Н.Н. Муравьева с приставом Пекинской духовной миссии Е.П. Ковалевским, впоследствии директором Азиатского департамента, энергично поддержавшим генерал-губернатора Восточной Сибири.

В контексте характеристики отношений с петербургскими сановниками отметим, что при бесспорной и признанной даже врагами личной честности, Муравьев соблюдал принятые нормы — с курьерами в Петербург высокопоставленным лицам отправлялись драгоценные камни любителю-минералогу Л.А. Перовскому ("Очень рад, что вилюйские минералыгодились в Ваш кабинет"), редкие чаи, меха и т.п. другим покровителям¹⁵⁶.

"ПОКРОВИТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ"

Отношение Муравьева к просвещению было, как и у большинства администраторов той эпохи, весьма утилитарным. Смысл существования учебных заведений сводился для него к подготовке чиновников. Эта позиция сформулирована в опубликованном Герценом ответе Н.Н. Муравьева министру народного просвещения от 2 апреля 1853 г. На запрос последнего о потребности Восточной Сибири в учреждении новых учебных заведений генерал-губернатор признал "весьма полезным для края" увеличение числа приходских училищ и школ для образования крестьян, потому что это давало возможность подготовить писарей в волостные и сельские управления и межевщиков. Но он находил "пока излишним увеличивать число губернских гимназий и уездных училищ", так как в них готовились бы чиновники для Сибири из числа местных уроженцев. Чиновники-сибиряки, по мнению Муравьева, благодаря родственным связям и соответственному воспитанию, неминуемо приобретали бы "то пагубное направление, которым отличается сословие местных купцов и чиновников". Из тех же соображений не нужно было, по его мнению, также и увеличивать число студентов-сибиряков в университетах, полезнее привлекать на службу в Сибирь чиновников из внутренних губерний. Что касается женского образования, то существующих Девичьего института, Сиропитательного дома имени Е. Медведниковой и приютов было

вполне достаточно и надобности в новых учреждениях не возникало¹⁵⁷. Такой была позиция Муравьева в 1853 г. Характерно, что во всеподданнейшем отчете за 1850 г. он весьма холодно отзывался о Девичьем институте и с горячим одобрением — о Сиропитательном доме. Напомним, что оба эти учебных заведения были предназначены для воспитания девушек, но первое — дочерей дворян, чиновников, офицеров, а второе — детей мещан, бедных горожан и т.п. Именно о нем генерал-губернатор писал, что "оно вполне соответствует потребностям края и имеет в нем самое благотворительное влияние на семейный быт среднего сословия"¹⁵⁸.

В отчете за 1856 г. уже содержалось предложение открыть гимназию в Красноярске и увеличить число стипендий для сибиряков в университетах. Это мотивировалось опять-таки увеличившейся к этому времени потребностью в чиновниках¹⁵⁹. Все труднее становилось заполнять вакансии, в том числе и возникавшие в результате административных реформ.

В то же время Муравьев умел ценить знания и интеллект, если они могли принести реальную, осязаемую пользу. Нагляднее всего это проявилось при подготовке и осуществлении планов относительно Амура. В связи с этими задачами был создан Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. О значении, которое придавал генерал-губернатор его деятельности, говорит хотя бы тот факт, что об основных ее направлениях, о пополнении библиотеки и Музеума Отдела сообщалось во всеподданнейших отчетах наряду с важнейшими событиями. «Делая сравнение несколько гиперболическое, — вспоминал М.И. Венюков, — я могу сказать, что для Восточной Сибири "век Муравьева" был тем же, чем век Екатерины II для всей России и век Людовика XIV для Франции ... Умственное движение в Иркутске 1850—1860 годов в самом деле было значительно, и Муравьеву в нем принадлежит роль если не возбудителя, то покровителя... в смысле Тамерлана, говорят иные, скорее в смысле Екатерины, скажу я»¹⁶⁰.

Учреждение в 1851 г. Сибирского отдела ИРГО было не только одним из самых важных и значительных событий "муравьевского времени" в Сибири. Оно было тесно связано сразу с несколькими направлениями административной деятельности Н.Н. Муравьева. Во-пер-

вых, при постоянных ссылках в обращениях в высшие правительственные сферы на местные обстоятельства необходимо было изучение местных условий и особенностей. Во-вторых, деятельность СО ИРГО сыграла важную роль в изучении и подготовке к освоению Дальнего Востока. Кроме того, учреждение Отдела и участие в его деятельности способствовали налаживанию контактов с высокими петербургскими покровителями ИРГО — прежде всего, великим князем Константином Николаевичем и его сотрудниками, чья поддержка в амурском вопросе была совершенно необходима.

В короткое время Отдел стал центром притяжения интеллектуальных сил края. Его существование и организационная специфика способствовали успешному сотрудничеству власти и интеллигенции. Не случайно первым правителем дел СО ИРГО стал один из ближайших к Муравьеву чиновников особых поручений Ю.И. Штубендорф¹⁶¹. Как вспоминал активный деятель СО ИРГО В.И. Вагин, "основатель отдела, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, был не только руководителем, но и прямым распорядителем деятельности отдела, даже сумм его, а официальные распорядители отдела — только исполнителями его распоряжений"¹⁶². Организация и деятельность СО ИРГО, в работе которого Муравьев участвовал сам и побуждал участвовать своих подчиненных, — еще одно свидетельство присущего ему умения ценить и использовать знания и интеллект.

Не исключено, что потребность в изучении края была осознана генерал-губернатором после нескольких неудачных шагов. Много сил и времени отняла попытка устроить поселения по так называемому Аянскому тракту, что должно было обеспечить регулярное сообщение с ближайшим к устью Амура портом на Охотском море Аяном и Камчаткой. Переселенцы испытали многие бедствия и страдания, но успехом эта попытка не увенчалась.

Подводя итоги первого периода генерал-губернаторской деятельности Н.Н. Муравьева, следует отметить, что за это время проявились многие характерные черты присущего ему стиля управления, были достигнуты определенные успехи в решении поставленных задач. Во-первых, ему удалось освободить приписных Нерчинского горнозаводского округа. Во-вторых, были созданы Забайкальская, Камчатская и Якутская области, Кяхтинское

градоначальство, что внесло заметное оживление в жизнь местного чиновничества. В-третьих, хотя Муравьев не подорвал и не мог подорвать позиции крупных золото-промышленников, купцов и откупщиков, все же заставил считаться с собой и их, и их высокопоставленных петербургских покровителей. Кроме того, он добился изменений в условиях предпринимательской деятельности. В-четвертых, хотя избранные им люди еще не заняли заметных должностей, все же немало их оказалось в ближайшем окружении генерал-губернатора, а кое-кто находился уже и на значительных должностях. В течение первого периода Н.Н. Муравьев принял также ряд мер, обеспечивших возможность энергичной и целеустремленной деятельности во втором периоде. Ее центральным направлением стало решение амурского вопроса.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

ПОДГОТОВКА К РЕШЕНИЮ АМУРСКОГО ВОПРОСА

В нашу задачу не входит специальное исследование истории разграничения территории России и Китая в районе Амура. Нас она интересует постольку, поскольку для решения этого вопроса огромное значение имела деятельность Н.Н. Муравьева и возглавляемой им администрации. В работах А.И. Алексеева обстоятельно рассказано о важнейшей роли капитана Г.И. Невельского, как и о серьезном влиянии, которое он оказал на только что назначенного генерал-губернатором Н.Н. Муравьева¹⁶³. Упоминается об этом и в монографии П.И. Кабанова¹⁶⁴. Б.П. Полевым установлена принадлежность петрашевцу А.П. Баласогло статьи по истории русско-китайских и русско-японских отношений¹⁶⁵. Известен также факт использования Н.Н. Муравьевым и его приближенными результатов и планов исследований А.П. Баласогло¹⁶⁶.

Действия генерал-губернатора Восточной Сибири по решению амурского вопроса и, в частности, его тактика фактической колонизации, опережающей дипломатические переговоры, получила противоречивую оценку в ли-

тературе. Практически полностью одобряют ее авторы коллективной "Истории Дальнего Востока"¹⁶⁷. В упоминавшейся во введении статье А.С. Мамай действия Муравьева расцениваются как стремление вооруженным путем захватить Приамурье и Сахалин. На самом деле, как показывает анализ всей деятельности Муравьева на Дальнем Востоке, в основе его плана лежало обеспечение прежде всего заселения окраины, появления там русских поселений — пусть военизированных. Оружие же и военная сила нужны были не столько против Китая, сколько (и главным образом) против возможной угрозы со стороны европейских держав. Справедливость этого опасения наглядно подтвердили события на Камчатке в 1854 г., когда своевременное прибытие по Амуру подкреплений способствовало успешному отражению англо-французской эскадры.

Признавая, что у Нессельроде не было конкретного плана действий на Дальнем Востоке (как не было, — добавим от себя, — и конкретной цели), А.С. Мамай утверждает, что такого плана первоначально не было и у Н.Н. Муравьева¹⁶⁸. Он явно недооценивает подготовительную работу, сделанную под руководством генерал-губернатора в 1848—1853 гг. и в то же время преувеличивает значение амурского вопроса для Муравьева в первые годы его генерал-губернаторства. Даже поездки Муравьева в Петербург в 1850 и в 1853 гг. объясняются только его стремлением лично принять участие в решении этого вопроса в правительственных кругах, хотя на самом деле, как показывают документы, обсуждения амурского вопроса в Сибирском комитете и других органах приурочивались к очередному появлению генерал-губернатора Восточной Сибири в столице.

Первоначальные, еще, вероятно, довольно смутные контуры будущих свершений обозначились уже зимой 1847/48 г. Идеи, составившие основу дальнейших действий Муравьева на Амуре, были сформулированы им в ряде записок, поданных в 1849 г. Кроме того, еще в 1847 г. петрашевец А. П. Баласогло по просьбе Муравьева написал для него памятную записку по истории освоения русскими Дальнего Востока в XVIII—XIX вв., сведения для которой были им почерпнуты из официального архива МИДа, где он тогда служил¹⁶⁹. Сопоставление текста статьи Баласогло и документов, принадлежавших перу Муравьева, позволяет заметить сходство по многим позициям, и в отношении не только

Амура, но и управления всей Восточной Сибирью. Это касается тезиса о необходимости сосредоточить в руках генерал-губернатора, удостоенного полным доверием, ведение сношений с Китаем; утверждения, что возможность внешних сношений зависит от успеха внутренних мер к народному благоденствию, а успех этих самых мер — от успешного хода внешних сношений; что благоденствие Восточной Сибири связано с доступом для русских и иностранных судов р. Амура, ибо "огромная полоса земли, омываемая рекой Амур и ее притоками", есть лучшая часть Восточной Сибири, без которой остальные ее части будут поражены онемением; что граница по Амуру необходима для того, чтоб "не втерлись какие-либо другие иностранцы между Россией и Китаем"; что существует реальная угроза овладения англичанами или французами, "по добровольному согласию китайцев, устьем Амура" с дозволением "ходить вверх и вниз по этой реке до Нерчинска". В записке предлагались также некоторые частные меры, которые Муравьев пытался осуществить, — например, перенос Охотского порта как неудобного по своему местоположению, в Аян и проведение дороги от Нелькана до Аяна¹⁷⁰.

Не исключено, что некоторые из этих идей были подсказаны и самим Муравьевым во время его встреч и бесед с Баласогло — в частности, любимая мысль Муравьева о соединении в руках генерал-губернатора задач внутренней и внешней политики, приведенная, к тому же, со ссылкой на хорошо знакомый и использовавшийся им кавказский опыт. Во всяком случае, все это опровергает предположение о стихийном появлении плана действий на Амуре. Характерно переданное И.В. Ефимовым признание самого Н.Н. Муравьева в том, что он видит себя продолжателем дела Ерофея Хабарова, а также рассказы Р.К. Богданова об установке креста и возведении церкви на месте древнего Албазина, некогда выдержавшего длительную осаду маньчжурских войск и разрушенного по Нерчинскому договору 1689 г.¹⁷¹ Н.Н. Муравьев проявил в своей деятельности на Дальнем Востоке необычную для администраторов николаевского времени самостоятельность, проводя свой курс при постоянном сопротивлении К. В. Нессельроде.

Для воплощения в жизнь идеи возвращения Амура необходима была не только исследовательская экспедиция, но и серьезная организационная, военная, эконо-

мическая и дипломатическая подготовка, осуществить которую было возможно только усилиями большого числа специалистов в разных областях и под руководством высокопоставленного администратора. Создание Забайкальского казачьего войска, переформирование линейных батальонов, преобразование городских казачьих полков в бригаду и передача их из гражданского в военное ведомство привели к появлению в руках генерал-губернатора реальной силы, способной осуществить военную колонизацию. Создание СО ИРГО, успешное сотрудничество с Невельским и другими моряками — исследователями Дальнего Востока, использование трудов Баласогло дало возможность сделать первые шаги по изучению нового края. В результате проведения нового административно-территориального деления была образована особая Забайкальская область, которая стала базой для амурских сплавов и всей деятельности на Дальнем Востоке. Наведя страх на чиновничество и проводя жесткие меры в экономической сфере, Муравьев получил довольно значительную экономию в расходовании выделявшихся для Восточной Сибири сумм и добился разрешения образовать из них "капитал особых предприятий в Восточной Сибири", находившийся в распоряжении генерал-губернатора¹⁷². Вместе с пожертвованиями золотопромышленника Е.А. Кузнецова этот капитал составил финансовую базу "амурской эпопеи".

Действия Муравьева на Амуре получили поддержку и благословение архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова). Для их отношений вообще были характерны взаимная координация и сотрудничество, что проявилось и в выработке совместного проекта реформы приходской жизни (см. ниже).

Присоединение Амурского края и приступ к его освоению стали главным делом не только второго периода генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева, не только всех его сибирских лет, но и всей его жизни. Период с 1852 по 1858 г. стал центральным для времени его генерал-губернаторства. Именно в эти годы наиболее ярко проявились характерные черты муравьевского стиля управления — как те, что и раньше были уже заметны, так и новые. Прежде всего это касается кадровой политики.

В начале 1850-х гг. резко увеличивается число ближайших подчиненных генерал-губернатора, особенно среди военных. С образованием Забайкальского казачьего войска, формированием артиллерийских частей, созданием на базе Иркутского и Енисейского городских казачьих полков бригады и предстоящими и предвидимыми серьезными задачами была заметно усилена штабная часть. При командующем войсками, в Восточной Сибири расположенными, появился настоящий штаб. Наряду с дежурным штаб-офицером (им стал подполковник К.Н. Шелашников из лейб-гвардии Семеновского полка — друг и бывший сослуживец М.С. Корсакова), был назначен управляющий частью Генерального штаба капитан А.И. Заборинский. Приехали новые адъютанты и офицеры для особых поручений, в том числе ставшие влиятельнейшими лицами администрации Б.К. Кукель и Н.В. Буссе. Офицерами для особых поручений числились также капитан 1-го ранга Г.И. Невельской и капитан 2-го ранга П.В. Казакевич. В Главном управлении Восточной Сибири было образовано специальное 6-е (казачье) отделение, во главе которого по настойчивым ходатайствам Муравьева был поставлен М.С. Корсаков. Особое военное управление состояло в подчинении у забайкальского военного губернатора и наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерал-майора П.И. Запольского, небольшой штаб был и у командира бригады Иркутского и Енисейского казачьих полков генерал-майора В.Д. Александровича.

Количественно выросло, хотя и в меньших размерах, штатское управление. Если в 1848 г. ГУ ВС состояло из шести членов и трех отделений, то за 1848—1851 гг. прибавилось еще два отделения, а к 1858 г. их было уже семь. Вместо трех чиновников особых поручений, как это было при Руперте и в первые муравьевские годы, в 1858 г. их стало 13. Главными занятиями для большинства этих людей стали подготовка, организация и осуществление амурских сплавов, изучение Амура и проведение переговоров с китайскими властями.

К 1855 г. общее число лиц в высоких чинах увеличилось по сравнению с 1845 г. на 50 % (по сравнению с 1850 г. — на 28,6 %), еще больше увеличилось количество высоких должностей (на 57,8 % по сравнению с 1845

и на 20 % по сравнению с 1850 г.). В составе формальной верхушки (напомним, что она образована на основе формальных критериев, т.е. путем включения в нее всех лиц с чином или должностью не менее V класса) оказалось довольно много людей, чин которых было выше должности (30,6 %, т.е. больше, чем в 1845 и 1850 гг., когда их было по 24 и 18 % соответственно). Еще больше выросла неформальная верхушка (в нее мы включаем всех деятелей администрации, чья должность позволяла на деле влиять на принятие управленческих решений) — на 63 % по сравнению с 1845 и на 57,1 % по сравнению с 1850 г. Анализ персонального состава показывает, что при Муравьеве стало более быстрым продвижение в чинах.

В формальной верхушке доля лиц, числившихся по военному или морскому ведомству, выросла к 1855 г. до 28,6 % (в 1850 г. — 18,5 %), выросла и доля людей, чья карьера была связана с армией, с 29,6 до 42,9 %. В неформальной верхушке несколько увеличился процент тех, кто числился в Военном и Морском министерствах (в 1850 г. — 35,7, в 1855 г. — 43,2), а также связанных с армией в прошлом (с 57,1 в 1850 до 59,5 в 1855 г.).

Продолжал увеличиваться удельный вес дворян: в формальной верхушке он достиг к 1855 г. 62,9 %, в неформальной — 72,1 %. Рос и образовательный уровень деятелей администрации: в формальной верхушке высшее или среднее образование в 1855 г. имели 64,7 % чел., в неформальной — 76,2 %. Средний возраст в формальной группе существенно не изменился (49,35 в 1855 г. и 48,7 года в 1850 г.), в неформальной несколько вырос (41,8 и 44,8 года). Число людей моложе 30 лет увеличилось и в формальной верхушке — в 1855 г. их стало 5,8 % (ни в 1845, ни в 1850 г. таких не было), и в неформальной — до 20,9 % в 1855 г. по сравнению с 18,5 % в 1850 г. Не уменьшился, а даже увеличился удельный вес лиц старше 60 лет и в формальной, и в неформальной группах (в 1850 г. таких не было, в 1855 г. стало 14,7 % и 7,1 % соответственно). Уменьшился (и существенно, до 74,3 в 1855 г. по сравнению с 84,6 в 1850 г. в формальной верхушке и до 53,5 по сравнению с 63,0 — в неформальной) процент людей с значительным, превышавшим 10 лет, опытом службы по профилю ведомства. Уменьшилась и доля людей, давно — более 10 лет — служивших

в Сибири, — ив формальной (до 60,0 % в 1855 г. по сравнению с 76 % в 1850 г.), и — особенно — в неформальной (до 30,2 % в 1855 г. по сравнению с 48,1 % в 1850 г.) верхушке.

Имеющиеся за 1853 г. сведения позволяют сопоставить состав высшего звена губернского чиновничества в Восточной Сибири (губернаторы, вице-губернаторы или председатели губернских правлений, председатели казенных палат и губернских судов — напомним, что этот состав отличается от слоя высшей администрации, выделяемого по совокупности чинов и должностей) с соответствующими данными П.А. Зайончковского по всей России¹⁷³. (Более подробно см. прилож. 2.) Выясняется, что в Восточной Сибири в этом слое было значительно меньше, чем по России в целом, дворян, гораздо меньше помещиков и больше людей, не владевших недвижимостью. Чиновники имели более низкий образовательный уровень. Любопытно и то, что в Восточной Сибири был ниже процент православных и выше — лютеран. Заметим, кстати, что вообще в слое высшей администрации при Муравьеве было меньше православных (в 1855 г. 72,2 в формальной и 77,3 % в неформальной верхушке), чем при лютеранине Руперте (96 и 92,3 %).

Таким образом, к 1855 г. результаты кадровой политики Муравьева стали более заметны. Теперь показатели меньше расходятся с представлениями мемуаристов, утверждавших, что при Муравьеве быстро делали карьеру молодые образованные люди хорошего происхождения. Кроме того, современники отмечали не столько состав группы важных лиц в местной администрации, сколько процесс приближения к ней молодых ближайших подчиненных генерал-губернатора.

Содержание впервые введенного в научный оборот Е.А. Кузнецовой дела "По предположениям генерал-губернатора об изменении некоторых прав и преимуществ и о введении новых в отношении лиц, служащих в Восточной Сибири" позволяет по-новому увидеть некоторые аспекты кадровой политики Муравьева. В обращении к министру внутренних дел в августе 1852 г. генерал-губернатор подробно анализировал систему льгот и преимуществ, дававшихся приезжавшим на службу в Сибирь чиновникам. Он пришел к выводу, что Положение 1832 г. главным образом "давало права, лестные только при благородном стремлении к чести, — права на чины, не

завлекая средствами материальными, денежными", а к 1842 г. большая часть льгот приобрела материальный характер, к тому же на них потеряли право местные уроженцы и чиновники, занимавшие должности выше VI класса. Муравьев находил сложившуюся таким образом систему неэффективной для достижения главной цели — "иметь в отдаленной Восточной Сибири чиновников вполне полезных и необходимых для службы и поощрять их на самой службе здесь". Он предлагал: во-первых, распространить все льготы на местных уроженцев, во-вторых, сократить служащим в Сибири преимущества материального характера и облегчить возможности¹⁷⁴ более быстрого продвижения в чинах и получения наград¹⁷⁴. Можно согласиться с Е.А. Кузнецовой, что в карьеризме Муравьев видел "то свойство человеческого характера, которое можно противопоставить сребролюбью"¹⁷⁵.

Но в предлагавшемся изменении системы льгот и преимуществ была еще одна сторона. Если по существовавшему положению приезжавшие на службу в Сибирь чиновники автоматически, независимо от отношений с начальством, получали определенные права и привилегии (дополнительный оклад, двойные прогоны, прибавка к жалованью и сокращение срока выслуги пенсии), то в результате принятия тех изменений, на которых настаивал Муравьев, значительная часть получаемых чиновниками преимуществ зависела бы от воли начальства. За ними сохранились бы права на прибавочное жалованье и сокращение срока выслуги пенсии, но их лишили бы двойных прогонов и уменьшили бы подъемные. Вместо этого сокращался срок выслуги для производства в следующий чин и представления к награде, вообще расширялись¹⁷⁶ возможности для награждения чинами и орденами¹⁷⁶. Таким образом, еще больше расширились бы возможности генерал-губернатора поощрять тех, кого он считал достойными.

По свидетельствам современников, Муравьев особо выделял и оказывал преимущественное покровительство нескольким категориям своих подчиненных. Во-первых, это были люди, связанные с ним отношениями личной дружбы, родства или прежней совместной службы, — М.С. Корсаков, В.Н. Зарин. Во-вторых, молодые выпускники привилегированных учебных заведений и офицеры гвардейских полков — бывшие лицеисты Ф.А. Анненков, Ф.А. Беклемишев, Д.Н. Гурьев, Н.Д. Свербеев, правове-

ды А.И. Бибиков, Д.В. Молчанов, выпускники Пажеского корпуса и семеновцы Н.В. Бусс, Н.П. Моллер. Именно они составляли ядро генеральского окружения, ими он гордился и о них писал Корсакову: "Это люди с самолюбием и с чувством своего долга и чести... они не становятся в струнку и, как говорят, избалованы мною. В комнате он, пожалуй, и развалится на кресле по светским обычаям... но при сплаве на барже и плотах никто из них не развалится, а всякий вылезет из кожи, чтобы исполнить свои обязанности"¹⁷⁷. Внутри этой группы небольшую, но влиятельную, группировку составляли военные администраторы — военные, занимавшие важные места в управлении. Третью категорию составляли выходцы из народных низов, "сибирские самородки". Они выделялись способностями, опытом, приобретенными на практике знаниями — таковы были Г.Д. Скобелевы, В.В. Ваганов, К.А. Богданов, Я.П. Шишмарев. Благодаря покровительству генерал-губернатора им удалось (за исключением рано погибшего Ваганова) достичь должностей, не соответствовавших их происхождению и образованию. Обязанные своей карьерой не непосредственному начальству и не правительству, а лично Муравьеву, эти люди были ему преданы искренне и глубоко и служили, что называется, не за страх, а за совесть, не проявляя в то же время амбиций и особой склонности превышать свои полномочия.

Особое покровительство проявлялось не только в чинах и наградах и не только в выборе именно этих людей, чтобы дать им заметные и награждаемые поручения. Практически все любимцы проверялись в деле — прежде всего, на амурских сплавах или других трудных, а иногда и опасных заданиях. Тех, кого Муравьев сознательно готовил на губернаторское или другое видное место, он целеустремленно и последовательно проводил через необходимые ступени, среди которых почти обязательной была должность адъютанта, чиновника или офицера для особых поручений, позволявшая лучше узнать человека.

Муравьев был необыкновенно настойчив в ходатайствах о наградах и чинах для своих подчиненных. Запросы, обычно выходившие за рамки закона и обычая, он объяснял особыми заслугами и обстоятельствами. В возможности получать награды "вне правил", "за особые заслуги" он видел компенсацию трудных условий сибирской службы и способ привлечь на нее честных людей, не

склонных к взяточничеству и коррупции. Можно сказать, что награды должны были заменить взятки. Косвенным свидетельством именно такого понимания значения наград может служить следующее рассуждение чиновника особых поручений И.А. Малахова в письме к Корсакову. Ему стало известно, что прикомандированный к нему в помощь при проведении следствия в Енисейской губернии чиновник — "дельный и трезвый, но берет". Тогда Малахов прямо обьявил ему, что если он "будет вести себя как прилично человеку", то ему будет исходатайствована награда. Обещание возымело желаемое действие"¹⁷⁸. Получение наград и чинов подчиненными было также своеобразным мерилем степени влияния самого генерал-губернатора в высших сферах и отношения к нему различных представителей этих сфер.

Принятая Муравьевым система управления неизбежно порождала многочисленные конфликты, впрочем, весьма характерные для любой российской провинции. Как правило, они возникали в зонах столкновения интересов и совпадения или нарушения компетенции. Прежде всего такие ситуации складывались в связи с делегированием генерал-губернатором части своих полномочий адъютантам и чиновникам особых поручений. При этом и начальник, и они сами, и облеченные официальной властью лица воспринимали их как представителей генерал-губернатора. Например, исполнявший обязанности якутского областного начальника надворный советник И.В. Фролов писал находившемуся в области по поручению Муравьева майору Корсакову о получении его "распоряжений" и обещал все исполнить в точности"¹⁷⁹. Несколько иную позицию занял самолюбивый и честолюбивый В.С. Завойко, который был вынужден признавать реальное влияние и возможности Корсакова, держал себя с ним как старший по возрасту и более опытный, но вместе с тем верный друг. Разумеется, размолвка Завойко с Муравьевым немедленно прекратила и его отношения с Корсаковым. Немалой "строптивостью" отличался забайкальский военный губернатор и наказной атаман Забайкальского казачьего войска П.И. Запольский. По воспоминаниям Д.И. Завалишина, Муравьев сам говорил ему, что "мой штаб Запольского не любит". Завалишин утверждал, что "Запольский был слишком горд" для того, чтобы кланяться, как это было принято, "лицам, окружающим генерал-губернатора... и не только не заискивал в них, но

постоянно обличал их невежество и противился их" интригам¹⁸⁰.

Весьма типичен для Муравьева и его администрации острый конфликт с командиром бригады Енисейского и Иркутского казачьих полков генерал-майором Александровичем. Формальной причиной стал поступивший в Военное министерство донос о злоупотреблениях, допускаемых генералом при устройстве скачек и строительстве трибун для зрителей за счет бесплатного труда гарнизонных и казачьих мастеровых. На запрос Министерства генерал-губернатор ответил, что хотя по существу дела не может обвинить Александровича, но ему известны и другие его противозаконные действия. Сам бригадный командир утверждал, что причиной гнева и опалы со стороны Муравьева была клевета его ближайших подчиненных: "подполковник Моллер и чиновник, временно управлявший губернией, Струве, составили на меня донос", "я был подвергнут г. Струве косвенным оскорбительным выходкам в присутствии генерал-губернатора¹⁸¹ и до 300 присутствующих", — писал он в Министерство¹⁸¹. Повторилась ситуация, уже возникавшая за несколько лет до этого, — вновь конфликтовали иркутский гражданский губернатор и бригадный командир, т.е. высшие лица в гражданской и военной администрации. И вновь, как и в 1851 г., она разрешилась уходом и того, и другого со своих постов. В 1851 г. иркутский губернатор В.Н. Зарин был по болезни переведен в Европейскую Россию, а бригадный командир П.И. Запольский назначен в Забайкальскую область. В 1854 г. председатель Иркутского губернского правления, исполнявший обязанности губернатора Б.В. Струве был причислен к МВД (позже назначен вице-губернатором в Астрахань), а генерал Александрович уволен "по прошению" в отставку.

Повторяемость и однотипность подобных инцидентов приводит к выводу, что их причина — не только пристрастное отношение Муравьева к своим любимцам. Очевидно, что дело было не только в людях, но и в системе — слишком нечеткими оказывались границы компетенции при множестве общих и совпадающих интересов и обязанностей. Не менее очевидно и провоцирование конфликтов присущим Муравьеву стилем управления и даже особенностями его характера.

В эти годы еще очевиднее, чем прежде, проявилось свойственное Муравьеву пренебрежительное отношение к

формальностям, порой граничившее с нарушением законов. "Н.Н. Муравьев... считал, что под его руководством всякая личность, лишь бы она пользовалась его доверием и была честная, может выполнять всякую обязанность", — вспоминал А.И. Заборинский. Он и другие мемуаристы приводили ряд соответствующих примеров: офицеру корпуса топографов В.В. Ваганову поручалось составить план укрепления Авачинской бухты; все проекты об образовании войск составлялись в 5-м отделении ГУВСа при содействии лишь его начальника гражданского чиновника А.О. Стадлера; в 1853 г. офицеру Генерального штаба А.И. Заборинскому было предложено место управляющего горным отделением ГУВСа¹⁸². Чиновнику особых поручений Б.В. Струве было приказано закупать хлеб для военного, а управляющему Александровским казенным винокурненным заводом И.В. Ефимову — для гражданского ведомства. При том обязанный по должности контролировать операции управляющий хозяйственным отделением ГУВСа Н.Е. Тюменцев был не только отстранен от этого дела, но и не поставлен в известность об условиях, на которых разрешалось производить подобные закупки.

Смешение гражданских чиновников особых поручений и военных — адъютантов и офицеров для поручений — было привычно. Характерно, что в народе их не различали, как свидетельствуют, например, воспоминания Р. К. Богданова¹⁸⁴. И сам генерал-губернатор был склонен к тому же. Во всяком случае, характер поручений убедительно доказывает именно такой его подход. Правда, при прочих равных условиях предпочтение он все же отдавал военным.

Только личным отношением Муравьева определялась для его подчиненных возможность проявлять инициативу и самостоятельность. С одних строго спрашивалось за отступление от инструкций генерал-губернатора, даже если они противоречили закону. От контр-адмирала, камчатского военного губернатора В.С. Завойко требовалось соблюдать строжайшую экономию и прекратить расходовать деньги "на сахар и чай 47-му флотскому экипажу". Это объяснялось тем, что "наступило время прекратить все неправильные расходы, хотя бы они были подведены под формы и применены к законам"¹⁸⁵. Таким образом, свой приказ Муравьев ставил выше закона. В то же время

любимец генерал-губернатора, зауряд-есаул К.А. Богданов получил у Муравьева разрешение своей сотне исполнять работы не нарядом, а артелями из желающих. Это было более разумное, справедливое и эффективное решение, но оно шло вразрез с приказанием непосредственного начальника Богданова, сотника Э.К. Венцеля¹⁸⁶. Избранным оказывалось неограниченное доверие. Так, М.С. Корсакову, который был вынужден отступить от прямых указаний генерал-губернатора, было передано: "Я вполне уповаю на него и уверен, естли... будет иначе, чем я предполагал, то будет лучше по усмотрению сделанное"¹⁸⁷.

Свою власть в регионе Муравьев считал почти безграничной и, как вспоминал И.В. Ефимов, нельзя было поверить, "чтобы в управляемом им крае... хозяйничал и распоряжался кто-то другой по собственному, а не по его усмотрению. ...Подчиненного своего он никогда бы не выдал, хотя бы тот действовал на основании только его слов, без всяких предписаний на бумаге. Но зато отступление от этого, если бы оно могло принести хотя малейший вред делу, не было бы пропущено без внимания и указания"¹⁸⁸. Подобное поведение, как и многое другое в управлении Муравьева, вновь заставляет вспомнить о наместниках и воеводах.

Почти все мемуаристы отмечали пристрастность Муравьева, его чрезмерную доверчивость по отношению к одним и столь же чрезмерную подозрительность по отношению к другим, вспыльчивость и склонность к быстрым, порой необдуманным решениям. Конфликты с подчиненными развивались всегда почти по одному сценарию. Обнаружив серьезное или показавшееся серьезным нарушение дисциплины или невыполнение его личного приказа, генерал впадал в ярость и в приступе гнева обрушивался на виновного с угрозами и упреками, нередко при этом назначая немислимо суровые наказания (вплоть до смертного приговора отступившему с казачьим батальоном от устья Амура поручику Имбергу). Через некоторое время Муравьев остывал, одумывался и склонялся на просьбы и уговоры жены или М.С. Корсакова смягчить наказание. Подобные расправы настигали не только военных, но и штатских. Вот как описывает один из подобных случаев М.И. Венюков. В 1857 г. при сплаве оказалось, что погрузка муки задерживается из-за стремления интендантских чиновников переложить расходы на под-

рядчика; промедление грозило срывом предприятия. «Это вывело из терпения Муравьева, который и решился дать чиновникам гонку... И экзекуция последовала, да такая, что я, посторонний, был ошеломлен. Слова "мошенничество" и "воровство" не были самыми сильными и жесткими в грозной речи. Виновным был обещан солдатский мундир... а мне поручено написать обер-провиантмейстеру в Иркутск предписание, чтобы он "выгнал негодяев со службы"... Вероятно, по причине невозможности этой замены, Муравьев отменил и предписание обер-провиантмейстеру... Мне казалось также, что... в нем заговорил голос совести: *ошельмовав* чиновников, он одумался и не пожелал их *губить*: дело обыкновенное у людей вспыльчивых, но не злых»¹⁸⁹.

Оппоненты и противники Муравьева, особенно Ф.Н. Львов и Д.И. Завалишин, сформулировали ряд обвинений против него и его методов управления. Многие из этих обвинений следует признать справедливыми, но не все. В отправленной А.И. Герцену, хотя и не опубликованной "Статье о недостатках в управлении Восточной Сибирью", Ф.Н. Львов анализировал деятельность Муравьева и приходил к следующему выводу: "Главная ошибка состояла в том, что в основе лежало мнение, что будто люди дурны в Сибири, а не система, а потому и стирали людей с лица земли. От этого ни в чем и не было прочного успеха"¹⁹⁰. Старый спор о том, что необходимо менять в первую очередь при реформе управления — систему или людей, — вряд ли решался Муравьевым так однозначно, как это казалось Львову. Муравьев считал ошибочными многие начала управления, заложенные "Сибирским учреждением" Сперанского и, в противоположность ему, находил возможным и необходимым переломить ситуацию путем привлечения на службу новых, молодых и честных людей, а также частичными преобразованиями в системе управления, которые можно было осуществить без коренных перемен в Российской империи. На последнее он никогда не замахивался (если не считать тульского проекта), а советы Ф.Н. Львова в николаевские времена были совершенной утопией. Петрашевец писал: "Не взятки надобно было бы преследовать — а официальную ложь и обман и изменить самую систему управления, которая покровительствует взяткам, не парализовать судебную власть административным распоряжением, а напротив, показать собственным при-

мером уважение к закону и заставить почувствовать это всех. Надобно было бы приучить, что не произвол, и не милость начальника есть источники благосостояния граждан, но что закон дает эту гарантию, а административное лицо есть только неусыпный охранитель общей и личной безопасности каждого, представитель Верховной власти и силы общественного организма"¹⁹¹. Впрочем, реформы Александра II и многие другие так и не позволили, как известно, создать ту систему управления, о которой писал петрашевец. Н.Н. Муравьев как администратор действовал в реальных условиях, изменить которые радикально было не в его власти, даже если бы он и поставил перед собой такую цель.

Другие обвинения и упреки Завалишина и Львова были более справедливы. Постепенно из муравьевского окружения уходили или устранялись независимые люди, способные принимать самостоятельные решения и противоречить начальству, и в этом окружении все больше становилось слепых исполнителей. Ушли или были вынуждены покинуть Сибирь Г.И. Невельской и В.С. Завойко, переведен подальше от генерал-губернатора А.О. Стадлср. Все большую силу стала приобретать группа "золотой молодежи", типичными представителями которой были Д.В. Молчанов и Ф.А. Беклемишев.

В нее входили приезжие дворяне, как штатские, так и военные. Характерные для группы привычки и нравы в концентрированном и даже утрированном виде отражали общие отличия приезжих. Неприязненное отношение к "золотой молодежи" нередко переносилось сибиряками на всех приезжих. Перешедшие из столичной гвардии адъютанты генерал-губернатора, молодые самонадеянные чиновники с петербургскими связями держали себя по отношению к местному обществу надменно. Светские обычаи и нормы поведения, высокомерное отношение к купцам и чиновникам недворянского происхождения, к дамам не их круга — все это породило оскорбительную кличку членов этой группы — "навозные".

"ЗАНАДВОРОВСКАЯ ИСТОРИЯ"

Попытка преодолеть коррумпированность чиновничества путем выдвижения особо доверенных людей на практике выродилась в систему фаворитизма. Прямым ее следствием явилась скандальная занадворовская история,

которая нанесла серьезный урон репутации муравьевских чиновников и даже самого Муравьева.

Суть этой истории такова. Отставной губернский секретарь Ф.П. Занадворов, служивший ранее отводчиком площадей под частные золотые промыслы и женатый на племяннице крупного золотопромышленника Е.А. Кузнецова, после кончины последнего в мае 1850 г. унаследовал большую часть его состояния. Будучи не только наследником, но и душеприказчиком, а в последнее время перед смертью Кузнецова и управляющим его имуществом, он в августе 1851 г. был обвинен сонаследниками, в частности, мужем другой племянницы Кузнецова, действительным статским советником и камергером И.Д. Булычевым, в утайке и присвоении части наследства покойного. Генерал-губернатор, к которому поступила жалоба Булычева, поручил провести следствие по этому делу члену Совета ГУВСа Д.В. Молчанову. Муравьев объяснял свой выбор тем, что Молчанов "как воспитанник училища правоведения был более способен к следственным и судебным делам", а "по недавнему вступлению на службу в Восточной Сибири, он не имел времени войти там в связи ни с золотопромышленниками, ни с купечеством, и не вошел, как другие, с ними в родство и никогда не оказывал того поклонения богатству, которое, к сожалению, составляет исключительную черту не только чиновников, но и присутственных мест"¹⁹². Кроме того, Молчанов принадлежал к наиболее доверенным подчиненным Муравьева, был мужем его любимицы, дочери декабриста С.Г. Волконского. По результатам следствия Занадворов был признан виновным в утайке и присвоении 100 тыс. руб. серебром, с которых им не был к тому же уплачен и государственный налог. Как следует из материалов III отделения, переданных в Министерство юстиции, решение было принято Советом ГУВСа, после чего Муравьев "предписал окружному суду Занадворова судить как признанного уже вора"¹⁹³.

Одновременно поступил анонимный донос о поджоге Занадворовым олекминской тайги — вероятно, для расчистки площади под золотые промыслы. По этому делу следствие по приказу генерал-губернатора начал только что прибывший в Восточную Сибирь из Западной чиновник А.Д. Лохвицкий. Он потребовал выезда обвиняемого к месту происшествия, но тот отказался, ссылаясь на болезнь. Через несколько месяцев Лохвицкий отправился

к новому месту службы на Камчатку, а следствие по делу о поджоге было передано приятелю Молчанова, чиновнику особых поручений А.И. Бибикову.

По прошествии еще нескольких месяцев, после отъезда Муравьева и Молчанова в Петербург, Занадворов стал публично рассказывать, что он освободился от опасной поездки по весенней распутице, дав Молчанову взятку в 20 тыс. руб. серебром. Так излагал события сам Муравьев. По версии сторонников Занадворова, слух о взятке распространял управляющий делами Занадворова. Так или иначе, слух дошел до генерал-губернатора и привел его в ярость. Ведь он противопоставлял своих новых чиновников старым именно и прежде всего как честных и непродажных. По возвращении из Петербурга Муравьев вызвал к себе Занадворова и в присутствии Совета ГУВ-Са, военного штаба, губернского прокурора, городского головы и других лиц спросил его, давал ли он деньги Молчанову. Занадворов ответил утвердительно, но доказательств представить не смог. Через неделю он был вновь вызван к Муравьеву и ему была сделана очная ставка с Молчановым, на которой Муравьев также не смог уличить его. Генерал-губернатор обвинил Занадворова в ложном доносите¹⁹⁶льстве, приказал арестовать его и отправить в острог⁴. Но на этом дело не кончилось.

Как писал Вагин, "у Занадворова было много знакомых и они стали посещать его в остроге; Муравьев назначил прием и на нем объявил, что будет считать своим личным врагом каждого, кто будет посещать Занадворова"¹⁹⁵. Жена последнего обратилась в Сенат. По заключению Министерства юстиции было рекомендовано направить дело для рассмотрения в следственные органы Западной Сибири, а обвиняемого временно освободить из-под стражи, так как по первым двум делам тюремного заключения не предусматривалось, а за ложный донос оно полагалось только в случае ареста того, на кого был сделан донос.

Тогда Муравьев применил свой излюбленный прием — он обратился с всеподданнейшим докладом непосредственно к императору. В нем он упрекал министра юстиции Панина в пренебрежении к мнению генерал-губернатора и предрекал, что подобное слепое доверие к жалобам и доносам на главных местных начальников "поведет к уничтожению всякого их влияния на месте и к разрушению главной правительственной власти в столь

отдаленном крае"¹⁹⁶. По особому высочайшему повелению Занадворов был оставлен под стражей впредь до окончания суда; Николай повелел также, вопреки мнению Сената, министра юстиции и Сибирского комитета, но по настоянию генерал-губернатора, "по особой важности дела" предать обвиняемого не гражданскому, а военному суду, хотя и не в Иркутске, а в Омске. Следствие, проведенное опытными аудиторами Военного министерства, пришло к выводу, "что Молчанов действиями своими навлекает на себя подозрение в лихоимстве"¹⁹⁷. Он был привлечен к суду, но в это время Молчанова постигла душевная болезнь, приведшая к его ранней смерти в 1857 г.

Похоже, что Муравьев не был так уж уверен в правоте Молчанова, — во всяком случае, в 1854 г. он отказывался принимать его у себя"¹⁹⁸. Возможно, на отношение Муравьева повлияло мнение начальника Сибирского округа корпуса жандармов генерала Влахопулова, который сообщил ему, что Молчанов еще в бытность свою на службе в Западной Сибири пользовался репутацией "человека вполне неблагонамеренного и корыстолюбивого"¹⁹⁹. Но генерал-губернатор упорно отстаивал своего подчиненного и собственную правоту и обратился через начальника III отделения В.А. Долгорукова к новому государю, Александру II. "Стараясь постоянно, чтоб в вверенном управлении моему краю богатство не давало никаких преимуществ перед законом и властью, я полагал, — писал он Долгорукову, — что исполняю долг мой по законам чести и справедливости, и что встретив в этом направлении богача безнравственного, преступного и дерзкого, я должен был исключительно представить об этом Государю Императору, в чем единственно и заключается отступление мое от узаконенного порядка". Муравьев пытался доказать, что в случае оправдания Занадворова и обвинения Молчанова "в Сибири, где ближе и всем известно, какими способами Занадворов достигает этого результата, все власти, не исключая и генерал-губернаторской, должны будут уступить силе богатства, стремлению его господствовать в крас, и восьмилетний труд... к искоренению этого зла останется бесплодным, а бедные люди и сословия не найдут себе более защитников"²⁰⁰. Александр повелел окончательно рассмотреть дело в Государственном совете, решением которого и Молчанов, и Занадворов были освобождены"²⁰¹.

Этот частный случай изложен нами столь подробно прежде всего потому, что он достаточно типичен для муравьевского управления. Кроме того, в орбиту этого дела оказались втянуты многие весьма высокопоставленные лица — министр юстиции, шеф жандармов, военный министр; оно рассматривалось и в Сенате, и в Государственном совете, в его решении участвовали два императора. И, наконец, "занадворовская история" стала заметным событием в общественной жизни Восточной Сибири. О ней упоминается в переписке чуть ли не всех видных местных чиновников. П.В. Казакевич писал Корсакову: "Я не скажу, чтоб я душой был предан Молчанову, но готов всегда за него вступить и говорить, что Занадворов врет!"²⁰². Общее мнение муравьевских чиновников выразил в своих воспоминаниях Струве, который привел не слишком лестно характеризующий Молчанова, но довольно убедительный аргумент в его защиту: "Он был человек слишком умный, практичный и расчетливый, чтобы позволить себе поступок, о котором Муравьев и мысли не допускал в ком-либо из своих приближенных, и этим навсегда испортил бы себе свою служебную карьеру вообще и в особенности в Сибири, с которою он был неразрывно связан по своей женитьбе. Прощение декабристов и возвращение им прав состояния тогда далеко еще не предвиделось"²⁰³. Вся эта история стала подлинной трагедией для семьи Волконских, о следствии, суде и душевной болезни Молчанова упоминалось в переписке многих декабристов, их друзей и родственников.

Занадворовская история подлила масла в как будто утихавший огонь взаимной неприязни сибирского купечества и генерал-губернатора. "Это было событие, всполошившее весь город", — писал Ф.Н. Львов. Но дело было, по его мнению, не в том, "взял" Молчанов или нет, а в том, что дело не было предано "обыкновенному законному разбирательству, взяточдатель якобы как клеветник, административным распоряжением был посажен на острог... и всякий, кто осмеливался показать к нему сочувствие, подвергался неминуемой опале"²⁰⁴.

Занадворовская история была прощена купечеством Муравьеву только после его успешных действий на Амуре. Собственно говоря, в чем бы ни обвинялся Занадворов и справедливы ли были эти обвинения, подлинная причина гнева генерал-губернатора заключалась в дерзости золотопромышленника и в том, что он отказался продол-

жать пожертвования на Амур. Е.А. Кузнецов пожертвовал чуть ли не миллион и обещал жертвовать и впредь. Его смерть и отказ Занадворова нарушали многие планы и расчеты Муравьева, касавшиеся главного дела его жизни — решения амурского вопроса.

АМУРСКИЕ СПЛАВЫ

В 1852—1853 гг. Муравьев приступил к практическому осуществлению своих планов по возвращению Амура. В нашу задачу не входит освещение "амурской эпопеи" — по этой теме имеется обширная литература. В книге П.И. Кабанова²⁰⁵ детально прослеживаются действия Муравьева, высоко оцениваются его усилия по подготовке и осуществлению первых сплавных экспедиций по Амуру, оправдываются и те меры, которые вызвали осуждение со стороны Д.И. Завалишина и других оппонентов генерал-губернатора. П.И. Кабанов считал, в частности, правильным создание Забайкальского казачьего войска*, а военно-казачью колонизацию — единственно возможной в тех реальных условиях, в которых осуществлялось решение амурского вопроса. Мы должны коснуться только некоторых сюжетов, поскольку в них проявились система и методы управления, характерные для Муравьева.

Когда Б.В. Струве писал об удивительной предусмотрительности Н.Н. Муравьева, он, скорее всего, имел в виду его действия в амурском вопросе. В них проявилось также и умение Муравьева сосредоточить усилия на достижении главной цели. Как уже отмечалось, некоторые подготовительные меры были приняты еще в первый период генерал-губернаторства: благодаря преобразованиям военного и административного характера удалось сосредоточить людские ресурсы, в результате ряда акций в экономической сфере — создать минимальные финансовые, продовольственные и прочие материальные предпосылки. Понятна роль экспедиции Г.И. Невельского — только достигнутые ею блестящие результаты сделали возможным дальнейшее продвижение. Но не меньшее значение имел и успех первых амурских сплавов, начатых в 1854 г. Караваны барж в сопровождении нескольких небольших пароходов или паровых катеров отправлялись вниз по течению Амура. На них в дальний путь во главе с генерал-губернатором или, позже, кем-то из его

доверенных высокопоставленных лиц отправлялись войска и переселенцы, везя скот, зерно для посева, муку, амуницию. Для их подготовки в 1851—1852 гг. состоявшим при генерал-губернаторе для особых поручений П.В. Казакевичем были осуществлены гидрографические исследования на Ингодс и Шилкс, а в 1852—1854 гг. тот же Казакевич руководил постройкой первого парохода "Аргунь" и больших лодок. Силами передислоцированных в Забайкалье линейных батальонов Восточной Сибири строились большие плоты и сплавлялся хлеб в Шилкинский завод, где и сконцентрировались все приготовления.

Как уже говорилось, для Муравьева было характерно стремление все видеть и во все вникать самому. Сплавы 1854, 1855, 1857, 1858 и 1859 гг. он возглавлял сам. При этом Муравьев был отнюдь не номинальным руководителем, хотя его сопровождал чуть ли не весь штаб и "флотилией" в первые годы командовал опытный моряк П.В. Казакевич, а войском — М.С. Корсаков. Сохранилось множество рассказов очевидцев о поведении Муравьева во время сплавов. Они повествуют об осторожности и внимании к мелочам, воссоздают образ "отца-командира", присаживающегося к солдатскому костру и отведывающего солдатской каши, и грозного, сурового, вспыльчивого и порой несправедливого начальника. Сам "генерал" советовал Корсакову: "ночи иди непременно с фонарями и приучись не спать, как я теперь: сплю три часа после обеда, а потом ложусь в 4 часа утра до 9 часов: ночью непременно должно наблюдать своим глазом"²⁰⁶.

Первый сплав по Амуру был связан с военными событиями, ибо прибывшие с ним войска были отправлены на Камчатку и приняли участие в героической обороне Петропавловска в 1854 г. Но Муравьев, судя по его действиям, неизменно помнил и о более далеких перспективах — освоении и заселении нового края. В его действиях видны следование традициям и использование кавказского опыта: уже при первом сплаве начала создаваться цепь военных постов и станиц на левом берегу Амура, образовавших позже Амурскую линию. Замысел осуществлялся ценой тяжких усилий и жертв со стороны рядовых казаков, солдат и крестьян-переселенцев. Казак П.В. Белокопытов писал в дневнике: "Наш Амур, т.е. жителей, как видно, правительство хочет устроить по-своему. Так, самые дома должны строиться по особому

плану, с разделением на кварталы". Ретивый сотенный командир "с этими кварталами зашел в лог, где сыро и непременно бывает вода. ...А там, хоть водой унеси все, ему мало нужды, он знает, что не будет тут жить"²⁰⁷. В то же время Амурская линия послужила базой для образования Амурской области и Амурского казачьего войска.

До заключения в 1858 г. Айгунского трактата было осуществлено четыре сплава по Амуру (сам договор подписан во время пятого), основано несколько военных постов по берегу реки, в 1855 г. переселились на Амур первые 50 крестьянских семей из Иркутской губернии и Забайкальской области, в 1857 г. началось переселение туда казаков из Забайкальского войска. Таким образом, колонизация фактически началась до заключения официального договора. Ее главные участники и герои — солдаты сибирских линейных батальонов, казаки и крестьяне — терпели огромные лишения. Главные трудности во время самих сплавов были связаны с движением по неизвестным местам, с нехваткой и даже отсутствием продовольствия. От голода, холода и болезней гибли десятки людей. Особенно тяжелым было возвращение войск с устья Амура в 1856 г., когда от голода и болезней погибло около 200 чел. Многие бедствия были, конечно, вызваны объективными причинами: природными условиями, неисследованностью местности, нехваткой средств и т.д. Но в немалой степени положение усугубляли произвол невежественных²⁰⁸ начальников, излишняя спешка и неразумное усердие.

Параллельно с осуществлением первых сплавов и фактическим заселением левого берега и устья Амура велись переговоры о разграничении с китайскими властями.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Неизменный интерес к проблемам международных отношений, комплексный подход к решению внешних и внутренних задач, устойчивые внешнеполитические симпатии и антипатии, как и умение трезвой оценкой реальных возможностей России и Восточной Сибири охлаждать собственные романтические и экспансионистские мечты — все это также в полной мере проявилось при решении амурского вопроса.

Как уже говорилось, в 1850-е гг., по-прежнему считая "важнейшим вопросом определение нашей границы с Ки-

таем на крайнем Востоке"²⁰⁹, Муравьев видел при этом основную проблему в отношениях России не с самим Китаем, а с Англией, США и Францией. Неизменная неприязнь к Англии и наполеоновской Франции, признание необходимости союза с США — эти основные внешнеполитические ориентиры были приняты им задолго до начала Крымской войны. Еще в первые сибирские годы Муравьев не раз проявлял враждебность и неприязнь к Англии и англичанам. От двух английских путешественников С. Хилла (Гиля) и Остена он потребовал, чтобы они немедленно покинули Сибирь, запретив им продолжить путешествие по Амуру, так как заподозрил их в шпионаже. Уже после войны, в 1857 г., он писал П.В. Казакевичу, что "американцы здесь (т.е. на Амуре. — *Н.М.*) натуральные союзники против всесветных грабителей англичан"²¹⁰. Трудно сказать, насколько оправданными были подозрения в шпионаже. Но в изданной в Лондоне в 1861 г. книге Э. Равенштейна "Русские на Амуре" приводятся довольно подробные и многочисленные факты из истории освоения Приамурья²¹¹. Осведомленность Равенштейна удивительна — в главе, посвященной истории Амура с 1854 по 1860 г., изложены все основные события этого времени: экспедиция Г.И. Невельского, амурские сплавы, военные действия во время Крымской войны, основание казачьих станиц вдоль реки, заключение Айгунского и Тяньцзиньского договоров, образование Амурской и Приморской областей. В дополнении рассказана история гибели солдат в 1856 г., причем Равенштейн прямо называет одним из главных виновников трагедии Н.В. Буссе.

Курс Муравьева на сотрудничество и даже союз с США был органическим следствием его антианглийской ориентации и стремления к упрочению позиций России на Тихом океане. Еще в 1853 г. он доказывал неизбежность утверждения США во всей Северной Америке и писал Николаю I: "Нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако ж, при этом соображении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей восточной Азией, то господствовать на всем азиатском побережье Восточного океана"²¹². Н.Н. Болховитинов выделяет две группировки в правительственных кругах России по вопросу о продаже Аляски и сближении с США. К первой принадлежали

великий князь Константин Николаевич, Н.Н. Муравьев, адмирал Е.В. Путятин и российский посланник в Вашингтоне Э.А. Стеклъ. Ко второй — большинство государственных деятелей во главе с Александром II, в том числе А.М. Горчаков, Ф.П. Врангель и др.²¹³. Болховитинов приводит оппозиционное высказывание Н.Н. Муравьева, которое генерал-губернатор позволил себе в беседе с группой иностранных купцов в Николаевске в июне 1859 г. Он сообщил, что американским пароходам позволено плавать по Амуру только до Софийска, а иностранным торговцам запрещено проникать в глубь страны, и добавил от себя: "Я люблю американцев и готов был дать им право торговать в верх реки, но что я могу сделать, когда императорское правительство говорит нет?"²¹⁴. Он поддерживал многие инициативы коммерческого агента США на Амуре П. Коллинза и всерьез рассчитывал на участие американского капитала в освоении русского Дальнего Востока. При нем были сделаны первые и весьма удачные шаги в этом направлении: увеличилось число американских судов в устье Амура, стало больше американских торговцев в Николаевске, там же появилось и "механическое заведение"²¹⁵ Джона Барра, принявшего вскоре русское подданство.

Муравьев 29 ноября 1853 г. направил конфиденциальную записку великому князю Константину Николаевичу, только что возглавившему Морское министерство. В ней формулировались основные задачи по защите берегов и портов на Восточном (Тихом) океане и в Охотском море и высказывалось опасение относительно возможного нападения англичан в устье Амура и на Камчатке. Для предотвращения этой угрозы Муравьев предлагал направить находившуюся на Дальнем Востоке эскадру адмирала Е.В. Путятина в устье Амура и одновременно поручить генерал-губернатору Восточной Сибири доставить по Амуру войска для укрепления берегов²¹⁶. Именно эту задачу предусмотрительно решал первый амурский сплав, вместе с которым сначала в устье Амура, а затем и на Камчатку прибыли участники и герои обороны Петропавловска в 1854 г. Еще большую роль в этой обороне сыграл, как известно, экипаж фрегата "Аврора" из состава путятинской эскадры, прибывший в Петропавловск незадолго до начала военных действий²¹⁷.

Менее очевидным, но не менее важным условием успешных действий на Амуре было получение Муравье-

вым в январе 1854 г. инструкции, объявлявшей генерал-губернатора Восточной Сибири высшей инстанцией в сношениях с Китаем по вопросу о границе. Таким образом, Муравьев получил право вступать в сношения с Пекинским Трибуналом непосредственно, минуя Сенат и МИД.

Дальнейшие усилия Муравьева были, тем не менее, направлены не на урегулирование вопроса дипломатическим путем, а на решение его де-факто.

Подписание 18 мая 1858 г. российско-китайского Айгунского договора, который определил границу двух государств по Амуру, стало "звездным часом" в жизни Н.Н. Муравьева. В только что основанном Благовещенске он объявил об этом событии в приказе по войску: "Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Святая православная Церковь молится за вас! Россия — благодарит"²¹⁸. Именным указом Александра II Н.Н. Муравьев был в том же году возведен в графское достоинство с присоединением к его имени названия Амурского.

Эта явная и очевидная победа была омрачена неуспехом ходатайств генерал-губернатора о награждении огромного числа его подчиненных — участников амурской эпопеи — и сложностями с ратификацией договора.

Айгунский договор стал лишь предварительным, и окончательные условия разграничения были подтверждены Пекинским договором, который в 1860 г. заключил Н.П. Игнатьев. Разочарованный в Муравьеве и относившийся к нему резко критически офицер генерального штаба Мехеда писал Н.П. Игнатьеву 28 января 1861 г.: "Я думаю, что Ваши награды составят немалую болячку для Николая Николаевича; он чувствует, что эта болячка разест его амурскую славу до тла. Сибирь и теперь уже зовет его зауряд-графом и видит в Вас истинного виновника успехов России в Азии"²¹⁹.

ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ССЫЛЬНЫМ

Как и прежде, Муравьев поддерживал дружеские связи с многими декабристами, хотя именно на второй период его генерал-губернаторства приходится взаимное охлаждение прежде очень близких отношений с Д.И. Завалишиным. Непросто складывались отношения с новыми

"государственными преступниками" — петрашевцами. По воспоминаниям А.Ф. Фролова, "Яков Дмитриевич Казимирский (жандармский генерал, поддерживавший весьма добрые отношения с декабристами. — *И.М.*) рассказывал в Ялutorовске, что он сидел у генерал-губернатора, когда доложили о прибытии в Иркутск Петрашевского с товарищами. Николай Николаевич тотчас же просил генерала Казимирского навестить их и осведомиться, не нуждаются ли они в чем"²²⁰. Иначе вспоминал о встрече Муравьева с Петрашевским И.А. Гончаров. По его словам, он рассказал Муравьеву, что в Петербурге знакомые говорили о Петрашевском, что он — сумасшедший, что он совершал безумные поступки и, в конце разговора Муравьев согласился с этим мнением"²²¹.

После амнистии 1856 г. Ф.Н. Львову, М.В. Петрашевскому и Н.А. Спешневу было разрешено поселиться в Иркутске, где их радушно принял Муравьев. Он не только открыл для них двери своего дома, оказывал покровительство в устройстве их быта, но и ходатайствовал перед петербургскими властями о разрешении взять их на службу. Петрашевский даже некоторое время жил в доме генерал-губернатора и в отсутствие Екатерины Николаевны распоряжался по хозяйству"²²². Но отношение к петрашевцам было далеко не одинаковым. Особенно благоволил Муравьев к своему дальнему родственнику Спешневу, которого принял на службу в канцелярию военного губернатора Забайкальской области Корсакова (по предложению последнего), в 1857 г. назначил редактором только что созданных "Иркутских губернских ведомостей", а позднее сделал управляющим своей путевой канцелярией и взял в амурскую экспедицию. По настойчивому ходатайству генерал-губернатора Спешнев был произведен "вне правил" в коллежские регистраторы"²²³.

Иначе складывались отношения с Петрашевским, также активно сотрудничавшим в иркутской печати. Вначале Муравьев поддерживал либеральный дух и обличительную направленность "Иркутских губернских ведомостей" и находил общий язык с Петрашевским. Но по мере того, как разоблачительный тон газеты и особенно статей Петрашевского становился все более острым, а нападки на политику Муравьева все более беспощадными, охлаждалось отношение последнего и к газете, и к передовым кругам Иркутска, и к Петрашевскому. Дело кончилось

полным разрывом, произошедшим в связи с известной иркутской дуэлью 1859 г. (см. о ней ниже). Впрочем, дальнейшие преследования Пестрашевского и его ссылка в Минусинский округ произошли уже в генерал-губернаторство Корсакова.

Примечательно, что невзирая на начавшиеся расхождения с петрашевцами, Н.Н. Муравьев считал необходимым, сообщая шефу жандармов об Айгунском трактате, сопроводить письмо просьбой о возвращении из Сибири и восстановлении прав состояния в отношении ссыльных петрашевцев и М.А. Бакунина как "о личной и лучшей награде"²²⁴.

Контакты с М.А. Бакуниным сначала строились по уже знакомому на примере декабристов образцу. Приехав в Томск, Муравьев отыскал Бакунина и "явно, публично высказал... свое уважение"²²⁵. По ходатайству Муравьева Бакунин был сначала переведен в Восточную Сибирь, а затем получил право свободного перемещения по ней. В Иркутске он стал очень близок и к генерал-губернатору, и к М.С. Корсакову, на сестре которого женился его брат. Позже Бакунин посредничал в общении генерал-губернатора Восточной Сибири с Герценом и Огаревым. Муравьев не только одобрял переписку Бакунина с лондонскими эмигрантами, не только участвовал в передаче этих писем, но и инициировал статьи Бакунина в лондонских изданиях, оправдывавшие действия самого Муравьева и его присных в так называемой неклюдовской истории. Даже побег Бакунина, осуществленный благодаря оказанным ему поощрениям и повлекший за собой крупные неприятности для Корсакова, не вызвал у Муравьева серьезного недовольства.

ОТНОШЕНИЯ С ПЕТЕРБУРГОМ

На второй период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева пришлась важная перемена в жизни империи, ее подданных и особенно ее правящих кругов — Николая I сменил Александр II. Муравьев был убежден и настойчиво повторял в официальной переписке, что быть генерал-губернатором столь отдаленной окраины можно только при широчайших полномочиях и абсолютном доверии императора. Со стороны Николая I он это доверие имел. В новое царствование стала невозможной прежняя линия Муравьева искать себе опору в лице императора, в

том числе и против министров. Если Николай I не раз вставал на сторону генерал-губернатора Восточной Сибири в его спорах с министрами, то при Александре II ситуация стала меняться.

Казалось бы, Н.Н. Муравьев, пользовавшийся покровительством великой княгини Елены Павловны и весьма близкий по своим взглядам к группе либеральных бюрократов, должен был бы найти в представителях этой группы естественных союзников, но вышло иначе.

Первоначально Муравьев пытался опереться на главу либерального лагеря великого князя Константина Николаевича. И тот, возможно, под влиянием Елены Павловны, охотно шел навстречу. Переписка между ними велась с 1852 г. Как вспоминал секретарь и ближайший помощник Константина А.В. Головин, великий князь, "желая подготовиться к основательному и правильному обсуждению административных вопросов" в Государственном совете, "вступил в деятельную переписку с наместником кавказским князем М.С. Воронцовым, генерал-губернаторами оренбургским В.А. Перовским и сибирским Н.Н. Муравьевым, министром внутренних дел графом Л.А. Перовским, приглашая их доставлять ему сведения о прежнем и нынешнем состоянии вверенных им частей и о современных административных вопросах"²²⁶. В результате этой переписки в фонде Мраморного дворца отложился целый комплекс записок и писем Муравьева, в которых он доказывал необходимость преобразований в администрации, информировал великого князя о своей деятельности по управлению краем и о тех усилиях, которые предпринимались им для упрочения позиций России на Тихом океане. В этом деле сотрудничество с морским ведомством, возглавлявшимся Константином, было естественным и необходимым. В 1852-м, а затем еще раз в 1859 г. даже предполагалось путешествие великого князя вокруг света с возвращением через Дальний Восток и Сибирь²²⁷. Главными "двигателями" амурского дела в Петербурге считались великий князь и директор Азиатского департамента МИДа Е. П. Ковалевский²²⁸. Многие из своих начинаний и представлений Н. Н. Муравьев проводил через Константина Николаевича, особенно в бытность того председателем Амурского комитета. Как писал сам великий князь генерал-губернатору Восточной Сибири, его подозревали в том, что он "молод, неопытен, горяч" и находится под влиянием Муравьева²²⁹.

Иначе складывались отношения Муравьева с Александром II. Будучи наследником престола и председателем Амурского (Гиляцкого) комитета, Александр содействовал многим начинаниям генерал-губернатора Восточной Сибири, но уже в первые годы нового царствования Муравьев почувствовал, что не принадлежит к числу любимцев царя.

Самое дурное впечатление на нового императора произвел демарш Муравьева из-за производства в 1856 г. князя А. И. Барятинского в полные генералы. Стоявший выше его по спискам генерал-лейтенантов Н.Н. Муравьев подал в отставку. То же самое сделал и А.А. Суворов, сказавший при этом Муравьеву: "Мы с вами, Николай Николаевич, одни в России генерал-лейтенанты, остальные — дакеи", имея в виду, что никто не последовал их примеру²³⁰. Александр II не принял отставки ни у того, ни у другого и расценил происшедшее как демонстрацию. О настроениях Н.Н. Муравьева в то время рассказывается в письме его родственника и бывшего подчиненного А.А. Моллера к М.С. Корсакову: "Возвышение Барятинского было последнею каплею, переполнившую уже полную чашу, доказав ему этим, как мало ценили его дела и заслуги; равно как многие предшествовавшие факты слишком доказали, как мало ему доверяли. Его положение становилось невозможным: удаленный по своей службе в пределы Азии, Муравьев чувствовал там себя связанным, будущее представлялось ему ограниченным и даже опасным с той минуты, когда он не мог более рассчитывать на полное доверие того, для славы которого он предпринимал столько великих дел в ущерб своему благосостоянию и рискуя своею будущностью"²³¹. Тональность письма и излишняя круглость оборотов дают основание предположить, что оно было написано с целью быть прочитанным не только его адресатом. Подобные вещи тогда практиковались — известно, например, что несколькими годами позже сам Муравьев просил Корсакова написать себе такое письмо, которое он мог бы показать государю²³².

Согласившись, после уговоров великого князя Константина Николаевича, продолжить службу, Муравьев писал, что делает это с тяжелым сердцем²³³. Может быть, условием компромисса было обещание Александра II произвести М.С. Корсакова в генерал-майоры и в будущем назначить его генерал-губернатором Восточной Сибири, о

чем Муравьев известил его 29 октября 1856 г. Тогда же было получено разрешение на формирование из забайкальских казаков Амурского конного казачьего полка и переселение его на Амур, утверждена Приморская область и назначен ее первый губернатор — П.В. Казакевич²³⁴.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Начало колонизации Приамурья и заключение Айгунского договора привели к изменению отношений генерал-губернатора с сибирским купечеством. Означенные острыми конфликтами в первый период его управления, они существенно улучшились во второй. Занавесовская история стала последней вспышкой прежней вражды. Уже в 1854 г. купец, золотопромышленник и откупщик Соловьев сделал значительные пожертвования для первого сплава и для исследования Амура. Характерно, что в первом сплаве участвовал красноярский городской голова П.И. Кузнецов, а в 1856—1857 гг. на Амуре начали торговлю несколько иркутских купцов. "Торжественный роскошный обед в зале благородного собрания запечатлел дело примирения Муравьева с купечеством, — писал Струве, — это был первый обед, который Муравьев, со времени своего назначения генерал-губернатором, принял от иркутского купеческого общества"²³⁵. Об изменении отношения купцов к Муравьеву и о том, что это было связано с успехом его деятельности на Амуре, говорится и в пересказанной американским коммерсантом П. Коллинзом речи кяхтинского городского головы, известного в Сибири купца Н.М. Игумнова. Обращаясь к американцам, он отметил: "Вы отдали дань гению и прозорливости генерал-губернатора Муравьева. Мы все чувствуем, что он сделал великое дело для Сибири. Одно открытие Амура доказывает его огромное желание процветания Сибири и величия России. Мы надеемся, что после возвращения в свою страну вы расскажете вашим купцам, что они смогут достичь Сибири и вести торговлю с нами. Мы верим, что это будет приносить взаимную пользу и выгоду обеим странам"²³⁶. Надежды на появление нового пути и новых перспектив для сибирской торговли были тем более важны, что в Кяхте она в это время заметно приходила в упадок.

Разумеется, далеко не все разделяли восторги, ярче всего высказанные в речи иркутского купца А.В. Белоголового, очень близкого в эти годы к Муравьеву, а вскоре ставшего сибирским управляющим созданной по инициативе генерал-губернатора Амурской компании. 8 апреля 1857 г. Белоголовый писал своему давнему хорошему знакомому декабристу С.Г. Волконскому: "У нас в настоящее время открываются такие вопросы, что край невольно начинает заинтересовывать: Амур, американцы, торговля с Японией, пароходство по Байкалу, пароходство по Амуру, посольство в Китай, бандероли на чай, поставка графиту в Европу и Америку, экспедиция к урянхам (тувинцам. — *Н.М.*), железная дорога от Иркутска до Читы. Это такие события, за которыми начнется ряд новых и, может быть, гораздо замечательнейших"²³⁷. Из перечисленных в письме идей осуществились очень немногие, но почти за каждым из упомянутых Белоголовым начинаний стоял конкретный проект, а вместе взятые они знаменовали серьезный поворот в экономической политике Муравьева.

Если в первые годы она была направлена главным образом на борьбу за усиление государственного контроля над экономикой, то во второй период произошел очевидный поворот к фритредерству. В 1853 г. генерал-губернатор предложил ввести новые правила торговли в Кяхте, которые должны были "сделать кяхтинский торг свободным для всех и каждого... и разрешить на Кяхте производство торговли меною или чистыми деньгами"²³⁸. Убедившись на опыте в бесполезности борьбы с контрабандой и прежних стеснительных мер, Муравьев выступал теперь за "совершенную свободу и беспощадность", но был согласен и на компромисс — "таможню в Иркутске с уменьшенной пошлиною"²³⁹.

Весьма неожиданным для Муравьева, каким он был в начале своей деятельности, выглядит его мнение о путях разрешения частных споров золотопромышленников. Их "должен разбирать суд, — писал он Корсакову, — без участия и вмешательства административной власти". Государство заинтересовано в развитии золотопромышленности, поэтому оно должно устранять все тормозящие ее факторы, в том числе и прямое вмешательство органов управления, которое "наводит страх на всей владетелей приисков". Муравьев даже высказался в защиту золотопромышленника: "Григоров негодяй, но он владелец при-

иска". При этом генерал-губернатор открыто выступил против алчущих очередного "казенного остатка" петербургских вельмож²⁴⁰. Именно в широких возможностях администрации видит он теперь угрозу: "Я, как генерал-губернатор, вижу в этом административном преследовании частного прииска другое зло — соблазн чиновникам, которые употребляются по этому делу"²⁴¹. Весьма прогрессивной и отвечающей духу времени была высказанная Муравьевым в отчете за 1856 г. мысль о том, что создание благоприятных условий для развития частной золотопромышленности выгоднее государству, чем обременительные пошлины, делающие невозможным поиск новых месторождений и разработку небогатых россыпей²⁴². В отчете за 1858 г. Муравьев на опыте единственного в Нерчинском округе частного промысла доказывал "фактическое преимущество... свободного и обеспеченного труда против обязательной казенной системы"²⁴³. В проекте же правил для частной золотопромышленности на Амуре Муравьев вообще предлагал ввести полную свободу и'разведки, и добычи золота, причем не на разрешительных началах, а на заявительных началах, и даже ввести право продажи приисков и самого золота частным лицам. В результате категорических возражений Министерства финансов проект был отвергнут²⁴⁴.

Позиция генерал-губернатора Восточной Сибири претерпела столь существенные изменения по большинству вопросов экономического характера во многом под влиянием времени. В канун Великих реформ стала иной ситуация в стране, иными настроения в правительственных кругах и в обществе. Но серьезно влиял и собственный практический опыт. Об этом свидетельствуют многочисленные, хотя и беглые замечания в письмах Корсакову: "Я все-таки должен сказать, что нигде казенными средствами ничего порядочного не добыто"; "надеюсь, что ты... нанимаешь вольных рабочих"²⁴⁵.

Муравьев предпринял несколько попыток наладить сотрудничество с частными предпринимателями, но они оказались не слишком успешными. По его инициативе и при его участии была создана Амурская компания — специально для активизации торгового и промышленного развития нового края. Она задумывалась в духе Ост-Индской компании, но смогла вести только мелочную торговлю, а более масштабные ее начинания окончились неудачами. Немало способствовало краху компании и

беспрестанное вмешательство местных властей в ее деятельность — вплоть до использования по собственному усмотрению принадлежащих компании товаров и средств²⁴⁶. В 1859 г. были сделаны удачные попытки оказать содействие купцам в выходе на внешние рынки: агенты кяхтинского купечества отправились вместе с генерал-губернатором в Хакодате и Шанхай для изучения возможностей торговли, к ним был даже прикреплен особый чиновник, знавший иностранные языки²⁴⁷. Тогда же были снаряжены первые купеческие караваны, отправившиеся в сопровождении казаков и чиновников вглубь Монголии²⁴⁸.

Все же привычка выполнять работы с помощью принудительного труда, использовать административные, а иногда и принудительные методы оказалась слишком прочной. Вообще для Муравьева, как и для многих его современников из административной среды, были характерны противоречия, непоследовательность, колебания, неизбежные для деятелей переходных эпох. И не удивительно, что в сложных ситуациях прибегали к традиционным, знакомым способам решения, пусть и не эффективным и не отвечавшим новым взглядам. Именно так можно объяснить широкое использование военно-административных методов при колонизации Амура и при закупках хлеба для ее нужд в обжитых районах Восточной Сибири. Об этом много и со справедливым возмущением писали современники, особенно Д.И. Завалишин, Ф.Н. Львов и В.Ф. Раевский. Сторонники Муравьева находили подобные действия вынужденными и объясняли необходимость прибегать к ним невниманием со стороны центрального правительства к нуждам окраин, что тоже было справедливо. "Все амурское дело велось, так сказать, на медные деньги", — указывал участник колонизации Бр.К. Кукель²⁴⁹. «Верховное правительство, с обычною ему недалекостью, не умело ценить важности Амурского края... а потому не давало денег, — замечал М.И. Венюков. — ...Генерал-губернатору же Восточной Сибири предоставлено было экономничать по разным... сметным расходам, и сделанные сбережения обращать в "амурский капитал", которым и покрывать все расходы по экспедициям на Амуре и заселению его»²⁵⁰.

Венюков довольно точно описал реальное положение дел с финансированием исследований и колонизации но-

вых земель. Никаких дополнительных средств, за исключением выделенных однажды в 1859 г. 100 тыс. руб. из средств Министерства государственных имуществ на переселение крестьян²⁵¹, из государственного бюджета не поступало. Все весьма значительные расходы покрывались за счет Восточной Сибири. При этом, разумеется, местные власти не могли свободно распоряжаться всеми доходами, а лишь той их частью, которая оставалась за вычетом заранее утвержденных расходов, т.е. так называемой экономией. "Военный капитал Восточной Сибири", за счет которого осуществлялось освоение нового края, составлял 400—500 тыс. руб. и складывался из пожертвований, специальных (очень незначительных) ассигнований и, главным образом, остатков "от сметных назначений по разным ведомствам"²⁵². Такое положение толкало на максимальное сокращение неизбежных расходов и увеличение всех возможных доходов и даже на прямые подтасовки. Тот же Венюков писал, что Муравьев "кривил душою, утверждая справочные (т.е. приблизительно существовавшие, по наводившимся справкам. — *Н.М.*) цены на овес, сено, муку, сукно и прочее далеко выше действительных"²⁵³. Экономия достигалась путем приобретения припасов по ценам ниже справочных.

Все эти жертвы приносились ради процветания нового края. В 1857—1859 гг. в муравьевском штабе при участии генерал-губернатора возникла целая серия различных планов, проектов, идей, касавшихся освоения и развития Амура. Большая часть их относится к третьему, последнему периоду его сибирской службы. Пожалуй, самым фантастическим был проект американского коммерсанта П. Коллинза о создании компании по строительству железной дороги от Читы до Иркутска с участием американского капитала. Выражая сомнение в возможности получить разрешение из Петербурга, Муравьев все же верил, "что дело это вдруг бы развило Сибирь в широких размерах"²⁵⁴. Вообще он видел перспективы успешного развития Дальнего Востока прежде всего в широкой беспогонной внешней торговле с участием иностранцев. По мнению Муравьева, их привлечение было важно еще и для появления конкуренции, которая заставила бы и сибирских купцов снижать цены и уменьшать торговые проценты на привозимые ими товары²⁵⁵. Участие иностранных торговых фирм "представляет еще ту выгоду, — писал он Корсакову, — что капиталы на него привлека-

ются из-за границы внутрь Сибири, тогда как вес наши компании и предприятия, выписывая все из других стран, чрез то переводят свои русские капиталы за границу и тем подрывают торговый баланс"²⁵⁶. Не ограничиваясь стремлением привлечь иностранных предпринимателей к торговой и промышленной деятельности на русском Дальнем Востоке, Муравьев понимал также важность проникновения русских и сибирских купцов на внешние рынки. "В моих глазах купец и есть выражение национальности, — писал он Казакевичу, — а торговля выгодна той нации, чьей больше произведений употребляется и продается. Поэтому нам надобно желать, чтоб продавалось сколько можно более сибирских наших произведений в Америку"²⁵⁷.

Изменившиеся под влиянием времени и опыта экономические взгляды и экономическая политика Н.Н. Муравьева сохранили и некоторые неизменные черты и ориентиры. Наиболее важной и постоянной оставалась антикрепостническая направленность. После перечисления горнозаводских крестьян Нерчинского округа в казачье сословие, что сам генерал-губернатор и его ближайшие подчиненные считали освобождением их, это дело было продолжено по отношению к приписным Тальцинской посессионной фабрики. В отчете за 1856 г. он утверждал, что "этот способ владения не современный вообще (к этому времени, действительно, многие владельцы посессионных предприятий в Европейской России отказывались от подобной организации труда. — *Н.М.*) и не свойственный духу учреждения Восточной Сибири, необходимо надо стараться уничтожить"²⁵⁸. Неоднократные и настойчивые увещевания главного начальства края подействовали — в 1858 г. акционеры согласились на увольнение людей из владения фабрики. О многом говорит и позиция Муравьева в споре о принадлежности земель между надворным советником Самойловым и государственными крестьянами. На 129 дес. удобной и 6 дес. неудобной земли в Канском и Енисейском округах претендовали Н.С. Самойлов, предкам которого они были пожалованы, как доказывал он в своих прошениях, и крестьяне двух деревень, фактически проживавшие на этой земле и обрабатывавшие ее. Енисейский губернатор П.Н. Замятнин и Сенат приняли сторону Самойлова, но "государь император, вследствие представления бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Му-

равьева-Амурского", распорядился исполнение решения приостановить, а дело пересмотреть в Государственном совете. Но аргументация Муравьева-Амурского, что земля Самойлову была пожалована не в вотчинное владение, а на правах поместья, не могла быть принята, и земля осталась за Самойловым"²⁵⁹. Пересмотр такого права собственности на землю в марте 1861 г. был слишком опасен для очень многих.

В статье Б.Г. Кубалова и С.Ф. Коваля "К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири" сопоставляются позиции Кабинета и генерал-губернатора, высоко оцениваются действия Н.Н. Муравьева и впервые в советской историографии указывается, что он выступал "проводником новой экономической политики в Восточной Сибири", "решительным сторонником частнокапиталистической инициативы в золотопромышленности", "инициатором освобождения горнозаводских крестьян Нерчинского округа"²⁶⁰.

Анализируя подготовку реформы 1861 г. применительно к Нерчинскому горному округу, А.Т. Топчий также подчеркивает инициативную роль восточносибирской администрации, но основным мотивом ее действий называет стремление избежать возможных волнений. Однако вслед за Кубаловым и Ковалем он признает, что Муравьев был "сторонником способа производства, основанного на свободном найме"²⁶¹, и подтверждает этот тезис многочисленными фактами из истории борьбы Муравьева с Кабинетом за освобождение горных рабочих на более выгодных для них условиях.

Участие генерал-губернатора Восточной Сибири в обсуждении и осуществлении крестьянской реформы 1861 г. не могло быть значительным по причине практического отсутствия в крас крепостных крестьян и помещичьих имений. В ответ на правительственный запрос о его соображениях по поводу будущего устройства и улучшения быта помещичьих крестьян Муравьев, в отличие от генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда, не дал сколько-нибудь подробной характеристики положения. Он сообщил, что единственным помещиком в крас был председатель енисейского губернского правления Родюков, которому принадлежало 130 душ крестьян обоего пола. Крепостные коллежского советника Коновалова были приписаны к его имениям в Европейской России. В целом, по мнению генерал-губернатора, судьба немногих

местных крепостных должна была решаться на тех же основаниях, что и в остальной империи. Заключала короткое "мнение" все же очень характерная для Муравьева фраза: "Что же касается дворовых людей (а их здесь было немало. — *Н.М.*), то я полагал бы постановить, чтобы все зашедшие в Восточную Сибирь и находящиеся в ней получили совершенную свободу от крепостного состояния"²⁶².

Та же энергичная фраза была повторена в гораздо более важном для Муравьева документе — проекте Правил для переселения в Амурский край. Проект был составной частью целого комплекса документов, которые должны были заложить основы устройства нового региона и тем самым завершить генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА. ВОПРОС О ПРЕЕМНИКЕ

В третий, завершающий, период генерал-губернаторства (1858—1861 гг.) основные задачи Муравьев видел в том, чтобы передать власть в руки выбранных им и сформировавшихся под его влиянием администраторов и заложить основы их будущей деятельности и будущего устройства Восточной Сибири и Дальнего Востока по намеченным им правилам.

К этому времени состав административного корпуса Восточной Сибири во многом изменился. К 1860 г. в нем стало в 2 раза больше по сравнению с 1845 г. (на 71,4 % больше, чем в 1850 и на 33 % больше, чем в 1855 г.) людей в высоких чинах и на 74 % больше, чем в 1845 г., лиц на высоких должностях (их стало на 32 % больше, чем в 1850, и на 10 % больше, чем в 1855 г.). Довольно успешно продвигались эти люди и в чинах: у 46,6 % класс чина был выше класса должности. Произошли изменения и в составе неформальной верхушки: она стала на 85 % многочисленнее по сравнению с 1845 г. (на 78,6 % больше, чем в 1850, и на 13,6 % больше, чем в 1855 г.), при этом у 16 % лиц класс чина превышал класс должности.

По-прежнему мы видим здесь много военных и людей, чья карьера так или иначе связана с армией. В формаль-

ной верхушке их соответственно 30,2 и 46,5 %, в неформальной — 40 и 56 %. Доля дворян в формальной верхушке составляла 55,8 %, что несколько меньше, чем в 1855 г. (62,9 %), но значительно превышает показатели 1845 г. (52,4 %). В неформальной верхушке удельный вес дворянства неизменно рос во все "муравьевское время" и к 1860 г. достиг 75,5 %. Заметно увеличилась даже доля помещиков в формальной верхушке: их здесь в 1860 г. было 29,3 %, в неформальной же доля их сократилась до 26,1 % (в 1845 г. их 30,4 %, в 1855 — 29,3 %). Курс Муравьева на привлечение и выдвижение людей из состоятельных дворянских семей дал свои результаты.

В формально высшем слое административного корпуса к 1860 г. средний возраст равнялся 50,1 года (больше, чем в 1855 и 1845 гг.), в неформальном — 39,9 года (меньше, чем во все предшествующее время). И в той, и в другой группе уменьшилась доля людей до 30 лет (в формальной верхушке их уже не было, в неформальной было 21 %). Зато увеличилась доля людей до 40 лет (их стало 20,9 % и 59,6 % соответственно). Продолжал расти образовательный уровень администрации: к 1860 г. высшее или среднее образование имели 73,8 % лиц из формальной верхушки и 82,6 % — из неформальной. Вновь увеличилась сократившаяся было к 1855 г. доля людей с большим стажем (в формальной верхушке более 10 лет по профилю ведомства прослужили 76,7 % лиц, в 1855 г. таких было 74,3 %, в неформальной — 55 % вместо 53,5 в 1855 г.). Больше стало и тех, кто более 10 лет находился в Сибири: в формальной верхушке таких в 1860 г. было 63,7 % (в 1855 г. 60 %), в неформальной — 36,2 % (в 1855 г. — 30,2 %). Меньше стало новых людей, прослуживших в Сибири менее 5 лет: в формальной верхушке в 1860 г. они составляли 15,9 % (в 1855 г. — 20 %), в неформальной — 36,2 % (в 1855 г. — 48,8 %, а в 1853 г. — даже 64,3 %). Доля уроженцев Сибири увеличилась в формальной группе — по сравнению с 1845 г. она вообще выросла в 2 раза (с 12,5 до 25 %), но уменьшилась в неформальной (с 15,4 % в 1845 г. и 15,9 в 1855 до 10,2 % в 1860 г.).

Более важен другой результат. Н.Н. Муравьев был постоянно и серьезно озабочен подготовкой губернаторов из числа хорошо ему известных людей, которым лично доверял. В 1855—1856 гг. губернаторами стали первые три "муравьевца": М.С. Корсаков — в Забайкальской

области, П.В. Казакевич — в Приморской и Ю.И. Штубсдорф — в Якутской. К 1860 г. на всех губернаторских должностях в Восточной Сибири находились люди, рекомендованные Муравьевым²⁶³. Енисейская губерния пока составляла исключение, но отставка ее губернатора В.К. Падалки была делом решенным. Во главе всех отделений Главного управления Восточной Сибири стояли назначенные при Муравьеве управляющие и начальники. Все заметные места в военном управлении также были заняты теми, кому лично доверял генерал-губернатор. Более того, он добивался — и добился — права самому выбрать себе преемника.

На самом деле преемника Муравьев наметил давно. Еще в 1854 г. он писал брату Валериану о М.С. Корсакове: "Служба его идет довольно успешно, и, может быть, он заступит мое место в Восточной Сибири"²⁶⁴. В марте того же года Муравьев написал об этом Константину Николаевичу ("со временем он будет лучший генерал-губернатор Восточной Сибири по всем отношениям"²⁶⁵), а в конце 1856 г. заявлял об этом открыто. В письме самому М.С. Корсакову Муравьев сообщал: "Я постоянно твержу Великому Князю, что ты должен со временем заступить мое место в Восточной Сибири: эта мысль моя, по убеждению, на пользу края и России. Поэтому тебе следует себя к этому готовить, и лучшее средство — опыт, а лучшего опыта иметь нельзя, как вся твоя служба в Восточной Сибири и в особенности настоящее твое назначение (забайкальским губернатором. — *Н.М.*). Устрой Забайкальскую область и войско — тогда поведешь хорошо и дела всей Восточной Сибири"²⁶⁶. В конце того же года было получено и предварительное согласие Александра II, о чем был извещен и Корсаков: "Я доложил Государю, — писал ему Муравьев из Петербурга 29 декабря 1856 г., — что ты должен быть моим преемником, и Он принял это с одобрением"²⁶⁷. Подготовкой к будущему высокому назначению должно было стать не только активное участие М.С. Корсакова во всех делах Муравьева, в том числе и в первых амурских спорах, не только губернаторство в Забайкальской области, но и замещение в течение года специально для Корсакова созданной должности помощника генерал-губернатора, председательствующего в Совете Главного управления Восточной Сибири.

Дело не должно было свестись лишь к передаче полномочий новому, молодому генерал-губернатору. Н.Н. Муравьев-Амурский за годы своего управления добился расширения этих полномочий путем наделения генерал-губернатора Восточной Сибири правами вести сношения с Китаем, распоряжаться чиновниками, ранее не подвластными ему. Территория подведомственного ему края увеличилась почти на миллион квадратных километров, в ее составе появились две новые, необжитые и неустроенные области. И вот теперь Н.Н. Муравьев-Амурский стал доказывать невозможность осуществлять управление всем этим огромным "хозяйством" силами одного генерал-губернатора. В феврале 1860 г. он подал на высочайшее имя Записку о разделении Восточной Сибири. Она предполагала выделение созданной в 1856 г. Приморской области в особое генерал-губернаторство во главе с военным моряком, исполняющим одновременно обязанности главного командира портов и флотилии Восточного океана и имеющего право вступать в дипломатические сношения с Японией. В подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири должны были остаться Иркутская губерния, Забайкальская, Амурская, Якутская области и Кяхтинское градоначальство, за ним сохранялось право пограничных и политических сношений с Китаем. Енисейскую губернию²⁶⁸ предполагалось передать в состав Западной Сибири.

Против проекта выступили некоторые министры и генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, который справедливо утверждал, что за последние годы территория Западной Сибири также увеличилась, а положение на ее границах более беспокойно, чем на границах Восточной Сибири. При этом Гасфорд не считал возможным и полезным назначение себе помощника. Вообще его реакция на предложение Муравьева была явно ревнивой²⁶⁹. Как вспоминал А.О. Дюгамель, в 1864 г. проект административно-территориального переустройства Сибири был возобновлен и дополнен идеей создания из Оренбургского генерал-губернаторства и входивших в состав Западной Сибири недавно присоединенных степных районов нового самостоятельного Степного генерал-губернаторства. Тогда против этого проекта решительно выступил²⁷⁰ влиятельный военный министр Д.А. Милютин. В 1860 г. проект Муравьева-Амурского также не

был поддержан министрами, больше всего опасавшимися, что его осуществление повлечет за собой новые расходы.

Муравьев-Амурский неизменно, и в годы своего генерал-губернаторства, и после выхода в отставку, доказывал необходимость особого доверия монарха к главному начальнику Восточной Сибири, особого статуса и широких полномочий представителя императора в этом отдаленном крае. Однако в 1862 г. он выступил против идеи разделения России на 10 генерал-губернаторств и писал Н.П. Игнатьеву, что осуществление этой затеи было бы возможно и полезно только в том случае, "если б нашли 10 человек таких генерал-губернаторов, как Вы да я, но это невозможно"²⁷¹. Это не просто очередной парадокс Муравьева, но его принципиальная позиция: при всем увлечении административными преобразованиями Муравьев всегда считал, что люди важнее учреждений.

В Записке о разделении Восточной Сибири Муравьев-Амурский официально называл имена своих возможных преемников — генерал-майора М.С. Корсакова и контр-адмирала П.В. Казакевича, считая их подготовленными к осуществлению столь ответственной миссии. Он убеждал императора, что "по крайней мерс на первые три года после разделения необходимы там именно эти лица, как по опытности их в том крас, так и по их взаимным товарищеским отношениям, а также и по доверию, которое они успели приобрести в крае, в течение многолетней своей там службы; между тем оба они — молодые люди: Карсакову около 35 лет, Казакевичу — около 40; и поэтому еще долго могут быть полезны службе Вашего Величества, с тою физическою деятельностью, которая там необходима... По приобретенной ими опытности в административном деле, по знакомству их с нуждами, потребностями и интересами Восточной Сибири, по отличным способностям и высокой их благонамеренности — оба эти лица удовлетворяют назначению быть главными начальниками в соответственных им частях Восточной Сибири, если Вашему Величеству будет это благоугодно"²⁷². Для нас особенно важно и интересно, какие качества называет Муравьев уже на закате своей сибирской карьеры как необходимые и полезные на посту генерал-губернатора — молодость, административная опытность, знакомство с Сибирью, доверие подчиненных, способности и благонамеренность.

Большинство мемуаристов — как друзей, так и недругов Муравьева — утверждали, что этот выбор, особенно в отношении Корсакова, был продиктован еще и тем, что Муравьев рассчитывал на продолжение своей политики даже после своего ухода. Эту же цель, как отмечалось, преследовали и подготовленные им проекты устройства Амурского края и Восточной Сибири, поданные в последние два года его пребывания там.

ПРОЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ

За последние годы был подготовлен целый комплекс проектов, осуществление которых должно было положить начало заселению Амурского края и определить его судьбу. Основная идея "Правил для переселения в Приамурский край" заключалась в том, что "переселение в этот край должно быть дозволено лицам всех свободных состояний, по желанию". При этом предполагалось, что лица "без видов и паспортов не выселяются", да и "зашедшие в эти области крепостные люди становятся свободными со дня вступления в пределы одной из них" (т.е. Амурской или Приморской)²⁷³. Таким образом, предполагалось легализовать старинную практику сибирской администрации, традиционно смотревшей сквозь пальцы на появление на необжитых окраинах беглых крепостных, и кодифицировать еще одну норму обычного права через разрешение переселенцам пользоваться "пашнями, сенокосами и другими угодьями в занятых ими по собственному выбору местах, соразмерно с возможностью каждого домохозяина обработать эту землю"²⁷⁴. Не случайно именно эти пункты вызвали крайнее неприятие со стороны министра государственных имуществ М.Н. Муравьева, известного своими крепостническими взглядами. Решительно возражал он и против предложения ввести на Амуре частную земельную собственность и требовал установления общинной²⁷⁵, и тем более не допускал возможности осуществить идею отмены на Амуре сословного неравенства. А проект Муравьева-Амурского гласил: "Все переселившиеся на Амур сохраняют то звание и соединенные с ним личные преимущества, которыми пользовались в местах прежней своей оседлости, но на Амуре никаких преимуществ одного сословия перед другим не допускается"²⁷⁶.

Пререкания завершились тем, что в марте 1861 г. Александр II утвердил Правила для переселения в отредактированном, довольно далеком от первоначального проекта виде. Переселенцам предоставлялись некоторые льготы, но не предусматривались ни казенные пособия на дорогу, ни те буржуазные свободы, которые предполагал проект. Короткая фраза из письма царя великому князю Константину Николаевичу показывает, как далек он был от понимания замыслов Муравьева-Амурского относительно устройства Амурского края. Он сообщал брату, что в Сибирском комитете решены важные вопросы "по административной части Приамурского края и почти совершенно согласно с представлениями Муравьева", и замечал: "за исключением подробностей насчет переселений из России, которые невозможно исполнить в том широком размере, как он того желает, в особенности по теперешним обстоятельствам"²⁷⁷. Мечты Муравьева о свободном заселении и свободном развитии нового края остались неосуществленными.

Были отвергнуты и другие проекты. В частности, подготовленный в 1859 г. совместно с архиепископом Камчатским Иннокентием (Вениаминовым) (будущим митрополитом Московским) "Проект правил об обеспечении и устройстве духовенства" для Амурской и Приморской областей (распространение Проекта на Приморскую область было предложено Иннокентием). По нему предполагалось восстановление церковного прихода в правах юридического лица, обеспечение сельского духовенства путем гарантированного наделения землей по 70—80 дес. на причт, предоставления помещения от прихода, казенного жалования и дополнительного пособия от прихожан. Но главное новшество заключалось в том, что изменялся принцип управления — единоначалие настоятеля заменялось совещательным управлением во главе с советом прихода, который должен был контролировать финансовую деятельность церкви, заниматься благотворительностью, религиозным обучением и распространением грамотности, а также выполнять судебно-примирительные функции²⁷⁸. Эти идеи были реализованы на окраинах страны, но их распространение на всю Россию, благожелательно воспринятое духовными властями, было отвергнуто светскими²⁷⁹.

Тот же демократический и прогрессивный характер имел и проект переселения на Амур чехословацких ко-

лонистов из США, подготовленный по предложению М.С. Корсакова и Н.В. Буссе и с согласия Н.Н. Муравьева-Амурского чиновником особых поручений при амурском губернаторе А.И. Малиновским. Согласованный с представителями будущих колонистов проект предполагал предоставление им прав самоуправления на избирательной основе, собственного суда, свободы собраний, печати, вероисповедания, неприкосновенности личности и имущества, свободы торговли и промышленности, равенства перед законом, освобождения от натуральных повинностей и т.п.²⁸⁰. При этом пользовавшиеся всеми этими правами чехословацкие колонисты могли бы принимать в свой состав и русских поселенцев.

Идеи эти — увы — осуществить не удалось, а для переселения на Амур были отобраны штрафованные солдаты со всей России, которым предусмотренное законом наказание заменялось ссылкой. Как не имеющие возможности вести хозяйство, они были прикреплены к казачьим семьям в качестве "сынков", что породило множество проблем и вызвало недовольство даже у таких добровольных переселенцев и любимцев Муравьева, как семья К.А. Богданова²⁸¹.

В немногих свидетельствах рядовых участников колонизации запечатлена ее непомерная тяжесть для народа, не только обусловленная объективными обстоятельствами, но и усугублявшаяся бестолковыми и безжалостными распоряжениями начальства. По мнению М.К. Азодовского, опубликовавшего еще в 1916 г. одну из записанных им в хуторе Кукелевском Амурской области так называемых амурских песен (исторические песни о переселении на Амур), «рассказы самих казаков — участников переселения — говорят уже не о "маленьких недостатках", но о сплошь невозможной организации дела»²⁸². Рядовые участники "амурской эпопеи" порой поднимались до серьезных обобщений: "Странное дело: загнали на Амур, дали в жертву каким-то деспотам и эгоистам, не имеющим человеческой души, не знающим никакого хозяйства, — что еще после этого может быть хорошего?" — резонно замечал П.В. Белокопытов²⁸³. Использование военно-административных методов и окончательный переход к военной колонизации означали обязательность для казаков-переселенцев всех приказаний офицеров, в том числе и имевших хозяйственное значение. Большая часть офицеров совершенно не была к этому

подготовлена, за исключением "зауряд"-офицеров — выходцев из среды самого казачества, как правило, не имевших никакого образования, но зато с богатым житейским и хозяйственным опытом.

Вынужденное согласие на штрафную колонизацию стало крупной ошибкой Муравьева-Амурского. Она не привела и не могла привести к достижению поставленной цели — прочному хозяйственному освоению Амура. Ее осуществление вызвало рост преступности, о чем писали губернаторы Буссе и Казакевич. Она же опорочила репутацию и Амурского края, и генерал-губернатора Восточной Сибири.

В конце 1850-х гг. Муравьев-Амурский возобновил работу над проектом нового устройства управления ссыльными. Проект имел прямое отношение к колонизации, так как речь в нем шла не о политической ссылке, не бывшей в то время массовой. По словам В. И. Вагина, подобные проекты, начиная с 30-х гг., "писались и в Петербурге, и в Западной и Восточной Сибири; но местная администрация находила петербургские проекты непрактичными, а петербургская — сибирские — несогласными с карательным значением ссылки, и дело тянулось"²⁸⁴. То же повторилось и на этот раз. Как вспоминал автор нового проекта Б.А. Милютин, Д.Н. Блудов считал причиной неудачи то, что в Петербурге основывались на требованиях карательного закона и государственных интересах, а в Сибири опирались исключительно на экономические интересы края²⁸⁵. Так же оценивает расхождение между центральными и региональными властями в вопросе о ссылке и ее задачах и Е.А. Кузнецова, рассматривавшая вопрос о проекте реформы управления ссыльными²⁸⁶.

В муравьевско-милютинском проекте есть еще одна сторона, очень типичная для Муравьева: стремление освободить ссыльных из-под власти Кабинета. Именно этим была продиктована основная идея его предложения о передаче ссыльных в управление гражданского ведомства. Б.А. Милютин вспоминал: "В записке своей, написанной с резкой, в те времена, смелостью и убедительностью, граф Муравьев доказывал всю несоответственность, и с нравственной, и с материальной точки зрения, того законоположения, в силу которого все преступники, подвергшиеся известного рода наказаниям, поступали в непосредственное распоряжение Кабинета его величества и

заводов казенных, в качестве дешевых рабочих, на деле же обходившихся дороже всяких других, в прямой ущерб хозяйству, не говоря уже о том, что сосредоточение в одном лице и власти хозяина, и власти полицейской, и власти судебной²⁸⁷, представлялось источником одних злоупотреблений". При Корсакове проект был пересмотрен (см. ниже).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Либеральные планы и благородные идеи в управленческой практике либо не осуществлялись вовсе, либо осуществлялись совсем не в том виде, как предполагал сам Муравьев и его молодые сотрудники — такие, как Вснюков, Рагозин, Малиновский и др.

Наиболее подробная характеристика взглядов Муравьева-Амурского в последние годы его управления содержится в письмах Бакунина к Герцену и Огареву. Далеко не все утверждения Бакунина выдерживают проверку при их сопоставлении с другими источниками. И все же некоторые высказывания Бакунина совпадают или примыкают к свидетельствам иного происхождения.

Политические ориентиры Муравьева и его отношения с Бакуниным рассматриваются в книге В.А. Должикова, посвященной, как уже отмечалось в историографической во введении,²⁸⁸ "полной исторической реабилитации" М.А. Бакунина. К сожалению, при освещении этого вопроса (как, впрочем, и некоторых других) автором допущен ряд фактических ошибок и неверных, с нашей точки зрения, интерпретаций. Стремясь к "реабилитации" Бакунина, В.А. Должиков превозносит и Муравьева, которому, по его словам, Бакунин оказывал безоговорочную поддержку. Прежде всего, вслед за Бакуниным, явно преувеличивается оппозиционность Муравьева (Должиков говорит даже о его "революционности"). Во-вторых, преувеличивается влияние на него Бакунина: последнему приписывается, например, идея введения частной земельной собственности на Амуре²⁸⁹, что, как мы видели, логично вытекало из убеждений Муравьева, сформировавшихся и открыто заявленных еще в тульский период. Еще менее правдоподобными выглядят рассуждения о влиянии Бакунина на кадровую политику Муравьева и Корсакова, тем более, что автор нередко исполь-

зуст ошибочные сведения. Так, В.Н. фон Клингенберг, будучи родственником Корсакова и Муравьева (по матери, урожденной Мордвиновой), вполне мог стать чиновником особых поручений и без протекции Бакунина. Ошибочно и утверждение, что Клингенберг был назначен в ГУВС на важную "должность чиновника по особым поручениям, занимавшегося доставкой служебной переписки генерал-губернатора из Иркутска в Петербург и обратно"²⁹⁰. Такой должности вовсе не существовало, курьерская поездка в Петербург считалась своеобразной наградой, иногда посылался человек, лучше знавший вопрос. М.Н. Масловский занял должность редактора "Иркутских губернских новостей" отнюдь не в 1859-м, а в 1860 г., и сменил на этом месте не Н.А. Спсшнсва, а М.В. Загоскина. И это не просто деталь, так как при Загоскине в течение полутора лет сохранялось либерально-оппозиционное направление газеты, в ней печатались статьи, обличавшие действия муравьевской администрации, а с назначением Масловского газета превратилась во вполне заурядный официоз.

Самая вопиющая ошибка связана с именем некоего сибирского чиновника Александра Лохвицкого. Он назван учеником Бакунина, приехавшим в Восточную Сибирь в 1859 г. по приглашению Н.Н. Муравьева после службы на Кавказе, автором опубликованных в "Русском слове" заметок о своем путешествии в Чехию, написанных, "скорее всего, по совету М.А. Бакунина". В.А. Должиков высказывает предположение, что эти заметки были написаны самим Бакуниным, основываясь на том, что в них "пропагандируются излюбленные бакунинские идеи о революционном единстве всех славянских народов, о прав наций на самоопределение и о демократической общеславянской федерации" и на том, что они датируются "как раз тем временем, когда Бакунин контактировал с их автором". Человек, якобы пропагандировавший в радикальном журнале бакунинские идеи, занимал в то же время должность забайкальского вице-губернатора, "играл важную роль в областной администрации и распространял бакунинские идеи среди своих подчиненных". Автор делает далеко идущий вывод: "Очевидно, Бакунин предпочитал не распыляться, а концентрировал пропаганду на молодых перспективных деятелях"²⁹¹. Таким образом, этой фигуре отводится значительная роль и в построениях самого Должикова, и в планах Бакунина (в

интерпретации этого автора). Но в Забайкалье служил не Александр Лохвицкий, а Аполлон Давыдович Лохвицкий, который никогда не бывал ни на Кавказе, ни в Чехии, не писал, соответственно, заметок об этом путешествии и не пропагандировал идеи славянского братства. Карьера его складывалась совсем иначе, в Сибири он служил с 1852 г., участвовал в обороне Пестропавловска-Камчатского в 1854 г., позже был забайкальским вице-губернатором, якутским и енисейским губернатором²⁹².

Для В.А. Должикова характерно некритическое отношение к письмам М.А. Бакунина, хотя ряд пассажей в этих письмах очевидно сомнителен.

С значительным преувеличением в сторону левого радикализма политические идеи Муравьева были охарактеризованы в обширном письме Бакунина к Герцену и Огареву от 7 ноября 1860 г. "Он хочет безусловного и полного освобождения крестьян с землею, гласного судопроизводства с присяжными... безусловной неограниченной печатной гласности, уничтожения сословий, народного самоуправления и народных школ на широкую ногу" — утверждал Бакунин. И продолжал: "В высшей административной сфере он желает следующих реформ: ... уничтожения министерств (он отъявленный враг бюрократии...), — и на первых порах не конституции и не болтливой дворянского парламента, а временной железной диктатуры... совершенного уничтожения... петербургского лакейства. ...Он питает... презрение ко всем привилегированным или, как он их называет, ко всем нессомым сословиям, не верит в публику и верит только в секомый народ. ...Он не ждет добра от дворянско-бюрократического решения крестьянского вопроса, он надеется, что крестьянский топор вразумит Петербург и сделает в нем возможною ту разумную диктатуру, которая, по его убеждению, одна только может спасти Россию"²⁹³.

О признании Муравьевым необходимости освобождения крестьян с землею и его враждебном отношении к петербургской бюрократии уже говорилось выше. В этом отношении Бакунин, скорее всего, был прав. Подтверждаются другими источниками и бакунинские характеристики отношения Муравьева к идеям дворянской конституции. В письме к Н.П. Игнатьеву Муравьев писал о себе: "Я враг всякого представительства, кроме того, которое избирается поголовною подачей голосов, а сие в России еще невозможно лет 25... Реформы необходимы

для спасения России. Всего хуже, если Государственный совет пополнят дворянами по выбору дворян"²⁹⁴. Еще ближе к бакунинским оценкам высказывание в письме к тому же Н.П. Игнатьеву от 6 июня 1862 г.: "Всего опаснее и вреднее было бы для России, если бы вздумали собрать двести или триста болтунов привилегированных сословий под названием представителей или депутатов для рассуждения о государственных делах или законах... Надеюсь, что примеры истории научат... Государя перескочить прямо с 1789-го года в 1799-й, а потом перейти постепенно... к концу 1851 года"²⁹⁵. Обычной темой в переписке было противопоставление преданного самодержцу народа и лукавого дворянства. "Главное несчастье всех правительств, — писал Муравьев, — что они боятся демократии и не хотят понять, что истинные их враги в привилегированных сословиях"²⁹⁶; "всегдашняя ошибка Государей увлекаться мнением тех, кто к ним ближе, — а народного-то мнения они и не знают и Третье отделение им его не сообщает"²⁹⁷. Народ, по словам Муравьева, "ценит, понимает и даже любит власть царскую, он понял бы и выборы, в которых бы участвовали все они с дворянами". Но если народ узнает, что одни дворяне выбирают и в царский совет, и в губернии, и в уезды, "то как раз возьмется за топоры"²⁹⁸. Здесь, разумеется, звучит весьма характерное для того времени опасение крестьянского топора и, может быть, в этом смысле был прав Бакунин, когда писал, что угроза топора, по мнению Муравьева, могла вразумить Петербург. Но о призыве к топору и надежде на него, конечно, речи нет и быть не могло.

В том же духе выдержано письмо М.С. Корсакову, содержащее и прямые высказывания о проектах дворянской конституции. "Дворянство наше продолжает беситься и требовать *для себя* конституции. Хороша была бы Россия с дворянской конституцией, теперь одно спасение в народе, т.е. в 65 миллионах и в самодержавной власти, которая может ослабиться по крайней мерс без намерения и пристрастия и скорее в пользу народа, чем привилегированных сословий. ...Дворянская конституция... привела бы Россию на край бедствий — это было бы прямое порабощение всего народа"²⁹⁹. Известно, что в конце 50-х — начале 60-х гг. идеи дворянского конституционализма были чужды либералам: их левое крыло в лице тверских мировых посредников выступило за соз-

дание бессловесного представительства в органах местного самоуправления и уничтожение привилегий дворянства, а представленный П.А. Валуевым проект преобразования Государственного совета на представительных началах был подвергнут великим князем Константином Николаевичем резкой критике слева³⁰⁰. С требованиями усиления роли сословных представителей в управлении в середине XIX в. выступала олигархическая группа крупных землевладельцев, чья идеология была, в частности, представлена в Записке высланного за нес в Сибирь М.А. Бзобобразова. Так что приведенные высказывания вряд ли позволяют видеть в Муравьеве-Амурском "одного из самых влиятельных и авторитетных деятелей дворянской оппозиции", как это утверждает В.А. Должиков³⁰¹.

Понятно, что далеко не все эпистолярные высказывания поддаются проверке административной практикой. Впрочем, в переписке с Игнатьевым была еще одна тема, также затрагиваемая в бакунинской характеристике, — отмена телесных наказаний. 2 марта 1862 г. Муравьев-Амурский писал: "Для спокойствия народного необходимо уничтожение телесных наказаний"³⁰².

Разумеется, в своей административной деятельности генерал-губернатор Восточной Сибири должен был прибегать к этому предусмотренному законодательством наказанию. Достоверно известно несколько таких случаев. Некоторые из них приводились нами выше, еще один описан М.И. Венюковым — его свидетелем и участником. Опоздание к отплытию экспедиции на Амур топографа Жилейщикова и слова адъютанта Моллера о том, что тот опоздал по собственной вине, привели Муравьева в ярость, и он приказал унтер-офицера разжаловать и высечь. Венюков, знавший, что Жилейщиков не был виноват в опоздании, промолчал, но не исполнил приказа. Затем, как это часто бывало, генерал одумался, понял, что отдал распоряжение сгоряча, не стал напоминать о нем и настаивать на его выполнении³⁰³. В общем, за Муравьевым не наблюдалось особого пристрастия к телесным наказаниям, а в некоторых случаях — как, например, по отношению к отказавшимся подчиниться военной дисциплине старообрядцам, — он даже уклонялся от их применения.

Большое впечатление на современников произвел приказ иркутского губернатора К.К. Венцеля, отданный

по поручению генерал-губернатора. Б.Г. Кубалов прямо связывал его содержание с влиянием "Колокола"³⁰⁴. Опубликованный в "Иркутских губернских ведомостях" приказ гласил, что офицеры, бьющие ямщиков при проезде по почтовому тракту, "проявляют самодурство", что это "неприлично их званию и возмущает личные права человека"³⁰⁵. Разумеется, это не привело и не могло привести к уничтожению давно сложившейся практики, но издание подобного приказа и его публикация в газете были достаточно серьезным шагом администратора. Так что в этом вопросе характеристика Бакунина, утверждавшего, что Муравьев — враг телесных наказаний, не противоречит ни известным из других источников его высказываниям, ни его административной практике.

Серьезным испытанием для Муравьева-администратора стали волнения старообрядцев в 1859 г. В воспоминаниях одного из очевидцев, чиновника особых поручений Забайкальского областного правления Е.И. Рагозина, происходившие тогда события были даже названы бунтом раскольников. Старообрядцы-беглопоповцы, найдя священника, вышедшего из официальной иерархии, приняли его, и он приступил к исполнению обрядов. Когда становой пристав арестовал этого священника, крестьяне избили станового, освободили своего попа и продолжали оказывать неповиновение. После уговоров молодого, образованного и весьма либерально настроенного чиновника Рагозина священник согласился сдаться и уговорить крестьян прекратить сопротивление, чтобы избежать кровопролития, подобного тому, что было 22 годами ранее. Как вспоминал через много лет Рагозин, несмотря на эту подготовку, прибывший к месту происшествия "граф Муравьев все-таки принужден был прибегнуть к угрозе и, приказав всей толпе встать на колени, велел роте солдат взвести курки". Но священник вышел из толпы, сдался и вследствие этого "генерал-губернатор оставил это дело почти без последствий, ограничившись временной высылкой пяти стариков в Иркутскую губернию"³⁰⁶. Еще более красочно и менее правдоподобно описывает эту сцену со слов кого-то из очевидцев не присутствовавший при том Я. П. Шишмарев³⁰⁷.

Обнаруженное нами "Дело о поимке в Бичурском селении Верхнеудинского округа беглого попа Георгиевского и о произведенных при этом беспорядках раскольниками Бичурского селения"³⁰⁸ позволяет уточнить

ход событий и роль в них генерал-губернатора. Исправлявший должность верхнеудинского земского исправника Литвинов 31 января 1859 г. рапортовал генерал-губернатору, что в Бичурском селении "195 человек (только замеченных) оказали неповиновение и буйство при поимке заседателем Чернявским беглого попа, пойманного и арестованного Чернявским в Еланском селении, побоями и угрозами смерти заставили Чернявского 25 января возвратить им означенного попа". Губернатор Забайкальской области М.С. Корсаков в это время находился в Москве, возвращаясь из петербургской командировки. Временно управлял областью старший советник Забайкальского областного правления А.Д. Лохвицкий, практически руководил прекращением беспорядков генерал-губернатор.

Муравьев-Амурский подвел итоги своим действиям в Бичуре, обращаясь к управляющему Забайкальской областью 2 февраля 1859 г: "Я вчерашнего числа ездил сам туда и сделал все надлежащие распоряжения к водворению порядка: беглый священник Георгиевский отправлен мною в Верхнеудинск, а отсюда будет отправлен к епархиальному начальству — крестьяне Бичурского селения составили приговор об удалении из своего селения 5-х крестьян по указанию моему". Кроме того, генерал-губернатор отстранил от должности Литвинова, отправив его "по делам службы в Иркутск". Заседатель Чернявский был выслан в Верхнеудинский земский суд. Прямо в Бичуре 1 февраля генерал-губернатор приказом возложил на командира стрелковой роты штабс-капитана Лыткина "права земского исправника по Бичурскому селению", подчинив ему также и еще одну вызванную в село роту. В приказе говорилось: "Поручаю строгой Вашей ответственности внутреннее спокойствие Бичурского селения и наблюдение за своевременным отправлением в город Иркутск общественным приговором удаленных бичурских крестьян Степана Белых, Ивана Данилова Перелыгина, Авдся Алексеева Афонасьева, Давида Иванова Васильева и Василия Романова Ткачева".

На самом деле "зачинщики" были определены еще накануне. В отношении иркутского архиепископа Евсевия к генерал-губернатору от 29 января 1859 г. были названы имена четверых (кроме С. Белых).

И.Д. Перелыгин умер 3 февраля. При прощании с увозимыми крестьянами один из остававшихся, Поли-

карп Федорович Перелыгин, попытался вновь взбунтовать народ, но был арестован штабс-капитаном Лыткиным и выслан в Верхнесудинск. По распоряжению Муравьева П.Ф. Перелыгин был доставлен в Иркутск. Как и остальным старообрядцам, ему было приказано явиться непосредственно к генерал-губернатору, а затем он был направлен в иркутский военный госпиталь, так как свои действия он попытался объяснить "припадками падучей болезни". После пятимесячного испытания врачи пришли к выводу, что Перелыгин симулировал болезнь, и его присоединили к остальным сосланным.

Первоначально переселенные из Бичуры крестьяне были поселены в разные волости Иркутского округа под строгий надзор с запрещением выезда в Забайкальскую область. Затем разрешили переселиться к ним женам и детям и всем вместе поселиться в Оёке, а в 1860 г. "крестьяне-раскольники Бичурского селения Степан Бельх, Авдей Афонасьев, Давид Васильев, Василий Ткачев, принеся господину генерал-губернатору раскаяние в своих поступках, просили о возвращении их на прежнее место жительства. Снисходя к таковому раскаянию, Его Сиятельство изъявил согласие на удовлетворение просьбы". В июне 1860 г. было дозволено вернуться и П.Ф. Перслыгину. Священник Георгиевский в феврале 1859 г. был передан духовным властям и поселен ими в Иркутском Вознесенском монастыре "с поручением его особенному смотрению настоятеля".

Важно отметить отличия этой ситуации от событий двадцатилетней давности. Тогда размах волнений был явно больше, а происходившее в 1859 г. не может быть названо ни восстанием, как у Шишмарева, ни бунтом, по определению Рагозина. На сей раз обошлось без артиллерии и без стрельбы вообще. Гораздо более успешными следует признать действия Е.И. Рагозина по сравнению с действиями чиновников и адъютантов Руперта, хотя и теперь не обошлось без репрессий. И все же на общем фоне российской действительности середины прошлого столетия Муравьев не может быть причислен к любителям и сторонникам телесных наказаний, а осуждение их на бумаге дополнялось, хотя и не всегда последовательно, и в его административной практике.

Иначе обстояло с вопросом о гласном судопроизводстве и введении суда присяжных. На возможность введения в России гласного судопроизводства с присяжными после

освобождения крестьян Муравьев указывал еще в Туле. В проектах по устройству Приамурского края предусматривалось крестьянское самоуправление, собственные крестьянские суды и т.п. Известны и более поздние высказывания Муравьева в защиту буржуазного судопроизводства (например, в письме брату Валериану от 6 октября 1865 г.)³⁰⁹. Совершенно иной была административная практика. Во всяком случае, действия генерал-губернатора показывают, что он не был в состоянии признать независимость суда от административной власти, особенно если суд шел против ее решений или мнений главного лица. Более того, Муравьев часто и охотно прибегал к использованию военных судов. Так было с купцом Марковым, обвиненным в нарушении правил кяхтинской торговли, так было и с Занадворовым. Давление на суд, обращение к императору с требованием осудить Занадворова ради спасения авторитета власти уже описывались выше. Еще более вопиющий пример связан со знаменитой иркутской дуэлью 1859 г. Подробнее в настоящей работе о ней говорится ниже. Здесь отметим лишь, что судьи Иркутского и Верхотурского окружного суда, признавшие убийцами участников дуэли из числа любимцев Муравьева, сами были отданы под суд и еще до приговора несколько месяцев находились в заключении, а губернский суд во главе с Б.А. Милютиным стремился доказать их вину. Современники и участники событий единодушно связывали позицию губернского суда с неоднократными и недвусмысленными высказываниями Муравьева, прямо обвинявшего судей и оправдывавшего дуэлянтов.

Несколько более последовательным было его отношение к свободе слова и гласности. В частных письмах Муравьев не раз высказывался против цензуры — во всяком случае, в том виде, в каком она существовала в России. Так, в письмах к брату Валериану от 5 января и от 13 января 1865 г. он писал: "Цензура вообще, и особенно такая, как она теперь у нас существует, учреждение ненормальное; но есть надежда, что с учреждением нового цензурного устава это дело придет в нормальный порядок"; "Если уже существует цензура, то она должна быть учреждение совершенно независимое ни от какого министерства, ни даже от Комитета министров, и должна руководствоваться твердыми правилами... имеющими силу закона"³¹⁰.

Генерал-губернатор был действующим администратором, и отношение к цензуре было для него вопросом практическим. В 1858 г. в "Иркутских губернских ведомостях" появилась статья "Выборы", автором которой предположительно был М.В. Загоскин. В ней разоблачались злоупотребления волостного головы Мейера и попустительство ему со стороны земского исправника и чиновника особых поручений. Статья вызвала возмущение иркутского губернатора и "наделала страшного шума" в кругах чиновничества и интеллигенции³¹¹. Вопреки всем ожиданиям и опасениям, генерал-губернатор принял сторону редакции, и в газете было помещено многозначительное объявление: «Редакция неофициальной части "Иркутских губернских ведомостей" *уполномочена* объявить, что столбцы ее газеты — всегда открыты для желающих воспользоваться такого рода полезной "гласностью". В Иркутске не опасаются этой гласности, а напротив — вызывают ее»³¹². В последние месяцы 1858-го и в начале 1859 г. газета опубликовала ряд писем и корреспонденции, в которых разоблачались административный произвол и злоупотребления на местах. Вообще Муравьев одним из первых русских государственных деятелей понял возможности периодической печати и начал их использовать. И в казенных "Иркутских губернских ведомостях", и в частной газете "Амур" пропагандировались успехи в освоении Амура. С согласия генерал-губернатора Бакунин писал из сибирской ссылки Герцену и в нелегальном, но влиятельном "Колоколе" печатались похвалы в адрес восточносибирской администрации.

Неслучайно в "Иркутских губернских ведомостях" появился ряд материалов, написанных по прямому указанию Муравьева, в том числе направленных против откупа, таких как статья Спешнева о недопустимости распространения откупной системы на Амур³¹³. В ответ на прошение енисейского купца Данилова, оскорбленного статьей о причинах дороговизны хлеба в Енисейске³¹⁴ и просившего назвать имя автора для привлечения его к суду, генерал-губернатор в официальном отношении к губернскому правлению ответил: "За статью, пропущенную в печать, отвечает не автор, а цензор" (т.е. губернатор. — Я.М.), и вообще "ни одно частное лицо не имеет права требовать от редактора раскрытия тайны псевдонимов — это прерогатива даже не местных властей, а правительства". Бумага заканчивалась многозначитель-

ной припиской: "сообщаю все это вам для руководства на будущее время"³¹⁵.

Муравьев продолжал защищать "иркутскую гласность" и после выговора, полученного за нес из Петербурга. В книге Кубалова приведено письмо Б.К. Кукся к Корсакову, содержащее мнение Сибирского комитета, изложенное управляющим его делами В.П. Бутковым по поручению председателя Комитета князя А.Ф. Орлова. Сибирский комитет заметил, что "Иркутская газета, в особенности после статьи, объявляющей столбцы ее свободными для гласности, приняла весьма резкий характер", допуская в печати статьи, задевающие не только разные личности, но даже и распоряжения и порядки, устанавливаемые правительством и начальством. Обращая внимание, что газета "уклоняется от программы, утвержденной губернским ведомостям", Комитет просил "доставить объяснения, на каком основании это допущено, и уведомить, какие меры были приняты против тех злоупотреблений, о которых писали в газете"³¹⁶. Сохранилось также письмо помощника Буткова, Н.В. Гудкевича,* к Корсакову примерно такого же содержания³¹⁷. Этот откровенный выговор тогда не повлиял на позицию Муравьева.

Примерно к этому же времени относятся и свидетельства современников о почти открытом чтении герценовских изданий самим Муравьевым и его ближайшим окружением. М.В. Загоскин, отнюдь не принадлежавший к этому окружению, через много лет рассказывал: "После нескольких моих статей в губернских ведомостях Муравьев пожелал познакомиться со мной, и мы (не помню, со Спешнским или Петрашевским) отправились к генерал-губернатору. У Муравьева в кабинете целый угол был завален заграничными изданиями о России, и он тут же предложил пользоваться этими книгами всем нам"³¹⁸.

Разумеется, Муравьев намерен был использовать печать, в том числе и местную, прежде всего в собственных целях: для пропаганды успехов своих начинаний и новых проектов. Понимание Муравьевым полезности печати для администратора выразилось в его распоряжении «О выписке присутственными местами и должностными лицами газеты "Амур"». Генерал-губернатор обосновывал свое решение тем, что газета имеет целью "знакомить по возможности все сословия... со способами применения общественной деятельности к потребностям страны и тем

содействовать распространению в ней одновременно и полезных знаний, и правильного о стране понимания" Поэтому губернаторы должны были "оказать... содействие в приглашении к подписке... жителей губернии" Кроме того, поскольку в газете публиковались административные распоряжения, то она, по мнению Муравьева, "становится для лиц должностных и вообще служащих в Восточной Сибири... *уже* необходимой". И — типичное для Муравьева сочетание — наряду с недвусмысленным приказом документ содержит и попытку убедить подчиненных в справедливости и прогрессивности принятого решения, ибо оно имеет целью "поддержать доброе начинание в столь отдаленном крае, как Восточная Сибирь, и чрез то способствовать распространению здесь между обывателями общепользных сведений о здешнем крас, ведущих к истинному образованию ума и сердца"³¹⁹. Но, разумеется, он собирался допускать гласность лишь в определенных границах. Когда авторы и издатели созданной при его покровительстве газеты "Амур" начали критиковать уже не отдельные недостатки администрации, а общую направленность ее действий, политика покровительства по отношению к газете сменилась суровыми гонениями.

"ИРКУТСКАЯ ДУЭЛЬ"

И ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Поводом для резкой перемены в характере отношений генерал-губернатора и либерально-демократической интеллигенции послужила знаменитая иркутская дуэль. История эта уже много раз изложена и в мемуарах, и в исторических исследованиях³²⁰. Суть дела сводилась к следующему. В апреле 1858 г. в Иркутск приехал новый чиновник особых поручений Михаил Сергеевич Неклюдов — "молодой, образованный, хорошей и богатой фамилии", — как характеризовал его В.Ф. Раевский³²¹. Согласно формулярному списку, ему было 26—27 лет, он окончил школу гвардейских подпрапорщиков и имел опыт службы в канцеляриях наместника на Кавказе, генерал-губернатора Финляндии и военного министра, у его отца было имение в Новгородской губернии с 2200 душами крестьян³²². Знавший его М.И. Венюков утверждал, что это "был хлыщ из самых ничтожных, да еще

ичавший своим родством и связями"³²³. Мягче и пжанныс, но в таком же духе писала о нем и В.П. Бы- cil "Кроме прекрасного происхождения, он имел и k0B,, привлекательную внешность, но не отличался богачень пр"³²⁴.

м внутренним содержанием, целью его приезда сюда б^ли чины и карьера. Молодой, красивый, богатый, он нравился женщинам, но держал себя гордо и даже надменно; все это не расположило к нему молодежь"³²⁴. Последнее обстоятельство единодушно отмечали все современники. Q причинах конфликта Неклюдова с признанным лидером кружка "золотой молодежи" Ф.А. Беклемишевым ходили разные слухи. Обстоятельства их ссоры и самой дуэли были изложены в письме единственного сибирского приятеля Неклюдова — артиллерийского офицера Панасевича к сестре убитого. Дуэль, окончившаяся смертью Неклюдова, происходила с нарушениями общепринятых норм: например, секундант Неклюдова М.М. Молчанов не был выбран им самим и даже не был раньше знаком с ним. Секундант Беклемишева Ф.А. Анненков и иркутский земский исправник Д.Н. Гурьев приняли специальные меры, чтобы предотвратить отъезд Неклюдова из Иркутска, разрешенный губернатором Венцелсм. Власти знали о предстоящем поединке и, вопреки существовавшему законодательству, запрещавшему дуэли, не сделали ничего для его предотвращения. Более того, иркутский полицмейстер М.Н. Сухотин, по словам очевидцев, наблюдал за дуэлью в подзорную трубу то ли с колокольни, то ли с пожарной вышки.

Дуэль вызвала возмущение иркутян, множество их явилось на похороны, превратив их почти что в демонстрацию. Этому способствовала и рассылка специальных приглашений, которые были отпечатаны в казенной типографии при активном участии М.В. Пестрашевского и молодого купца Н.Н. Пестрева. Общественное мнение настолько решительно было настроено против "золотой молодежи", что судьи первой инстанции — окружного суда — вынесли Беклемишеву и секундантам довольно суровый обвинительный приговор, по которому им грозило несколько лет крепости. Все это было сообщено находившемуся тогда на Дальнем Востоке Муравьеву и вызвало его гнев: Беклемишев и его друзья принадлежали к любимцам генерал-губернатора, и он увидел в общественной реакции прежде всего враждебное отношение к

содействовать распространению в ней одновременно и полезных знаний, и правильного о стране понимания" Поэтому губернаторы должны были "оказать... содействие в приглашении к подписке... жителей губернии" Кроме того, поскольку в газете публиковались административные распоряжения, то она, по мнению Муравьева, "становится для лиц должностных и вообще служащих в Восточной Сибири... уже необходимой". И — типичное для Муравьева сочетание — наряду с недвусмысленным приказом документ содержит и попытку убедить подчиненных в справедливости и прогрессивности принятого решения, ибо оно имеет целью "поддержать доброе начинание в столь отдаленном крае, как Восточная Сибирь, и чрез то способствовать распространению здесь между обывателями общепользных сведений о здешнем крас, ведущих к истинному образованию ума и сердца"³¹⁹. Но, разумеется, он собирался допускать гласность лишь в определенных границах. Когда авторы и издатели созданной при его покровительстве газеты "Амур" начали критиковать уже не отдельные недостатки администрации, а общую направленность ее действий, политика покровительства по отношению к газете сменилась суровыми гонениями.

"ИРКУТСКАЯ ДУЭЛЬ"

И ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Поводом для резкой перемены в характере отношений генерал-губернатора и либерально-демократической интеллигенции послужила знаменитая иркутская дуэль. История эта уже много раз изложена и в мемуарах, и в исторических исследованиях³²⁰. Суть дела сводилась к следующему. В апреле 1858 г. в Иркутск приехал новый чиновник особых поручений Михаил Сергеевич Неклюдов — "молодой, образованный, хорошей и богатой фамилии", — как характеризовал его В.Ф. Раевский³²¹. Согласно формулярному списку, ему было 26—27 лет, он окончил школу гвардейских подпрапорщиков и имел опыт службы в канцеляриях наместника на Кавказе, генерал-губернатора Финляндии и военного министра, у его отца было имение в Новгородской губернии с 2200 душами крестьян³²². Знавший его М.И. Всняков утверждал, что это "был хлыщ из самых ничтожных, да еще

ичавший своим родством и связями"³²³. Мян " ВаЖ жанныс, но в таком же духе писала о нем и В.П. БысдС^'. Кроме прекрасного происхождения, он имел и ко^а^ь приВлскательную внешность, но не отличался богачм внутренним содержанием. Целью его приезда сюда 1Ы чинны и карьера. Молодой, красивый, богатый, он "вился Женщинам, но держал себя гордо и даже надменно; все это не расположило к нему молодежь"³²⁴. Последнее обстоятельство единодушно отмечали все современники, о причинах конфликта Неклюдова с признанным лидером кружка "золотой молодежи" Ф.А. Бсктемишевым ходили разные слухи. Обстоятельства их ссоры и самой дуэли были изложены в письме единственного сибирского приятеля Неклюдова — артиллерийского офицера Панасевича к сестре убитого. Дуэль, окончившаяся смертью Неклюдова, происходила с нарушениями общепринятых норм: например, секундант Неклюдова М.М. Молчанов не был выбран им самим и даже не был раньше знаком с ним. Секундант Беклемишева Ф.А. Анненков и иркутский земский исправник Д.Н. Гурьев приняли специальные меры, чтобы предотвратить отъезд Неклюдова из Иркутска, разрешенный губернатором Венцелсом. Власти знали о предстоящем поединке и, вопреки существовавшему законодательству, запрещавшему дуэли, не сделали ничего для его предотвращения. Более того, иркутский полицмейстер М.Н. Сухотин, по словам очевидцев, наблюдал за дуэлью в подзорную трубу то ли с колокольни, то ли с пожарной вышки.

Дуэль вызвала возмущение иркутян, множество их явилось на похороны, превратив их почти что в демонстрацию. Этому способствовала и рассылка специальных приглашений, которые были отпечатаны в казенной типографии при активном участии М.В. Пестрашвского и молодого купца Н.Н. Пестерева. Общественное мнение настолько решительно было настроено против "золотой молодежи", что судьи первой инстанции — окружного суда — вынесли Беклемишеву и секундантам довольно суровый обвинительный приговор, по которому им грозило несколько лет крепости. Все это было сообщено находившемуся тогда на Дальнем Востоке Муравьеву и вызвало его гнев: Беклемишев и его друзья принадлежали к любимцам генерал-губернатора, и он увидел в общественной реакции прежде всего враждебное отношение к

себе. Встретившийся с ним через год А.В. Поджио сообщил своему младшему другу и воспитаннику Н.А. Белоголовому, брат которого Андрей участвовал в организации протеста, содержание состоявшегося разговора. "Не раз он мне говорил: и у *вашего* Андрея собирались, чтоб мне вредить"³²⁵. Попытка заступничества со стороны старого декабриста была сделана в июне 1860 г., так как еще в январе 1860 г. вернувшийся с Амура Муравьев обрушился с обвинениями на противников "молодежи". Под давлением генерал-губернатора не только было смягчено и сведено на нет наказание участников дуэли, но и преданы суду сами судьи первой инстанции — в губернском суде началось дело по обвинению их в неправом суде и в корыстных ("из личных видов") действиях.

Все эти события были описаны — разумеется, без последних, тогда еще неизвестных обстоятельств, в статье "Убийство Неклюдова в Иркутске", опубликованной Герценом в приложении к "Колоколу", листке "Под суд!", № 2 за 1859 г.³²⁶ Статья принадлежала, как это стало позже известно, перу известного иркутского врача и общественного деятеля Н.А. Белоголового и была им написана на основании писем его друзей по "Обществу зеленых полей" — кружку иркутской либерально-демократической интеллигенции³²⁷. В ответ М.А. Бакунин, вероятно, по инициативе и при участии самого Муравьева-Амурского, написал и отправил Герцену опровержение — статью "По поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым", помещенную в 6 и 7-м номерах листка "Под суд!" за 1860 г.³²⁸ Несколько ранее, 15 июня 1860 г., в "Колоколе" публикуется письмо "По делу иркутской дуэли", автор которого защищал не столько дуэлянтов, сколько Муравьева-Амурского и "муравьевцев". Исходя из некоторых упоминаемых в тексте реалий, письмо мог написать ранее служивший в Восточной Сибири В.Д. Скарятин. О Муравьеве-Амурском говорилось в следующих выражениях: "благородная, до самоотвержения, до риска своим высоким положением... личность", "рыцарски благородный, искренне ненавидящий всякую неправду... шит слабого и бедного", "Муравьев первый в Сибири доказал практически пользу и силу гласности"³²⁹. Издатели Вольной Русской печати пока сохраняли нейтралитет.

Можно заметить, что в последние два года генерал-губернаторства Муравьева произошли некоторые отклонения от прежнего сравнительно либерального курса. Пере-

числим проявления этого сдвига: согласие на высылку Петрашевского и преследование Ф.Н. Львова за их участие в акции протеста в связи с "неклюдовской историей"; совет Корсакову запретить печатание вставшей в оппозицию властям газеты "Амур" в казенных типографиях, что неизбежно должно было повести к ее закрытию — частных типографий не существовало; опала частной библиотеки Вагина и Шестунова как "якобинского клуба", вследствие чего хозяева были вынуждены закрыть библиотеку; суд над судьями за вынесенный ими приговор участникам дуэли; грозная обвинительная речь на приеме в январе 1860 г. с прямыми угрозами в адрес тех, кто выступал с осуждением "золотой молодежи", и установление полицейского надзора за Н.А. и А.А. Белоголовыми, Н.Н. Пестеревым и др.

Таким образом, сотрудничество генерал-губернатора и либерально-демократической интеллигенции, во всяком случае, значительной ее части, прекратилось. Тому способствовали резкая и враждебная критика и обличение деятельности Муравьева-Амурского в статьях Д.И. Завалишина, печатавшихся даже в официальном органе Морского министерства. Одновременно появились критические публикации и в герценовских изданиях, что было неизбежным следствием использования Муравьевым военно-административной колонизации со всеми ее последствиями. Но сам он не мог объективно оценить собственные действия и считал, что при сложившихся условиях, в частности, при существующем отношении центральных властей к освоению Амура, его действия были не только оправданными, но и единственно возможными. Враждебное отношение петербургских властей к генерал-губернатору Восточной Сибири не являлось для него тайной. Он был уверен, что все это — звенья одной интриги, в которой участвовало, по его мнению, и III отделение, собиравшее доносы и в своем стремлении уничтожить его покровительствовавшее даже политическим ссыльным.

В секретном архиве III отделения действительно откладывались материалы перлюстрации частных писем, в которых критиковались положение дел в Восточной Сибири и действия местных властей. О причинах своей острой и болезненной реакции на довольно обычную практику Муравьев сам писал Корсакову 7 марта 1860 г.: "Теперь дерзких жалоб и доносов здесь не подают, а посылают прямо в Петербург, где все они проходят безна-

казанно... этот порядок очень нехорош, ибо всякий, написавший дерзкую жалобу и донос, сам здесь хвастает и рассказывает, что он написал и подписал; а когда дерзость его остается в Петербурге безнаказанною, то слушатели теряют уважение к власти, а власть рано или поздно должна будет прибегнуть к экстренным мерам, чтоб водворить порядок между слушателями. Я не вижу никакой пользы 3-му Отделению добровольно уничтожать в отдаленной стороне кредит власти, поставленной от правительства; мера эта была бы свойственна революционному обществу, а отнюдь не 3-му отделению собственной Его Величества канцелярии"³³⁰. По мнению Муравьева-Амурского, "за дерзость в жалобах и доносах следует предавать подписавшихся тотчас же суду, по распоряжению того правительственного места, куда донос или жалоба поступили, а о справедливости доноса или жалобы, сделать законное удостоверение, если признают это нужным, или потребовать объяснения от того начальства, на которое принесена жалоба или донос"³³¹. Подобная позиция была, разумеется, чрезвычайно далека от либерализма. Здесь Муравьев-Амурский следовал давнему и неизменному своему представлению о статусе генерал-губернатора и характере его отношений с центральной властью. "Беда не в том, что дерзко говорят в доносе о Муравьеве или Карсакове, — писал он в том же письме, — но что высшая власть это не только сносит, но и потворствует этому, покуда эти лица занимают места главных начальников в здешней отдаленной стороне. 3-е же отделение, как око Царево, наиболее должно быть осторожно, чтобы не унизить кредита и не ослабить отдаленных властей, Царем поставленных"³³².

Н.Н. МУРАВЬЕВ И ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

Подробно вопрос о распространении изданий и идей Герцена в Сибири освещен в книге Б.Г. Кубалова. По нашему мнению, автор слишком прямолинейно связывает те или иные действия Муравьева с содержанием и направленностью сочинений Герцена. Кубалов считал, что сочувственный интерес к "Колоколу" Муравьев проявлял до конца 1860 г. и объяснял это тем, что "Колокол" громил "ненавистных ему сановников", а Герцен, "не имея полных и точных сведений о личности Муравьева, высказывался о нем благожелательно". Кубалов находил,

что с 1861 г. произошло резкое изменение отношений Муравьева к "Колоколу" и к самому Герцену, объясняя это появлением статей "Тиранство Муравьева-Амурского" и "Муравьев-Амурский и его поклонники"³³³.

Признавая³³⁴ Муравьева одним из немногих исторических деятелей и явно много зная об особом характере его отношений с декабристами, Герцен заметно выделял его среди администраторов Российской империи. В апреле 1859 г. Герцен пишет в "Колоколе": "Мы получили письмо, в котором жалуются на слишком самовластные распоряжения сибирского Муравьева", но само письмо не публикует, потому что "сибирского Муравьева нельзя судить, как какого-нибудь Закревского или Панина. Он многое сделал и при таких трудных делах, может, многое сделано круто. И потому ждем фактов"³³⁵. Особенно высоко ценил Герцен заслуги Н.Н. Муравьева в решении амурского вопроса. Обеспечив выход России к Тихому океану, Муравьев, Путятин и их товарищи заслужили, по мнению Герцена, место в истории.

Серьезное охлаждение в оценках и высказываниях о "сибирском Муравьеве" в лондонских изданиях связано все с той же иркутской дуэлью.

Появление летом 1860 г. в герценовских изданиях статей, оправдывающих и восхваляющих Муравьева-Амурского, продолжало прежнюю линию Вольной Русской печати, не раз противопоставлявшей его петербургской камарилье. Единственным диссонансом выглядела статья "Убийство Неклюдова в Иркутске". Но 1 октября 1860 г. в № 82 "Колокола" была напечатана короткая заметка "Тиранство сибирского Муравьева". Несмотря на обидное название, содержание было довольно щадящее. Главная тема ее — причины высылки из Иркутска Петрашевского вскоре после отъезда Муравьева. "Неужели у графа Амурского столько ненависти? — вопрошал автор. — Неужели прогрессивный генерал-губернатор не понимает, что вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических ссыльных времен Николая, т.е. невинных, преступно?" Заметка еще сохраняла прежнюю лестную для Муравьева интонацию признания его исключительного положения в бюрократически-сановном мире: Герцен упрекает *прогрессивного* генерал-губернатора и советует "просить о переводе Петрашевского в Западную Сибирь, на Кавказ или куда-нибудь"³³⁶.

В ноябре 1860 г. Бакунин отправляет Герцену и Огареву то огромное письмо-статью, которое упоминалось выше. Бакунин пишет о своей дружбе с Муравьевым-Амурским, излагает его политическую программу — в том виде, как ее понимал или хотел понимать, а, может быть, хотел представить Бакунин лондонским друзьям. Нападая на Завалишина, Раевского и Петрашевского, Бакунин безмерно восхваляет Муравьева, называет его "гениальным администратором", "замечательным человеком", "врагом всякого притеснения", другом политических ссыльных, защитником народа, "демократом, как вы и я" и заканчивает призывом "приостановить нападения ваши на Муравьева-Амурского". При этом он подчеркивает особое отношение Муравьева к Герцену и Огареву: "Как больно было ему (больнее всего остального), что вы, которых он так глубоко уважает, деятельности которых он так горячо симпатизирует и которых считает своими друзьями, выступили против него как враги"³³⁷. Хотя приложенный к письму Бакунина от 7 ноября 1860 г. его «Ответ "Колоколу"» с возражениями против заметки "Тиранство сибирского Муравьева" и не был напечатан, предпринятая Бакуниным и Муравьевым (последний, как уже отмечалось, поддерживал обращение в "Колокол") акция не оказалась безрезультатной.

Почти весь 87/88-й номер "Колокола" за 15 декабря 1860 г. был отдан под публикацию документов, озаглавленную "Императорский кабинет и Муравьев-Амурский". Помещая эту "поэму о борьбе Муравьева-Амурского с кабинетом его величества — борьбе здравого смысла с недобросовестностью и тупоумием", или, как остроумно замечено в предисловии, "кабинетную поэму", автор предисловия, примечаний и заключения (а им был, скорее всего, Н.П. Огарев³³⁸) в преамбуле дал краткую, но емкую характеристику генерал-губернатору Восточной Сибири: "Муравьев-Амурский, положим, и не лишен своих погрешностей, например, поползновения на деспотическое преобразование Сибири а la Pierr le Grand, не щадя людской жизни; но... все же он, Муравьев-Амурский, без всякого сравнения умнее, образованнее и честнее всего кабинета совокупно"³³⁹. Один из подчиненных Муравьева и Корсакова, капитан Д.И. Романов, сообщал последнему: «В "Колоколе" есть огромная статья "Императорский Кабинет и Муравьев-Амурский", где напечатаны подлинные документы по освобождению нер-

с примечаниями Герцена, которые все **реда....** Здесь (в Петербурге. — **Н.М.**) || чтобы узнать, кто сообщил эти документы/црбрадовались, что могут приписать это **р**¹ F будто бы он это сделал в отмщение

^{***} **И** **у** **у** **у** **у** весьма секретными: проект Муравь-
/ **к** **е** устройства и управления Нерчинским
} записка его на имя Александра II, сооб-
/ **р** **и** записке Кабинета, мнение министра
* • "ц^нения военного губернатора Забайкаль-
^ д. Версия о причастности самого Муравь-
У : этих документов в "Колоколе", которую
• **в** **и** **л** Б.Г. Кубалов, представляется весьма
f **и**, Н тем более, что о борьбе Муравьева с
K1,иналось и в письме Бакунина. Но Му-
W j к Корсакову из Петербурга от 5 февраля
on//^ет се: «Посылаю тебе "Колокол", кото-
| **л** **в** кил ему возвратить, но я найду для него
Петербург. ...Я вижу по статье, что она
из Петербурга, ибо есть резолюции, мне
Аргумент весьма убедительный, если
^тствовал действительности. Публикация
vio записок и предположений самого Му-
• решений Сибирского комитета, которые
ступить к нему, еще и мнения министра
сения Кабинета, с которыми ПЕТЕРБУРГЕ-
K(/бязаны были знакомить сибирского гене-
П С С ^ ° все эти Д^ок^ументы непременно дол-
-y'mb в канцелярию Сибирского комитета, и
у |ПОЛне мог ознакомиться и находившийся
Pa//Дуравьев-Амурский, и кто-либо из его
асl'iJH бывших подчиненных. Так что вопрос
в/ge, сообщившем Герцену и Огареву ма-
f/Кликации, остается открытым.
yipe месяца в "Колоколе", в листах 95 и 96
VF 1861 г., публикуется письмо к издателям
q дца Кабинета его величества" с харак-
JF|жных служащих Кабинета и с допол-
/ ументами в защиту проекта Муравьева-
У.энного "добросовестным и дельным"³⁴².
»a;7»юваний для недовольства "Колоколом" у
лг-111 немного. Но в письме к брату Валериану
JBVFЛущением писал о статье в "Колоколе", в

В ноябре 1860 г. Бакунин отправляет Герцену и Огареву то огромное письмо-статью, которое упоминалось выше. Бакунин пишет о своей дружбе с Муравьевым-Амурским, излагает его политическую программу — в том виде, как ее понимал или хотел понимать, а, может быть, хотел представить Бакунин лондонским друзьям. Нападая на Завалишина, Раевского и Петрашевского, Бакунин безмерно восхваляет Муравьева, называет его "гениальным администратором", "замечательным человеком", "врагом всякого притеснения", другом политических ссыльных, защитником народа, "демократом, как вы и я" и заканчивает призывом "приостановить нападения ваши на Муравьева-Амурского". При этом он подчеркивает особое отношение Муравьева к Герцену и Огареву: "Как больно было ему (больнее всего остальных), что вы, которых он так глубоко уважает, деятельности которых он так горячо симпатизирует и которых считает своими друзьями, выступили против него как враги"³³⁷. Хотя приложенный к письму Бакунина от 7 ноября 1860 г. его «Ответ "Колоколу"» с возражениями против заметки "Тиранство сибирского Муравьева" и не был напечатан, предпринятая Бакуниным и Муравьевым (последний, как уже отмечалось, поддерживал обращение в "Колокол") акция не оказалась безрезультатной.

Почти весь 87/88-й номер "Колокола" за 15 декабря 1860 г. был отдан под публикацию документов, озаглавленную "Императорский кабинет и Муравьев-Амурский". Помещая эту "поэму о борьбе Муравьева-Амурского с кабинетом его величества — борьбе здравого смысла с недобросовестностью и тупоумием", или, как остроумно замечено в предисловии, "кабинетную поэму", автор предисловия, примечаний и заключения (а им был, скорее всего, Н.П. Огарев³³⁸) в преамбуле дал краткую, но емкую характеристику генерал-губернатору Восточной Сибири: "Муравьев-Амурский, положим, и не лишен своих погрешностей, например, поползновения на деспотическое преобразование Сибири а la Piegr le Grand, не щадя людской жизни; но... все же он, Муравьев-Амурский, без всякого сравнения умнее, образованнее и честнее всего кабинета совокупно"³³⁹. Один из подчиненных Муравьева и Корсакова, капитан Д.И. Романов, общал последнему: «В "Колоколе" есть огромная статья "Императорский Кабинет и Муравьев-Амурский", где напечатаны подлинные документы по освобождению нер-

чинских рабочих, с примечаниями Герцена, которые вес в пользу Муравьева.... Здесь (в Петербурге. — *Н.М.*) сильно работают, чтобы узнать, кто сообщил эти документы. Многие обрадовались, что могут приписать это Муравьеву, как будто бы он это сделал в отместку Петербургу»³⁴⁰.

Документы были весьма секретными: проект Муравьева об изменении устройства и управления Нерчинским горным округом, записка его на имя Александра II, соображения по этой записке Кабинета, мнение министра финансов, объяснения военного губернатора Забайкальской области и т.д. Версия о причастности самого Муравьева к появлению этих документов в "Колоколе", которую поддерживал и Б.Г. Кубалов, представляется весьма правдоподобной, тем более, что о борьбе Муравьева с Кабинетом упоминалось и в письме Бакунина. Но Муравьев в письме к Корсакову из Петербурга от 5 февраля 1861 г. опровергает ее: «Посылаю тебе "Колокол", который Романов просил ему возратить, но я найду для него в Париже или в Петербурге. ...Я вижу по статье, что она не из Сибири³⁴¹, а из Петербурга, ибо есть резолюции, мне неизвестные»³⁴¹. Аргумент весьма убедительный, если только он соответствовал действительности. Публикация включала, помимо записок и предположений самого Муравьева, а также решений Сибирского комитета, которые должны были поступить к нему, еще и мнения министра Двора и соображения Кабинета, с которыми петербургские власти не обязаны были знакомить сибирского генерал-губернатора. Но все эти документы непременно должны были попасть в канцелярию Сибирского комитета, и уж там с ними вполне мог ознакомиться и находившийся в Петербурге Муравьев-Амурский, и кто-либо из его приближенных или бывших подчиненных. Так что вопрос о корреспонденте, сообщившем Герцену и Огареву материалы для публикации, остается открытым.

Спустя четыре месяца в "Колоколе", в листах 95 и 96 от 1 и 15 апреля 1861 г., публикуется письмо к издателям "Действующие лица Кабинета его величества" с характеристиками важных служащих Кабинета и с дополнительными аргументами в защиту проекта Муравьева-Амурского, названного "добросовестным и дельным"³⁴².

Ясно, что оснований для недовольства "Колоколом" у Муравьева было немного. Но в письме к брату Валериану он резко и с возмущением писал о статье в "Колоколе", в

которой разоблачались и обличались злоупотребления псковского губернатора В.Н. Муравьева, родного и любимого брата Муравьева-Амурского³⁴³. Серьезные обвинения и резкий тон статьи вполне могли вызвать соответствующую реакцию, обусловленную не столько политическими, сколько личными причинами.

Наконец, в листе 109-м "Колокола" от 15 октября 1861 г. появилась статья Герцена "Граф Муравьев-Амурский и его поклонники", в которой приводился официальный ответ Муравьева министру народного просвещения от 2 апреля 1853 г. Материалы для этой публикации Герцен получил, видимо, от Н.А. Белоголового, побывавшего у него летом 1861 г. и передавшего «кой-какие документы по сибирскому управлению для напечатания в "Колоколе"»³⁴⁴. Из всех материалов Вольной Русской печати, принадлежавших перу ее издателей, эта статья содержит наиболее критические и негативные высказывания в адрес Муравьева. Для нас особый интерес представляет начало статьи Герцена: "Мы получили три статьи, очень умные, очень хорошо написанные и совершенно лишние, в пользу графа Муравьева-Амурского"³⁴⁵. Апелляция сторонников Муравьева к Герцену как к высшему авторитету косвенно характеризует и отношение самого Муравьева если не к позиции "Колокола", то к роли печатного слова.

Борьба за характер публикаций в Вольной Русской печати о Муравьеве велась между его сторонниками во главе с Бакуниным и противниками, среди которых были Ф.Н. Львов, М.В. Петрашевский и В.Ф. Раевский. И хотя в беседе с Н.А. Белоголовым Герцен и заметил: "Правда мне мать, но и Бакунин мне — Бакунин"³⁴⁶, на изменение его отношения к Муравьеву-Амурскому оказывала влияние прежде всего убедительность аргументов сторон, а она, в свою очередь, определялась политикой самого Муравьева.

Потеря поддержки со стороны "Колокола" совпала с ухудшением положения Муравьева в высших правительственных кругах.

ОТНОШЕНИЯ С ПЕТЕРБУРГОМ

Парадоксальной была репутация Муравьева в Петербурге и отношение к нему в высших бюрократических сферах. С одной стороны, у него было прозвище

"Le general rouge" (Красный генерал). Явно со слов самого Муравьева его родственник М.А. Бакунин писал Герцену и Огареву 7 ноября 1860 г: "Петербург, весь высший официальный мир его ненавидит; в Третьем отделении... он записан как архи-красный"³⁴⁷. С другой стороны, несмотря на высказывания и действия в либеральном духе, для либералов он оставался чужаком, осколком николаевской эпохи, "сибирским сатрапом". Американские коммерсанты П. Коллинз и Б. Пейтон в Москве, по дороге в Сибирь, были приняты графом В.А. Бобринским, который сказал им: "В Сибири Муравьев более могуществен, чем Господь Бог"³⁴⁸. Но вряд ли можно согласиться с утверждением, что причиной отторжения Муравьева либеральным крылом правящих кругов стала его чрезмерная "революционность"³⁴⁹.

В последние годы муравьевского управления особенно заметным стало отсутствие у него серьезной опоры в Петербурге. Прежде, несмотря на постоянные жалобы на "сферы" и вечное недовольство министерствами и департаментами, Муравьев добивался удовлетворения большей части своих ходатайств и предложений. После 1858 г. ситуация изменилась. Были отвергнуты или неузнаваемо искажены проекты свободной колонизации Амурского края, искренне и глубоко обижало его пренебрежение военного министра Сухозанета к представлениям³⁵⁰, серьезное отношение в Петербурге к обличительным статьям Завалишина, попытки распространения на Амур откупной системы и отказ ввести свободу торговли на всем Дальнем Востоке с установлением таможенной линии западнее Иркутска. Не только о Министерстве финансов и не только о его позиции по частному вопросу писал Н.Н. Муравьев Корсакову, уже находясь в отставке: "Министерство финансов, как и все другие в Петербурге, никогда и ничего, кроме стеснения, и в виду не имеют; они полагают, что они для этого учреждены, и думают, что в стеснении состоит управление; разумеется, подобное направление тяжело для управляемых, но им и горя мало"³⁵¹. Добиваться же своей цели путем лавирования, поиска временных союзников граф Муравьев-Амурский считал ниже своего достоинства.

Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель утверждал в своих мемуарах: "В России недостаточно добросовестного исполнения обязанностей и пользы, ко-

тую приносишь на службе Государю, чтоб удержаться на месте, необходимо еще постоянно вести борьбу с врагами, которые скрываются во мраке и которые стараются вредить вам коварными внушениями. Чтоб расстроить эти каверзы, надо сделаться таким же пронырою, как они, а это было мне вовсе не по вкусу"³⁵². Врагов сам Муравьев насчитывал в Петербурге много, и о его одиночестве больше всего говорит та радостная готовность, с которой он установил дружеские отношения с Н.П. Игнатьевым — российским посланником в Китае, а затем директором Азиатского департамента МИДа. Трудно назвать другого директора департамента или министра конца 1850 — начала 1860-х гг., кроме Игнатьева и его предшественника в МИДе Е.П. Ковалевского, с кем у генерал-губернатора Восточной Сибири существовали бы если не доверительные, то хотя бы союзнические отношения. Одну из довольно низменных, но обыкновенных причин недоброжелательного отношения к Муравьеву назвал тот же Дюгамель — возведение генерала в звание графа Амурского "за присоединение к России Амура и Уссурийского края. Это выходящее из ряда вон отличие вскружило всем головы"; каждый желал отвоевать какой-нибудь клочок территории и надеялся получить за это титул, который передаст своему потомству"³⁵³.

Но дело было не только в неуживчивом характере Муравьева и интригах в петербургских сферах. **Свойственное** Муравьеву и ранее стремление к расширению полномочий генерал-губернатора в последние годы приобрело настораживающий характер и вызвало разговоры о сепаратистских настроениях.

В самом начале своей деятельности Муравьев подчеркивал недостаток общероссийского патриотизма среди сибиряков. При этом ситуация была представлена еще более опасной в силу того, что "богатый... класс... по происхождению своему и по отдаленности от центра империи вовсе не имеет чувств той преданности к Государю и отечеству, которые внутри империи всасываются с молоком, — он ко всему равнодушен, кроме своих выгод и, за немногими только исключениями, нет почти и надежды возбудить в них те высокие чувства, которыми гордится и славится всякий русский". Эта страшная картина рисовалась ради того, чтобы опровергнуть доводы противников присоединения Амура, говоривших, что "Си-

бирь рано или поздно может отложиться от России" и что получение ею выхода к океану только ускорит этот процесс. Муравьев же, не опровергая самой идеи сибирского сепаратизма, старался и ее обратить в свою пользу и доказывал, что только появление русской крепости в устье Амура сделает подобную перспективу несбыточной"³⁵⁴. Ревниво относившийся к Муравьеву генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков высказывался об опасности отложения Восточной Сибири после присоединения Амура"³⁵⁵. При Николае I подобные обвинения в адрес Муравьева не принимались всерьез, в следующее же царствование, во многом благодаря высказываниям деятелей радикального направления, они возобновились. А.П. Шапов в письме к Александру II доказывал необходимость "ограничить самовластие начальников губерний... Чтобы новый генерал-губернатор, подобно гр[афу] Амурскому, не помышлял воцариться в Восточной Сибири, как гласит иркутская летопись о его деяниях"³⁵⁶. О склонности Муравьева к сибирскому сепаратизму вспоминал (по рассказам его сослуживцев) никогда не встречавшийся с ним П.А. Кропоткин"³⁵⁷. Подобные высказывания не находят подтверждения ни в письмах Н.Н. Муравьева (многие из них довольно откровенны), ни в общей системе его взглядов. Думается, прав был историк сибирского областничества С.Г. Сватиков, писавший: «"Сепаратизм" Муравьева-Амурского существовал лишь в воображении его чиновных и сановных противников, да увлекавшегося всем без меры Бакунина»"³⁵⁸.

Муравьев и раньше стремился занять такое же положение по отношению к центру, в каком находился наместник Кавказа. Последний имел права, равные с министрами, которые могли действовать только через него. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 24 сентября 1858 г. Муравьев предложил вывести генерал-губернатора Восточной Сибири из-под контроля всех министерств. Он писал: "Труды его необходимо должны быть облегчены сокращением сношений с высшими правительственными местами и лицами, предоставив ему право делать свои представления только Комитету по всем ведомствам, исключая одного морского, которое не может не иметь прямого, непосредственного влияния на вновь образуемые флот и порты в Восточном океане"³⁵⁴.

Разумеется, ни МВД, ни Военное министерство, ни Министерство финансов не могли сочувствовать подобно-

му направлению. Исключение, сделанное для морского ведомства в письме к его главе, не помогло. Вероятно, именно это письмо Муравьева вместе с еще одним пере-сылал Александр II великому князю Константину со сло-вами: "Я их никому не показывал, ибо они бы его окончательно рассорили со всеми министрами". Неизбеж-ным было и замечание царя в адрес Муравьева-Амурско-го в том же письме к брату: "Жаль, что при всех его достоинствах, которые никто более меня не умеет ценить, он постоянно стремится к достижению такой власти, которая сделала бы его независимым от центральных управлений, чего я никак допустить не могу"³⁶⁰. На за-писке Муравьева к управляющему делами Сибирского комитета В.П. Буткову с предложением о подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири только Сибирско-му комитету Александр II наложил гораздо более резкую резолюцию: "Вздор!". В этом документе Муравьев повто-рял попытку выйти из-под контроля не столько минист-ров, сколько министерств и департаментов"³⁶¹.

И раньше Муравьев не раз проявлял умение и ре-шимость брать на себя ответственность за самостоятель-ные действия. Не отказывался от этого он и в последние годы своего генерал-губернаторства, о чем свидетельству-ет его письмо Е.П. Ковалевскому от 12 января 1860 г. "Я очень рад, — писал он директору Азиатского департамен-та МИДа, — что в Петербурге решились дать мне прика-зание занять правый берег реки Уссури, но, к сожалению, не могу этого теперь исполнить, ибо это сделано уже год тому назад"³⁶².

В последние сибирские годы были вконец испорчены и отношения с III отделением. В его секретном архиве собиралось из перлюстрированных частных писем досье на Муравьева"³⁶³. Сам он был уверен, что вскрываются и его собственные письма, — это не могло не оскорблять и не возмущать. Еще больше возмущал благосклонный ин-терес к жалобам, прошениям и запискам Завалишина, которые генерал-губернатор называл доносами. Если не в III отделение, то в адресованной министру внутренних дел П.А. Валуеву записке о состоянии экономики и ад-министративного управления г. Читы от 30 декабря 1861 г. Завалишин писал: "Ведь и Муравьев — рево-люционер, да еще какой! Боже упаси! Тогда как школь-никам крепко достается за списывание либеральных стишков, Муравьев партизан Колокола, Полярной Звез-

ды, которые читаются на публичных литературных вече-рах"³⁶⁴. И уж явным доносом выглядит такая фраза из той же записки: "Даже сам лично отвозил статьи в похвалу себе Бакунина и Скарятин в Колокол (попробовал бы сделать это какой-нибудь безбородый гимназист!)"³⁶⁵. Позднее в частных письмах Муравьев не только критико-вал, в свою очередь, действия III отделения, но даже высказывал мнение о ненужности и вредности такого органа в системе управления России"³⁶⁶.

В 1858—1859 гг. Муравьев продолжал еще пользо-ваться поддержкой великого князя Константина Никола-евича и сам поддерживал его. Он был среди тех, кто призывал Константина активнее включиться в борьбу за реформы. В ноябре 1858 г. он убеждал великого князя вернуться в Россию, так как общее мнение "людей истинно благонамеренных" заключалось, по его словам, в том, что "никто в Петербурге, кроме Государя и брата его, не желает освобождения крестьян"³⁶⁷. Через два ме-сяца Муравьев писал более резко: "Неужели несчастис-это будет «долго продолжаться и для всей России? Неужели Вы изволите ограничиться одним флотом?»"³⁶⁸. Подоб-ные взгляды, как известно, были характерны для многих "константиновцев". Но как раз с "константиновцами"—то у генерал-губернатора по ряду причин отношения и не скла-дывались. От одних его отделяла стойкая неприязнь к дворянским конституционным притязаниям. С другими же, несмотря на единодушие по многим политическим вопросам (например, с А.В. Головинным), разводила принадлежность к разным социально-психологическим типам. Головин и многие "константиновцы" были бюрократами по типу карьеры и кабинетными людьми по складу характера, а именно таких Муравьев и не терпел.

Однако наиболее серьезным обстоятельством, не поз-волявшим Муравьеву наладить союзнические отношения с "константиновцами" и либеральными бюрократами во-обще, было объективное противоречие интересов, выте-кавшее из региональной политики этой влиятельной пе-тербургской группировки. Стремясь к коренным социаль-но-экономическим преобразованиям, они отнюдь не были расположены соглашаться на расходование сил и средств государства на нужды далекой окраины. Тот же Головин достаточно ясно сформулировал приоритеты: "Действи-тельная сила России заключается не в армии, не во флоте, не в искусной дипломатии и не в великолепных

зданиях северной столицы, но в богатстве, довольстве, хорошем управлении и надежном спокойствии преимущественно коренных русских губерний"³⁶⁹. Понятно, что присоединение новых обширных территорий, нуждавшихся в освоении и заселении, а значит в расходовании значительных государственных средств на эти цели, не отвечало сформулированным задачам. Не случайно замечание Клинггенберга в письме к Корсакову: "Есть некоторые, которые приобретение Николаем Николаевичем Амура почти ставят ему в вину; между этими господами почти все министры"³⁷⁰.

Еще одним принципиальным расхождением в позициях Н.Н. Муравьева и либеральных бюрократов было понимание ими роли генерал-губернатора в системе управления. Муравьев стремился к усилению власти высшего местного начальника на отдаленной окраине и считал абсолютное доверие государя — а, значит, и широчайшие полномочия — условием выполнения своих обязанностей. Либералы же именно в конце 1850-х гг. вели борьбу против попытки введения временных генерал-губернаторств по всей России в связи с подготовкой отмены крепостного права. Их отношение к этому институту высказано в цитировавшейся записке В.А. Арцимовича. "Как известно, — писал он в 1858 г., — генерал-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждает у нас сочувствия; и упразднение в 1856 г. харьковского и витебского генерал-губернаторств произвело общую радость не только в губерниях, освобожденных от управления генерал-губернаторов, но и во всей России, ибо мера эта была принята как выражение стремления к утверждению законности"³⁷¹. Таким образом, существование генерал-губернаторств рассматривалось как атрибут старой крепостнической системы, проявление личного начала в управлении. Им противопоставлялись законная власть и правильная система ее организации. Носителям подобных взглядов, естественно, был чужд и даже враждебен администратор, почти всю деятельность строивший на началах личного доверия государя, признании особого положения подведомственной ему территории, необходимости исключений для нее (и для себя) из общей системы и общих правил. Не помогало даже то, что в Записке о преобразовании управления Сибирью Муравьев фактически предлагал сократить территорию, находившуюся под властью генерал-губернаторов, исключив из нее То-

больскую и Томскую губернии, с тем, чтобы распространить на них общие начала управления.

Ухудшению отношений Муравьева с великим князем и его окружением способствовали и его многочисленные конфликты с моряками. Среди них был камчатский военный губернатор В.С. Завойко, родственник адмирала Врангеля, имевший обширные связи в Морском министерстве и флотских кругах. Он не придавал значения присоединению Амура и видел в этом лишь причину забвения, постигшего Камчатку. Вскоре после конфликта с Завойко Муравьев поссорился и со своим ближайшим сподвижником в амурском деле — Г.И. Невельским, который в молодые годы служил на одном корабле с великим князем. Затем последовало глубоко оскорбившее Муравьева направление адмирала Путятина посланником России в Китай с поручением ему вести переговоры о границе.

Пиком конфликта Муравьева уже не с отдельными моряками, а чуть ли не со всем морским ведомством стала публикация в "Морском сборнике" статей Завалишина. Больше всего Муравьев был возмущен тем, что критика генерал-губернатора и практически всей его деятельности звучала со страниц официального правительственного органа. Он повторял свой излюбленный тезис об опасности подрыва авторитета местного начальства в отдаленном крае. В письме от 23 февраля 1860 г. Муравьев откровенно писал Корсакову о своей встрече и беседе с великим князем, «который сказал, что его не было здесь, когда печатались статьи в "Морском сборнике", обнимал, целовал и оказывается вполне Иудой продажным»³⁷². Так отзывался о брате императора, председателе Государственного совета, состоявший на службе высокопоставленный деятель Российской империи.

В дальнейшем, особенно в последние годы, в частной переписке Муравьева наряду с неизменными и обязательными выражениями верноподданнических чувств сквозит ощущение обиды и недовольства. Даже получив в 1858 г. рескрипт о присвоении ему титула графа Амурского и награде чином генерала от инфантерии, Муравьев, по словам современника, был обижен неудовлетворением его ходатайств о наградах участникам "амурской эпопеи". Он просил и требовал осуществления этих ходатайств столь настойчиво, что вызвал недовольство императора. В уже цитированном нами письме Александра II Константину от 16 ноября 1858 г. царь с некоторым раздражением

писал: "Вес представления его к наградам я сам рассматривал, но должен был многое изменить, ибо они выходили из всякой меры"³⁷³. С.С. Татищев отмечал в официальной биографии Александра II: "По поводу... неуживчивого характера и резкого отношения к разным правительственным ведомствам и лицам" Муравьева «государь выразился так: "Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться", отдавая ему справедливость за услуги, им оказанные"³⁷⁴. В конце своего генерал-губернаторства Муравьев и о самом царе отзывался столь же нелицеприятно и резко, как и о его брате: "Всего более мне был неприятен разговор Государя с тобою, — писал он Корсакову, — он лжет и мало понимает, что около него делается"³⁷⁵.

В статье А.С. Мамаев содержится утверждение, что представление о неприязни Александра II к Муравьеву преувеличено. В качестве аргумента приводится (но не полностью) уже цитированное нами письмо императора Константину с высказыванием о необходимости ценить достоинства Муравьева. Точнее охарактеризовали отношение царя Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник: "Ярко вырисовывается и личность Н.Н. Муравьева-Амурского, его роль в усилении России на Дальнем Востоке, причины неприязни к нему императора, не прощавшего чрезмерной, по его мнению, независимости и своеволия популярного и могущественного генерал-губернатора Восточной Сибири"³⁷⁶. Присоединяясь к их мнению, считаем необходимым добавить, что еще одной причиной неприязни могла стать известная злопамятность Александра. Вероятно, он так и не простил Муравьеву его протеста в связи с производством в генералы А.И. Барятинского.

Истинный характер отношений Александра II и как будто бы обласканного им и удостоенного высших наград Н.Н. Муравьева-Амурского наглядно проявился после его ухода с поста генерал-губернатора. Ни один из различных вариантов продолжения деятельной службы не был осуществлен. О подоплеке этого пренебрежения увенчанным лаврами администратором можно судить по письму А.И. Барятинского к царю, появившемуся в связи со слухами о поиске новой кандидатуры на должность наместника на Кавказе (после тяжелого ранения самого Барятинского): "Муравьев-Амурский, как говорят, имеет более всех прав на это место; но смею просить Ваше Величество на случай, если бы Вы не пожелали оставить

меня, постараться выбрать личность, хотя быть может и менее просвещенную, но зато более преданную"³⁷⁷.

Начав свою деятельность в Сибири как представитель центральной власти в ее постоянном противостоянии ползновениям к самостоятельности со стороны провинциальной элиты, Муравьев к концу своего управления превратился в представителя интересов региона. Возможно, именно это и предопределило неизбежность его ухода с политической сцены.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ВНЕШНИЙ ОБЛИК. ХАРАКТЕР

Описания внешнего облика Н.Н. Муравьева оставили многие мемуаристы. Вот каким запечатлел его во время первого приема в Иркутске В.И. Вагин: "Невысокого роста, с красным одутловатым и молодежавым лицом, с курчавыми рыжеватыми волосами. На нем был общий армейский мундир; левая рука, раненная при штурме Ахульго, висела на перевязи. ...Муравьев скорее походил на только что испеченного прапорщика, чем на генерал-губернатора"³⁷⁸. Участник амурских сплавов офицер Н.А. фон Глен вспоминал: "Он был среднего роста, довольно полный, с маленькими бакенбардами и усами и красновато-рыжей курчавой головой. Ходил всегда в штатском гороховом пальто, с пенсне, а на пальто были контрпогончики"³⁷⁹. А вот каким запомнился Н.Н. Муравьев писателю И.А. Гончарову: "Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него". Писатель обратил внимание не столько на внешний, сколько на внутренний облик этого человека, и подчеркивал: "Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями"³⁸⁰. Служивец кавказских времен, весьма недолюбливавший Муравьева генерал Г.И. Филипсон, описывал его следующим образом: "Малого роста, юркий и живой, с чертами лица некрасивыми, но оригинальными". И добавлял: "У него были какие-то кошачьи манеры, которые быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Улыбка и глаза у него были фальшивые"³⁸¹. По-

нятно, что общее впечатление и портретные зарисовки во многом определялись отношением к описываемому человеку. Всем современникам бросались в глаза невысокий рост, подвижность, пренебрежение к форме.

Этот человек никого не оставлял равнодушным. "Строгий, крутой и настойчивый, он не признавал никаких препятствий своей непреклонной воле, — так отзывается о Муравьеве участник первых амурских сплавов М.Г. Демидов. — ...В минуту гневной вспышки он был страшен и готов был, казалось, живым закопать человека в землю, но проходил час, и он уже являлся добрым и участливым отцом-командиром"³⁸². Если Демидов смотрел на него как подчиненный, то Г.И. Филипсон — глазами равного: "Он имел бойкие умственные способности, хорошо владел пером и был хорошо светски образован"³⁸³. В другом месте этот мемуарист заметил: "Между товарищами он казался добрым малым, любил дружескую беседу за бутылкою вина; но проведши так всю ночь, он мог целый день работать пером, а работал он скоро и хорошо"³⁸⁴. Офицер Генерального штаба, служивший в 40—50-х гг. в Сибири А.И. Заборинский, также отмечал, что Муравьев "обладал быстрым соображением и предприимчивостью, характера был настойчивого и необыкновенно деятелен, посвящая все время служебным занятиям и всегда готовый преследовать зло. В обхождении с подчиненными был очень прост и ласков. Он был чужд всякой военной формалистики и даже того, свойственного военным, тщеславия, чтобы как начальник, окруженный свитой, рисоваться своим командирством перед войсками, которых он почти никогда и не осматривал. Вместе с тем Н.Н.Муравьев, как человек нервный и страдавший сердцем, был иногда до крайности раздражителен, что и было причиною некоторых с его стороны неуместных выходок и ошибочных поступков"³⁸⁵.

Свидетельства современников приведены нами в специальном издании³⁸⁶, здесь укажем на общее в них. Замечали его выдающиеся способности, владение пером, энергию, настойчивость, склонность к быстрым решениям, вспыльчивость, привычку к жестким мерам в экстремальных ситуациях, и даже жестокость, но и отходчивость, волю, а также самостоятельность и чувство личной ответственности (что было особенно редким качеством), светские манеры и умение обворожить собеседника. Немногие пишут о его доброте, как это было характерно для вос-

поминаний о Руперте и Корсакове; исключение составляют мемуары Р.К. Богданова и письма М.С. Волконского — людей, для которых он сделал очень много. А Т.Ф. Чайковская вообще писала о нем Корсакову: "Я привыкла видеть в генерале человека, которому мало знакомо слово милость и вовсе незнакомы слова милосердие, человеколюбие, сострадание"³⁸⁷.

Сохранилось множество рассказов о том, как в пылу гнева этот вспыльчивый человек мог не только отдать несправедливый приказ, но и унижить и оскорбить подчиненного. Чайковская в том же письме Корсакову сообщала, что ее муж, бывший иркутский земский исправник, отказывается просить у Муравьева новое место, потому что помнит, как тот "четыре года тому назад кричал на него Цыц" и как это было оскорбительно для "человека добросовестного и гордого сознанием своего достоинства"³⁸⁸. Но дочь Чайковских была принята в семью Муравьева, а через несколько лет сам С.О. Чайковский все же обратился с просьбой к генерал-губернатору и получил искомое место³⁸⁹. И так бывало нередко.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

В многочисленных описаниях современниками жизни в генерал-губернаторском доме частым и даже банальным стало сравнение его с царским двором. Пышные балы, приемы, обеды — все это требовало значительных средств.

Выше уже указывалось, что единственным источником доходов для Н.Н. Муравьева было получаемое им содержание. В молодости он был очень стеснен в средствах, при назначении тульским губернатором получил 5 тыс. руб. подъемных, из которых 3 тыс. "издержал на мебель, лошадей, сбрую, посуду и прочее"³⁹⁰. В Сибири первое время денег было в обрез — разумеется, с учетом огромных расходов. Л.А. Перовский в особом обращении к Николаю I просил вернуть Муравьеву 10 тыс. руб., истраченные тем на объезд всего края для первого его обозрения. "Как мне известно, — указывал министр внутренних дел, — что средства генерал-лейтенанта Муравьева весьма недостаточны, и что он, хотя не просит о возвращении путевых издержек своих, но едва ли будет в состоянии сделать предстоящую ему поездку в Санкт-Петербург без крайнего стеснения себя"³⁹¹. Несмотря на эти

обстоятельства, в последующие годы Муравьев регулярно одалживал деньги ближайшим подчиненным.

Обычно содержание складывалось из жалованья по чину и по должности, столовых, разъездных, добавочных, размеры его были различны у разных людей. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель получал 18 тыс. руб.³⁹², М.С. Корсакову в 1861 г. было решено платить 24 тыс.³⁹³, Муравьев же, по утверждению Завалишина, получал в 4 раза больше своего предшественника Руперта³⁹⁴. На деле в 1861 г. содержание генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалованья по чину 1394 р. 25 к., жалованья по званию генерал-губернатора 2802 р., столовых 3396 р. 72 к., на разъезды 1715 р. 40 к., прибавочных лично ему 15 тыс. руб. Итого 24 308 р. 37 к.³⁹⁵.

Все современники отмечают неприхотливость Муравьева в быту, особенно в походных условиях, — а в таких условиях прошла немалая часть его сибирских лет. Сохранилось много рассказов о том, как генерал ел солдатские щи и кашу, спал, укрывшись шинелью, и т.д. О многом может сказать и такая деталь, подмеченная наблюдательным очевидцем: "Несколько раз по делам службы мне случилось приходиться к Муравьеву утром раньше 8 часов, когда он брился, — вспоминал И.В. Ефимов. — Вот тогда-то и видел я, что прибор этот (бритвенный. — *Н.М.*) очень неважный: кисточка, простой ремень, пара бритв и мыленка — все порознь, не в шкатулке... Мне кажется, вес это хорошо показывает, насколько прост и незатейлив он был в своих привычках"³⁹⁶. Весьма многозначительно также и восклицание бывшего иркутского губернатора К.К. Венцеля, встретившегося с Муравьевым уже после его отставки в Петербурге. В письме к М.С. Корсакову сенатор Венцель рассказывал о встрече со своим бывшим начальником в гостинице Демута и заключал: "Удивительный он человек, век свой живет прапорщиком... когда наконец он будет иметь свой уголок"³⁹⁷. Муравьев, действительно, никогда не имел собственного дома и всю жизнь прожил в гостиницах, наемных и казенных квартирах.

Во время пребывания в Иркутске семья размещалась в казенном генерал-губернаторском доме. "Славный дворец на берегу Ангары, — писал о нем Корсаков в дневнике. — ...Дом желтый в 3 этажа. Великолепная зала с огромными зеркалами, хрустальными вазами и портретом

Державина во весь рост. Паркет удивительный и цветы на окнах, благоухание в комнатах. Есть померанцевое дерево³⁹⁸, в гостиной стоит, с плодами, созревшими в комнате". Расположение и использование комнат в особняке описано в письмах Корсакова к родным. На первом этаже находились приемная и кабинет генерал-губернатора, комнаты для прислуги, спальни и кабинет его адъютантов и чиновника особых поручений. На втором этаже — гостиная его жены, другие их личные помещения. В письмах и дневнике Корсакова отмечено, что гости Екатерины Николаевны и общие гости Муравьевых проходили наверх, а тех, с кем хозяин беседовал по делам, он принимал внизу, в кабинете³⁹⁹. Внимание приезжего привлекла находившаяся в доме оранжерея — "очень хорошая и в большой чистоте" содержавшаяся. Ее описанию посвящено несколько строк в том же дневнике: "Плющ красиво и густо покрывает стены. Деревья есть, фиговое довольно большое, лимонное с созревшим лимоном, виноград, цветы розы, гвоздики, резеда, жасмин и другие". В письме к родным Корсаков сообщал, что "у Николая Николаевича при доме есть маленький садик, самым им разведенный, в котором довольно малины и прочих ягод", а в оранжерее есть ананасы⁴⁰⁰. О садике он упоминал и в дневнике, где была отмечена еще одна любопытная деталь: там "содержались дикая коза и заяц"⁴⁰¹.

Как это было принято в патриархальные времена, адъютанты и чиновники особых поручений из числа наиболее близких — В.М. Муравьев, Б.В. Струве и М.С. Корсаков — жили в доме своего начальника. Как правило, и они, и другие подчиненные являлись и к обеду — в обычные дни к столу садился человек по 10 и более. Как отмечал в дневнике Корсаков, "повар славный и блюду подают пять"⁴⁰².

Меню в праздники и будни, а тем более в походных условиях было, разумеется, разным. Для мемуарных и эпистолярных источников типично невнимание к темам, не содержащим элемента новизны, отмечается лишь неожиданное. Поэтому о таких вещах, как еда, известно немного. Обычную в полевых условиях амурского сплава пищу описывал Р.К. Богданов: "Стол был походный, вина были разные; почти каждый день подавалось три блюда: щи из сушеного мяса и сушеной капусты и простые ржаные сухари, каша с маслом, но генерал клал ее в щи, и компот из сушеных яблок"⁴⁰³. Несколько более

обильный и прихотливый обед запомнился И.В. Ефимову. Дело было при возвращении генерал-губернатора из очередной поездки, Ефимов как иркутский земский исправник встречал его на границе своего округа и должен был заказать обед на одной из почтовых станций. "При этом он попросил меня купить, если можно, налима. Он любил уху", — вспоминал мемуарист и продолжал: "Придя на станцию, Муравьев сам в дорожной кастрюле принялся варить уху... Приготовив уху, он приказал Савелию раскупорить взятые с Амура консервы, какую-то дичь и ананасы, а также бутылку шампанского"⁴⁰⁴.

Упомянутые здесь консервы были сравнительно новым явлением в быту, а в походной жизни Муравьева они уже не были редкостью. Об использовании их, правда, весьма неудачном, вспоминал и М.И. Венюков. Обед, данный адмиралу Путятину в доме забайкальского губернатора, вследствие недоразумения пришлось наспех приготовить из консервов и оказалось, что "походные блюда далеки от идеала кулинарного искусства. Суп с перцем, не довольно разведенный водою, до такой степени жег внутренность рта, что я лишь из приличия съел его три ложки, причем потерял чувство вкуса с лишком на сутки. ...Перечный обед, с добавлением к нему впоследствии гнилых будто бы страсбургских паштетов стал легендой". Его приводили в пример, рассказывая о враждебных отношениях Муравьева и Путятина и упоминая при этом "заплесневевшие страсбургские пироги и гнилые консервы"⁴⁰⁵. Типична еще одна деталь из рассказа Ефимова — упомянутые им ананасы. Они запомнились и И.А. Гончарову. Известный писатель и гурман в самых превосходных степенях описывал торжественный обед в доме Муравьева и отметил, что "в десерте фигурировали маринованные ананасы, в своем соку, разумеется"⁴⁰⁶. Неприхотливость в еде в походных условиях не мешала, очевидно, предаваться гастрономическим радостям в обычных условиях. Правда, этому препятствовала болезнь печени. Довольно серьезный приступ настиг генерал-губернатора в 1850 г. Пришлось даже на значительное время передать управление краем иркутскому губернатору В.Н. Зарину. Но по выздоровлении Муравьев немедленно отказался от диеты, о чем сообщал М.С. Волконский М.С. Корсакову: "Диеты более не соблюдает, ужасно любит есть поросят — вот вам доказательство, что его желудок в порядке. Вчера подали за столом дыню: едва успел генерал отрезать себе

кусочек, как Штубендорф (врач по образованию и прежней деятельности, который в это время лечил Муравьева. — *Н.М.*) схватил дыню и убежал с нею. Это очень ему не понравилось, и он с ожесточением напал на лежавшие перед ним пять ананасов"⁴⁰⁷.

Недоброжелатели упрекали Муравьева в излишнем пристрастии к спиртному. Вагин пишет: "Вскоре после его приезда сделалось известно, что он выходит в приемную не прежде, как выпив графин пенного"⁴⁰⁸. Хорошо знавший и искренне любивший графа Богданов опровергает явно очень распространенные слухи: "Многие говорят и по сие время удостоверяют, будто бы он сильно пил водку и даже спирт, но с этим я согласиться не могу, потому что в продолжение более двух месяцев каждый день вращаясь около него, я ни разу не видал его пьяным; когда рассердился, похож был на пьяного, даже доходил до отчаяния"⁴⁰⁹. Отрицает подобные факты и Ефимов⁴¹⁰.

Несколько расходятся свидетельства очевидцев и в вопросе о количестве слуг, сопровождавших генерал-губернатора в походе. Богданов утверждал, что граф "ехал по Амуру как простой смертный, без всякой претензии на почести, в простой рогожной крытой кошеве и с одной только прислугой, Михаилом, который с самого начала его путешествий по Амуру был постоянно при нем, исполняя обязанности камердинера, повара, прачки и эконома"⁴¹¹. Находившийся при Муравьеве в той же самой поездке М.И. Венюков вспоминал, что «когда подавался самовар, то камердинер генерал-губернатора, приготовлявший чай, должен был одновременно со стаканами для нас троих (сам Венюков, Муравьев и его адъютант А.А. Моллер. — *Н.М.*) наливать и для себя с поваром, чтобы церемония чаепития этих двух почтенных особ "после господ" не отнимала времени"⁴¹². Ефимов вспоминал о неизменном Савелии — татарине Сейфуле, сопровождавшем Муравьева во всех его путешествиях, Корсаков — о камердинере Флсгонте, но эти воспоминания относятся к более раннему времени.

Как уже отмечалось, четыре раза в неделю проводился прием посетителей. Обедать в будни было принято в 3 часа дня, ложиться — в 11 вечера⁴¹³.

В праздничные дни режим определялся традиционными ритуалами. Их описание встречается также в записях М.С. Корсакова за первый год его пребывания в Сибири. В частности, довольно подробно рассказывается

о праздновании Пасхи 1849 г., о торжественном посещении собора, архиерейской службе, о том, как "при пушечных выстрелах воспето было Христос Воскресе!", и о том, как на соборной площади после обедни "генерал христосовался с офицерами с правого фланга, унтер-офицерами и правого фланга рядовыми каждого взвода"⁴¹⁴. В ритуал входило и торжественное разговение — "приказано было собраться сейчас после обедни в залу генерал-губернатора с поздравлением всем служащим здесь чинам"⁴¹⁵, а на другой день назначался прием "ординарцам всех команд, находящихся здесь, юнкерам и фельдфебелям обоих здешних батальонов. Для них были приготовлены красные яички. ...После приема, — пишет Корсаков, — я остался наверху с генералом, и мы пропустили мимо себя в кабинет к Катерине Николаевне всю почти аристократию женского рода города Иркутска"⁴¹⁶.

Что касается обычного распорядка дня генерал-губернатора Н.А. фон Глен, Бр.К. Кукель и Н.Д. Свербеев указывали на его привычку рано — в 6 часов утра — вставать в походных условиях. Это отмечал и Богданов, более других уделявший внимание деталям быта. "Каждый день генерал вставал чуть заря; никогда никто его не будил; почти до солнечного восхода пил чай, больше на палубе. Утрами и вечерами, наипаче в дождливое время, ходил осматривать ближние ночлеги. До 12 часов дня почти все время находился на палубе, после закуски отдыхал не более часа, а затем опять выходил на палубу. Обедал около 4 часов, а после обеда опять выходил на палубу. Вечерами ложился спать позже всех, любил сидеть один в темноте на палубе... В свободное время генерал читал или писал"⁴¹⁷. Писал Муравьев в это время отчет и записку об освобождении горнозаводских служителей Нерчинского округа для великого князя Константина Николаевича⁴¹⁸. Более подробно описал обычный распорядок дня во время стоянки в Шилкинском Заводе Свербеев в письме к Е.И. Трубецкой. "Вот как проводим мы день. Утром учение с музыкой будит нас около 6 часов и все офицерское население холодных барачных лениво поднимается — чай пьют артелями, кто с кем живет, в 12 часов обедаем у генерала, вечером в 9 у него же ужин для всех плывущих"⁴¹⁹.

Поездки по обширному краю были обычны, что послужило поводом к таким строкам в сатирических стихах: "Прощай, Иркутск, в начале мая, а в сентябре прощай,

Амур!"⁴²⁰ - Поездки были не только частыми, но и дальними — по подсчетам М.И. Венюкова, Муравьев изъездил по делам службы почти 120 тыс. верст, т.е. 3 1/3 путешествия вокруг света, в том числе многие сотни верст верхом по тракту между Якутском и Аяном и многие тысячи верст на лодках по Амуру⁴²¹. Не менее частыми были поездки в столицу. Один из недоброжелателей Муравьева, чуть было не казненный им есаул А.Х. Имберг писал Д.И. Завалишину: "Странно, в самом деле, как подумаешь, неужели в России только и есть важные дела в одной Восточной Сибири, которые требуют ежегодного личного путешествия, как генерал-губернатора, так непременно и губернатора Забайкальской области в Петербург? Поездки эти приписывают их необыкновенной заботливости о вверенном им управлению краем, а кажется они необходимы более для их личных интересов, чтоб лично способствовать распространению ложных слухов о благоденствии Амурского края... Разве меньше имеют занятий князь Барятинский на Кавказе, Катенин в Оренбурге, Гасфорт в Западной Сибири и многие другие, отчего об них так не кричат, как об Муравьеве?"⁴²².

При возвращении из дальних поездок и в праздничные дни в доме главного местного начальника бывал парадный прием. На таком приеме 1 января 1855 г. побывал и описал его И.А. Гончаров. "Его зала была полна генералами, чиновниками, купцами. Николай Николаевич Муравьев в мундире и орденах с большим достоинством принимал поздравления. Я явился к нему... в полном параде — в черном фраке и белом галстуке"⁴²³. При отъездах обычно служился торжественный напутственный молебен и давался прощальный обед, нередко отъезжающих провожали за город, порой весьма бурно.

Существовали и неписанные, но весьма строго соблюдавшиеся нормы субординации при встречах и проводах. Так, на границе Иркутской губернии генерал-губернатора встречал окружной (уездный) земский исправник, а губернатору полагалось явиться в его квартиру с почетным рапортом⁴²⁴. Накануне приезда генерала в дальневосточный военный пост там "пошла горячка: метение и уборка зданий, мостков и площадки перед казармой, где должна быть встреча". Местная специфика порой придавала происходившему экзотический характер — моряк А.И. Петров описывал подобную встречу, когда "Муравьев подъехал... спрыгнул с оленя" и принял рапорт"⁴²⁵.

В дни царских тезоименитств давали парадный обед и бал в доме Муравьева или в Благородном собрании, так же отмечались и именины самого генерал-губернатора и его супруги. На балах генерал танцевал, танцевали и его адъютанты, ибо, как писал в своем дневнике Корсаков, это рассматривалось как одна из их обязанностей по службе. В 1850 г. Я.Д. Казимирский писал бывшему сослуживцу И.П. Корнилову, что "генерал везде бывает сам с супругою, несмотря на множество дел и занятий его. Балы у него отлично хороши и оживлены"⁴²⁶. Б.А. Милютин вспоминал, что "граф Муравьев обладал драгоценным даром оживлять всякое общество, в котором он показывался. Государственные заботы, личные думы — откидывались в сторону. Приятнейший собеседник, ровный со всеми, он не стеснял никого, не нагонял гробового молчания, не принуждал сосредоточиваться около него и слушать только его"⁴²⁷. Сам Муравьев придавал балам и прочим увеселениям немалое значение и писал в 1858 г. Корсакову о своем пребывании в Кяхте: "Кяхта была рада моему приезду, дала между прочим бал, на который собрались все туземцы, и сам я протанцевал vis a vis с Буссе 8 кадрили сряду. Это было нужно для того, чтоб оживить тамошние женские собрания; было нужно и для того, чтоб показать, что граф Амурский все тот же Муравьев; но я не скажу, чтоб это было для меня трудно; я провел этот вечер с удовольствием"⁴²⁸.

Муравьев был, судя по воспоминаниям современников, искренне верующим человеком. Б.В. Струве писал: "О своих религиозных убеждениях и вообще о вопросах, касающихся сокровенной веры, он никогда не беседовал, но богобоязненное настроение его подтверждается всеми его письмами к близким ему лицам. ...Он глубоко верил, что нет препятствий и затруднений как физических, так и нравственных, которых он не преодолеет, коли Господь дозволит"⁴²⁹.

СЕМЬЯ. ЛИЧНЫЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Роль генерал-губернаторши в жизни местного общества была весьма важной. Узнав о женитьбе генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда на одной из своих знакомых, Корсаков писал родным: "Неужели же теперь генерал-губернаторша!.. Первое лицо после мужа в Западной Сибири будет"⁴³⁰. О Екатерине Николаевне

Муравьевой многие современники отзывались комплиментарно, и это общее мнение передано в книге Барсукова⁴³¹. Гончаров писал о ней: "Жена Николая Николаевича, французенка, не меньше его отличалась гуманностью, добротой и простотой. Она избегала пользоваться его выдающимся положением в Сибири и с своей стороны не заявляла никаких претензий на исключительное внимание к себе подвластных мужу лиц. ...Со всеми в городе Е.Н. Муравьева была очень внимательна и обходительна и нередко посещала, даже вне Иркутска, например, Трубецких"⁴³². Об особых отношениях супруги генерал-губернатора с женами декабристов, как и о существовании сделанной ее рукой копии одного из сочинений Лунина, уже говорилось выше.

Муравьева сумела убедить мужа взять ее в 1849 г. в первую его поездку на Камчатку, поклявшись "безропотно переносить все трудности". По словам сопровождавшего чету Муравьевых в этом путешествии и описавшего его в своих мемуарах Струве, генерал согласился, "потому что он был в нее влюблен безумно"⁴³³. В тех же воспоминаниях рассказано и о многочисленных трудностях пути, и о мужестве Екатерины Николаевны, и о непреклонности мужа, не желавшего принимать во внимание ее усталость. В 1855 г. Е.Н. Муравьева участвовала во втором амурском сплаве и несколько месяцев находилась на мало приспособленном к такому дальнему и трудному путешествию судне, проехав таким образом несколько тысяч верст. Путешествия порой проходили в весьма экзотических условиях — случайный очевидец запечатлел в мемуарах, как Муравьев и его свита передвигались от Аяна в горы осенью 1855 г., когда на аянском рейде показались неприятельские суда. "Вскоре вижу табун собак, запряженных в нарты, на передней восседает Екатерина Николаевна, а в следующей — ее камеристка, вслед — кавалькада верхом на оленях, во главе Николай Николаевич Муравьев, некоторые из свиты пешком"⁴³⁴.

Многие спутники вспоминали о ее заступничестве перед грозным начальником за провинившихся. "Только благодаря доброму участию супруги генерала Екатерины Николаевны... — вспоминал Демидов, — не совершилась бесцельная жестокость" и не был оставлен на берегу по приказу⁴³⁵ Муравьева есаул Медведев, посадивший баржу на мель. Заступничеством Е.Н. Муравьевой и М.С. Кор-

сакова объяснял и Г.Д. Скобелев: спасение есаула Имберга, которого было приказано расстрелять, за отступление с позиций без приказа во время войны⁴³⁶. И.А. Гончаров отмечал патриотизм Е.Н. Муравьевой и писал, что, несмотря на свое происхождение, она была патриоткой России, во время войны всегда говорила о русских — "мы", а о французах — "они" и была уверена в победе России⁴³⁷.

Образ жизни и обязанности первой дамы в Иркутске были вполне обычными. Е.Н. Муравьева должна была вести дом, возглавлять местное дамское общество, наносить визиты и принимать гостей, участвовать во всех торжествах. С ролью генерал-губернаторши она, судя по воспоминаниям и письмам современников, справлялась успешно. Нередко она и Н.Н. Муравьев становились посаженными родителями на свадьбах ближайших подчиненных и сотрудников генерала и крестили их детей. Не обходилось и без недоразумений. Так, по закону офицер и чиновник должны были получить разрешение начальника на вступление в брак. Подчиненные Н.Н. Муравьева просили согласия не только у него, но и у его жены, и не всегда это оказывалось чистой формальностью. Так, бывший адъютант генерал-губернатора, затем командир Енисейского конного казачьего полка И.С. Мазарович сообщил Корсакову о своем намерении жениться на племяннице В.Н. Зарина Александре Ивановне Ельчаниновой (сестра Е.И. Невельской). Но он не был уверен в реакции начальства и писал другу: "Что-то скажут генерал и Екатерина Николаевна? Впрочем, что мне до этого, жить с Сашинькой мне, а не им"⁴³⁸. Согласие было получено, но какое-то недовольство все же осталось, так как через несколько дней Мазарович отвечал Корсакову: "Не понимаю, за что получил от генеральши замечание, сейчас же по приезде в Москву писал к Николаю Николаевичу и передавал мое глубочайшее почтение Екатерине Николаевне и вместе с тем объяснял, почему не исполнил некоторые поручения"⁴³⁹. Бывали и серьезные конфликты.

Если ближайшие сотрудники генерал-губернатора обычно отзывались о Е.Н. Муравьевой весьма благожелательно, а такие его оппоненты и неприятели, как Д.И. Завалишин и В.Ф. Раевский, вовсе не упоминали, то в прошении на высочайшее имя жены бригадного командира В.Д. Александровича содержатся прямые обвинения в ее адрес. "В Сибири я не хотела переносить дерзкого

обращения супруги генерала Муравьева, не полагая возможным, чтоб отношения жен в частной жизни их могли иметь какое-либо влияние на службу мужей, — писала Е.Ф. Александрович; — но вскоре убедилась, что через меня одну муж мой сделался предметом самых мелочных оскорблений и клевет всех тех, кто желал угодить супруге генерал-губернатора"⁴⁴⁰. Сам генерал Александрович в рапорте военному министру объяснял свой конфликт с Муравьевым интригами "полковых командиров и приятелей их чиновников генерал-губернатора" — т.е. Мазаровича, Моллера и Струве⁴⁴¹. Другая сторона ссылалась на покровительство со стороны бригадного командира недисциплинированным офицерам, которых пытались привести в должный вид назначенные Муравьевым полковые командиры, а также — и это, вероятно, было главным, — на подбавки, которые он делал арестованному Занадворову⁴⁴².

Нелегкие поездки подорвали здоровье Е.Н. Муравьевой. Несколько раз она лечилась на местных минеральных водах, бывала с этой целью и за границей, а в декабре 1857 г. уехала из Сибири навсегда. Это породило неизбежные слухи и сплетни и на самом деле негативно повлияло на образ жизни Муравьева. С тех пор управление домом перешло к его подчиненным (одно время эти функции даже выполнял Петрашевский), а развлечения и праздники стали принимать холостяцкий вид. К этому времени относятся рассказы о его связях с актрисами, некоей "повивальной бабкой" и "скандальных похождениях"⁴⁴³. В.П. Быкова, несмотря на хорошие отношения с графом, с большим неодобрением писала: «Он любит, чтобы общество тешилось погремушками: сам дает балы, устраивает клубы, где собираются лишь затем, чтобы пить и играть в азартные игры, хотя сам он никогда не играет. Завел "вольные маскарады", на которых танцует рядом с лакеями и горничными; приглашает к себе актрис и воображает себя "демократом"»⁴⁴⁴. Не только недоброжелатели и чопорные классные дамы, но и восхищавшийся генералом Клингенберг рассказывал Кропоткину о Муравьеве, что он "умел удивительно воодушевлять общество, любил женщин, из которых ни одна перед ним не могла устоять, умел соединять сословия силой своего обаяния перед дамами, заставляя их забыть, что с ними на балу находились актрисы, был поклонником граждан-

ского брака и был очень доволен, когда Мартынов (адъютант. — *Н.М.*) сделал первую попытку к этому"⁴⁴⁵.

Н.Н. Муравьев не только благожелательно относился к новым явлениям, новой моде в организации досуга, но и покровительствовал им. В конце 1850-х гг. в Восточной Сибири стали обычны литературные и литературно-разговорные вечера, любительские спектакли, публичные лекции и т.п. В них нередко принимал участие и сам генерал-губернатор и его ближайшие сотрудники.

Одиночество Н.Н. Муравьева после отъезда жены усугублялось тем, что у них не было детей. Оба они очень привязались к молодым родственникам и подчиненным Николая Николаевича — В.М. Муравьеву и М.С. Корсакову. В 1849 г. Муравьев писал брату Валериану: "Нас с Катенькою поразило жестокое горе: Вася Муравьев скончался 13-го числа, а мы любили его как сына. ...Сердце невольно страдает, и мы долго не утешимся от этой потери"⁴⁴⁶. Другую привязанность Н.Н. Муравьева его жена не разделяла. Речь идет о Софье Себастьяновне Чайковской, дочери иркутского земского исправника, которая "была принята Муравьевыми в свой дом и ими воспитывалась"⁴⁴⁷. Скорее всего, это произошло в то время, когда С. Чайковская находилась в Институте, а ее отец уехал в Харьков, потом к новому месту службы в отдаленную северную часть Енисейской губернии. По окончании Института Софья вместе с Е.Н. Муравьевой уехала за границу — в По⁴⁴⁸. Через год сам Н.Н. Муравьев писал о ней П.В. Казакевичу: "Дочь моя Софья Чайковская вернулась из-за границы в сентябре и 8 числа сего месяца вышла замуж за двоюродного брата моего Лаврова, который едет командовать батальоном... в Стретенск... Итак, девочка с ямочками поступила под ваше начальство"⁴⁴⁹. В приданое Софья Лаврова получила от своего названного отца 10 тыс. руб., которые должны были храниться на непредвиденный случай"⁴⁵⁰.

Семейная жизнь ее сложилась не слишком удачно. Еще больше удручала ее невозможность получить образование — она мечтала стать врачом. Одно время Н.Н. Муравьев пытался помочь ей и через военного министра Д.А. Милютина получить разрешение на посещение Военно-Медицинской академии"⁴⁵¹, но безуспешно, и Софья Лаврова, как и многие другие молодые русские женщины, стремившиеся к высшему образованию, уехала в Швейцарию, в Цюрих. Там она, по сведениям III отделения,

стала членом Интернационала, собирала пожертвования для парижских коммунаров, познакомилась с идеями Интернационала князя П.А. Кропоткина"⁴⁵². С Кропоткинскими семья Чайковских породнилась после того, как сестра С.С. Лавровой Вера вышла замуж за брата П.А. Кропоткина Александра. Все три сестры — Софья Лаврова, Вера Кропоткина и Людмила Павлинова — были причастны к побегу П.А. Кропоткина. Софья стала участницей народнического движения, в 1878 г. была арестована и после заключения в Петропавловской крепости выслана в 1880 г. в административном порядке в Вятскую губернию"⁴⁵³. В цитируемой сводке III отделения и в некоторых справочниках по истории революционного движения она называется приемной, а иногда даже побочной дочерью графа Муравьева-Амурского.

Из близких родственников Н.Н. Муравьев поддерживал отношения с братом Валерианом. Их переписка была регулярной, довольно откровенной и содержательной. Многие из этих писем опубликованы И.П. Барсуковым. Именно семье Валериана перешел титул графа Амурского, чего добивался и сам Н.Н. Муравьев.

ОТСТАВКА

Отставка генерал-губернатора Восточной Сибири вызвала не меньше разговоров, чем его назначение. Противники объясняли ее причины разоблачением реального положения дел в Восточной Сибири в статьях Завалишина и Максимова, что привело к потере доверия к Муравьеву в Петербурге.

Разговоры о намерении выйти в отставку Н.Н. Муравьев начал вести еще в 1853 г., как об этом вспоминал Струве. Но тогда это было не собственное желание, а опасение необходимости ухода вследствие несогласия в верхах с его стремлением отменить в Восточной Сибири откупную систему и с другими преобразованиями.

В 1854 г. разговор об отставке, но не скорой, зашел уже всерьез. В письмах Корсакову и брату 8 октября 1854 г. Муравьев писал примерно одно и то же: "Я понимаю, что мне надобно здесь остаться еще лет шесть, и принесу эту жертву для России"; "вижу, что пять лет еще надобно прослужить, а без того заглохнет Амур;

надеюсь, что после этих пяти лет меня выпустят на свободу"⁴⁵⁴. В точном соответствии с этим намерением в 1859 г. он поставил вопрос об отставке. Несколько писем великого князя Константина Николаевича содержат советы и уговоры остаться в Сибири еще на некоторое время, чтобы осуществить под своим руководством освоение вновь приобретенного края, но единственное, чего удалось добиться (и не столько ему, сколько Корсакову), — это согласия Муравьева дожидаться конца четырехмесячного отпуска своего преемника.

Формально причиной отставки было состояние здоровья. Действительно, уже в 1856 г. Муравьев жаловался брату, что "зрение и слух сделались у меня очень слабы, хотя мне на днях только минуло 47 лет"⁴⁵⁵. Кроме того, были серьезные проблемы с печенью и сердцем. Но и в 1862 г. он писал Н.П. Игнатьеву: "Я отказался от Сибири потому, что чувствовал себя слишком старым для этого места, где нужна вся сила молодости физическая и нравственная, чтоб быть полезным"⁴⁵⁶. Разумеется, дело было не столько в постоянных разъездах, которые Муравьев считал необходимыми на своем посту и на которые он не ощущал в себе сил. Несмотря на графский титул и награды, он чувствовал себя глубоко оскорбленным — и не столько публикациями в прессе, сколько отношением к ним в Петербурге. Точнее всего, по нашему мнению, эти настроения передал в письме к Игнатьеву один из ближайших сотрудников Муравьева, генерал Б.К. Кукель. "Тысячи неприятностей, которые выпали на его долю в утешение за все его честные человеческие, рыцарски благородные и в полном смысле либеральные стремления; постоянная оппозиция против него в Петербурге и охотная и безусловная поддержка всего того, что против него лично направляется, как бы оно сумасбродно ни было; все это до того измучило и утомило его нравственно, что дни, чуть не часы считает он до того времени, когда ему можно будет на покое отдохнуть и удалиться от всех этих гадостей"⁴⁵⁷. Важнейшим событием для страны и сигналом к возможности собственной отставки стало для Муравьева заключение в 1860 г. Пекинского договора, который подтвердил и продолжил начатое им дело территориального размежевания России и Китая на Дальнем Востоке.

В то же время Муравьев согласен был продлить свое пребывание в Сибири, но на особых условиях. Это стало

бы возможно, если бы удалось добиться согласия на новое разделение Сибири — соответствующий проект он представил в 1860 г. на высочайшее имя. О содержании проекта уже говорилось выше. Вот "для устранения могущих возникнуть мелких недоразумений при новом разделении края между сибирскими начальствами" Муравьев и соглашался отправиться вновь в Сибирь, но уже не генерал-губернатором, а "просто в звании генерал-адъютанта"⁴⁵⁸, фактически же наместником. Судя по письму Корсакова брату от 18 апреля 1860 г., этот вариант всерьез рассматривался в муравьевском окружении. Корсаков писал тогда: "Самое лучшее для правительства было бы сделать его Наместником Сибири, но вряд ли на это решатся, потому что надо тогда ему подчинить все горные заводы, не только Нерчинские, но и Барнаульские, а это немалая житница для служащих в этом ведомстве, да кроме того, кажется, в Петербурге существует нелепая мысль, что Сибирь скоро отложится, такая чушь может придти в голову людям совершенно не знакомым с положением страны и лишенным здравого смысла, но разве мало таких господ"⁴⁵⁹.

Трудно сказать, насколько серьезно в правительственных кругах опасались сибирского сепаратизма, инициируемого наместником, но если это обстоятельство действительно повлияло на отставку Муравьева и дальнейшую его не востребованность, то можно было бы сказать, что сибирская его карьера пришла к своему логическому концу: в начале своей деятельности в Восточной Сибири Муравьев писал Николаю I об отсутствии патриотизма в сибирском населении и даже угрозе сепаратизма.

Когда проект грандиозной перекройки административно-территориального устройства всей восточной части страны был отвергнут, окончательно отпала и возможность возвращения Муравьева в Сибирь. "Высочайшим рескриптом в 19 день февраля 1861 года в воздаяние долговременной его службы Престолу и Отечеству, ознаменованной неоднократными подвигами личного мужества в важных действиях и многолетними примерно-полезными заслугами на поприще гражданского управления", граф Муравьев-Амурский был "Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Равноапостольного князя Владимира 1-й степени с мечами над орденом" и назначен членом Государственного совета⁴⁶⁰.

Возникали разные варианты нового назначения. Не считая возможным продолжать службу в Сибири, Муравьев в 1862 г. писал Игнатьеву: "Чувствую в себе достаточно энергии и вообще нравственных сил, чтобы быть полезным в настоящих обстоятельствах для России, но долговременный опыт в правительственных занятиях доказывает мне, что израсходовать себя с пользою я могу только или на Кавказе, с тою полною властью и доверием, которыми пользуется там наместник и главнокомандующий, или в Петербурге с сильным влиянием на общий ход дел и на все части управления, разумеется, при неограниченном и постоянном доверии Государя"⁴⁶¹. На деле же он остался только членом Государственного совета. Задуманное когда-то Сперанским как верховная палата несостоявшегося российского парламента, это высшее законосовещательное учреждение империи хотя и играло некоторую роль в управлении ею, фактически служило прибежищем престарелых высокопоставленных сановников. Но Н.Н. Муравьев-Амурский был еще сравнительно молод (ему не исполнилось и 52 лет) и мог рассчитывать на иное, более активное поприще. В 1862 г., как уже упоминалось, его прочили на место князя А.И. Барятинского, ушедшего в отставку с поста наместника Кавказа и командующего Кавказской армией. О своем отказе и его мотивах сам Николай Николаевич рассказывал М.И. Венюкову⁴⁶². В августе 1863 г. военный министр Д.А. Милютин и министр внутренних дел П.А. Валуев официально, "с высочайшего соизволения", предложили Н.Н. Муравьеву-Амурскому стать помощником, а затем и преемником М.Н. Муравьева, генерал-губернатора Северо-Западного края. "Амурский охотно берется за дело", — записал в дневнике П.А. Валуев⁴⁶³. Но, хотя предложение было сделано по желанию М.Н. Муравьева, тот впоследствии отказался от кандидатуры своего младшего родственника. Не состоялось и еще одно назначение — в декабре 1864 г. генерал-губернатором на Дон⁴⁶⁴. Причиной всех неудач явно был недостаток доверия в высших сферах к самостоятельному и инициативному государственному деятелю. Архиепископ Иннокентий, узнав о крушении некоторых планов будущей деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского, горестно восклицал: "Ужели он не вступит опять на поприще службы! Если так, то слова мои, сказанные ему после молебствия о заключении Айгунского трактата, вполне сбываются"⁴⁶⁵. В произнесен-

ной тогда речи говорилось: "Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство ...то никогда, никогда не забудет тебя наша православная церковь"⁴⁶⁶.

Муравьев-Амурский больше не возвратился к активной государственной деятельности и доживал свой век членом Государственного совета. Разумеется, он принимал участие в обсуждении вопросов на заседаниях Совета, был постоянным и весьма активным ходатаем по всем сибирским делам, но в первое время по несколько месяцев в году проводил на родине своей жены, во Франции, а потом и вовсе поселился там, лишь изредка наезжая в Россию. Граф Муравьев-Амурский сознавал свои заслуги, хотя и чувствовал себя глубоко оскорбленным и на полуопальном положении. "Бог не дал мне заслужить внимание моих современников, — писал он брату, — не рассчитываю я на внимание потомства, но тем не менее жизнь моя проведена и сокращена на службе отечеству, и слава Богу еще, что не называют меня изменником"⁴⁶⁷.

Муравьев-Амурский скончался в Париже 18 ноября 1881 г. и был похоронен на Монмартре⁴⁶⁸. В 1908 г. к могиле был возложен серебряный венок с надписью: "Города Приморской области Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский — графу Муравьеву-Амурскому. 1858—1908"⁴⁶⁹.

* *

*

"Муравьевское время" в Сибири ознаменовалось крупными событиями, многие из которых произошли по инициативе или при активном участии самого Н.Н. Муравьева-Амурского. Энергичная преобразовательная деятельность охватила почти все направления его политики, все области управления. Взгляды и особенности характера генерал-губернатора существенно повлияли на проводимую им политику и ее результаты.

Присоединение обширного Амурского края обозначило новые подходы в дальневосточном направлении внешней политики России, привело к переселению тысяч людей на новые земли, предопределило судьбы миллионов людей и в XIX в., и в последующие времена.

В 1850-е гг. были осуществлены значительные преобразования в административно-территориальном устройстве и системе управления краем: образованы четыре новые

области, границы которых сохранялись в течение долгих лет, создано Забайкальское и положено начало существованию Амурского казачьих войск. Впервые за многие десятилетия на территории края произошли военные действия, и во многом благодаря предусмотрительности Муравьева русские войска сумели оказать сопротивление неприятелю. Была создана Сибирская флотилия, закладывались новые порты на Тихоокеанском побережье, положено начало судоходству на Амуре — и все это совершалось либо по прямой инициативе генерал-губернатора, либо при его действенной поддержке.

Разумеется, многие преобразования муравьевского времени были лишь частью процесса общих социально-экономических реформ в стране — дальнейшее развитие частного предпринимательства, новые условия русско-китайской торговли, появление иностранного капитала на Дальнем Востоке, развитие там частной золотопромышленности и др. Но на конкретных формах, в которые они выливались, сказывалась энергия и активность генерал-губернатора.

Заметную роль сыграл Н.Н. Муравьев в сфере науки и просвещения. Его инициатива была решающей при создании Сибирского отдела ИРГО и его превращении в центр интеллектуальных сил края. Он оказывал покровительство местной печати (используя при этом ее в собственных интересах), многим другим либерально-просветительным начинаниям эпохи 60-х гг.: литературным вечерам, воскресным школам, публичным лекциям и т.д.

Активная кадровая политика генерал-губернатора существенно повлияла на состав высшей администрации в крае. Хотя повышение ее общего образовательного уровня и было обусловлено объективными факторами, не случайно этот уровень на отдаленной окраине к 1860 г. превысил общероссийский. Изменились не только количественные характеристики местной бюрократии — во многом изменился ее социокультурный облик, общепринятые в ее среде нормы и ценности. Разумеется, и в этом сказывалось влияние общероссийских процессов — но и политики Муравьева.

Характерными чертами муравьевского стиля управления, воспринятыми и "муравьевцами", были стремление не только руководить, но и управлять, вникая во многие частности; готовность к лишениям и преодолению трудностей ради достижения поставленных целей; склон-

ность особо доверять военным, прежде всего своим адъютантам и чиновникам особых поручений, превращенным в ближайших помощников. Прямым продолжением достоинств этой системы стали ее недостатки, главные из которых — непоследовательность, фаворитизм, слепое доверие к любимцам. Под влиянием личных черт характера — вспыльчивости, нетерпеливости — они нередко приводили к деспотизму и произволу. Свойственное Муравьеву пренебрежительное отношение к формальностям порой граничило с нарушением законов. Умение подчинять всю свою деятельность главной цели было одной из причин, заставивших его примириться с колонизацией Амурского края военно-административными методами.

Характерно, что наиболее успешной деятельностью генерал-губернатора оказывалась в тех случаях, когда ему удавалось добиться сотрудничества с центральной властью. В существовавшей системе решающую роль, как правило, играл не объем обусловленных законом полномочий, а личное доверие монарха (при Николае I), покровительство влиятельных членов императорской фамилии (великой княгини Елены Павловны, великого князя Константина Николаевича) и министров (Л.А. Перовского). Утрата личных связей при формально не только не ухудшившемся, но даже окрепшем (после наград 1858 г.) официальном положении привела к потере возможности проводить собственный курс, что, в конечном счете, и вынудило Муравьева выйти в отставку.

Отношения генерал-губернатора Восточной Сибири и центра демонстрируют еще одну закономерность: они были более или менее благополучными — при неизбежных трениях по частным вопросам, — пока Муравьев оставался представителем интересов центральной власти в регионе. Когда же под влиянием времени и обстоятельств он превратился в представителя интересов региона, ситуация резко изменилась и взаимопонимание со столичной элитой было нарушено.

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ КОРСАКОВ

1861-1870

Михаил Семенович Корсаков (1826—1871) почти десять лет, с 1861 по 1870 г., был генерал-губернатором Восточной Сибири.

М. С. Корсаков возглавлял администрацию края в период Великих реформ в России, но и о нем, и о его управлении краем известно очень мало. Историки упоминали его главным образом как сподвижника Н.Н. Муравьева-Амурского, а представление о его взглядах сводилось к тому, что было высказано когда-то Б.Г. Кубаловым: "Не блиставший образованием, начитанностью, далекий от передовых идей века".

Период его генерал-губернаторства весьма скудно отражен в мемуарной литературе, особенно в сравнении с муравьевским временем. Мемуаристы больше писали о М.С. Корсакове в бытность его ближайшим помощником Муравьева и забайкальским губернатором — опять-таки в связи с его причастностью к деятельности Муравьева и в сравнении с ним. О событиях, происходивших в период генерал-губернаторства самого Корсакова, о нем как генерал-губернаторе и о его подчиненных рассказывается в воспоминаниях Б.А. Милютина, П.А. Кропоткина,² В.И. Вагина, в дневниках Кропоткина и В.П. Быковой². Особую ценность представляют дневники самого М.С. Корсакова, хранящиеся в ОР РГБ³. Дневники и частые и регулярные письма родным позволяют судить о взглядах и настроениях этого человека и в начале сибирской карьеры, и на всем ее протяжении. Это не только богатейший исторический источник, но и удивительный человеческий документ. Вот, например, дневниковая запись от 31 мая 1849 г.: "Часто мечтаю я о том, что будут Карсаковы⁴ со временем. Мне все кажется, что будем мы люди значительные и известные своей правотою... Правила у нас хорошие, сам буду вино-

ват, если забуду их, да этого не может и быть, не должно быть... Покойница бабушка Анна Семеновна со всех нас четверых взяла обещание поддержать честь Карсаковых, се сына и мужа, а если Карсаков что обещал, то и держит, а обещал я не столько бабушке, сколько сам себе и это обещание должно быть свято соблюдено"⁵.

Эпистолярный комплекс, сложившийся вокруг М.С. Корсакова как автора и адресата⁶, уникален для Сибири. Он состоит из значительного числа писем М.С. Корсакова к родным, его писем к людям из декабристского окружения, Н.П. Игнатьеву, черновики писем к Н.Н. Муравьеву и, главным образом, из писем, адресованных самому Корсакову. Абсолютное большинство корреспондентов составляли жители Восточной Сибири, в том числе служившие там чиновники и офицеры. Большая часть этого комплекса относится к периоду генерал-губернаторства самого Корсакова, меньшая — ко времени управления Восточной Сибирью Н.Н. Муравьевым. Много писем полуофициальных, для которых характерно сочетание доверительности частной переписки с богатством информации делового характера.

Весьма информативны ежегодные всеподданнейшие отчеты Корсакова и подававшиеся им докладные записки и проекты. Следует еще раз оговориться: их автором чаще всего был не сам генерал-губернатор или не он один, но подписывая их, он выражал согласие с их содержанием и брал ответственность за него на себя. Более того, отчеты Корсакова отнюдь не сухи и бесцветны, в них много размышлений, нетривиальных высказываний и рассуждений.

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

ДО СИБИРИ

Карьера М.С. Корсакова начиналась обычно и поначалу не предвещала стремительного успеха. Он происходил из известной дворянской фамилии. Дед, Николай Иванович Корсаков (он первым начал писать свою фамилию через *а* — Карсаков), был любимцем князя Г.С. Потемкина, бабка приходилась родной сестрой адмиралу графу Н.С. Мордвинову. Их единственный сын Семен, крестник Потемкина, участвовал в войне 1812 г., послеграничных походов русской армии вернулся на

гражданскую службу, к 1842 г. стал действительным статским советником, но значительных мест не занимал и с 1835 г. жил в своем имении, практиковал как гомеопат и занимался воспитанием детей⁸. По матери, Софье Николаевне Мордвиновой, они были в родстве с многочисленными и влиятельными кланами Муравьевых и Мордвиновых. В семейной переписке упоминались родственники, протежировавшие молодым Корсаковым: М.Н. Муравьев, Л.В. Дубельт (его жена, А.Н. Перская, была племянницей Н.С. Мордвинова), Н.Н. Муравьев (будущий Муравьев-Карский) и Н.Н. Муравьев, впоследствии граф Муравьев-Амурский.

В семье культивировались традиции просвещения, ее члены вели дневники, в течение нескольких лет в Тарусе выходил семейный журнал "Земляк", бережно хранились записки, письма, составившие богатейший архив Корсаковых¹⁰. Александр Семенович и Наталья Семеновна Корсакова (в замужестве Бакунина)¹¹ принимали участие в ряде просветительских начинаний¹¹.

Наибольшего служебного успеха достиг третий из братьев Корсаковых, Михаил, за плечами которого была лишь школа гвардейских подпрапорщиков и которого в семье считали добрым, но недалеким. По мнению современников, он был "слишком мало образован", "не знал порядочно русских законов, географии, истории, политической экономии"¹². Действительно, М.С. Корсаков не получил серьезного образования и даже французский язык знал, по собственному признанию, дурно¹³.

Решающий шаг, определивший всю его будущую судьбу, М.С. Корсаков сделал в 1849 г., когда двадцатитрехлетним подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка поступил офицером для поручений к двоюродному брату, генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. Этот шаг был сделан под влиянием старшего родственника, адъютанта генерал-губернатора, Василия Михайловича Муравьева, писавшего о перспективах быстрой карьеры и о серьезных задачах и благих целях службы¹⁴.

ПЕРВЫЕ СИБИРСКИЕ ГОДЫ

В Иркутске М.С. Корсаков, как и другие адъютанты и чиновники особых поручений, жил в доме генерал-губернатора. Он был принят в обществе как ближайший родственник могущественного начальника. По-

ложение признанного любимца, откровенно продвигаемого по службе, воспринималось сослуживцами как естественное и нормальное явление, хотя закон прямо запрещал службу чиновниками особых поручений родственникам и однофамильцам губернаторов¹⁵. Н.Н. Муравьев давал ему не только наиболее заметные и выгодные с точки зрения карьеры поручения, но и выбирал в тех случаях, когда нуждался в верном и преданном человеке, на которого мог бы всецело положиться.

Приехав в Иркутск 12 марта 1849 г., Корсаков уже в апреле отправляется через Якутск на Камчатку с заданием встретиться с Г.И. Невельским и передать ему инструкцию для дальнейшего плавания. И хотя из-за долго не сходявшего на Охотском морс льда он не сумел найти "Байкал" Невельского и выполнить порученное ему дело и вернулся в Аян ни с чем, встретившийся там с ним и Невельским генерал-губернатор именно Корсакова отправляет курьером в Петербург с известием о результатах экспедиции¹⁶. Напомним, что поездки в столицу и вообще "в Россию" расценивались как награда. В отличие от большинства сослуживцев даже из числа приближенных Муравьева, Корсаков смог увидеться с родными уже через полгода после разлуки. В Иркутск он вернулся в марте 1850 г. и через месяц опять был отправлен на Камчатку и в Охотск с новым важным поручением. На сей раз оно не было только курьерским и не сводилось к передаче якутскому областному начальнику и начальнику Камчатки приказа о переносе Охотского порта. Корсаков должен был и сам принять участие в организации этого весьма сложного дела. Успешно справившись с поручением и будучи произведен в майоры "за заслуги" или, как он сам писал, "за двукратное путешествие в Камчатку за два года", он вновь был отправлен курьером в Петербург. На будущий год все повторилось: в конце февраля — выезд в Иркутск, в апреле — в Якутск, в октябре — возвращение в Иркутск. Новая поездка в Россию последовала не так скоро — только зимой 1853 г., а до того были еще две поездки за Байкал¹⁷.

Задания настолько часто были связаны с дальними поездками, что породили злую шутку, будто свое генеральство Корсаков не выслужил, а выездил. А.К. Имберг писал позже Д.И. Завалишину: "Корсаков, этот знаменитый генерал от курьеров, впрочем, ни на что более и не

способный, курьером доехал до губернаторства и атаманства Забайкальской области"¹⁸. Но поездки нередко были весьма трудными, а порой и опасными. На пути из Якутска в Охотск, — писал Михаил Корсаков Н.Н. Муравьеву, — на протяжении 500 верст нет дороги. "Ехали по соображению якутов напрямик через кусты, кочки, болота, леса, реки... верхом и в санях, на лошадях, потом в нартах на оленях и на собаках"¹⁹. За первые шесть лет он трижды побывал в Якутской области и в Охотске, дважды — на Камчатке, не раз — в Забайкалье и на Амуре. Корсаков считал такие поездки на далекие окраины полезными не только для дела, но и для служащих. Он писал М.С. Волконскому — своему младшему покровительствуемому сослуживцу и приятелю: "Знаю по своему опыту, сколько дальние эти командировки придают опытности человеку, а это важная вещь в службе. Тут всего увидишь и многое испытаешь"²⁰.

За время пребывания в Сибири он успел неплохо узнать край, его природу, экономику, жизнь населения. В письмах и дневниках он отмечал прочитанное о Сибири: повесть И.Т. Калашникова "Дочь купца Жолобова", путевые записки забайкальского купца Паршина, историю Албазина и т.п.

Наиболее важные и ответственные поручения были связаны с переносом Охотского порта и организацией транспортировки тяжелых грузов в Камчатку. Корсаков проявил себя в них усердным исполнителем, честным и добросовестным, но чуждым инициативы и самостоятельности. Таким же он был и во время осуществления еще одного важного и трудного дела — в 1851 г. ему пришлось заниматься заселением Аянского тракта. Крестьяне-переселенцы, всего 102 семейства, были привезены по Лене из Забайкалья и Иркутской губернии²¹ и размещены в 27 селениях, на расстоянии в 700 верст²¹. Выполнение этого поручения послужило поводом для близкого знакомства с выдающимся человеком — архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием. Опытный путешественник, хорошо знающий сибирские реалии, Иннокентий в своих письмах давал молодому офицеру практические советы относительно маршрута, способов продвижения по рекам и т.п.²².

Поездки в Петербург курьером и личным представителем Муравьева ввели Корсакова в министерские кабинеты. В кругах бюрократической элиты молодой человек

ощущал себя провинциалом — юность его прошла на военной службе. В письмах домой он наивно радовался хорошему приему и старательно перечислял: у князя Меншикова обедал запросто, в сюртуке, граф Орлов пожимал руку как равному, с графом Перовским познакомился доводно. "Вот в какую знать я попался, все с министрами"²³. Позже это юношеское наивное бахвальство исчезло, но в письмах неизменно присутствовало ощущение своей чужеродности в столичных кабинетах.

Выполнение разнообразных поручений способствовало приобретению служебного опыта. Обезжая в конце 1851 г. заводы и рудники Нерчинского горного округа, Корсаков спускался "в подземелья со свечой в руках, осматривая рудники... и познакомился... и с горною частью несколько"²⁴. Выполняя задания начальства, он наблюдал за торгами, ревизовал заводы, тюрьмы, госпитали и прочие заведения. Весьма своеобразную задачу пришлось выполнить в связи с жалобами крестьян и казаков на притеснения со стороны богатых купцов Кандинских: "Адъютант генерал-губернатора... Корсаков... положительно прекратил всю деятельность Кандинских; магазины с товарами были все запечатаны"²⁵. Эта акция была частью политики Муравьева по преследованию "богатого торгового и промышленного класса" и защите от него простого народа. Участие в реализации муравьевской политики способствовало усвоению его взглядов. Так, в ответ на замечание подчиненного о незаконности угрозы высечь виновного в невыполнении обязанностей, прозвучало типично муравьевское: "Иногда приходится позволить малое зло в отвращение большого. Со временем и сечь буду виновных, хотя прямой есть закон", запрещающий это. Далее последовала негативная оценка "Сибирского учреждения" Сперанского как позволяющего земскому начальству, областному правлению и всякому чиновнику "законно" обирать население"²⁶.

Корсаков не только глубоко уважал своего родственника и командира, но и преклонялся перед ним. Представления об административной деятельности, навыки руководителя, политические взгляды Корсакова во многом складывались под влиянием Муравьева, проекты и преобразования которого искренне воспринимались как необходимые и закономерные. А в первые сибирские годы Муравьев, как уже отмечалось, предпринял ряд шагов по изменению административно-территориального деления

Восточной Сибири, в частности, была выведена из Иркутской губернии Якутская область, в которую назначался свой губернатор. И в дневнике Корсакова появилась запись: "Кабы скорее губернатор сюда (в Якутск. — *Н.М.*) приехал, чтоб хоть на месте распоряжаться"²⁷. Но это не было слепым одобрением любого решения обожаемого генерала. Та же запись о необходимости приезда якутского губернатора сопровождалась конкретным примером, доказывающим объективную необходимость подобной меры: "Например, Фролов (якутский областной начальник. — *Н.М.*) в остроге три печки поправил, очень плохо приходилось, стары были и загорались, а из Иркутска выговор, зачем без спросу и разрешения поправляет"²⁸. Но случались и прямые несогласия с решениями Муравьева. Так было, например, с намерением перенести Петропавловск-на-Камчатке на перешеек около Губернаторского мыса между Тарьинскою и Ягодною губами, и прорыть канал для каботажного сообщения между этими губами²⁹. Губернатор Камчатки В.С. Завойко был категорически против этого решения и сумел доказать его ошибочность присланному на Камчатку в качестве доверенного лица Корсакову. "Генерал не знает, — говорил Завойко, — что здесь трясина, потому и хочет канал рыть!.. Вы сами видите, нельзя канала рыть, здесь надо инженера и хорошего, помпы надо! рук сколько!., денег миллионы!.. Скажите генералу! Вы сами видите, что это невозможно!"³⁰. Корсаков оправдывал принятие неправильного решения тем, что Муравьев "видел только наружное... положение, а всего не мог сам узнать, что, конечно, виноваты те, которые, зная о недостатках этих мест, не донесли ему". При этом он утверждал, что "генерал не такой человек, который для того, чтоб не сознаться в своей ошибке, пожертвовал бы благосостоянием целого города и вопреки всему перенес туда город"³¹.

Влиянием Муравьева во многом объяснялись отношения Корсакова с сослуживцами — дружеские, естественно, устанавливались с теми, кто был близок к генералу. В 1849 г. в письме к родителям на это было указано недвусмысленно: "Он мне здешних людей многих определил характер, и я осторожнее буду с некоторыми, хотя и очень хорошими людьми"³². Трудно сказать, были ли результатом собственного наблюдения или исходили от Муравьева нередко точные и глубокие их характеристики.

На отношениях Корсакова с сослуживцами не мог не сказаться и его собственный характер. Не случайно разные люди в письмах к нему повторяют одинаковую оценку: "добрый, добрейший и милейший", "скромный, умный и дорогой", "любезный, милый" и даже "вы уже человек или еще херувим?"³³. Высоко ценил его как человека и преосвященный Иннокентий, который, поздравляя Корсакова с новым чином, писал: "Очень рад, дай Господь Вам возвышаться более и более, но с тем вместе молю его, чтобы сердце Ваше всегда было одно и то же, как бы мундир и эполеты Ваши ни изменялись"³⁴. Эта черта характера сказывалась и во вполне практических делах — по письмам и дневниковым записям ясно, что он постоянно одалживал деньги сослуживцам и подчиненным, иногда пытался помочь им заполучить хорошее место. Но, вероятно, самой главной для сибирских чиновников и офицеров была другая его роль — посредника между ними и вспыльчивым и грозным в гневе генерал-губернатором. Б.В. Струве вспоминал, как в разгар опалы на него Муравьева он обрадовался приезду Корсакова. "Как всегда, так и в данное время, он являлся миротворцем. Не отвергая действительности того или другого неотрадного явления, многих даже неблагоприятных поступков и действий, он всегда изыскивал поводы к смягчению и, сообщая о них Муравьеву, он никогда не упускал случая, чтобы от себя не добавить: распекийте порядком, но пожалейте, взыщите поостроже, но будьте снисходительны, увольте от службы или предайте суду, потому что нужен пример, нужна гроза, но не оскорбляйте"³⁵.

Важно понять также, какое место занимал Корсаков в отношении к неформальным социокультурным группам. По своей близости к генерал-губернатору он, очевидно, должен был входить в так называемый "наш круг" — группу наиболее близких к Муравьеву и приехавших вместе с ним молодых чиновников и офицеров в небольших чинах. Но он не раз весьма критически высказывался в адрес некоторых из них. Так, 10 июля 1850 г. Корсаков записал в дневнике содержание своей беседы с капитаном судна "Иртыш" П.И. Гарновским: "У нас был разговор о том, как любит себя держать нынешняя молодежь из лицеистов и правоведов, т.е. важничать своими местами и назначениями, не имея часто никакого уважения к старшим. Гарновский сильно защищал их... а я с большою силою нападал на них и доказывал, что если кто

важничает своим положением в свете, тот глуп и никакого уважения не стоит"³⁶. В споре с сопровождавшим его по дороге в Якутию в июне 1851 г. Н.А. Налабардиным речь зашла "о преимуществе, которое выказывается для военных в России против гражданских, — записал Корсаков в дневнике. — Он восставал против этого, а я доказывал ему, что сами гражданские виноваты этому преимуществу, слишком много думают о себе и позволяют судить себе действия своих начальников, есть и у него довольно общая студентам, правоведам и лицеистам уверенность, что сам бы лучше то и то сделал, и на этом основании позволяют они себе слишком строгую критику касательно всего"³⁷. Таким образом, в муравьевском окружении Корсаков занимал особое место, несколько дистанцируясь от приезжей образованной молодежи, что, возможно, было связано и с ощущавшейся им собственной недостаточной образованностью. Входил же он в группу военных администраторов.

В тех же дневниковых записях высказано и понимание смысла службы. Важнее всего был для него результат. "Надо, чтоб о Карсакове Якутская область впоследствии отзывалась с благодарностью, а не как о других генерал-губернаторских чиновниках, которые только побывали в Якутске"³⁸. Первоначальное увлечение камчатским военным губернатором В.С. Завойко сменяется разочарованием с характерным объяснением: мало ему, что он военный губернатор Камчатки и имеет 10 тысяч,³⁹ хочет еще и чин получить. О себе, а не о России печется.

Многочисленные родственные связи с семьями декабристов — а быть может, и здесь не обошлось без влияния Муравьева — обусловили частые и регулярные встречи Корсакова с ними. Впервые направляясь к месту службы, он уже вез письма и посылки "государственным преступникам" от их родных. В первую свою поездку по Сибири Корсаков посетил И.И. Пушина, И.Д. Якушкина, М.И. Муравьева-Апостола, В.Л. Давыдова, М.Ф. Митькова. То же повторялось и при следующих его поездках. С первого же знакомства Корсаков произвел самое благоприятное впечатление на И.И. Пушина, который писал о нем Я.Д. Казимирскому: "Познакомьтесь с Корсаковым, который был у нас на прошлой неделе. Мне понравился этот юноша. Он родился в том году, в котором мы были в Петербургской крепости. Для него мы — предание, но он как-то нас понимает. Мне приятно было

ощущать в нем теплое сердце и какую-то готовность на деятельную жизнь — ее не всегда встречаю в представителях нового поколения, которые мне попадают под руку"⁴⁰. И хотя далее Пущин замечал, что трудно судить по нескольким часам свидания, его высказывание приобретает особую ценность при сопоставлении с оценкой встреченных им несколькими годами ранее чиновников сенаторской ревизии: они образованны, но не имеют "веры в светлую для страны будущность... Служат как будто поневоле, возмущаются злом довольно хладнокровно" и уже молодыми превратились в апатичных старцев". Сам же Корсаков в 1851 г. писал И.Д. Якушкину: "Ялуторовск для меня станция душевная с тех пор, как я вас всех узнал"⁴².

С начала 1850-х гг. Корсаков был знаком со всеми членами иркутской колонии и особенно сблизился с семьей Волконских: дружил с Мишелем Волконским и покровительствовал ему как младшему товарищу, был, как и многие молодые люди из муравьевского окружения,⁴³ влюблен в Нелли Волконскую, часто бывал в их доме". Сложившиеся в первые сибирские годы отношения сохранились надолго: переписка с М.С. Волконским продолжалась вплоть до 1870 г. Письма И.И. Пушина, С.Г. Волконского, А.В. Поджио к Корсакову обнаруживают хорошую осведомленность о жизненных обстоятельствах обеих сторон и взаимное уважение.

Прослужив три года "по особым поручениям", М.С. Корсаков в феврале 1852 г. был произведен в подполковники с одновременным назначением начальником недавно образованного казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири. Новое место считалось довольно высоким и должно было стать еще одной ступенью к поставленной Муравьевым перед ним цели — губернаторству.

В созданном в 1851 г. казачьем отделении должны были сосредоточиться все дела по управлению сибирскими казаками, в том числе Забайкальским казачьим войском. По закону генерал-губернатор Восточной Сибири имел права командира Отдельного корпуса в мирное время и должен был лично или "через доверенное лицо" осматривать казачьи полки и станицы, наблюдать за их содержанием в определенном составе, точным исполнением ими служебных обязанностей, заботиться о наделении их землей, об устройстве и улучшении быта каза-

ков"⁴⁴. Таким "доверенным лицом" и стал Корсаков. Через него велась вся переписка местных казачьих начальств, в том числе и наказного атамана Забайкальского казачьего войска, с центральными ведомствами. Сотрудники отделения разъясняли казачьим командирам требования департамента относительно составления ведомостей и других форм отчетности, вникали в различные обстоятельства организации и быта казачьих войск"⁴⁵.

Из трех лет пребывания в должности начальника отделения — с весны 1852 по весну 1855 г. — Корсаков фактически занимался его делами только в первые полтора года. Зимой 1853 г. Михаил Семенович отправился курьером в Петербург, попутно навестил родных в Москве и Тарусове, пробыв вне Сибири около трех месяцев. В начале 1854 г. он вернулся в Иркутск с поручением ускорить распоряжения по амурскому сплаву и приказанием "вникать лично во все... следить за внутренней жизнью и обо всем важном писать Муравьеву в Петербург и Красноярск"⁴⁶. Хотя работы по подготовке сплавов уже велись, сделать оставалось еще очень много. Б.В. Струве вспоминал: "Я был свидетелем той кипучей деятельности, с которою Карсаков принялся за дело, и той энергии, которую он сумел вселить своим сотрудникам"⁴⁷. Подготовкой барж и плотов, а также завершением работ по сооружению парохода "Аргунь" руководил П.В. Казакевич. Необходимо было собрать в одном месте предполагаемых участников сплава — солдат и казаков — и все грузы. Как доносил Муравьев великому князю Константину Николаевичу 2 марта 1854 г., "все команды и артиллерия двинуты уже Карсаковым с разных концов Забайкальской области к Шилкинскому заводу, и туда же направляется с лишком 25 тысяч пудов провианта для сплава с ними"⁴⁸.

Подполковник Корсаков был назначен командиром первого амурского сплава — это было одно из самых ответственных и почетных его заданий. Правда, сам генерал-губернатор также находился в составе экспедиции и фактически возглавлял ее. По воспоминаниям Д.И. Завалишина, во время этой экспедиции в полной мере проявилась некомпетентность руководивших ею людей. Одним из вопиющих примеров тому стал конфуз, случившийся при отплытии. Когда Корсаков дал команду отчаливать, люди послушались, но сделали это одновременно, а не по очереди, как следовало бы, плоты перепу-

тались, наезжали один на другой, вышла неразбериха. Сказалась фрунтовая выучка Корсакова, — заметил Завалишин⁴⁹. Как бы то ни было, после успешного прибытия сплава в Мариинский пост в устье Амура именно Корсаков был вновь командирован в Петербург⁵⁰ с донесением о благополучном завершении экспедиции⁵¹.

Пробыв в России до января 1855 г., Корсаков вернулся в Иркутск. Но, не приняв казачьего отделения, вновь отправился в Забайкальскую область "приготовлять разные разности для будущей нашей экспедиции по Амуру"⁵¹. В 1854 г. Корсаков был произведен в полковники и пожалован орденом Св. Анны 2-й степени⁵². Вскоре всем стало ясно, что в ближайшее время он будет назначен забайкальским губернатором — П.И. Запольский с 1854 г. был в явной опале у Муравьева, а начальник казачьего отделения занимался главным образом делами Забайкальского казачьего войска.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГУБЕРНАТОР

Еще в 1851 г. Н.Н. Муравьев писал своей тетке С.Н. Корсаковой, матери Михаила: "Я не теряю надежды, что к тому времени (к 30 годам. — *Н.М.*) он попадет на воеводство и будет воевода опытный, дело знающий и вполне благонамеренный"⁵³. Сознательное и целеустремленное "ведение" Корсакова к губернаторскому месту не было для Муравьева чем-то необычным и исключительным — он готовил к губернаторским местам и других своих приближенных. М.С. Корсаков был самым молодым российским губернатором — к моменту назначения ему еще не исполнилось и 30 лет. Быстрота его карьеры была исключительной. Неприязненно относившийся к Н.Н. Муравьеву и "муравьевцам" В.Ф. Раевский справедливо писал в 1860 г.: "Корсаков шел вперед быстрее царской фамилии. Он приехал сюда штабс-капитаном и в шесть лет" стал генерал-майором, военным губернатором⁵⁴. В генерал-майоры Корсаков был произведен в декабре 1856 г.

Мемуаристы отмечали "несолидность" его внешнего облика. В. П. Быкова так вспоминала о первом знакомстве с ним в 1859 г.: "С Николаем Николаевичем был очень молодой человек... мы приняли его за адъютанта. Каково же было наше удивление, когда граф Муравьев представил его, называя Михаилом Семеновичем Корсако-

вым, атаманом Забайкальской области! На вид ему было не более лет 25, пожалуй, еще моложе"⁵⁵.

Д.И. Завалишин язвительно и утрированно (что вообще характерно для его мемуаров) характеризовал состояние вновь назначенного забайкальского губернатора: "Трудно себе представить, как смешон и жалок был М.С. Корсаков в начале своего губернаторства. Он терялся во всем и как будто бы у каждого искал извинения себе в том, что вдруг занял такое место. Сознание своего недостойнства, при всем желании скрыть это, мучило его так, что ему очевидны казались в глазах всех и насмешка над его губернаторством, и упрек за то"⁵⁶.

Но не все воспринимали молодого и неопытного губернатора в таком свете. Американский коммерсант П. Коллинз писал о нем: "Генерал Корсаков — один из самых значительных людей, каких я встречал когда-либо. Он осуществил несколько удивительных путешествий по Сибири и проделал самый быстрый путь от Камчатки до Санкт-Петербурга. Он был в первой амурской экспедиции. ...Он еще молодой человек, деятельный, проницательный, отважный, воспитанный, умеющий применять свои способности для его страны, когда появились возможности для этого. В течение нескольких лет он быстро продвинулся от капитана до губернатора и ныне генерала, но достоин всего, и я надеюсь, что его будущее может быть так же блестяще, как его известность"⁵⁷.

Сам новый губернатор был преисполнен наилучших намерений. "Сколько дела предстоит! — писал он родным. — За что ни примешься, всему ход можно дать, край так еще нов. Этим я, признаюсь, очень доволен, что без работы сидеть не буду и с Божией помощью пользу принесу краю"⁵⁸. Он осознавал ответственность — и перед высшей властью, и перед Муравьевым. В письме к родным была обозначена весьма благородная цель — "что здешняя область спасибо скажет, это лучше всех милостей и наград для меня"⁵⁹. Завалишин вспоминал о заверениях Корсакова, "что он не допустит ничего подобного тому, что творилось до тех пор и что называл он беклемишевскою манерой, по имени верхнеудинского исправника, действия которого он порицал в особенности"⁶⁰.

Свою деятельность в качестве губернатора Корсаков, как и полагалось, начал с обозрения Забайкальской области. В первые же дни он поехал "ревизовать область и

казачье войско по всему Забайкальскому краю, сначала в одну сторону, потом в другую"⁶¹. Многие были уже знакомы, и Корсаков справедливо отмечал в первом рапорте, что имел случай ознакомиться с положением области и при прежних поездках.

Некоторые стороны этого документа позволяют увидеть черты, характерные для всей последующей административной деятельности М.С. Корсакова как ученика и последователя Н.Н. Муравьева. Во-первых, в нем неоднократно упоминалось о личном осмотре и личных наблюдениях как самом надежном источнике информации. Во-вторых, Корсаков подробно останавливался на содержании жалоб, принесенных ему при обозрении области, и выражал сочувствие людям, уже отбывшим каторжную работу, но не освобожденным из-за того, что горное ведомство не прислало необходимых документов.

Немалый интерес представляет возможность сопоставить официальный отчет и частные письма Корсакова за одно и то же время. В одном из писем даже описан сам его подход к составлению отчета с неизбежной в таких случаях дозировкой правды. "Надо представить Государю отчет о том, что видел и нашел я в области, это первый мой будет отчет и потому как-то даже страшно и приступать к нему. Хочешь и правду сказать, а надо осторожно, чтобы власти петербургские не рассердились", — делился Корсаков своими заботами с родными⁶². Быть может, именно вследствие такой осторожности в обозрении и не оказалось негативной оценки деятельности предшественника. Впрочем, по воспоминаниям Завалишина, Корсаков в беседе с ним одобрял многие распоряжения Запольского⁶³. В обозрении содержались попытки оправдать нерадивые действия и бездеятельность его новых подчиненных, что противоречило урокам Муравьева, но отвечало характеру Корсакова. В письме брату он так расставлял приоритеты: "Не вижу никакой надобности ссориться с людьми для того, чтобы быть губернатором и атаманом. Лучше в мире с ними жить"⁶⁴.

Выросший в помещичьем доме и не терявший с ним связи молодой губернатор порой, видимо, ощущал себя хозяином вновь приобретенного огромного имения. "Осматривая свои владения и с удовольствием вижу богатства области, — писал он родным. — Славный край, чего нет в нем, — далеко только, и очень далеко, вот что нехорошо. ...Раскольники, которые составляют большую

часть Верхнеудинского округа, живут богато и большими деревнями и селами и вдобавок сами прекрасный и рослый народ"⁶⁵. Иногда чувство хозяина высказывалось и более явно: "Страна Забайкальская богатая, все свое могло бы быть, но хозяина не было, кто бы позаботился завести свои фабрики и заводы. Надеюсь со временем все это устроить"⁶⁶. Жизнь довольно быстро развеяла эти надежды.

В первое время дела шли более или менее успешно и, несмотря на обилие забот, Корсаков был доволен результатами своей работы. "На мое счастье, еще года нет, как управляю областью, а уже есть приятные перемены и открытия", — писал он родным 12 сентября 1856 г.⁶⁷. К числу таковых он относил открытие новых месторождений золота, хороший урожай и надежду на переход целой раскольничьей волости в единоверие.

В первые забайкальские годы Корсаков, как некогда и Муравьев, верил в силу и возможности государственного регулирования развитием экономики края, постоянно подчеркивая в отчетах роль государства. Указывая на то, что частное пароходство на Байкале недостаточно обеспечивает казенные интересы, он предлагал учредить государственное⁶⁸. Свои надежды на развитие градостроительства в только что получившей статус города Чите он всецело связывает с появлением в ней казенных зданий, "столь всегда украшающих города нашего отечества"⁶⁹.

Он не был чужд и новых веяний — например, весьма благосклонно воспринял предложение американского коммерсанта Коллинза о постройке железной дороги от Байкала до Читы с перспективой в будущем связать две водные системы и дать возможность более легкого сообщения с Амуром⁷⁰. Вообще возможности более широкого использования природных богатств края после развития торговли через Амур — одна из любимых идей Муравьева — конечно, привлекали и Корсакова.

Заботы об экономическом развитии края неизменно оставались в поле зрения забайкальского губернатора. Особое значение он придавал горным заводам, что было естественно и по тому месту, которое они занимали в экономике области, и в связи с особым отношением Муравьева к горному ведомству. Генерал-губернатор в письме рекомендовал Корсакову обратить внимание на заводы и просил его быть посредником. "По родственным нашим отношениям тебе легко заставить их бояться себя, —

писал он, — по свойственной же тебе благосклонности они несомненно будут любить тебя, а по основательности твоей — уважать"⁷¹.

Начатое Муравьевым и Корсаковым дело освобождения нерчинских горнозаводских рабочих стало для последнего делом личным. Особенно удручало его положение служителей горнозаводского ведомства, обязанных находиться в работах 35 лет, — дольше, чем каторжные, для которых максимальный срок определялся 20 годами. Хлопоты за них продолжались долго — вплоть до середины 1860-х гг.

Находясь в декабре 1858 г. в Петербурге, Корсаков пытался переломить ситуацию в их пользу, вступив в борьбу с могущественным Кабинетом, но потерпел поражение. По возвращении он в очередной раз посетил золотые промыслы и от рабочих "опять слышал их жалобы на тяжелую работу. Досадно то, — писал он брату Сергею, — что мне приходится против своего убеждения увещевать их, что работа и участь их не тяжела и прочие разные утешения им рассказывать"⁷². Через несколько месяцев он возвращается к этой теме и вновь восклицает: "Ожидаемого освобождения здешних рабочих от неволи до сих пор нет и нет из Петербурга; что я буду делать! ... Сам не знаю, на что решиться, между тем уходить в такое трудное время и оставить Николая Николаевича без помощника нехорошо"⁷³. Последняя фраза появилась не случайно — Корсаков связывал свое согласие на назначение генерал-губернатором с освобождением нерчинских рабочих. В черновике письма к Муравьеву от 1 марта 1860 г. он писал: "Не следовало бы мне напоминать вам, Николай Николаевич, о другом обстоятельстве, которое камнем лежит и без того у вас на сердце, но не могу не просить вас доложить Государю о необходимости освобождения горных рабочих; теперь, когда золотопромышленность Верхнеудинского округа дает такой значительный доход Кабинету Е.В., можно бы облегчить участь этих несчастных людей"⁷⁴. В ответ на это письмо Муравьев неодобрительно посоветовал не упоминать о деле горных рабочих, оно "не может быть перед Государем условием твоего согласия или несогласия быть генерал-губернатором"⁷⁵. Узнав в апреле 1861 г. о долгожданном разрешении этого вопроса, Корсаков с облегчением писал матери: "Нерчинские горные рабочие наконец освобождены, известие об этом я получил вскоре

после своего назначения исправляющим должность генерал-губернатора и был счастлив за освобождение 15 тысяч населения несчастных рабочих, с новыми силами теперь работаю, когда вступление мое в должность ознаменовалось таким радостным событием"⁷⁶.

Корсакова трогала не только общая несправедливость в отношении "рабочих честного имени", но горестная судьба отдельных людей. При проезде Корсакова через Казаковский золотой промысел к нему обратился рабочий Рахим-оглы с жалобой: он согласился идти по найму в рекруты, а его отправили рабочим на Нерчинский завод, так как некий служитель получил разрешение поступить в военную службу с отдачей вместо него одного из рекрутов в заводы. Таким рекрутом, помимо своей воли, и стал Рахим-оглы. Корсаков обратился в Кабинет с ходатайством о его освобождении, но получил отказ. В 1861 г., уже генерал-губернатором Восточной Сибири, он вновь обращается с тем же самым и вновь тщетно пытается доказать, что "положение работника честного имени ничем не отличается от сосланного за тяжкие преступления, — я не могу не остаться при прежнем мнении относительно Рахима-оглы, которого по всей справедливости следует освободить в свободные сельские обыватели"⁷⁷.

Быть может, это бессилие "хозяина губернии" и даже генерал-губернатора перед бездушной государственной машиной и ее воплощением — петербургской канцелярией — постепенно отвращало от службы. Осенью 1856 г. в переписке впервые появляется мотив возможной отставки. "Желаю служить добросовестно, — жаловался Корсаков родным, — а здесь в строгом смысле этого слова нельзя долго служить, потому что за множеством дела многое подписываешь и на многое соглашаешься только потому, что решительно нет возможности все рассмотреть в подробности"⁷⁸.

На первых порах Корсаков пытался регулярно объезжать область, проводить личные приемы, работать над отчетами, да еще он "положил себе за правило пересмотреть все прошлые дела и извлекать для себя наставления для правильного обсуждения и решения дела"⁷⁹. Читинская жизнь совсем не походила на прежнюю. Раньше, несмотря на дальние и трудные поездки, рутинной работы было немного. Теперь же в письмах родным повторяются жалобы на занятость, которых прежде почти не было. "Как встану утром часу в осьмом, — писал Корса-

ков в марте 1856 г. родителям, — и до полуночи и далее все за бумагами или с каким-нибудь из чиновников занимаюсь"⁸⁰. Особенно угнетала канцелярская сторона работы. "Целый день борюсь с докладами и бумагами, так что от постоянного сидения ноги чуть не отнимаются", — жаловался он⁸¹. Понимая, что "на этом месте надо работать, и добросовестно работать, и сильно работать", он сознавал, что делать это по совести долго невозможно, а "служить так, как большая часть служит, спустя рукава"⁸², не хотел.

От нового и обширного круга дел отвлекала необходимость по-прежнему участвовать в организации амурских сплавов. Едва приступив к исполнению губернаторских обязанностей, Корсаков уже 26 апреля 1856 г. сообщал брату, что собирается на Амур, в связи с чем должен сдать управление областью и войском одному из бригадных командиров⁸³, и жаловался на недостаток времени. Так в переписке проскользнуло — хотя и в скрытой форме — недовольство Муравьевым, ибо это по его приказанию он должен был отрываться от своих основных обязанностей.

Близость к генерал-губернатору не защитила Корсакова от интриг его окружения. Столкновения с иркутскими канцеляриями оказывались болезненными еще и потому, что там служили прежние товарищи. Муравьев предупреждал: враги "из зависти... будут тебе делать маленькие крючки, даже за моею подписью"⁸⁴. Для всех окружающих Корсаков был прежде всего ставленником Муравьева. Многие видели в этом самую сильную сторону нового губернатора.

Тот же Завалишин считал, что "от Корсакова можно было требовать более, нежели от кого-нибудь, совсем иных действий. Даже и те, которые сожалели о Запольском и не много добра ожидали от-невежества и неопытности Корсакова, надеялись по крайней мере на то, что ради него Муравьев прекратит свои незаконные притязания к краю, которые объясняли в последнее время враждою к Запольскому", надеялись и на то, что так как "Муравьев не может уж его заподозрить ни в недостатке личной преданности, ни в попытках сопротивления, то Корсаков может смело и решительно защищать край и войско от насилия. Но он вместо того сделался самым безгласным, мало того, и самым угодливым исполнителем всех вопиющих противозаконностей"⁸⁵. Возможно, соз-

дание ответственности перед человеком, чьему покровительству он был обязан карьерой, и заставляло Корсакова без колебаний проводить в жизнь указания Муравьева. Кроме того, он искренне уважал своего начальника, восхищался его прозорливостью и продуманностью решений.

Постоянное сравнение с Муравьевым преследовало Корсакова в течение многих лет. Превозносивший генерал-губернатора Восточной Сибири М. А. Бакунин, рекомендуя Корсакова Герцену и Огареву, писал о нем, что он не только "двоюродный брат", но и "ученик, воспитанник Муравьева... молодой человек, умный, деятельный, благородный, хотя и далеко не такой орел, как Муравьев"⁸⁶. В своей административной деятельности в забайкальские годы он подражал, хотя и не всегда удачно, начальнику и родственнику и надеялся на его помощь.

В окружении Корсакова, как и при Муравьеве, было принято не бояться либеральных разговоров и настроений. До чего они доходили, можно судить по более поздним письмам к нему Е.И. Рагозина, служившего в Чите чиновником особых поручений. Он откровенно делился с Корсаковым своими мыслями о положении в стране в 1861 г.: "Странное время у нас в России! Часть общества желает освобождения, другая часть стремится помешать ему и в то же время сама хочет себе прав и даже привилегий. Все бродит, чего-то ищут и не знают, где разрешение всех вопросов, не знают, что последнее слово может сказать народ и только народ"⁸⁷. Не случайно некоторые письма Рагозина Корсакову подверглись перлюстрации в III отделении и выписка из одного из них сопровождалась пометой: "Кто такой?.. Генерал-майор свиты Его Величества"⁸⁸. Действительно, это уже генерал-майору свиты и исправляющему должность генерал-губернатора писал Рагозин в начале 1862 г.: "Я не уважаю общества, которое выносит гнет русского правительства, я ненавижу всякую власть, я презираю Империю — как безнравственную пощлость, а потому участвовать во всем этом я не в силах..."⁸⁹.

Конечно, и речи быть не может о том, чтобы отождествлять взгляды Корсакова и его корреспондента. Но сам факт обращения к нему с подобными высказываниями явно противоречит представлению о нем как о "царском сатрапе". В кабинете Корсакова, как и в кабинете Муравьева, не были редкостью герценовские издания, до-

вольно свободно читавшиеся всем окружением⁹⁰. Завалишин также вспоминал, что на первых порах Корсаков в Чите "либеральничал" и говорил, "что законы у нас худы, и цензура, и нельзя сделать того, сказать другого"⁹¹. Правда, Завалишин объяснял это "либеральничанье" стремлением "умаслить" его ради того, чтобы иметь возможность пользоваться советами бывшего декабриста. Многие говорят против такого объяснения — и либеральные увлечения Муравьева, и семейные традиции Корсаковых, и откровенный тон разговоров в атаманском доме в Чите. Как вспоминал служивший при Корсакове в Забайкалье его родственник Н.П. Поливанов, на библиотечных вечерах в Чите читались статьи Завалишина, "разбирали, обсуждали их в присутствии Корсакова, и часто обращались к нему с вопросами за разъяснением, и всегда он с готовностью разъяснял... то или другое обстоятельство, в котором часто обвинялись он или граф Муравьев"⁹². Разумеется, эти беседы были попыткой противостоять критике и обличениям Завалишина, но противостоять не административными мерами, силой власти, а путем опровержения содержащихся в обсуждаемых статьях обвинений. Такой метод также говорит о склонности к "либеральничанью".

Своеобразной обязанностью губернатора было участие в жизни местного светского общества — и Корсаков не составлял исключения. Он посещал библиотечные вечера, званые обеды, неизменные балы. Вскоре после приезда он "делал обед высшим читинским чиновникам, а потом они [ему] обед делали (первый общественный обед в Чите)"⁹³. Званые обеды давало и купечество, в Кяхте и в Верхнеудинске на них присутствовал вспоминавший потом о них Коллинз⁹⁴. Экзотикой все это было лишь для иностранцев, а российские администраторы рассматривали их не только как развлечение, но и как своеобразную служебную обязанность. Был в Чите и театр, который также "сочинил у себя" губернатор и репетиции которого проходили все в том же "атаманском доме"⁹⁵. По предложению губернатора была проведена популярная тогда лотерея-аллегри с целью сбора средств для устройства детского приюта. Судя по письмам из Читы замещавшего Корсакова во время его отсутствия А.Д. Лохвицкого, губернатор часто посещал детский приют, посылал детям подарки и всячески им покровительствовал.

Как и большинство губернаторов, особенно сибирских, Корсаков в первые же дни столкнулся с обычной проблемой — нехваткой квалифицированных и благонадежных кадров. Хотя Муравьев оказал помощь на первых порах — "людей хороших дал, и сказал, чтоб я не стеснялся выбором, отказа не будет делать, потому что очень хорошо знает, что в Забайкальской области надо людей деятельных и толковых"⁹⁶, их все же не хватало. Влиятельный в крае и расположенный к Корсакову архиепископ Иннокентий писал Н.Д. Свербееву о "юнейшем нашем генерале": "Мне крайне было жалко его видеть без добросовестных сослуживцев"⁹⁷.

Положение усугублялось еще и тем, что одним из условий образования области был упрощенный порядок управления и сокращенный штат. В Забайкалье не было губернского суда — его функции выполнял окружной суд, не было казенной палаты и приказа общественного призрения — подведомственные им учреждения оставались под управлением соответствующих иркутских органов. Не было на первых порах и председателя областного правления — его функции выполнял старший советник. В первом "обозрении" области Корсаков даже противоречил прежним утверждениям Муравьева о том, что упрощенный порядок и сокращенные штаты вполне достаточны и целесообразны⁹⁸. Не случайно главная забота на первых порах была "найти... дельных и честных людей" для занятия высших мест по управлению областью⁹⁹. При этом Корсаков стремился избегать жестких и даже жестоких мер, обычных для Муравьева в начале его правления, типичной для того манеры обращения с подчиненными, угроз и оскорблений в адрес нерадивых и подозреваемых в нечестности. Эта линия поведения была продуманной. "С доброю волею много можно сделать и гораздо лучше, нежели из страха"¹⁰⁰, — писал он родным в самом начале своей читинской жизни.

Подчиненные по-прежнему отмечали доброту и отзывчивость Корсакова. Еще в бытность его начальником казачьего отделения его непосредственный помощник, столоначальник того же отделения, писал ему, что привык видеть в нем "более дружественное внимание, чем строгость начальника"¹⁰¹. Эти качества проявлялись не только в частной жизни, но и в службе, и тому было немало примеров. Заступничество за чиновников в отчетах резко контрастировало с тоном отчетов прежнего

губернатора Запольского. Отметив накопление нерешенных дел в областном правлении (один из важнейших отрицательных показателей работы чиновников), Корсаков указывал на "обширный круг действий и ограниченные штаты" и заключал, что "настоящее состояние делопроизводства можно считать еще удовлетворительным". Медленность производства дел в окружном суде он объяснял недостаточностью средств суда и недавним поступлением "на место заседателей новых лиц, не успевших еще достаточно ознакомиться с порядком судебного делопроизводства"¹⁰² — т.е. низкой профессиональной квалификацией, считая это вполне уважительной причиной. Наконец, заметив, что теснота и холод частного дома, в котором помещалось областное правление, вынуждали чиновников работать в шубах, губернатор счел необходимым "немедленно устранить эти неудобства" и уступил под областное правление построенный для наказного атамана и занимаемый им дом¹⁰³.

Корсаков не был склонен много времени уделять будничной черновой работе, полагаясь в этом на старшего советника, а впоследствии председателя областного правления. Именно этим, очевидно, объясняется появление в его ближайшем окружении лиц, чьей неформальной обязанностью и основанием для успешной карьеры были умение и способности именно в этой сфере, столь ценимой в бюрократической системе. И впоследствии, когда Корсаков был уже генерал-губернатором, при нем неизменно находился кто-то, занимавшийся будничной черновой работой, — либо начальник штаба, либо председатель Совета Главного управления Восточной Сибири, либо начальник его отделения. В Чите таким человеком стал старший советник областного правления А.Д. Лохвицкий. При назначении на должность он имел чин всего лишь VII класса (надворный советник). Позже он стал председателем областного правления, вице-губернатором, а затем и губернатором. Это был настоящий профессионал канцелярского дела. К концу губернаторского срока Корсаков подписал особую "Записку о заслугах старшего советника Забайкальского областного управления коллежского советника Аполлона Лохвицкого", в которой отмечал, что этот чиновник "много способствовал к улучшению порядка в производстве дел Областного правления и правильного направления их и в то же время с особенным усердием и рвением во время неоднократных

отсутствий [Корсакова]... управлял Забайкальской областью"¹⁰⁴. Судя по тому, что Лохвицкий приехал в область в конце 1856 или начале 1857 г., вероятно, и его имел в виду Корсаков, сообщая родным о том, что Муравьев дал ему хороших людей.

Появились и новые чиновники совсем другого типа: "В течение 1857 г. прибыло в область довольно молодых людей, кончивших курс наук в высших учебных заведениях, что подает надежду, что со временем, когда эти лица приобретут некоторую опытность, должностные места будут заняты людьми, способными удовлетворять видам правительства"¹⁰⁵. До тех же пор эти молодые и образованные чиновники, не имевшие необходимого опыта и, главное, чина, были по муравьевскому опыту и примеру назначены чиновниками особых поручений и наделены серьезными полномочиями. Еще три молодых офицера стали адъютантами наказного атамана Забайкальского казачьего войска; они были взяты специально для того, чтобы их "рассылать по разным местам зло искоренять"¹⁰⁶.

Корсаков, как и Муравьев, считал необходимым регулярные выезды вверенной его управлению области; чтению письменных докладов ("канцеляршине") предпочитал личные устные беседы с подчиненными в неформальной обстановке. Один из сослуживцев, а затем и подчиненных, Б.А. Милютин, вспоминал, что "М.С. Корсаков умел как-то втравливать в споры и сам, не принимая в них участия, только выслушивал. Разговоры и споры, конечно, вертели преимущественно около местных интересов... В них принимали участие и старые, и молодые, и обжившиеся в Сибири, и новички, и высокообразованные, и учившиеся на медный грош. Надо заметить, что как губернатор М.С. Корсаков умел окружить себя людьми, в полном смысле этого слова, дельными"¹⁰⁷.

К таким "дельным людям", к тому же из числа "новых", образованных чиновников, относился и упоминавшийся чиновник особых поручений Е.И. Рагозин, незадолго до назначения окончивший Демидовский лицей в Ярославле. Он стал свидетелем одного из самых заметных событий, произошедших в Забайкалье в годы губернаторства Корсакова, — волнений крестьян-старообрядцев — и принимал непосредственное участие в их "усмирении". Само происшествие описано во второй главе, так как активную роль в нем играл Муравьев, Корсаков же тогда

(в 1859 г.) находился в отпуске. Надо сказать, что Рагозин сделал все возможное, чтобы избежать суровых кар и кровопролития. Его действия, очевидно, были одобрены и генерал-губернатором, и губернатором.

А.Д. Лохвицкий и Е.И. Рагозин представляют два противоположных типа людей из корсаковского окружения. Первый — из чуждой ему по происхождению и прежней карьере среды, но очень полезный и даже необходимый (во многом именно вследствие этой чужеродности), так как его помощь компенсировала неумение и нежелание Корсакова заниматься столь важной в управленческой деятельности канцелярской работой. Второй — из социально более близкой среды, но несравненно более образованный, способный восполнить ту нехватку образования, которую отмечали в Корсакове многие современники.

И Рагозин, и многие другие ближайшие подчиненные и сотрудники Корсакова жили в его "атаманском доме", туда же они возвращались из командировок. Б.А. Милютин вспоминал: "Атаманский его дом приютил меня с тем же гостеприимством, с которым двери его отверзались сотням лиц, прибывавших в Читу и пользовавшихся расположением его хозяев. ...М.С. Корсаков жил... довольно открыто. К обеду его собиралось человек до десяти разнообразной публики. После обеда, проходившего более или менее сдержанно, все удалялись в кабинет, и тут за курением и местными наливками начинались, без всякого стеснения, разговоры. ...В этой системе действий многие видели искусный прием дипломата: втравливая в разговоры и споры, говорили иные, М.С. Корсаков вызывал будто бы людей. На мой взгляд, подобная задача была слишком широка. Скорее, что М.С. Корсаков этим способом довершал самообразование"¹⁰⁸.

Подобные беседы в кабинете губернатора не только должны были помогать расширению кругозора и пополнению знаний самого губернатора и его молодых приближенных. Они содействовали сближению служащих, созданию атмосферы товарищества, которая была в первые годы и в муравьевском окружении, как вспоминал М.И. Венюков, обычно не склонный к похвалам в адрес власть предержащих. В своих мемуарах Венюков, как уже отмечалось, писал, что Корсаков был "слишком мало образован", "не знал порядочно русских законов", географии, истории, политической экономии и "Забайкаль-

ской областью управлял плохо, хотя был лично честен и плутов не жаловал". Но Венюков отмечал и такие не слишком распространенные в губернаторском корпусе качества Корсакова, как бескорыстие, усердие к службе, обходительность¹⁰⁹ с подчиненными, отсутствие склонности к интригам.

Среди множества забот и проблем забайкальского губернатора одна была в высшей степени необычной и ставила в затруднительное положение — необходимость определить характер своих отношений с Д.И. Завалишиным. Этот человек, несмотря на свой официальный статус помилованного государственного преступника, играл довольно важную роль в Забайкалье. У многих историков не вызывают особого доверия его "Записки декабриста", "запечатленные неровным, резким, чаще всего пристрастным отношением к своим товарищам, с чертами болезненного, не знающего сдержек самолюбия, с явно субъективной окраской¹¹⁰ многих фактов", — как писал о них М.К. Азадовский¹¹⁰. Нам представляется тонким и убедительным еще одно его наблюдение: "Завалишин не выдумывал факты или не лгал сознательно, но в силу тех свойств своего характера, которые заставляли так преувеличивать свое собственное значение, он и к другим личностям подходит со столь же гиперболическим отношением. Только применение этого гиперболизма — обратное: он невероятно каждый раз сгущает краски и упрощает мотивы, выдвигая на первый план все отрицательное и достойное порицания и затушевывая положительное"¹¹¹. Но о незаурядности этой личности говорит уже одно то обстоятельство, что он сумел заставить так или иначе считаться с собой и генерал-губернаторов, и губернаторов, и шефа корпуса жандармов, и министра внутренних дел.

Положение Корсакова оказалось довольно сложным. С одной стороны, и Муравьев, и сам он прежде не раз прислушивались к советам Завалишина, да и вообще Корсаков был близок к многим декабристам и до определенного времени разделял или пытался разделять либеральный курс Муравьева в отношениях с политическими ссыльными. С другой стороны, опала Запольского сопровождалась охлаждением и в отношениях Муравьева с Завалишиным, а на середину и конец 1850-х гг. пришлось обострение конфликта и окончательный разрыв генерал-губернатора с Завалишиным.

Сложности с ним возникли у Корсакова уже во время первой встречи после приезда в Читу. Корсаков приехал ночью, на 8 утра был назначен прием служащих, и именно это время Завалишин нарочно выбрал для того, чтобы потребовать объяснений по поводу возмущившего его предписания о переселении в Минусинск. Произошедшая при этом сцена была весьма характерна. Вот как описал ее Завалишин: «Войдя в залу, где были собраны все, я прямо подошел к нему, и без всякого приветствия сказал ему: "Скажите, пожалуйста, Михайло Семенович, что значит это вероломное действие против меня Муравьева?" Корсаков страшно сконфузился, схватил меня за обе руки и, утащив в гостиную и усадив на диван, сказал: "Неужели вы думаете, Дм[итрий] Ир[инархович], что и я тут в чем-нибудь виноват? Я, право, ничего не знал, и неужели вы считаете меня способным на то, чтобы и я стал вас тревожить? Я ведь хорошо помню, сколько мы все вам обязаны. Ради Бога, успокойтесь, будем по-прежнему; теперь, видите, мне некогда, а после потолкуем обо всем"»¹¹². Таким образом, новый "хозяин губернии" публично продемонстрировал особое уважение к Завалишину, а самому ему приватно дал понять, что он не согласен с намерением Муравьева.

Переселение Завалишина в Минусинск было отменено без вмешательства Корсакова, но забайкальский губернатор добился освобождения его от квартирной повинности, которую тот должен был выполнять наряду с другими домовладельцами¹¹³. Не менее важно для Завалишина было и то, что Корсаков, как ранее Запольский, пользовался его советами — но, в отличие от предшественника, не рисковал делать это открыто. "Ему хотелось быть в ладах и со мною, чтобы всем пользоваться от меня, и в то же время угождать Муравьеву в его незаконных требованиях, стараясь делать это тайком от меня", — вспоминал Завалишин¹¹⁴. Постепенно прекратилась и эта практика. Конфликт Завалишина с Муравьевым, резкое и публичное осуждение им политики генерал-губернатора в отношении Амура с понятной неизбежностью привели к разрыву и с Корсаковым. Сначала это выразилось во вполне цивилизованных формах, вплоть до использования печати: Завалишин обвинял Корсакова в попытке опровергнуть его статьи "брошюрою восхвалителя ех offiсiо амурских дел, Романова"¹¹⁵. Когда не удалось таким способом пресечь разоблачительные публикации или ос-

лабить их вредное для администрации Восточной Сибири значение, была сделана попытка переселить возмутителя спокойствия в другое место края. Завалишин, ссылаясь на разговор с забайкальским вице-губернатором (тогда им был Лохвицкий), обвинял в этом губернатора, но признавался, что сам Корсаков уверял его, "что незаконные действия истекали будто бы от излишнего усердия низших начальников"¹¹⁶. Конфликт с Завалишиным разрешился лишь в 1864 г.

Одним из самых важных и трудных для Корсакова дел оставалось участие в организации первых амурских сплавов. В 1854 и 1855 гг. он занимался этим в должности начальника казачьего отделения Главного управления, но и став губернатором, продолжал выполнять это поручение Муравьева. За те четыре года, что Корсаков был губернатором, он дважды — в 1856 и в 1858 гг. — возглавлял работы по подготовке сплавов и по несколько летних месяцев проводил на Амуре. Теперь это расценивалось как часть служебных обязанностей потому, что "Чита- была избрана исходной точкой всех предприятий, касавшихся Амурского края", а Корсаков был призван "показать свои таланты администратора и колонизатора"¹¹⁷.

Сплав 1856 г., который осуществлялся в отсутствие Муравьева и в первый год губернаторства Корсакова, оказался крайне неудачным, плохо организованным и завершился трагически. Мемуаристы писали о возвращении по невыносимо трудному зимнему пути, о гибели 200 человек на обратном пути от голода и холода, рассказывали о случаях людоедства. По официальным данным, первые отряды вернулись в Усть-Стрелку в конце сентября, последний, под командованием подполковника А.Н. Облеухова, 26 ноября. При этом потери, кроме отряда Облеухова, составили 86 человек. Самым тяжелым было возвращение отряда Облеухова: он в один сезон сплавился по Амуру и поднялся по нему, имел слишком мало времени для отдыха и подготовки к трудному возвращению, а сравнительно позднее отправление привело к тому, что в дороге пришлось пережидать установление ледового покрова на реке, в результате отряд находился в пути четыре месяца¹¹⁸.

Сам Облеухов причиной бедствий считал "излишнюю торопливость и одностороннюю деятельность" начальника экспедиции 1856 г. подполковника Н.В. Буссе, слиш-

ком заботившегося об экономии. В свое оправдание Облеухов указывал и на большое число бессрочно-отпускных (т.е. отслуживших срок в 15 лет) солдат, и на неподготовленность к лишениям солдат сибирских линейных батальонов¹¹⁹. Завалишин же писал: "Общий голос, и справедливо, обвинял во всех бедствиях Корсакова" и приводил в доказательство своей правоты те неоспоримые факты, что именно Корсаков возглавлял организацию всей работы, провожал экспедицию до Усть-Зей и провел там лето. По мнению Завалишина, "если бы бедствие случилось даже на низовье Амура, и тогда бы он не мог быть вне ответственности за размещение провианта; и то дело вышло тем позорнее, что это случилось на ближайшем расстоянии от Усть-Стрелки"¹²⁰. М.И. Венюков также считал именно Корсакова виновником неудачной организации возвращения, а причиной столь тягостного положения солдат и казаков были, по его мнению, приказ рубить дрова на обратном пути для навигации следующего года и распределение запасов провианта из расчета на 10 дней пути (по 40 верст в сутки)¹²¹.

Оправданием — хотя и слабым — для Корсакова может быть то обстоятельство, что часть возвращавшихся с устья Амура солдат была измучена тяжелой зимовкой 1855 г., многие переболели тифозной горячкой, сроки же их отбытия с низовьев Амура от него не зависели, — а именно позднее отправление большинство современников называло главной причиной гибели и болезней возвращавшихся. Но ни в одном из писем родным и друзьям Корсаков не высказал своего сожаления и чувства вины в связи с гибелью большого числа людей, хотя в переписке осенью 1856 г. и проскользнул у него мотив недовольства своей жизнью и возможности и желательности отставки. В 1862 г. он объяснял "факт гибели значительного числа нижних чинов бывшего 13-го линейного батальона во время осеннего похода их с берегов Амура в 1856 г." стечением несчастных обстоятельств (болезни, ранняя зима и — косвенно — неправильные действия их командира), утверждая¹²², что все остальные команды вернулись благополучно. "За усердную службу и распорядительность" при сплаве 1856 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

В 1857 г. Корсаков не участвовал в плавании, а в 1858 г. оно проходило более успешно, хотя в этот раз на Амур переселялись казаки и крестьяне и устройство их

там, как и вообще снаряжение всей экспедиции, должно было осуществляться под началом Корсакова¹²³. Как вспоминал участник этого плавания Бр.К. Куксль, "с Корсаковым мы выехали 6 мая и, так как по пути нам приходилось осматривать основанные в прошлом году первые казачьи станицы, то прибыли в Благовещенск лишь 18 мая, на другой день по заключении Айгунского договора"¹²⁴. Таким образом, Корсаков не присутствовал при заключении Айгунского договора — событии, в известном смысле увенчавшем усилия тех, кто, как и он, был участником первых амурских сплавов. Но его роль в подготовке этого события, как и в целом процесса присоединения и колонизации Приамурья, неоспорима. "За Амур" Корсаков был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени, пожизненным пенсионом в 2 тыс. руб. в год и причислен к императорской свите.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР

НАЗНАЧЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ

Как уже отмечалось, Н.Н. Муравьев сознательно и целеустремленно готовил М.С. Корсакова себе в преемники. Переход власти от одного генерал-губернатора к другому внутри края совершился на редкость плавно. С начала 1860 г. М.С. Корсаков фактически исполнял обязанности высшего администратора, оказавшись на созданном для него месте помощника генерал-губернатора, председательствующего в Совете Главного управления Восточной Сибири. Еще через год он был официально назначен исправляющим должность генерал-губернатора, достигнув вершины своей карьеры и оказавшись самым молодым генерал-губернатором — даже губернаторы в таком возрасте (35 лет) были наперечет.

Назначение Корсакова встретило сопротивление в Петербурге. Муравьев писал своему преемнику 20 февраля 1861 г., что "до последней минуты все прочили Путятину в генерал-губернаторы Восточной Сибири, и только один Государь не разделял этого мнения и назначил тебя. Тут Он, так же, как и в крестьянском деле, поступил против большинства"¹²⁵. Опасливо-ревнивое отношение к Е.В. Путятину у Корсакова сохранилось. Он считал своим долгом продолжить начатое Муравьевым и боялся, что новый

человек "пойдет ломать старое". Примером тому было, по мнению Корсакова, поведение министра просвещения Путятина во время студенческих волнений 1861 г., после которых он был смещен. "Вот граф Путятин хорошо показал себя, — писал Корсаков матери 2 января 1862 г., — слава Богу, что Восточная Сибирь не попала ему в руки, а говорят, близко к тому было. В Петербурге еще и министр, а находится на виду общественного мнения, а здесь генерал-губернатора судить некому, и если человек не с должными правилами и направлением, то прежде чем хватятся об этом в Петербурге, он может уже безвозвратно сделать вреда краю"¹²⁶.

В 1859—1860-х гг., пока шли переговоры, Корсаков не проявлял особого рвения и не выражал восторга по поводу своего раннего и блистательного успеха. В апреле 1860 г. он писал Н.Н. Муравьеву: "Высшее назначение по честолюбивым видам для меня вовсе не имеет особого интереса, но столько дел еще надо окончить и так строго требуется вести его в направлении, Вами указанном, что всем нам, участвующим в администрации Вашей, следует оставаться при своих местах"¹²⁷. И еще довольно долго он продолжал колебаться. Одна из причин тому — промедление в освобождении нерчинских горнозаводских рабочих. В марте 1860 г. находившийся в Петербурге Муравьев просил Корсакова написать такое письмо, которое можно было бы показать Александру II для опровержения слухов о желании Корсакова покинуть Сибирь. Вероятно, оно было связано и с неуверенностью в собственных силах, и с пониманием сложности предстоящих задач.

Позже в письмах к родным Корсаков нередко сетовал на перегруженность делами. "Лично я постоянно занят, если не физически, то мыслями, забот много, край велик, а средств очень мало"¹²⁸. Он утверждал, что его деятельность сложнее и разнообразнее, чем у любого другого генерал-губернатора. "В Восточной Сибири у генерал-губернатора не один правитель канцелярии, а целое Главное управление, в котором 7 отделений, т.е. 7 правителей канцелярии по разным частям (вроде Кавказа). ...Сверх того военная часть. Словом, по своему значению, здесь обязанности генерал-губернатора есть в сущности обязанности Наместника и [любое другое] генерал-губернаторское место после здешнего будет отдыхом для того, кто был здесь генерал-губернатором. Зато требуется по-

стоянная деятельность и заботливость, потому что если не вовремя сделано надлежащее распоряжение, то могут выйти весьма дурные последствия"¹²⁹. Вместе с тем Корсаков испытывал законное чувство гордости и писал матери: "Назначением своим я доволен. Государь мне, как видно, доверяет"¹³⁰.

Эта уверенность подверглась серьезному испытанию. Став исправляющим должность генерал-губернатора в 1861 г., Корсаков был утвержден в ней лишь через три года, в течение которых он несколько раз оказывался на грани скандальной отставки. Первая крупная неприязнь была связана с бегством в 1861 г. Бакунина, который "ушел" из Николаевска на иностранном судне. История эта уже излагалась в печати¹³¹. В 1861 г. Бакунин получил от М.С. Корсакова, своего родственника (его сестра вышла замуж за брата М.А. Бакунина, Павла), разрешение отправиться по делам Амурской компании (куда был принят по просьбе Муравьева) на устье Амура. При этом, по словам Корсакова, он дал "честное слово вернуться в Иркутск непременно в октябре и вообще... не употребить во зло данного... ему разрешения"¹³². Обманутый генерал-губернатор понимал, что этот побег сулит ему крупные неприятности, но сразу не мог осознать их масштаба и даже писал родным о М.А. Бакунине, что "по закону он имел право жить в Сибири и даже вступить там на службу без ограничения каким-либо местом для его жительства" и что "для дела собственно тут вреда нет, что он ушел, здесь он был только бременем для правительств"¹³³. Вряд ли можно согласиться, что генерал-губернатор "отшатнулся от Бакунина" и даже пытался помешать его побегу¹³⁴. Если бы Корсаков действительно предполагал возможность бегства Бакунина, то у него имелось достаточно средств для его предотвращения.

В деле следственной комиссии о побеге Бакунина прямо указывалось, что выдача исправляющим должность генерал-губернатора Корсаковым открытого предписания Бакунину облегчила возможность побега, и ставился вопрос о том, "на каком основании выдано Бакунину такое открытое предписание и почему позволено ему беспрепятственно совершить поездку на казенных пароходах"¹³⁵. Дела о побеге Бакунина и о послаблениях Михайлову рассматривались в одной комиссии, что было особенно опасно для Корсакова, так как позволяло увидеть некую тенденцию.

Ситуация была тем более неприятной, что это событие совпало по времени с наводнением на Амуре, уничтожившим многое из уже достигнутого и нанесшего серьезный урон хозяйству переселенцев. В Петербурге и без того ощущалось недовольство назначением на место Муравьева избранного им преемника. Теперь же недоброжелатели графа Амурского, боявшиеся его влияния на великого князя Константина Николаевича и на царя и опасавшиеся появления при дворе новой влиятельной и независимой фигуры, воспользовались случаем, чтобы попытаться пересмотреть уже принятое решение о назначении генерал-губернатора Восточной Сибири.

Корсаков тяжело переживал ущерб, нанесенный его репутации. "Сегодня получил выговор от Государя за бегство Бакунина, — писал он матери 10 декабря 1861 г. — Я, разумеется, виноват тем, что поверил ему на честное слово, но тем не менее после подобного выговора мне остается только оставить мое место, а между тем теперь этого сделать не могу, потому что было бы противно совести. Наводнение, бывшее на Амуре, заставляет непременно меня как начальника края лично ехать на Амур в будущем лете, чтоб на месте сделать все распоряжения для будущего обеспечения наших переселенцев"¹³⁶.

Благодаря обличительным статьям Завалишина неудачи в деле колонизации стали причиной новых серьезных осложнений в положении Корсакова. В 1862 г. "Государь Император, усмотрев из всеподданнейших докладов некоторых господ министров, что в управляемые ими министерства поступили разные сведения, представления и доносы о беспорядках и злоупотреблениях, существующих в Амурском и Приморском крае, и что подобного рода сведения и доносы, в форме литературных статей, поступали даже в редакции некоторых издаваемых правительством журналов", повелел сообщить все подобного рода материалы прибывшему в Петербург Корсакову с тем, чтобы на заседании Сибирского комитета получить от него исчерпывающие объяснения"¹³⁷.

Положение все еще не утвержденного в должности генерал-губернатора Корсакова оказалось довольно зыбким. После первой аудиенции у императора 23 октября 1862 г. он писал матери, что скорее всего уйдет в отставку. Объяснения и визиты к министрам продолжались довольно долго. Решающее заседание Сибирского комите-

та, на котором должна была быть представлена его "записка о доносах" (так Корсаков называл "Записку исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири по поводу осуждения местной правительственной деятельности в деле устройства и заселения Амурского края"), несколько раз откладывалось. Наступления этого "знаменательного дня" пришлось ждать с 17 декабря 1862 до 21 января 1863 г., и все это время "положение мое для будущего", — писал Корсаков матери, — было "все так же туманно"¹³⁸. На Рождество подчиненные даже собирались устроить ему "елку с самыми приятными... подарками в настоящее время — с решенными делами"¹³⁹. 21 января "главные вопросы были рассмотрены и мои представления одобрены, — написал Корсаков матери, — а что касается до доносов, то они найдены не заслуживающими внимания". Но надежда на то, что "теперь, когда дела разъяснились, вероятно, скоро определится и будущее"¹⁴⁰, не оправдалась, и больше года он по-прежнему оставался исправляющим должность.

Больше опасения вызывала и ревизия генерал-адъютанта И.С. Лутковского. Формально она распространялась лишь на войска, расположенные в Восточной Сибири, но на деле полномочия ревизора были значительно шире. Как писал родным П. В. Казакевич, Лутковский осуществил полный осмотр всех действий и учреждений на Амуре, а инспектором войск он был назван, чтоб не обидеть генерал-губернатора. Как и предвидел Казакевич, его представления имели большое значение"¹⁴¹. Ревизия кончилась благополучно, и хороший отзыв Лутковского об администрации края способствовал утверждению Корсакова в должности. Однако столь длительное пребывание в неопределенном положении и тягостные переживания, связанные с унижительной необходимостью оправдываться в Сибирском комитете, отрицательно сказались на настроении. "Начинаю уставать быть в постоянной... борьбе... Последнее мое пребывание в Петербурге на многое уменьшило у меня энергию трудиться на этом поприще", — писал Корсаков 28 февраля 1863 г.¹⁴²

Продолжительная неопределенность статуса осложняла и отношения с подчиненными. К тому же все это время Корсаков имел чин генерал-майора, что также создавало для него некоторые трудности, тем более, что забайкальский губернатор Е.М. Жуковский был генерал-лейтенантом. Эта ситуация вновь порождала у него мысли

об отставке, а у многих подчиненных — опасения в собственном будущем. "Большое несчастье будет для Восточной Сибири, — писал один из них, — если действительно Вы решитесь оставить Сибирь. Где найти генерал-губернатора, который так знал бы этот край, который, несмотря на всю громадную величину Восточной Сибири, сам лично везде был, в местах самых суровых, самых отдаленных; сам, так сказать, лично убедился во всех потребностях края. А потом жаль мне тоже и всех своих прежних сослуживцев. Беда привыкать к новому начальнику, тем более после Вас и после Николая Николаевича. ...Мне кажется, что с Вашим отъездом все чиновники бросят Сибирь¹⁴³". Лишь в апреле 1864 г. Корсаков был утвержден в должности генерал-губернатора и произведен в чин генерал-лейтенанта.

Путь М.С. Корсакова к вершине карьеры представляется весьма специфичным для деятелей такого ранга. Почти все провинциальные генерал-губернаторы того времени (А.П. Бсзак, А.О. Дюгамель, В.И. Назимов, П.И. Рокасовский и др.), а также претенденты на занятый Корсаковым пост (А.Л. Потапов и Е.В. Путятин) имели опыт участия в военных действиях, а главное — надежные и прочные связи в петербургских департаментах и сильных покровителей при дворе. Ничего этого не было у молодого генерал-губернатора Восточной Сибири, но его преимущество заключалось в том, что он хорошо знал весь огромный край, побывал чуть ли не во всех его углах, был участником начатых Н.Н. Муравьевым-Амурским преобразований. В этом отношении Корсаков оказался вполне подготовлен к высокому посту. Что же касается не слишком хорошего знания законов и недостаточного общего образования, то этим, к сожалению, не могли похвастаться и другие провинциальные администраторы¹⁴⁴. Если Д.И. Завалишин, В.Ф. Раевский и Ф.Н. Львов настаивали на неподготовленности Корсакова к столь высокому месту, то М.И. Венюков при общей невысокой оценке уровня его компетентности и образованности все же был несколько мягче и признавал за ним и некоторые достоинства — хотя бы личную честность. Лутковский также считал, "что для Восточной Сибири нужна железная воля, какая... была у графа Николая Николаевича" и, "отдавая... справедливость в честности и доброте" Корсакову, находил его "слишком

слабым и недостаточно настойчивым для управления этим краем"¹⁴⁵.

Довольно благожелательно отзывался о нем П.А. Кропоткин. В дневниковой записи после первой встречи в 1862 г. содержится хвалебное высказывание: "Порядочный человек, без чопорности, надутости большинства губернаторов". Хотя такая запись и могла появиться под влиянием спутника Кропоткина — сибирского чиновника и родственника Корсакова, находившегося тогда в прекрасных с ним отношениях, В.Н. фон Клинггенберга, но приводились и объективные факты, против которых не возражали и недоброжелатели Корсакова. У него в доме "говорят обо всем, о Герцене толкуют не как о чем-то таинственном, кто сочувствует — без запинки выражает свое сочувствие". Как и большинство современников, причиной столь неординарного поведения Кропоткин считал влияние Муравьева. "Я думаю, что если бы Корсаков был воспитан в школе всех остальных губернаторов, то он был бы таким же, как и они"¹⁴⁶.

Сам Михаил Семенович весьма трезво оценивал свои способности и перспективы и в письме к Муравьеву признавал, что "был слишком далек, чтоб Государь лично мог быть убежден в моих способностях как администратора, если они есть"¹⁴⁷. В том же письме он откровенно признавался: "Я ведь не вам чета, у меня нет этой энергии в характере, нет этой настойчивости в своих предположениях"¹⁴⁸. Не надеясь сравняться с Муравьевым, его преемник рассчитывал многое сделать для развивающегося края, к которому успел привязаться. "Край-то хороший и богатый, — писал Корсаков, — и его жаль оставлять не окрепнувшему несколько еще на надлежащем своем направлении. ...С каждым годом новому лицу, какой бы он ни был, легче управлять будет краем и труднее сбить настоящее направление, идущее на пользу делу, если б даже тот захотел"¹⁴⁹.

Назначение Корсакова генерал-губернатором отвечало интересам "муравьевцев" — довольно многочисленной и очень влиятельной группировки, доминировавшей внутри местной административной элиты. Их вполне устраивало сохранение сложившихся при Муравьеве отношений, принятых норм и политических ориентиров. И в этом смысле назначение Корсакова было победой верхушки провинциальной бюрократии, закрепившей ее господство еще на десять лет.

Если Муравьев начал свою деятельность в Сибири с привлечения новых людей и со смены части высшего сибирского чиновничества прежних времен, то Корсакову вольно или невольно приходилось поддерживать и продвигать по службе своих прежних сослуживцев из числа сподвижников Муравьева. В просьбах его подчиненных о награде или чине обычным было указание на высокую оценку или даже обещание графа. То обстоятельство, что почти вся прежняя карьера Корсакова была связана с Восточной Сибирью, создало для него серьезную проблему: с одной стороны, необходим был приток новых людей, а с другой — в соответствии с усвоенным им муравьевским правилом они должны были быть лично известны генерал-губернатору. В результате на "видных" должностях при Корсакове служили либо люди, по несколько лет до того проводившие в Сибири (амурский губернатор Н.В. Буссе, начальник штаба Б.К. Куксль, иркутский губернатор К.Н. Шелашников, якутский губернатор А.Д. Лохвицкий), либо бывшие в молодые годы его сослуживцами по Семеновскому полку (офицер для особых поручений Н.Г. Шульман, те же Буссе, Шелашников).

Хотя Корсаков, в отличие от предшественника и преемника, и не стремился произвести радикальные перемены в губернаторском корпусе, он унаследовал от Муравьева стремление к тому, чтобы губернаторские должности занимали выбранные генерал-губернатором, а не предложенные Петербургом люди. В письме Н.П. Игнатьеву полусерьезно-полусерьезно он заметил: "А экзамены вещь очень хорошая, хорошо бы в губернаторы в Восточной Сибири назначать также лиц не иначе, как по производству им экзамена генерал-губернатором Восточной Сибири"⁵⁰. В первые два года генерал-губернаторства Корсаков почти было утратил одно из важнейших достижений Муравьева — возможность назначать губернаторов по собственному выбору. В 1861 г. во главе самых значительных губерний — Иркутской и Енисейской — оказались чуждые и ему, и всем муравьевцам П.Н. Замятнин и Н.Ф. Щербатский. В Иркутске положение удалось исправить довольно быстро. Замятнин же — брат влиятельного министра юстиции — имел прочные связи в Петербурге.

Место енисейского губернатора имело особое значение, ведь губерния была центром золотопромышленности. Не случайно писал Корсаков Игнатьеву, что на это место не следовало назначать людей, "имеющих какое-либо участие в тамошней золотопромышленности... И во всяком случае Красноярская (так в тексте. — *Н.М.*) губерния требует честного, энергического и дельного человека больше, чем какая-либо другая"⁵¹. Ему было особенно неприятно долгое пребывание Замятнина во главе ее, к тому же тот конфликтовал практически со всем окружением генерал-губернатора и первыми лицами губернии, состоявшими по большей части из муравьевцев.

Совсем иное обстоятельство осложняло отношения Корсакова и Казакевича: по первоначальному плану Муравьева его должны были заменить два генерал-губернатора — М.С. Корсаков и П.В. Казакевич (как глава отдельного генерал-губернаторства, образованного из Приморской области), которых он "одиннадцать лет... приготавливал для высших должностей"⁵². Оба знали об этом намерении, и то, что оно не было осуществлено, поставило обоих в затруднительное положение. Не только в глазах Муравьева Казакевич был равным Корсакову по готовности к высокой должности. Так же смотрела на них и высшая бюрократия края. Б.В. Струве, вспоминая о конфликтах начала 50-х годов, отмечал, что "двое не были вовлечены в интригу, они стояли вне и выше иркутской обиденной жизни, — то были М.С. Карсаков и П.В. Казакевич"⁵³. Мемуарист может не вполне адекватно воспроизводить расстановку фигур описываемой эпохи, и на его представлениях, как это нередко бывало, могла сказаться позднейшая успешная карьера Казакевича. Но оценка Муравьева, также ставившего эти имена рядом, опровергает подобные сомнения. В 60-е годы Корсаков, уже став непосредственным начальником Казакевича, вынужден был считаться с его особым местом в иерархии. По утверждению Завалишина, он даже говорил, что разделение Восточной Сибири планировалось потому, что "амурскому (приморскому. — *Н.М.*) губернатору было бы обидно подчиняться ему"⁵⁴.

Особый статус приморского губернатора был связан не только с личными качествами П.В. Казакевича, но и с тем, что начальник Приморской области одновременно был командиром портов Тихого океана и Сибирской флотилии и в этом качестве подчинялся Морскому министер-

ству и его главе, великому князю Константину Николаевичу. Сам Казакевич считал, что его пребывание на посту приморского губернатора нужно не столько для него самого, сколько "для Михаила Семеновича"¹⁵⁵, так как это спасает Корсакова от необходимости вникать в совершенно незнакомые и ему проблемы укрепления морских рубежей и освоения берегов Тихого океана. Характерно и то, что отчеты генерал-губернатора по Амурскому краю в той части, которая касалась Приморской области, почти дословно воспроизводили губернаторские отчеты.

Другие основания для конфликтов и недоразумений были связаны с тем, что снабжение Приморской области всем необходимым тогда осуществлялось главным образом путем сплавов из обжитых районов Восточной Сибири. Сплавами руководили представители генерал-губернатора, принимали грузы офицеры и чиновники Приморской области, поэтому взаимные обвинения были почти неизбежны. Так, обвиненный Казакевичем в недобросовестном исполнении обязанностей адъютант Корсакова Г.А. Тимрот писал генерал-губернатору: "Могу Вас уверить, что Казакевич Вам не друг... в Петербурге он не держал язык свой за зубами... в глаза одно, а за глаза — другое"¹⁵⁶.

Еще одну неприятную ноту в отношения Корсакова и Казакевича внесла история с бегством Бакунина. Казакевич считал, что виноваты иркутские власти, но они стремятся свалить вину на николаевские¹⁵⁷. В результате пострадали моряки, а ни иркутский губернатор, ни действительно провинившиеся чиновники Главного управления не понесли наказания. Все же совместная служба Корсакова и Казакевича продолжалась еще долго, и внешне их отношения оставались вполне доброжелательными.

За годы корсаковского правления произошли значительные перемены в корпусе восточносибирских губернаторов. В Амурской области умершего в 1866 г. Н.В. Буссе, личного друга и старинного сослуживца генерал-губернатора, сменил И.К. Педашенко, также до того прослуживший несколько лет под началом Муравьева и Корсакова. В Забайкальскую область на место когда-то приглашенного Муравьевым бывшего его товарища по Кавказу Е.М. Жуковского, которого невзлюбила "муравьевско-корсаковская партия" и который перевелся в западные губернии, в 1864 г. пришел семеновец Н.П. Дитмар. Ир-

кутскую губернию в 1864 г. возглавил служивший в Сибири с 1853 г. семеновец и друг Корсакова К.Н. Шелашников. Он же стал официальным заместителем генерал-губернатора, получив назначение на должность постоянного председателя Совета Главного управления. Якутским губернатором с 1865 г. вместо ушедшего в отставку Ю.И. Штубендорфа стал А.Д. Лохвицкий. Губернатором Приморской области с 1865 г. вместо П.В. Казакевича стал И.В. Фуругельм, в 1850—1858 гг. служивший в Восточной Сибири, а потом бывший главным правителем Русской Америки. И, наконец, в 1868 г. после нескольких неудачных попыток Корсаков добился снятия с должности енисейского губернатора петербургского ставленника П.Н. Замятнина, на чье место был переведен Лохвицкий. Таким образом, губернаторский корпус при Корсакове сменился полностью и, за исключением Приморской области, сохранявшей особое положение, во главе всех губерний и областей края были поставлены выбранные им люди.

Корсаков неохотно расставался с давними сослуживцами и нелегко менял доброе к ним отношение, но считался с мнением таких авторитетных людей, как архиепископ Иннокентий. Якутский губернатор Ю.И. Штубендорф, начинавший в 1849 г. при Муравьеве и заслуживший одобрение и Муравьева, и Иннокентия¹⁵⁸, впоследствии вызвал недовольство подчиненных и архиепископа. Во время отпуска Штубендорфа в 1863 г., когда вопрос о его отставке еще только обсуждался, Иннокентий прямо обратился к генерал-губернатору: "Кого-то Вы пожелаете губернатором в Якутск. ...А выехавшему, мне кажется, очень неловко возвращаться по тем слухам, какие до меня дошли. Говорят, чуть-чуть не торжествовали и якуты, и русские, когда он уехал"¹⁵⁹. Там же сообщалось об анонимной корреспонденции из Якутска, опубликованной в еженедельнике "Развлечение". В ней рассказывалось о взяточничестве и грубом вмешательстве губернатора в выборы городского головы¹⁶⁰. Корсаков пытался возражать архиепископу. «О деятельности и заботливости Юлия Ивановича Штубендорфа и говорить нечего, — отвечал ему Иннокентий; — я не имею также причины сомневаться и в его благонамеренности; одно только я думаю, чтобы он не стал мстить не любящим его, которые вероятно повысказались без него откровенно, и особенно тем, кои очень прозрачно указаны в

несчастной статье, напечатанной в "Развлечении". ... Впрочем, Ангелы не пойдут в губернаторы — а люди всегда люди, следов[ательно], в них всегда будут недостатки»¹⁶¹. Последняя фраза стала подлинным девизом кадровой политики Корсакова.

Преемник Корсакова Н.П. Синельников одобрительно отзывался о Педашенко ("деятель энергичный, с любовью и толком занимавший свою должность"), Лохвицком и о ставшем в конце корсаковского управления якутским губернатором Н.П. Де Витте. Отрицательный отзыв он дал Шелашникову ("человек добрый, но без воли и чуждый умственных занятий") и Дитмару. Они, как писал Синельников, открыто творили беззакония¹⁶².

Существенные изменения произошли при Корсакове во всем административном корпусе. Уменьшился (до 82 % от уровня 1860 г.) его состав, образованный по формальным критериям. До 27,8 % с 30,2 % сократилась доля военных в формальной и несколько увеличилась в неформальной (42,6 % вместо 40 %) верхушках, уменьшилась также (до 38,9 % с 46,5 % в первой группе и до 46,3 % с 56 % во второй) доля лиц, чья карьера в прошлом была связана с армией. Удельный вес дворян в формальной верхушке уменьшился ненамного (в 1860 г. он составлял 55,8 %, в 1865 г. — 54,3 %), в неформальной — гораздо значительнее (в 1860 г. — 75,5 %, в 1865 г. — 64,0 %). В первой группе выросло число землевладельцев (до 31,2 % в 1865 г. с 29,3 % в 1860 г.), во второй оно уменьшилось (в 1865 г. — 24,4 %, в 1860 г. — 26,1 %). Несколько уменьшилась доля уроженцев Сибири в формальной (21,6 % с 25 %), но увеличилась в неформальной (16,7 % вместо 10,2 %) верхушке. Наивысших за весь рассматриваемый период значений достиг образовательный уровень: лица с высшим или средним образованием составляли в 1865 г. в первой группе 76,5 % от общего числа (в 1860 г. их было 73,8 %), во второй — 85,1 % (в 1860 г. — 82,6 %). Средний возраст в формальной верхушке несколько уменьшился (до 49,6 от 50,14 в 1860 г.), а в неформальной увеличился (до 40,3 от 39,9 в 1860 г.). Это произошло за счет значительного уменьшения (до 12,1 % с 18,6 % в 1860 г.) в первой группе доли людей старше 60 лет, во второй же она несколько выросла (до 6,5 % с 4,2 %). Увеличилась и доля лиц моложе 30 лет — она составила в 1865 г. 26,1 % (при Руперте — 8,3 %, в

1860 г. — 21 %). Больше стало и опытных служаек: в формальной верхушке больше 10 лет стажа было у 88,9 % чиновников, в неформальной — у 66,7 % (это наивысший показатель за весь период). Более 10 лет прослужили к 1865 г. в Восточной Сибири 75 % деятелей ее администрации, входивших в высший слой по формальным критериям, и 54,9 % — составлявших высший слой по неформальным основаниям. И в том, и в другом случаях это также наивысшие значения. Процент людей, имевших стаж менее 5 лет, уменьшился в формальной верхушке до 2,7 (с 4,7 в 1860 г.), в неформальной — до 7,8 (с 15 в 1860 г.), а прослуживших менее 5 лет в Сибири в первой группе немного вырос — до 16,7 (15,9 в 1860 г.), во второй — заметно уменьшился — до 21, 6 (с 36, 2 в 1860 г.).

Таким образом, наши наблюдения за составом ближайшего окружения М.С. Корсакова подкрепляются и количественными характеристиками корпуса высшей администрации. В значительной степени он состоял из начинающих службу в крае еще при Муравьеве; обновление кадров хотя и не прекратилось, но явно замедлилось. Надо заметить, что осуществлявшиеся в Европейской России реформы привлекали лучших молодых чиновников на вновь открывавшееся поприще — в мировые посредники, судебные следователи, в земства, — уменьшая их приток в Сибирь. Но для Корсакова, как свидетельствуют его памятные записки, было характерно при появлении очередной вакансии не пытаться найти новых людей, а перебирать и переставлять уже имевшихся¹⁶³.

Прежние сослуживцы, ставшие подчиненными, не только оставались в составе административного корпуса. В первые годы Корсакову приходилось считаться с ними и даже в какой-то степени зависеть от них. По воспоминаниям Б.А. Милютина, относившимся к 1859 г., Корсаков в беседе с ним высказал недовольство тем, что он "вооружил против себя товарищей," за которыми "тянется ряд лиц, приближенных к графу", и высказывал сомнение, что сумеет оградить от них Милютина¹⁶⁴. После дуэли с участником Д.Н. Гурьев обратился к Корсакову с просьбой о заступничестве и при этом заметил: "Вы — человек из Заморья (Забайкалья. — Я.М.), следовательно, без кумовства между нами в глазах иркутской публики"¹⁶⁵. Хотя Корсаков действительно не принадлежал к кружку "золотой молодежи", он решительно поддержал

их и стремился любым путем вывести из-под удара. Эта позиция во многом способствовала ухудшению его отношений с местными либерально-оппозиционными кругами, и ранее не слишком одобрительно к нему относившимися.

По мнению проницательных и просвещенных современников, какой была Е.П. Ротчева — директриса Иркутского Сиропитательного дома и хозяйка либерального салона, Корсаков нередко становился орудием в руках опытных интриганов. "Я видела, — писала она ему уже после отъезда из Сибири, — как трудно начальнику обширного края быть справедливым, когда столько разнородных интересов группируется около них, столько интриг развязывается и завязывается для того, чтобы столкнуть кого или заменить другим. ...Вы видели, каковы были интриги около Николая Николаевича. Неужели Вы думаете, что около Вас нет того же? Ведь это тот же двор, где один толкает другого, и не всегда наилучшие овладевают полем сражения"¹⁶⁶.

Донесения иркутского жандармского штаб-офицера А.А. Дувинга "О лицах, обращающих на себя особенное внимание", до определенного времени не включали имени генерал-губернатора. Но косвенная критика его кадровой политики в них содержалась. Уже в январе 1862 г. Дувинг писал о новом иркутском полицмейстере Н.И. Вакульском: "Человек весьма ловкий, пользуется расположением и теперешнего генерал-губернатора; жена его... имеет влияние на генерал-губернатора; весьма скоро улучшил свою жизнь, не имев прежде ничего"¹⁶⁷. Через два года о Вакульском пишется настоящий донос: "Он... любит чересчур улучшать свою жизнь, громогласно говоря, что без взяток не может жить, а потому брал с каждого ведра вина по 25 коп., а теперь получает по 8 коп. по составленному постановлению для полиции, большой охотник попить на чужой счет. ...Большинство жителей города его терпеть не могут по его нахальству". Правда, причиной безнаказанности Вакульского Дувинг теперь считает его петербургские связи ("все ему проходит от того, что брат жены министра внутренних дел")¹⁶⁸, но попустительство со стороны Корсакова явно подразумевается. Давая отрицательную характеристику иркутскому земскому исправнику П.А. Сиверсу ("человек молодой, не кончивший курса в учебных заведениях... ведет игру не маленькую — и это многих удивля-

ет", плохо управляет округом, неопытный хозяин, и от его неумелых распоряжений крестьяне терпят убыток), жандармский полковник также замечает: "пользуется расположением генерал-губернатора"¹⁶⁹. О начальнике инженеров Восточной Сибири полковнике Рейне Дувинг писал: "Делом совершенно не занимается и все дельные инженеры его не любят... отчетность у него ведется самым бестолковым образом", но он нравился Муравьеву, "пользуется расположением и теперешнего генерал-губернатора"¹⁷⁰.

В то же время безоговорочная защита подчиненных способствовала укреплению среди них авторитета Корсакова. Этому помогали и личные отношения. Так, В.П. Рыкачев писал ему в 1868 г. из Омска: "Михаил Семенович, по общим отзывам, возвысившись до звания генерал-губернатора, не утратил способности сочувствовать нуждам своих страждущих ближних и, по мере сил и возможности, помогать им и улучшать их быт"¹⁷¹.

Корсаков, действительно, одалживал деньги подчиненным, хлопотал о наградах для них, добивался очередного и внеочередного повышения в чинах. Как и в бытность забайкальским губернатором, в отчетах выгораживал недеятельных и, несмотря на не слишком успешные результаты, всячески оправдывал и превозносил действия местного начальства. Корсаков охотно соглашался на удовлетворение мелких, но важных для просителей заявлений. Поэтому многие чиновники относились к нему с искренней благодарностью. Один из бывших сибирских чиновников, начинавший еще при Сперанском, благодарил отставного генерал-губернатора за присылку фотографии в таких выражениях: "Изображение Вашей христиански-благодушной и возвышенно-благородной личности будет, — вместе с рассказами о Ваших милостях, — памятником для детей моих"¹⁷².

В 1863 г. Корсаков испросил чиновникам Восточной Сибири право на сохранение содержания в течение четырехмесячного (а для служащих в Амурской и Приморской областях — шестимесячного) отпуска, если он был сопряжен с выездом в другую губернию. Хлопотал настойчиво, получал отказы, возобновлял ходатайства и доказывал необходимость подобной льготы тем, что ее имеют служащие в крас военные, и тем, что за два месяца (как это разрешалось ранее) можно доехать только до ближайших к Сибири губерний, а далее — лишь с намерением не

возвращаться. Наконец необходимая "для пользы службы, для доставления местному начальству средств замещать должности людьми достойными и более или менее образованными" мера была разрешена. Но при этом было поставлено условие: если чиновник не возвращался из отпуска, то обязан был вернуть полученные деньги¹⁷³. Как заметил один из пострадавших после пресечения давно практиковавшегося способа выехать из Сибири за казенный счет, "опять шаг назад к крепостному состоянию"¹⁷⁴.

Официальное содержание, получаемое средним и тем более низшим чиновничеством, не обеспечивало существования. Отсутствие легальных возможностей решить эту проблему толкало на прямые нарушения законов, наиболее распространенным из которых были "темные поборы" — сборы с населения на содержание местных органов власти, прежде всего волостных писарей и земской полиции. По словам Синельникова, зло это существовало в Сибири с давних времен, а размеры темных поборов достигали (без Амурской и Приморской областей) 677 тыс. руб. в год¹⁷⁵. Синельников был вынужден согласиться с неизбежностью этой практики в условиях дороговизны ("с прекращением темных поборов земская полиция лишится, хотя и незаконных, но необходимых вспомогательных средств к жизни"¹⁷⁶) и возражал лишь против ее размеров и условий: "Если из десятков тысяч рублей, составляющих темные поборы с населения, с ведома начальства, шла значительная доля на обеспечение чиновничества, то, по крайней мере, от него должно требовать полного внимания к благоустройству народа и его нуждам. Наконец, если уже допущенное зло необходимо, то оно должно быть в пределах возможности жить, но не наживать состояний"¹⁷⁷.

В письмах Корсаков неоднократно повторял: "Люди и люди нужны, но хорошие, надежные, опытные люди, а их трудно найти, особенно при том скупом содержании, которое у нас вообще в казенном ведомстве назначается, да сверх того и на чины смотрят, а пустых людей или неопытных добрых малых очень много, да с ними не много сделаешь"¹⁷⁸. В том же духе выдержаны и официальные документы.

Как и Муравьев, он высоко ценил умение справляться с черновой работой, с бытовыми и прочими трудностями. Сообщая о своем намерении отправить прибывшего к

нему пасынка сестры "в Забайкалье на амурские сплавы... в черную работу", он добавлял, что через такую работу "проходит большая часть служащих здесь молодых людей", ибо она "дает возможность человеку показать себя, а начальнику оценить его достоинства"¹⁷⁹.

Отнюдь не во всем он следовал примеру Муравьева. Сохранилось несколько свидетельств о склонности Корсакова не действовать открыто, от своего имени, а ограничиваться устными ("словесными") указаниями подчиненным, уклоняясь таким образом от ответственности. Завалишин утверждал, что именно так было отдано распоряжение о его выселении. Моряк А.И. Петров вспоминал: когда он отказался выполнить устное распоряжение генерал-губернатора буксировать баржи с хлебом, ссылаясь на недостаточную мощность машин своего парохода и требуя официального приказа, то получил характерный ответ, "что приказать невозможного не может, а отвечать не хочет"¹⁸⁰. Нечто похожее ответил Корсаков и своему ближайшему помощнику К.Н. Шелашникову, передав на словах с курьером, "что он не может официально приказать, но пускай Шелашников делает это частным образом". Речь шла о выделении казачьих нарядов на сплавные работы¹⁸¹.

Б.А. Милютин, повествуя о спорах между членами комитета по подготовке проекта реформы ссылки, сетовал, что "в М.С. Корсакове... не находил себе никакой, даже нравственной поддержки. Он уклонялся от личного присутствия в заседаниях, а своего мнения не высказывал"¹⁸². Подобный же упрек содержался в письме В.Н. фон Клингсберга, пытавшегося защитить интересы населения Минусинского округа от недобросовестных чиновников и покровительствовавшего им П.Н. Замятнина. Проезжавший в 1863 г. через Красноярск Корсаков встретился только с губернатором; тех, кто пытался вручить ему свои жалобы, к нему не допустили. В губернии говорили, что и его запугал "авторитет фамилии Замятниных"¹⁸³.

В оправдание Корсакова следует отметить, что все подобные свидетельства относятся ко времени после бакунинской истории. Но то обстоятельство, что за всю свою предшествующую службу он практически не занимал самостоятельного поста — даже в должности забайкальского губернатора он находился под патронажем

Муравьева, — не могло не наложить отпечатка на его административную деятельность.

Мягкость Корсакова с подчиненными уже отмечалась. Иногда он даже допускал бесцеремонное с собой обращение. Е.И. Рагозин в письме к нему вспоминал: "Я говорил и действовал с резкой откровенностью, а Вы вместо того, чтобы удалить меня, обратили свое внимание", "Вы дали мне свободу говорить и действовать"¹⁸⁴. По воспоминаниям Б.А. Милютина, член Совета ГУВСа В.Д. Карпов не только регулярно выманивал у Корсакова деньги, проигрывавшиеся затем в карты, но и "дозволил себе дерзкие действия относительно Корсакова при свидетелях и... пользуясь от него денежными субсидиями, за спиной — ругал его". Хуже было другое — Карпов "убедил Корсакова в необходимости обречивать Якутскую область, получил это поручение, а с тем вместе и немалое денежное довольствие на поездку; но вслед за тем ревизия была отменена, так что Карпову не пришлось выехать из Иркутска. Тем не менее полученных денег он не возвратил"¹⁸⁵.

Весьма неровными были отношения с Б.К. Кукелсм — начальником штаба войск и вторым лицом в военной иерархии, любимцем Муравьева и приятелем Бакунина. В начале ноября 1862 г. у жены Н.А. де Траверсе было изъято письмо Бакунина к Кукелю, из которого стало ясно, что они поддерживают дружескую переписку. При рассмотрении дела в специальной комиссии Александр II высказал мнение, что Кукель не может оставаться начальником штаба¹⁸⁶, но Муравьев-Амурский ходатайствовал за Кукеля перед военным министром Д.А. Милютиным. Ситуация осложнялась также польским происхождением Кукеля и общим недоверием к полякам после восстания 1863 г. Кукель был все же освобожден из-под следствия и оправдан. В 1866 г. он принял самое активное участие в подавлении восстания поляков на Кругобайкальском тракте и получил орден Св. Станислава 1-й степени "в награду отлично-усердной службы и благоразумных распоряжений его по прекращению беспорядков, возникших между арестантами из поляков"¹⁸⁷.

Но во время всей этой истории Корсаков не поддерживал Кукеля и, как писал Бронислав Кукель, младший брат начальника штаба, последнему "пришлось переживать тяжелые передрыги и остаться без поддержки тех, которые должны были его поддерживать"¹⁸⁸. Повс-

едение Корсакова вызвало резкое осуждение друзей Кукеля. Так, П.А. Кропоткин записал в дневнике после упоминания о приезде А.М. Дадсшкелиани с известиями о благополучном исходе дела и скором приезде Корсакова: "Вот человек высказался во всей подлости! Теперь, когда все замаслилось, он пишет Кукелю, чтобы тот взял себе на рассмотрение новое казачье положение, а два месяца продержал человека в полной неизвестности, что с ним хотят сделать, за что и в чем он виноват". В оправдание Корсакова можно заметить, что в это время и сам он не был уверен в своем дальнейшем пребывании на посту генерал-губернатора — шло разбирательство в связи с побегом Бакунина и обвинениями Завалишина и, по словам того же Кропоткина, пока назначенная для этого "комиссия занималась расследованием, государь не говорил, не замечал Корсакова"¹⁸⁹.

С самим Кропоткиным, по воспоминаниям М.И. Венюкова, генерал-губернатор, несмотря на оказанный тому первоначально радушный прием, расстался не лучшим образом упомянув в своих корреспонденциях с Амура о ревизии генерал-адъютанта Лутковского, Кропоткин, как пишет Венюков, навлек на себя грозу и должен был оставить службу в Восточной Сибири¹⁹⁰. На самом деле разговор с Корсаковым, в котором было сделано замечание, "что нельзя же писать вес, что знаешь"¹⁹¹, состоялся в январе 1864 г., а отъезд Кропоткина из Сибири произошел значительно позже и был вызван совсем другими причинами.

Тем не менее, Венюков точно подметил неприязнь Корсакова к строптивым подчиненным, смевшим отстаивать собственное мнение, шедшее вразрез с позицией начальства. Молодые выпускники университетов, приехавшие в Сибирь в конце 50-х годов и поддерживавшие оппозицию во время иркутской дуэли, оказались в опале. Один из них, И.Д. Подлссный, подал в 1860 г. "отзыв" на имя генерал-губернатора, в котором высказался против порядков в Восточной Сибири, "где так много произвола, развившегося вследствие расширения круга властей, основанного на родственных связях и протекции" и заявил, что он "лишний там, где сильно вкореняется убеждение, что народ и все существует для известного круга начальников"¹⁹². Но порядки при Корсакове были все же весьма либеральные, и после такой дерзкой выходки молодой чиновник был всего лишь уволен.

Общее положение в Восточной Сибири и характер отношений ее высшего начальства с подчиненными иначе оценивал более опытный А.М. Дадешкелиани — бывший ссыльный, оказавшийся в Сибири после того, как его старший брат Константин, владетельный князь Сванетии, получил приказ оставить Сванетию и, оскорбленный, в исступлении убил генерал-губернатора князя А.И. Ггарина. Сам К.М. Дадсшкелиани был расстрелян, а его младшие братья сосланы: Александр — в Иркутск,¹⁹³ с зачислением в казаки, а остальные — в Варшаву¹⁹³. Назначенный мировым посредником в Нерчинский горно-заводский округ, князь А.М. Дадешкелиани способствовал наделению крестьян большим количеством земли, чем это предполагалось высшей администрацией. В 1862 г.¹⁹⁴ он предупредил Шелгуновых о готовящемся их аресте¹⁹⁴. Получив при помощи Корсакова разрешение перейти на службу в Европейскую Россию, он в благодарственных письмах писал о резком контрасте между порождением прошлыми обстоятельствами недоверием высших властей и постоянным расположением, добрым вниманием и теплым участием Корсакова¹⁹⁵. Дадешкелиани утверждал, что в Сибири больше возможностей служить идеалам добра, лучше обстановка и характер отношений между сослуживцами.

С переменами в жизни страны и в управленческие структуры проникали новые люди и новые настроения. В тоже время сохранялись прежние деления административного корпуса на военных и штатских, образованных и необразованных, приезжих и сибиряков и т.д.

В начале 1860-х гг. в кругах высшей администрации Восточной Сибири сложилась новая группа, отличавшаяся не столько по указанным основаниям, сколько по мировоззрению и образу жизни. Молодые выпускники военных учебных заведений и университетов, приезжавшие на службу в Восточную Сибирь, привозили из столиц модные радикально-социальные идеи и свойственные кругам исповедовавшей их молодежи нормы поведения. В эту группу входили и дворяне, в том числе родовитые, как князья П.А. и А.А. Кропоткины, и сибиряки-разночинцы, как Н.М. Павлинов, и военные, как те же Кропоткины или офицер для особых поручений при генерал-губернаторе есаул Н.С. Лавров, и штатские, как минусинский окружной начальник В.Н. фон Клингенберг. К

группе примыкал и А.М. Дадешкелиани, и — до известной степени и до известного времени — Б.К. Кукель.

Входившие в нее люди отличались честностью, искренним стремлением служить интересам страны и народа, умением и готовностью использовать внеслужебные методы деятельности — например, участие в периодической печати и литературных вечерах. Поручения "литературного характера" стали обычными для молодых образованных чиновников и офицеров. Они поддерживали тесные дружеские контакты и заметно отличались способами поведения досуга. Вот как вспоминала о вечерах в доме Павлиновых В.С. Чайковская (сестра С.С. Лавровой и будущая жена А.А. Кропоткина): "Пели разные студенческие песни, вели интересные беседы на литературные и общественные темы, и нас угощали мороженым и шампанским. Мы попали в атмосферу столичной студенческой жизни". Подобные интересы и занятия не были впервые привезены в Иркутск Кропоткиными. В своих мемуарах В.С. Кропоткина отмечала, что, "несмотря на институтское воспитание и отдаленность от столиц... мы не отстали от современного нам течения мысли". Еще до знакомства с Кропоткиными сестер Чайковских «окружали товарищи брата по Иркутской гимназии, только что окончившие университет, были доктора, юристы, дипломаты и другие молодые люди. Один доставлял нам "Русское слово", где помещались статьи Писарева, роман Чернышевского "Что делать?" и разные публицистические статьи. Другой читал нам вслух Щедрина и комментировал его¹⁹⁶. ...Велись разговоры и споры на общественные темы»¹⁹⁶.

У передовых людей, находившихся на государственной службе, новым было не только бытовое, но и служебное поведение. В.И. Мерцалов вспоминал, как "несколько молодых людей с университетским образованием" были назначены прогрессивным кяхтинским градоначальником А.И. Деспот-Зсновичем на "важные, не по классу, а по значению, должности" и старались "поступать по правде" и пресекать распространенные и вошедшие в обычай злоупотребления¹⁹⁷.

Конечно, этих людей выдвигала эпоха, они были востребованы не столько начальством, сколько временем. Но не случайно и Деспот-Зснович привлекал образованную современную молодежь на заметные должности, и Ку-

кель не случайно именно Кропоткину поручил работать в комитете по подготовке реформы ссылки¹⁴⁸.

Особняком стояли чиновники образованные, либерально настроенные, но чуждые оппозиционным идеям, — например, добросовестно служившие В.А. Ксйкуатов, Б.А. Милютин. Они привлекались, когда в них возникала потребность, — для работы над проектами или статьями, — но особым покровительством не пользовались и значительной карьеры не сделали.

По-прежнему тяготясь канцелярской работой, Корсаков ценил людей, способных избавить его от нее. Может быть еще и поэтому весьма влиятельной при нем была группа канцелярских дельцов. Это небольшое число старых служаков, начинавших еще при Руперте (Н.Ф. Кокорин, П.П. Сукачев), и сравнительно новые люди, чья карьера пришлась на муравьевское и корсаковское времена (Д.Р. Большаков, А.Д. Лохвицкий). Они, как и П.М. Куртуков, А.С. Савинский, Н.К. Эрн, И.Г. Яковенко и др., были уроженцами Сибири или прослужили в Сибири по много лет (Корсаков усвоил муравьевскую склонность высоко ценить "знакомство с здешним краем"¹⁹⁹), не имели высшего образования, но располагали большим опытом и приобретенными на практике знаниями. Не отличаясь самостоятельностью суждений и особыми претензиями, они и на значительных должностях тянули канцелярскую ляжку. Это были добросовестные служаки, не слишком честолюбивые, но сумевшие сделать весьма успешную карьеру. Подобные люди составляли костяк корсаковской администрации.

Наиболее близки к генерал-губернатору были военные администраторы — Н.В. Буссе, Н.П. Дитмар, В.П. Дс Витте, А.М. Линдсн, И.К. Педашенко, А.С. Сгибнев, Н.Г. Шульман, К.Н. Шелашников. В их биографиях немало сходства: военное учебное заведение, служба в армии или на флоте, в том числе почти обязательно — адъютантом или офицером для поручений, личная дружба или долгая совместная служба с Корсаковым. Именно они добились наибольших служебных успехов — пятеро стали военными губернаторами, Шульман — окружным интендантом.

В корсаковском окружении практически отсутствовали люди из числа столь отличавшихся Муравьевым "сибирских самородков". Вероятно, предпочтение генерал-губернатором и его приближенными армейцев ка-

защым зауряд-офицерам послужило одной из причин многих лишних тягот для населения, отмечавшихся П.В. Белокопытовым и Р.К. Богдановым.

Тем не менее П.А. Кропоткин дал в своих мемуарах весьма лестную для Муравьева и Корсакова общую оценку: "В 1862 году высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной и в общем гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России"²⁰⁰. По его мнению, она "имела самые лучшие намерения... состояла она во всяком случае из людей гораздо лучших, гораздо более развитых и более заботившихся о благе края, чем остальные власти в России". Однако, замечал в заключение Кропоткин, "все же то была администрация — ветвь дерева, державшегося своими корнями в Петербурге. И этого вполне было достаточно, чтобы парализовать все благие намерения и мешать местным самородным проявлениям общественной жизни и прогресса"²⁰¹.

ОТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ ОБЩЕСТВОМ

Серьезной заботой генерал-губернатора оставался унаследованный от Муравьева конфликт с местными либерально-оппозиционными кругами. Начало ему положил протест в связи с иркутской дуэлью, о котором уже говорилось во второй главе. Корсаков писал матери в январе 1860 г.: "Мне приходится по возможности подтянуть, а это, хотя и с моим характером (как говорят, деспотическим), нелегко. Здесь много всяких дрызг и сплетен, которые надо заставить замолкнуть"²⁰². Именно он принимал репрессивные меры в отношении лидеров оппозиции: выслал Пстрашевского в Енисейскую губернию, пытался выслать Львова и Завалишина из Восточной Сибири ("хорошо бы было скорее всем им подальше дорогу сделать от Иркутска, — писал он Муравьеву, — хотя бы полным для них прощением"²⁰³). Он рекомендовал перевести Е.П. Ротчсву, которую подозревали в том, что она была автором статьи о дуэли в "Колоколе", директрисой женской гимназии куда-нибудь в Европейскую Россию, так как она "для Сиропитательного дома слишком образованна"²⁰⁴. По утверждению корреспондентов Завалишина, Корсаков запретил чиновникам посещать частную библиотеку М.П. Шестунова, заявив, что

"это сборище разбойников, которых надобно повесить"²⁰⁵. Подобные меры, по мнению генерал-губернатора, "несколько освежили публику иркутскую", но, как он писал, оставалось "много сше мелкой грязи, с которой Николай Николаевич никогда не возился, а представлял председательствующему (в Совете Главного управления. — *Н.М.*) и которую надо очистить"²⁰⁶. Весь 1860 г. он провел "в осадном положении", чувствуя, что "каждый прием должен быть готовым к какой-нибудь энергической мере"²⁰⁷. Правда, из Сибири уехали или были удалены и лидеры противоположной стороны: Беклемишев, Анненков, Гурьев (сначала он был освобожден от должности иркутского исправника и отправлен на Амур, а затем по прошению уволен от должности), так же по прошению был уволен и полицмейстер Сухотин²⁰⁸.

Как вспоминал Вагин, "это было время критического отношения к администрации. Всякая мера, всякий поступок се подвергались серьезному и строгому обсуждению. Особенно чутко относилось общество ко всему, что казалось попыткой нарушить его права и вторгнуться в область его деятельности"²⁰⁴. В тех же воспоминаниях запечатлена одна из случавшихся тогда сцен: члены Сибирского отдела ИРГО высказали недовольство попытками Корсакова продолжить принятый при Муравьеве порядок прямого распоряжения генерал-губернатором деятельностью Отдела. Оппозиционные настроения были столь сильны, что хотя высказанное Корсаковым "мнение, что отделу следует выработать план своих действий", "было совершенно разумным и справедливым, но в собрании поднялся такой несочувственный ему говор, что Корсаков замолчал и вопрос о выработке плана более уже не возобновлялся"²¹⁰.

Корсаков не был сторонником свободы печати (Муравьев так и писал ему: "Я люблю гласность, в этом мнения наши с тобой всегда не схожи"²¹¹), но понимал возможности печатного слова. С 1860 г. изменился состав редакции и направление "Иркутских губернских ведомостей" — редактором ее неофициальной части вместо М.В. Загоскина был назначен вполне благонадежный чиновник М.Н. Масловский, при котором газета в течение буквально считанных недель превратилась в обычный оффициоз. Хотя В.А. Должиков и числит Масловского не только знакомым, но и единомышленником М.А. Баку-

нина²¹², карьера и служебная деятельность этого чиновника не позволяет согласиться с подобным утверждением.

В первом же номере, подписанном новым редактором (№ 4 за 1860 г.) появилась резкая рецензия на "Местное обозрение" частной газеты "Амур", принадлежавшее перу М.В. Петрашевского. Автор рецензии почти не касался существа затронутых Петрашевским вопросов, в том числе оценки им деятельности администрации, а ограничился упреками в тяжеловесности стиля и обилии архаизмов. Заканчивалась рецензия явно инспирированной "рекомендацией": заменить местное обозрение статьями об Амурском крае. "Иркутские губернские ведомости" с этого времени наполняются неумеренными восторгами в адрес Муравьева, статьями узкоспециального характера, ни малейших обличений больше не помещается. Редакция открыто заявила о своем отказе от прежней линии и о новом направлении газеты²¹³, которая теперь стала использоваться администрацией главным образом для полемики с Завалишиным.

Место "Иркутских губернских ведомостей" в общественной жизни заняла газета "Амур", куда вслед за петрашевцами и Загоскиным перешли почти все прежние сотрудники "Иркутских губернских ведомостей". История этого издания обстоятельно изложена в статье Б.Г. Кубалова²¹⁴, там же рассказано и о гонениях на газету со стороны восточносибирской администрации во главе с Корсаковым. Но гонениям предшествовала и сопутствовала попытка использовать газету в собственных интересах.

Еще в 1857 г. Н.А. Спешнев предложил забайкальскому губернатору М.С. Корсакову указать редактору "Иркутских губернских ведомостей" (а им был тогда сам Спешнев), "на какие бы предметы... желательно бы было, чтоб было обращено внимание... в каком например духе, с какой точки зрения был бы отделан известный предмет"²¹⁵. Теперь эти советы пригодились. Уже в декабре 1859 г. Д.Р. Большаков, старший советник Забайкальского областного правления, т.е. ближайший и непосредственный подчиненный Корсакова по его должности забайкальского губернатора, посылал в "Санкт-Петербургские ведомости" возражения на статьи Завалишина. Тогда они не были напечатаны. В августе 1860 г. он сообщал Корсакову, что подготовил новую статью с опровержением очередных сочинений Завалишина. Слова "я замедлил с этойю статьею целым месяцем, так как письмо Ваше я

получил 20 июля"²¹⁶ позволяют утверждать, что инициатива в попытке вести печатную полемику принадлежала генерал-губернатору. О заказном характере сочинения Большакова говорит и просьба, содержащаяся в приписке, — дать знать, "в каком журнале или газете будет напечатана моя статья, чтобы туда же посылать и дополнения"²¹⁷.

И в "Амуре" под давлением администрации начали печататься статьи, направленные против Завалишина — такова была, например, статья В.Д. Карпова (1860 г., № 24), в которой, по словам Завалишина, собраны были против него "всевозможные ложь и клеветы"²¹⁸. Мягче, но в том же духе отзывался о ней Ф.Н. Львов. Карпов, по его словам, "старается подорвать доверие публики к г. Завалишину, представляя его орудием завистников, человеком неблагонамеренным, злым"²¹⁹. Статья появилась против желания редактора и издателей газеты, "но всеобщее негодование, каким встречены были и такие действия Карсакова, и сам лично Карпов" побудили Карпова публично (с разрешения Корсакова) в той же газете принести извинения²²⁰.

Гонения на гласность и преследования пытавшейся встать в какую-либо оппозицию печати не означали курса на отказ от использования печатного слова. Корсаков мог пригрозить издателям и редактору "Амура", что запретит печатать их газету в казенных типографиях, — а других в Иркутске не было, так что это стало бы фактическим запрещением газеты. Мог в письме к Муравьеву предложить вовсе закрыть ее, и "пусты бы все пропадали со своим умничаньем и галиматей"²²¹. Но он же поддержал ходатайство забайкальского губернатора Жуковского о разрешении П.Г. Савенко издавать "Забайкальский листок", находя издание "весьма полезным, особенно при отсутствии губернских ведомостей"²²². Вполне благожелательно отнесся Корсаков к предложению Н.С. Шукина приступить к изданию литературно-критического журнала "Сибиряк"²²³. Поддерживал он и издательские инициативы Б.А. Милютина, сожалея лишь о его непрактичности в финансовом отношении²²⁴.

Преследуя тех, кого считал виновным, Корсаков мог быть суров, но старался не допускать излишней жестокости. Так, он ограничился замечанием Вагину за "неуместные суждения, допущенные им в просьбе" о разрешении открыть частную библиотеку в Иркутске в 1862 г.

В своем прошении отставной коллежский ассессор жаловался, что губернатор отказал в удовлетворении его просьбы, сославшись на то, что имеющаяся публичная библиотека удовлетворяет потребности желающих. "Право судить о том, нужно ли для публики то или другое торговое заведение, — утверждал Вагин, — принадлежит торгующим и самой публике... а не начальству"²²⁵.

В письмах к родным Корсаков одобрял действия М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае: "Дядя Михаил Николаевич поступает как истинно русский, преданный своему Отечеству, а что меры его круты, то без этого ничего не сделал бы, я его уважаю вполне"²²⁶. По утверждению Завалишина, Корсаков прислал со своим адъютантом словесное приказание временному губернатору арестовать его за "возмущение идущих на Амур вольных переселенцев". Однако в конце концов Завалишин не только не был арестован, но его высылка в Москву в 1864 г. осуществлялась на казенный счет и в сопровождении приставленного для услуг казака²²⁷. И тот же Корсаков, как писал Ф.Н. Львов Д.И. Завалишину, не утвердил решение губернского суда, который подозревал М.П. Шестунова "в способствовании распространению ложных слухов по нескончаемому делу Беклемишева и компании" и ограничился увольнением в отпуск выступившего против губернского суда (в связи с тем же делом) его члена Ольдекопа²²⁸.

Таким образом, политика генерал-губернатора Восточной Сибири в отношении местного общества и его печатных органов вполне соответствовала эпохе реформ с характерными для нее колебаниями и стремлением допускать и использовать гласность в интересах власти.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вся административная деятельность М.С. Корсакова может быть с известной долей условности разделена на несколько направлений — это было продолжение начатого при Муравьеве, новые дела, продолжавшие муравьевский курс, попытки осуществить нечто, соответствовавшее духу нового времени — духу Великих реформ, и, наконец, меры, предпринимавшиеся не в порядке инициативы, а в качестве реакции на происходившие в крае события — будничная, текущая, рутинная работа.

Сам М.С. Корсаков был уверен, что его главная задача — "как следует продолжить и кончить начатое Николаем Николаевичем"²²⁹. Продолжателем муравьевских дел видели его и окружающие — при противоположном к нему отношении. Так, С.Г. Волконский писал Корсакову: "Вы достойный преемник Николая Николаевича и заслуженно будете делить с ним в скрижалях отечественной жизни славу великого мероприятия"²³⁰. А Ф.Н. Львов сообщал Герцену: "Говорят, Муравьев уезжает, но оставляет свою креатуру — Корсакова, человека с весьма ограниченным умом и сухим сердцем. Бедная Восточная Сибирь!"²³¹.

М.С. Корсаков действительно унаследовал от Н.Н. Муравьева и основные направления своей практической административной деятельности, и главные проблемы, как приоритеты, так и трудности.

В продолжение муравьевского курса он пытался подчинить генерал-губернатору все оставшиеся вне его компетенции местные отрасли управления. Так, он имел намерение подчинить директора таможни не Министерству финансов, а губернатору; та же идея была заложена в предложении назначить особого члена Совета Главного управления на правах почтового инспектора с подчинением почтовой части главному местному начальству ("как на Кавказе")²³². В 1863 г. Корсаков представил "проект общего для всей Сибири медицинского учреждения, в котором предполагалось сосредоточить заведение, и военной, и гражданской медицинской частью края"²³³. Ту же задачу усиления власти генерал-губернатора должны были, хотя и попутно, решить и другие преобразования. Местная администрация по-прежнему аргументировала необходимость подобных мер отдаленностью края и региональными особенностями, хотя в других случаях, как мы увидим ниже, она была склонна нивелировать эти отличия.

Но на первом плане по-прежнему оставалась задача колонизации Амура. Именно знание всей предыстории и намеченных Муравьевым путей осуществления "амурского дела" тот считал самой сильной стороной своего избранника и преемника и так и писал Корсакову: "Дело Амурское никто лучше тебя продолжать не сумеет"²³⁴. В течение нескольких лет в ежегодных всеподданнейших отчетах генерал-губернатора по управлению Восточной

Сибирью имелся специальный раздел "Ход колонизации Амурского края".

В отчете за 1860 г., — первом, подписанном Корсаковым как исправляющим должность генерал-губернатора, — развитие нового края и особенно его перспективы рисуются самыми радужными красками. На первых страницах доказывается возможность переселения на Амур колонистов из Северной Америки — чехов и словаков. Этот проект, инициатором и горячим сторонником которого был чиновник особых поручений при амурском губернаторе А.И. Малиновский (племянник И.И. Пущина), специально ездивший в Америку, обсуждался в административных кругах Восточной Сибири несколько лет. Он строился на попытке привлечь к колонизации "народ в высшей степени трудолюбивый", который должен был передать русскому населению "познания в усовершенствованном хозяйстве", и вместе с тем родственный, понимающий Россию "как родную им землю"²³⁵. Идея использования славян-колонистов родилась при Корсакове и в его окружении, хотя и при поддержке Муравьева. Следующий же тезис отчета — о неизбежности использования казачества при колонизации Амура — с самого начала отстаивался Муравьевым. В отчете 1860 г. это объяснялось необходимостью "соединить задачу занятия новой страны прочным и оседлым заселением с задачей военного охранения всей заселяемой линии"²³⁶.

Содержание сжатого очерка истории первоначальных действий на Амуре показывает, что его составители учитывали критику действий местной администрации, в том числе и содержащуюся в обличительных статьях Завалишина. Явное стремление оправдаться звучит в подробном объяснении причин, вынудивших перейти к военно-административным методам. Еще одно обстоятельство, нуждавшееся в объяснении и оправдании (и нашедшее то и другое в отчете), — поспешность и непродуманность действий. "Постепенность в этом важном и трудном деле в самом начале его была невозможна, — утверждали авторы отчета. — Нужно было разом занимать, заселять и укрепляться на всем огромном протяжении Амура"²³⁷. Вполне уместным и даже убедительным выглядят и напоминание о военных действиях на Дальнем Востоке во время Крымской войны, и указание на последовавшее в самом начале колонизации Амура распространение этого процесса на новую территорию — Уссурийский край.

"Все административные и материальные способы, направленные для устройства заселения Амурской линии, имеющей до 3000 верст протяжения, пришлось разделить и в то же самое время открыть подобную же деятельность на протяжении новых 800 верст, для занятия и заселения реки Уссури и всего пространства до юго-восточных гаваней наших"²³⁸. Заявление, что "все заботы о заселении, снабжении и вообще устройстве страны" легли на плечи одной Восточной Сибири с ее ограниченными средствами, также выглядит вполне убедительным.

Медленное развитие экономики на новых территориях объясняется "нерациональностью системы действий, вынужденных необходимостью"²³⁹. Признается преимущество частной инициативы: "Пример всех стран, вновь занимаемых, и в особенности пример колонизации Нового Света показывает, что дело это требует громадных средств нравственных и материальных, возможных только для частной предприимчивости, которая нашла бы в этом свои выгоды и вознаграждения"²⁴⁰. Четко и внятно формулируется мысль о взаимосвязи хода колонизации Амурского края с решением крестьянского вопроса: "Вопрос заселения страны и внутренняя предприимчивость подвинутся... разрешением поземельной собственности в Амурской стране и исходом крестьянского дела"²⁴¹.

Представители восточносибирской администрации неоднократно отмечали, что к ним поступает множество прошений от крестьян из внутренних губерний России, желающих переселиться на Амур, и что свободному переселению мешает главным образом прямое противодействие местных властей. В 1860-е гг. среди крестьян некоторых губерний даже появились слухи о привольных условиях жизни на Амуре, вызвавшие своеобразное движение: крестьяне распродавали имущество и собирались в путь. Подобные действия были пресечены²⁴². Недостаток средств, вынудивший правительство вовсе прекратить их отпуск на эти цели, сделал невозможным переселение не только из внутренних губерний, но и из обжитых районов самой Восточной Сибири. А мысль о колонизации Амура силами старообрядцев Верхнеудинского округа казалась местному начальству очень привлекательной. Корсаков, как и другие сибирские администраторы, высоко ценил эту категорию своих подданных ("очень славные хлебопашцы и русские, только не тронь их веры", — писал он Игнатьеву²⁴³). Прекращение правительственных субсидий

беспокоило Корсакова. Он писал матери, что последние петербургские распоряжения отняли средства продолжать устраивать Амурский край, и это его очень заботит²⁴⁴.

Своеобразный выход был найден в открытом нарушении закона. Преемник Корсакова Н.П. Синельников указывал, что его предшественники позволяли себе показывать по отчетам число служащих казаков большим, чем оно было на самом деле. Полученные от этой операции казенные деньги — более 30 тыс. руб.²⁴⁵ в год — тратились на содержание почт, школ, лазаретов²⁴⁶. Однако это создавало почву для злоупотреблений.

В отчете за 1862 г. были подведены первые итоги колонизации. Авторы отчета справедливо указывали на трудности, которыми в течение первых пяти лет сопровождалось переселение, и отмечали, что "последовательно прибывавшие переселенцы должны были напрягать все усилия свои единственно к тому, чтобы освоиться с климатическими условиями края, обеспечить себя помещением, и по прошествии двух льготных лет и в необходимых средствах к существованию"²⁴⁶. Многие из сделанного можно было бы поставить в вину прежней администрации, но сохранение преемственности в управлении краем вынуждало оправдывать действия Муравьева. Именно поэтому к числу "случайных обстоятельств", затруднивших процесс освоения нового края, были причислены, наряду с наводнениями, и "не совсем удачный в некоторых случаях выбор местностей для заселения"²⁴⁷. Но выбор неудобных мест часто был обусловлен стремлением правительства обеспечить сообщение по Амуру, для чего требовалось "непременное заселение пустынного пространства от Хабаровки до низовьев Амура"²⁴⁸.

К неудачным административным мерам Корсаков отнес назначение в помощь переселенцам-казакам солдат, "только что перечисленных в то время в казаки из гарнизонных батальонов внутренних губерний", — т.е. печально знаменитых "сынков" (такое прозвище штрафованные получили потому, что их прикрепляли к казачьим семействам на правах приемных сыновей). Этот шаг современники почти единодушно считали одним из наиболее неудачных мероприятий муравьевской администрации²⁴⁹. Корсаков в своем отчете, основываясь на оценках амурского и приморского губернаторов, был вынужден указать на его "весьма невыгодные последствия". "Не заинтересованные в быстром доставлении вверенного их попечению

чужого имущества и скота, — отмечал генерал-губернатор, — они к тому же и не могли предвидеть всех последствий позднего их прибытия, а потому весьма неохотно переносили неразлучные при этом долгом плавании труды иплыли очень медленно, несмотря на понуждения со стороны начальствовавших сплавом лиц²⁵⁰.

Корсакову пришлось довольно подробно изложить свое отношение к ходу колонизации и признать многие ее недостатки в ответах на обвинения Завалишина.

Статьи и письма бывшего декабриста были собраны в четырех ведомствах: в Министерстве народного просвещения, курировавшем неправительственные издания и цензуру, в Военном министерстве, которое издавало "Военный сборник", в Морском министерстве, в чьем ведении находился "Морской сборник", и в III отделении, где были сосредоточены материалы перлюстраций. Суть предъявленных администрации края обвинений, за исключением личных претензий, сводилась к тому, что колонизация Амура сопровождалась неоправданными жертвами, успехи ее преувеличивались местными властями, насильственное переселение казаков оказалось гибельным для Забайкалья и особенно Нерчинского края, выбранные начальством места для поселений оказались непригодны для жизни, линия русских поселений на Амуре неоправданно растянута, ее оборона слаба, почтовые сообщения неудовлетворительны и т.д.²⁵¹.

В "Записке исправляющего должность генерал-губернатора Восточной **Сибири** по поводу осуждения местной правительственной деятельности в деле устройства и заселения Амурского края" давались объяснения чуть ли не по каждому обвинению. Корсаков был вынужден признать "незначительные" неудачи: "Трудное и многосложное дело приобретения и заселения Амурского края не могло не соединяться с временными неудачами и неразлучными со всяким обширным правительственным делом ошибками". Разумеется, это признание сопровождалось попыткой оправдаться тем, что неудачи происходили "не от злоупотреблений или умышленных упущений... а преимущественно от местных обстоятельств, не зависящих от воли человека, предвидеть и предупредить которые было весьма трудно и даже невозможно, в особенности при ограниченных средствах, находившихся в распоряжении главного местного начальства"²⁵².

Корсаков утверждал, что, несмотря на трудности и ошибки, "главные цели правительства в отношении Амура уже достигнуты": граница закреплена дипломатически, шесть батальонов гарантируют ее и фактически; цепь поселений обеспечивает сообщение по всему протяжению Амурского края; правительственное переселение закончено, ²⁵³начинает развиваться собственное хозяйство переселенцев²⁵³.

Объяснения были признаны удовлетворительными.

Некоторые из них представляют интерес и для понимания административной политики Корсакова. Так, доказывая неизбежность использования нерациональной системы казенных сплавов, он указывал на попытку отказать в 1857 г. заготовление и сплав продовольствия на основе открытых торгов в частные руки и писал, что этот "неудачный опыт показал на деле, в какой степени непрактично в Восточной Сибири применение общепринятой подрядной системы". По его мнению, отсутствие конкуренции в сибирском торговом мире и привычка местных купцов к огромным прибылям ведут к росту издержек при отдаче сплавов и заготовок в частные руки. К тому же неудача или "неисправность" подрядчиков может привести к гибели поселений. Сплавы и заготовления на казенные средства и силами чиновников Корсаков считал надежнее и эффективнее. Выбор места для поселений также нельзя было предоставить самим переселенцам в силу необходимости обеспечить сообщение по Амуру. Впрочем, дальнейшее переселение, по мысли Корсакова, должно было быть добровольным и самостоятельным, ибо для этого уже подготовлены условия²⁵⁴.

Таким образом, при решении амурского вопроса М.С. Корсаков, как и Н.Н. Муравьев, признавая полезность и прогрессивность частной инициативы и свободного заселения, был вынужден прибегать на практике к военно-административным методам колонизации. Впрочем, у восточносибирской администрации не было реальной возможности своими силами решить вопрос о вольнонародной колонизации.

По-прежнему среди множества дел генерал-губернатора особняком стоят заботы об экономике, в том числе о "продовольствовании народа". В письмах Корсакова родным неизменны рассуждения о неурожае и наводнениях, о сахалинском каменном угле и голоде на Камчатке, о поисках золота на Амуре, о нехватке денег и т.п. "С тех

пор, как я губернатором, — вырывается у него однажды, — каждое лето и к осени находишься в тревожном положении об урожае"²⁵⁵. В связи с неурожаем в Забайкальской области в 1862 и 1863 гг. генерал-губернатор распорядился выдавать крестьянам хлеб из экономических магазинов не только в тех местностях, где "выказался недостаток хлеба, но и из магазинов других местностей", и просил правительство разрешить рассрочку платежа крестьянами недоимок"²⁵⁶.

Наряду с традиционными подходами к решению экономических проблем предлагаются и новые, отвечавшие духу эпохи реформ, подчеркивается значение конкуренции и частной инициативы.

"Отсутствие обязательного труда и тех препон, которые происходят от политического разделения жителей на привилегированные и непривилегированные сословия" позволяло, по мнению авторов отчета за 1861 г., надеяться на успешное развитие края"²⁵⁷. Препятствовавшими этому факторами были названы "отсутствие деятельных сношений" с внутренними российскими губерниями, что, "помимо вредного влияния на промышленность края, производило застои в умственных понятиях сибирского народонаселения"²⁵⁸. Если в отчетах и ранее отмечались объективные причины, слабости экономики края — такие, как малочисленность населения и его разбросанность на огромных пространствах, то теперь появились и иные объяснения, ставшие возможными только в новую эпоху: "Незначительность сбыта, а вследствие этого отсутствие конкуренции, в связи с трудностью сообщений, порождая монополию, имеет вредное влияние на самое качество производства"²⁵⁹.

Необходимо отметить, что высказывания в пользу конкуренции встречались у Корсакова и в начале сибирского периода его жизни. Так, в дневниковой записи за август 1850 г. содержится пересказ спора с камчатским губернатором В.С. Завойко. Последний стремился к понижению цен на привозимые на Камчатку товары и с этой целью предлагал устанавливать в качестве обязательной самую низкую из предлагаемых торговцами цен. Возражения Корсакова сводились к тому, что подобная мера может привести к вытеснению более сильными экономически американскими торговцами и Российско-Американской компанией небогатых русских купцов и установлению

монополии, от чего пострадает то самое население, о благе которого заботится губернатор Камчатки"²⁶⁰.

Сравнительно новым моментом стало настойчивое подчеркивание в ряде отчетов особого значения металлургии. Именно недостаток железа, по мнению местных властей, был одной из причин отставания экономики края — из-за этого не применялись новые, усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, не развивалась обрабатывающая промышленность. Но ни обращение в Министерство финансов для организации казенного производства, ни попытка заинтересовать собственника Нерчинских заводов — Кабинет — в устройстве чугуноплавильного и железоделательного завода в Газимурском успехом не увенчались. Тогда "генерал-губернатор, в сознании настоятельной необходимости возможно скорейшего развития местного железного производства, счел своей обязанностью употребить все зависящие от него меры к привлечению частных капиталистов на столь важный для благосостояния и военной охраны края предмет и с этою целью командировал в Европейскую Россию доверенное лицо для привлечения благонадежных капиталистов"²⁶¹. Этим доверенным лицом оказался адъютант М.Р. фон Стенбок. В письмах из Петербурга он сообщал, что ни министр финансов, ни министр двора, от позиции которых зависело предоставление льгот частным предпринимателям, не высказали никакого сочувствия затее сибиряков. Даже Н.Н. Муравьев-Амурский, «зная более или менее здешних капиталистов и взвешивая их предприимчивость, сомневался в возможности привлечь в такой отдаленный край русских капиталистов, на которых до сих пор еще "**Сибирь**" производит весьма неприятное впечатление, советовал... стараться привлекать туда иностранцев»"²⁶². Иностранные капиталисты выдвинули заведомо неприемлемые условия, заинтересовался же делом, вопреки скепсису Муравьева, сибиряк Г.М. Пермикин. Но и он ставил условием гарантированный государственный военный заказ и возможность приобретения земель и лесов в собственность по льготным ценам"²⁶³.

То обстоятельство, что к частной инициативе было решено прибегнуть лишь после получения отказа от государственных ведомств, объяснялось в данном случае пониманием специфики тяжелой промышленности. "Особенность железного дела, — указывалось в отчете за 1863 г., — требующего со стороны предпринимателей не

только затраты значительного капитала, могущего возвратиться в течение только продолжительного периода времени, но и основательных технических сведений и близкого знакомства со всеми современными усовершенствованиями этого производства, чрезвычайно затрудняет местных капиталистов в деле устройства железнотопильных заводов²⁶⁴. Поэтому Корсаков неоднократно обращался с представлениями о "даровании частным заводчикам различных льгот и облегчений"²⁶⁵. Таким образом, рассуждения о специфике тяжелой промышленности, требующей значительных капиталовложений и могущей дать прибыль только через длительный промежуток времени, нуждающейся в квалифицированной рабочей силе и технически образованных руководителях, привели к выводу о необходимости льгот для частных капиталистов в сочетании с развитием казенного производства. Сопротивление Кабинета в первом и отказ Министерства финансов во втором заставили пойти на продажу Николаевского завода в частные руки²⁶⁶.

Повторим, для нас не так важно, что сформулированные в отчетах идеи, скорее всего, не принадлежали самому Корсакову. Уже то обстоятельство, что он соглашался с их авторами и включал их предложения в подававшиеся в высшие инстанции документы, свидетельствует, на наш взгляд, о достаточной компетентности этого генерал-губернатора в сфере экономики. И в письмах к Н.П. Игнатьеву он подчеркивал, что слабость "железного производства" — большая беда для края²⁶⁷.

Второй по значению отраслью промышленности Корсаков считал каменноугольную, судя по частоте и настойчивости обращения в отчетах к проблеме ее состояния. Но если металлургия была важна прежде всего для обороны и как основа развития других отраслей экономики, то добыча каменного угля открывала перспективы в первую очередь для внешней торговли, "по огромным требованиям каменного угля в китайских портах"²⁶⁸. Таким образом сибирские власти пытались найти рынок для местного каменного угля в том самом паромном сообщении между Китаем и европейскими странами, которое подорвало основы кяхтинской чаесторговли, долго являвшейся одной из ведущих отраслей экономики края.

Пытаясь спасти кяхтинскую торговлю, Корсаков доказывал ее значение для политического сближения с Китаем и влияния в нем России²⁶⁹. Но стратегической линией

во внешнеторговой сфере для Корсакова, как и для Муравьева в его последние сибирские годы, было отставание порто-франко на территории всего Амурского края и распространение этого режима на Иркутск. Муравьев как член Государственного совета и Корсаков как генерал-губернатор долго пытались добиться переноса таможи в Иркутск, а затем и введения этого города, бывшего "средоточием всех торговых сношений Восточной Сибири, как внутренних, так и внешних", и "самым значительным во всей Сибири рынком потребления" "в черту новой таможенной линии"²⁷⁰. Таможня была перенесена из Кяхты в Иркутск, но главного — разрешения вести торговлю прибывшими через Амур иностранными товарами беспошлинно по всей Сибири — представители местной власти не получили. Несмотря на многочисленные протесты, иркутская таможня применяла к прибывшим с Амура товарам общий тариф. В феврале 1865 г. Корсаков в особой всеподданнейшей записке пытался доказать, что эта мера наносит решительный удар по только что завязавшимся торговым делам на Амуре и задерживает развитие благосостояния Амурского края, но Государственный совет не согласился на отмену действия общего тарифа в Иркутской таможне²⁷¹.

Не принесла ожидаемых результатов и торговля через Амур русских купцов отечественными товарами на внешнем рынке, от которой ждали так много. В отчете за 1860 г. Корсаков констатировал даже, что "по недостатку ли капиталов, по общему ли духу не предприимчивости, или же, наконец, по неопытности в обширных коммерческих операциях, — частная деятельность русских весьма мало еще касалась Амурской страны"²⁷². Он наивно сетовал, что иностранцы до сих пор ограничиваются "местною торговлею в Николаевске с целью быстрого оборота капитала, не обращая внимания на существенные потребности и пользу края, а имея лишь в виду приобретение возможно большей прибыли"²⁷³.

Проводя вслед за Муравьевым линию на усиление частнопредпринимательских начал в экономике, развитие свободной торговли, расширение зоны беспошлинной торговли, Корсаков был в этом столь же, если не более, непоследователен, как и Муравьев. В административной практике он не раз прибегал к более привычным методам. Характерное признание содержится в письме Корсакова к Н.П. Игнатьеву от 4 февраля 1864 г. Предлагая устроить

почтовое сообщение через Монголию и констатируя, что на купцов плохая надежда, особенно если пошлины на чай останутся на прежнем уровне, он заключал: "Я не спорю, что теории весьма полезны, но расчет, основанный на практике, вернее всякой теории"²⁷⁴. Такое же расхождение между общей политической позицией и решением конкретных практических вопросов проявлялось и в других случаях. Как и Муравьев, Корсаков оставался деятелем переходного периода с неизбежными для них противоречивостью и непоследовательностью.

Для Корсакова характерно неизменное внимание к чрезвычайно важной для Сибири проблеме путей сообщения. Это постоянная тема сибирских администраторов, но интерес к ней Корсакова был, пожалуй, особенно велик, что проявилось и в официальных документах, и в частных письмах. Причины следует, очевидно, искать в его биографии. Если о Муравьеве Венюков писал, что за время службы в Сибири он проехал примерно 120 тыс. км, то Корсаков явно перекрыл этот показатель, проводя до 1861 г. чуть ли не большую часть времени в дороге. Не только соображения государственной пользы, но и личной заинтересованностью, скорее всего, объяснялся тот живой интерес, с каким Корсаков в бытность свою забайкальским губернатором отнесся к предложению Коллинза о постройке железной дороги от Читы к Байкалу²⁷⁵. Явное чувство гордости звучит и в письме к матери от 20 октября 1865 г. Рассказывая в нем о поездке в Забайкальский край по завершавшейся Кругобайкальской дороге, он писал: "Достигли мы наконец этого, хотя и с большим трудом, а дело вековое. Николай Николаевич начал эту дорогу, а при мне окончено"²⁷⁶.

В компетенции генерал-губернатора оставались "пограничные сношения с Китаем и Японией", или "дипломатические сношения". На деле речь шла главным образом об урегулировании пограничных вопросов. Продолжалось изучение пограничных территорий военно-топографическими экспедициями. Местная администрация была всерьез обеспокоена притеснениями туземных племен, еще "не вполне усвоивших себе сознание новой своей зависимости от русского правительства", со стороны соседних маньчжурских властей и китайских купцов. В ряде случаев приходилось принимать "самые решительные меры к защите и покровительству означенных туземцев и к отстранению домогательств китайских вла-

стей"²⁷⁷. Администрация Восточной Сибири и власти Приморской области стремились также "внушить как туземцам, так и японским чиновникам сознание в принадлежности [России] всего острова" Сахалина, оказывая с этой целью "всевозможное покровительство коренным обитателям Сахалина (айнам) против наезжающих японских чиновников"²⁷⁸.

Действия в области внешней политики были тесно связаны с заботой об экономическом развитии края. Всячески поддерживалось стремление кяхтинского купечества вести караванную торговлю внутри Китая²⁷⁹. Местные власти, крайне озабоченные слабостью сбыта русских и сибирских товаров за границу, постоянно подчеркивали значение активной внешней торговли для экономики Восточной Сибири и Амурского края в особенности. Возможности усиления сбыта усматривались в разработке природных богатств региона. Корсаков писал Игнатьеву как директору Азиатского департамента, прося поручить русскому посланнику в Китае Е.В. Бюцову узнать в Шанхае о возможностях продажи каменного угля и леса и выразал сожаление, что не удастся развить железодолательное производство и невозможно получать доход от продажи металла для нужд иностранных флотов²⁸⁰.

Игнатьев принимал советы и пожелания генерал-губернатора Восточной Сибири относительно возможных кандидатур на должности русских дипломатических агентов на Дальнем Востоке: обсуждал вопрос о назначении Я.П. Шишмарева консулом в Ургу, соглашался в оценке действий главы Русской духовной миссии в Пекине отца Гурия, который по требованию Корсакова получил "сильное замечание". Директор Азиатского департамента даже утверждал, что "генерал-губернатор Восточной Сибири может и должен вести все политические дела наши с Китаем"²⁸¹. Позиция человека, которого Н.Н. Муравьев-Амурский называл своим другом и единомышленником, понятна, но вряд ли ее разделяло Министерство иностранных дел в целом.

В переписке с Игнатьевым откровенно обсуждались главным образом внешнеполитические проблемы. В письме от 18 сентября 1863 г. Корсаков, высказывая весьма распространенное в то время мнение о возможности новой большой войны, выражал опасение, что она коснется и дальневосточных рубежей. На этот случай предлагалось, если бы иностранцы добились разрыва России с

Китаем, занять Монголию и Маньчжурию и объявить их независимыми от Китайской империи²⁸². Многие опытные военные из числа служивших на Востоке считали подобные планы нелепыми. П.А. Кропоткин записал в дневнике разговор с генералом В.П. Кондратьевым, который именно так и охарактеризовал их²⁸³. Смысл подобных намерений становится ясен при обращении к письму Корсакова Игнатьеву, написанному в январе 1862 г. Тогда Корсаков предлагал противостоять наступлению тайпинов ("инсургентов") на север и не допустить, чтобы Монголия и Маньчжурия попали под владычество инсургентов или новой китайской династии. "Надо твердо требовать их независимости и поддержать ее материально — занятием их нашими отрядами в помощь самим этим провинциям. ...Если не поддержим их против нового китайского правительства, то старые трактаты, как заключенные с теперешним правительством, будут не обязательны и англичане употребят все влияние, чтобы отнять... у нас" Уссурийский край и южные гавани²⁸⁴. Оказывается, планы военных действий были вызваны к жизни старым противостоянием с Англией, которое возобновилось в связи с обострением польского вопроса.

"ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ" 60-х ГОДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.С. КОРСАКОВА

Многие высказывания Корсакова и в частной переписке, и в официальных документах позволяют увидеть в нем человека, не чуждого новой эпохе с характерными для нее либеральными идеями. Трудно сказать, всегда ли и насколько искренними были эти либеральные рассуждения, но некоторые моменты его биографии могли способствовать их укоренению. Почти все братья Корсакова побывали в числе мировых посредников первого призыва, активное участие в либеральном движении принимали и члены близкой по родственным отношениям семьи Бакуниных. Одобрив братьев, М.С. Корсаков писал матери 18 июня 1861 г.: "Славная служба вообще... она мне по сердцу — можно за угнетенного мужичка постоять"²⁸⁵. В случае своей отставки он не исключал возможность занять и самому место мирового посредника — должность, которую он ставил "очень высоко в той степени пользы, которую можно и должно принести при добросовестности действий"²⁸⁶. Однако выступление тверс-

ких мировых посредников, в котором самую активную роль играли Бакунины, вызвало его неодобрение и даже осуждение. Довольно полную информацию о содержании речей А.М. Унковского и Н.А. Бакунина на собраниях тверского дворянства и о принятых там решениях Корсаков получил от присутствовавшего на этом собрании В.Н. фон Клингенберга²⁸⁷. По поводу ареста тверских мировых посредников он писал: "Жаль мне Бакуниных, но этого должно было ожидать при той неосторожности в речах, которую они себе позволяли"²⁸⁸; "надо помогать Царю поправить то, что оказывается непрактично сделано, а не вооружать против своими открытыми протестами

Собственный статус — не только высокопоставленного государственного служащего, но и помещика — не мог не сказываться на понимании общероссийских проблем, как, впрочем, и частных. В 1864 г. Корсаков писал матери: "Какие однако глупые наши мужики, что ходят с требованиями своими неуместными, вместе с тем это обстоятельство невольно заставляет подумать, что именно надо для русского человека-простолюдина, чтобы приобрести его доверие. Кажется, братья и Сергей, и Николай управляли ими с полной бескорыстной добросовестностью, а потом и тот, и другой, будучи мировыми посредниками, всегда заступались за народ, когда замечали малейшую тень угнетения его. И что же? вот и выводи заключение о законе сердца человеческого"²⁹⁰.

Корсаков не только высоко оценивал реформы 60-х годов, но и не раз высказывал пожелание о распространении их на Сибирь. В отчете за 1863 г. эта идея изложена с заметным верноподданническим оттенком. "Дальнейшее преуспеяние и развитие... края... зависит от скорейшего осуществления... общественных реформ... **Применение к Восточной Сибири тех преобразований, в делах общественного управления, хозяйства и суда,** которые по воле Вашего Императорского Величества предположены и отчасти утверждены уже для внутренних областей империи, должно неминуемо сопровождаться развитием **гражданской деятельности и экономическими успехами** в среде верноподданных обывателей отдаленной окраины"²⁹¹ (выделено нами. — Н.М.).

Подобные высказывания, к тому же в официальном документе, обращенном к главе государства, противоречат утвердившемуся представлению, что местные власти

нс желали распространения реформ на Сибирь. Более того, из семейной переписки ясно, что Корсаков считал — именно центр сопротивляется этому. В апреле 1860 г. он пишет: "Я, положим, управлюсь с Восточной Сибирью, но с Петербургом вряд ли у меня хватит [сил] бороться с должным успехом, а нс бороться — значит оставить Сибирь спать в рутине, которая везде проявляется благодаря нашим устарелым порядкам"²⁹².

Общий курс высшей администрации края на распространение реформ на Сибирь был связан и с вопросом о ее месте в составе империи, обсуждавшемся в это же время. Он был поднят в 1861 г. на заседании Политико-экономического комитета ИРГО — своеобразного интеллектуального штаба либерально-бюрократических сил, иницировавших реформы. В докладе В.П. Бсзобразова "О колонизации пограничных стран" говорилось о вреде расширения государства и выселения людей в новые колонии. В качестве примера подобной неразумной, по мнению автора, политики приводилось присоединение и освоение Амура, при этом широко использовались статьи Завалишина. Заседание Комитета и рассматривавшиеся там вопросы оживленно обсуждались в переписке сибирских чиновников. Присутствовавший на заседании Б.К. Кукель выступил, по его словам, с возражениями и изложил историю начала колонизации Амура. Главной же целью его речи было доказательство тезиса, что Амур — не колония, а неотъемлемая часть России²⁹³. На заседании 22 марта 1861 г. начавшаяся было дискуссия об отношениях Сибири и России была прекращена словами великого князя Константина Николаевича: "Сибирь — та же Русь"²⁹⁴. Эти слова неоднократно повторялись в иркутской печати с надеждой, что теперь "для нас многое лучшее не мечта", что Сибири будут "дарованы те же благие учреждения", что и всей России²⁹⁵. Эти заявления перекликаются с основными идеями высшей местной администрации.

В отчете за 1865 г. Корсаков вновь ходатайствовал "о даровании наравне с другими губерниями нашего отечества и Восточной Сибири... важных и благотельных реформ", причем снова подчеркивал, что это должно иметь "несомненное благотворное влияние на успехи ее благосостояния"²⁹⁶. Известно, что только в январе 1866 г. было принято решение "о распространении на сибирские губернии положений об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской

России" и таким образом заявлено о намерении правительства распространить реформы на Сибирь²⁹⁷.

Разумеется, появление многих новых идей в генерал-губернаторских отчетах объясняется не только прогрессивными взглядами самого Корсакова. Это следствие серьезных изменений в ориентации, уровне образования, профессиональной подготовке и понимании смысла управленческой деятельности высшего чиновничества Восточной Сибири и, в частности, тех, кто готовил материалы для отчетов и инициировал появление в них современных идей. Судя по воспоминаниям современников, немалую роль в этом играл В.Д. Карпов — управляющий 4-м отделением ГУВСа, "перо Восточной Сибири", — как именовал его Б.А. Милютин²⁹⁸. Отчеты по управлению краем за 1861—1863 гг. завизированы Карповым, что по существовавшим тогда канцелярским правилам означало, что именно он являлся "докладчиком" по этому вопросу. Авторство Карпова находит подтверждение и в его письмах²⁹⁹.

Нс все реформы вызывали у Корсакова одинаковый интерес. Какие-то привлекали больше внимания, обсуждались и в официальных документах, и в частной переписке, другие оставались вне постоянного поля зрения — например, о городской реформе сохранилось только сухое упоминание в отчете.

Особенно настойчиво в отчетах подчеркивалось значение народного образования и просвещения вообще. По мнению генерал-губернатора и его сотрудников, без этого становилось невозможным развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, "которые главным образом задерживаются в своем развитии именно от недостатка в народе сведений, делающих его восприимчивым к полезным улучшениям в его быте и хозяйстве и способным принять участие в общем развитии страны"³⁰⁰. Даже говоря об отсутствии прогресса в деле улучшения пород скота, авторы отчета объясняли это сохранением вредных обычаев в народе, которые можно изменить только с развитием просвещения³⁰¹. Естественным руководителем сельского населения в деле распространения просвещения и связывавшегося с ним успешного осуществления реформ, по мнению авторов отчета, в Европейской России было призвано стать поместное дворянство, а в Сибири — представители правительства, т.е. чиновники.

В распространении просвещения высшая администрация края видела также основу для "прочного водво-

рения в крае общих реформ в системе управления, государственного хозяйства и суда"³⁰². Поэтому важнейшей составляющей подготовленного Карповым проекта преобразования учебной части было "систематическое распространение первоначальных сельских училищ". Главная трудность, по мнению местного начальства, заключалась в изыскании надежного источника для финансирования сельских школ, ибо на инициативу самих крестьян здесь трудно было рассчитывать. Для этого предполагалось ввести "особый незначительный налог на продаваемое в Восточной Сибири вино"³⁰³. И хотя Министерство финансов не согласилось с таким способом содержания сельских школ, но "главное управление края оставалось при убеждении, что предложенный им налог на вино, будучи совершенно почти не чувствителен в деле потребления этого продукта, представляет единственно удобный источник" средств, и более справедливый, чем установление целевого подушного налога, "так как большинство платящих не могло бы по географическим условиям страны воспользоваться школами, содержащими на их счет"³⁰⁴.

Не только образованные чиновники, но и сам генерал-губернатор неизменно проявлял внимание к просвещению вообще, а особенно к народному образованию. В этом сказывалось, очевидно, и влияние его семьи. О се просветительских традициях уже говорилось выше. Здесь следует добавить, что Александр Семенович Корсаков был одним из организаторов Общества для распространения первоначальной грамотности³⁰⁵. Сокрушаясь о его ранней смерти в 1862 г., Е.И. Рагозин писал: "Он затевал отличное дело, в котором и меня пригласили участвовать"³⁰⁶. В конце 1850-х — начале 1860-х гг. А.С. Корсаков и Н.С. Бакунина (урожденная Корсакова) принимали участие в создании воскресных школ и других просветительских начинаниях.

По проекту содействия развитию народного образования в Восточной Сибири предполагалось открыть гимназию в Красноярске, пятиклассные училища в Чите и Троицкосавске, преобразовать Иркутскую губернскую гимназию в высшее учебное заведение с учреждением при нем трехгодичного курса "камсрально-технических наук" для подготовки управляющих промышленными предприятиями³⁰⁷. Но все проекты неизменно отвергались по одной и той же причине — отсутствию средств как в государственном казначействе, так и в "местных источниках"³⁰⁸.

Единственные более или менее утешительные результаты были достигнуты в распространении образования в казачьем сословии. Причин тому видели несколько. Казаки больше поддавались внушению своего начальства, от чьей настойчивости и заинтересованности во многом зависели успехи образования³⁰⁹. После ухода забайкальского военного губернатора Е.М. Жуковского число учащихся в Забайкальском казачьем войске уменьшилось на тысячу человек³¹⁰. Но для казачьей верхушки появились и более надежные стимулы — грамотные могли дослужиться до офицерского чина, и "в казачьем сословии Восточной Сибири путем служебного повышения образовался с течением времени класс высшего служилого сословия, которое выгодами своего положения обязано преимущественно своим способностям и служебным отличиям"³¹¹.

Будучи глубоко верующим человеком и в молодости даже высказывая недовольство недостаточной, по его мнению, религиозностью окружающих, в своей управленческой деятельности Корсаков относился к духовенству вполне прагматически. Как и многие другие администраторы, он был недоволен сельским духовенством и утверждал, что оно "не всегда соответствует своему назначению". Причем это несоответствие, по мнению Корсакова, выражалось "не только в некоторых недостатках занимающих священнические должности, но частью и в общем характере самого образования в учебных духовных заведениях"³¹². Подобное утверждение весьма многозначительно после публикации за границей известной брошюры И.С. Бслюстина, получившей одобрение архиепископа Иннокентия, но осужденной большинством Синода³¹³. Как и некоторые из подчинявшихся ему губернаторов, Корсаков считал полезным "участие духовенства в деле народного образования", особенно на селе. Но он сознавал неподготовленность сельских священников для этой деятельности³¹⁴ — как и во многих других случаях, решение проблемы требовало вмешательства центра.

В 1860-е гг. Корсаков по-прежнему поддерживал особые отношения с архиепископом Иннокентием. В письмах архиепископа к Корсакову содержатся многочисленные советы и предложения по управлению краем, некоторые из них имеют пометку адресата: "написать по штабу", "сделать распоряжение по 4-му отделению"³¹⁵ и т.д.

В 1851 г. Корсаков высказывал сожаление, что служба в церкви, где присутствуют почти исключительно одни

крещенные якуты, ведется на непонятном им языке³¹⁶. Став генерал-губернатором, Корсаков поддерживал миссионерскую деятельность Иннокентия, но весьма неодобрительно относился к "неумеренной ревности" других миссионеров, наносившей, по его мнению, вред хозяйству раскольников и инородцев и не достигавшей желаемой цели. В отчетах он противопоставлял большое старание Иннокентия "к действительному распространению и утверждению веры"³¹⁷ действиям архиепископа Вениамина, которые могли "помешать делу христианской проповеди в будущем и усилить и без того враждебное христианству расположение последователей местного буддизма и шаманства"³¹⁸.

Миссионерская деятельность русской православной церкви серьезно затрагивала интересы инородческого населения. По наблюдениям местных властей, крещение означало принятие "не одного верования христианского, но всей совокупности бытовых условий русского человека" и, прежде всего, переход к оседлому образу жизни. А поскольку "климатические условия сильно затрудняли хлебопашество, то необходимо было, по мнению генерал-губернатора, проявлять "всю возможную осмотрительность в распространении христианства"³¹⁹. Вениамин возмущался богатством и независимостью лам, "приниженным положением" православного духовенства и крещеных инородцев и требовал от Корсакова активной поддержки своей миссионерской деятельности. Постепенно ему удавалось переубедить Корсакова, и тот начинал "смотреть на язычников уже не глазами Муравьева"³²⁰. К счастью, не получила поддержки в Петербурге нелепая затея Корсакова не проводить избрания забайкальскими ламами высшего ламы, управлявшего остальными, "а поручить управление ими человеку, знающему их язык и религию, дабы ввести некоторые необходимые порядки". Такого человека генерал-губернатор нашел было в православном священнике о. Аввакуме (Д.С. Честном)³²¹, только его кончина не позволила осуществить замысел. Постепенно получала признание другая идея, относящаяся к положению аборигенного населения, — о сближении их статуса со статусом русского крестьянства. Усиление же личного влияния Вениамина на Корсакова привело к тому результату, что генерал-губернатор распорядился вернуть Посольскому монастырю приписанные к нему земли, уже обещанные было крестьянам³²².

Отношение Корсакова к старообрядцам продолжало традиционную для сибирских властей линию на предпочтение их успешной хозяйственной деятельности усилиям православных священников по их обращению. Он доказывал возможность "благодетельных последствий" убеждений и "увещеваний духовных пастырей" и вообще "не строгих, но кротких мер"³²³.

В годы генерал-губернаторства Корсакова были предприняты попытки осуществить преобразования, затрагивавшие важные сферы экономического и административного устройства Восточной Сибири. В основном они были связаны с намерением правительства (частично осуществленным) распространить на Сибирь некоторые из общероссийских реформ, касающихся мастеровых и приписных крестьян горных заводов, государственных крестьян и казаков.

Одной из немногих осуществленных была реформа горного ведомства. Перманентный конфликт с "горными" был унаследован Корсаковым от предшественника. У этого конфликта было несколько причин. Во-первых, горные заводы во многом сохраняли свою независимость от главного местного начальника. Во-вторых, с муравьевских времен в администрации Восточной Сибири господствовало убеждение, что коррупция особенно сильна именно в этом ведомстве. В 1863 г. Корсаков писал матери: "Там чистый грабеж, и я, несмотря на всю власть генерал-губернатора, иногда чувствую себя не в силах с ними справиться, потому что из Петербурга им сильная поддержка"³²⁴. В-третьих, горные заводы как собственность Кабинета представляли собой своеобразный оплот крепостничества в крае. В отчете за 1860 г. главной причиной расстройств Нерчинских заводов прямо называлось несоответственное управление при "неразвитии условий вольного труда и начал свободно коммерческих, которые одни только могут привести горное дело к действительно правильным и выгодным последствиям"³²⁵. Раздражали и заметные колониальные ноты в обращении Кабинета со своей окраинной собственностью. С нескрываемым недовольством писал Корсаков Н.П. Игнатьеву в 1862 г., что о пользах края Кабинет не думает, ему бы только извлечь для себя выгоду³²⁶. На его личное и пристрастное отношение к освобождению нерчинских горнозаводских рабочих уже указывалось, оно сохранялось и в годы генерал-губернаторства, но теперь больше

было связано с вопросом о наделении землей бывших рабочих, поступивших в свободные сельские обыватели.

Показательно, что одним из предложенных Корсаковым преобразований было учреждение земского управления для освобождаемых рабочих и нижних чинов Нерчинского горного ведомства³²⁷. Мировым посредником в Нерчинском округе он назначил одного из лучших своих подчиненных, человека прогрессивных взглядов, честного и преданного делу и своему начальнику князя А.М. Дадешкелиани. Его энергичная деятельность по защите крестьян и новых "свободных сельских обывателей" от притеснений горного ведомства нашла поддержку у генерал-губернатора, заметившего на полях обращения к нему Дадешкелиани: "Взять с собой (в поездку по Забайкалью — *Н.М.*) дела, потребовать еще из Иркутска, назначить комиссию"³²⁸. Отмстим, что ни А.Т. Топчий, ни Б.Г. Кубалов и С.Ф. Коваль, указывая на прогрессивную направленность действий Дадешкелиани в роли мирового посредника, не обратили внимания на поддержку ему со стороны генерал-губернатора³²⁹. Упорное сопротивление администрации Восточной Сибири стремлению Кабинета закабалить освобождаемых рабочих объяснялось, на наш взгляд, не только "соображениями чисто фискального характера", но и либеральными взглядами. А.Т. Топчий отмечает, что в результате действий администрации края, посмевшей нарушить общее положение, наделы для мастеровых были несколько увеличены, хотя непосильный оброк за земли сохранился³³⁰.

Общая направленность предполагавшейся реформы горного ведомства отвечала курсу либеральных кругов и их представителей в правительстве. Она сводилась к расширению частнопредпринимательских начал, особенно в золотопромышленности. Администрация Восточной Сибири неоднократно представляла проекты о разрешении частной золотопромышленности в Нерчинском горнозаводском округе³³¹ и Амурском крае³³². В отчете за 1863 г. были сведены предложения об изменении законодательства, регулировавшем золотопромышленность. Они сводились к устранению многих формальностей, уменьшению налогов, разрешению чиновникам (кроме горных) заниматься частным золотым промыслом³³³. В отчете за 1865 г. Корсаков отстаивал необходимость для государства поощрять свободное развитие частной золотопромышленности, перечисляя те выгоды, которые она дает

краю, — употребляемые на нее средства поддерживают сельское хозяйство, внутреннюю торговлю, промышленность, дают заработок нуждающимся³³⁴. Несмотря на отказ Петербурга поддержать многие предложения, "главное начальство" Восточной Сибири оставалось "в твердом убеждении о необходимости скорейшего дарования частному золотому промыслу льгот"³³⁵.

Реформу горного ведомства поддерживали наиболее прогрессивные деятели этого ведомства в Восточной Сибири. Так, О.А. Дейхман писал в августе 1862 г. Корсакову о передаче завода из казны в аренду: "Дай Бог дожидаться Вас победителем в реформе, ожидающей Восточную Сибирь"³³⁶.

Весьма характерно для эпохи реформ явно сочувственное описание новых явлений в экономике в письме чиновника по особым поручениям И.А. Малахова, направленного в Енисейскую губернию с заданием выяснить отношение управляющего Троицким солеваренным заводом "к казенным интересам и к участи находящихся под его властью рабочих". По словам Малахова, "обращение управления с рабочими гуманное... Труд рабочих, где можно, облегчен им машинами (незатейливого, впрочем, устройства) или лошадьми". Главное — управляющий ввел систему экономического стимулирования: за выварку с каждой сажени дрез лишней против нормы соли рабочим полагалась особая оплата. В результате при прежнем расходе дров производилось почти в два раза больше соли, а солевары стали получать чуть ли не по 60 руб. в месяц³³⁷. Трудно сказать, насколько соответствовала действительности нарисованная Малаховым благодатная картина. Для нас важно, что подобные действия близкий к Корсакову чиновник считал заслуживающими похвалы и награды.

Общероссийская реформа землепользования государственных крестьян, обсуждавшаяся в 1861 — 1866 гг., была особенно важна для Сибири. Проект, представленный М.Н. Муравьевым, признавал безоговорочное право казны на земли крестьян, которым предоставлялось право выкупать свои наделы³³⁸. Даже в более либеральном варианте Н.А. Милютина отвергалась идея частной крестьянской собственности³³⁹. Позиция генерал-губернатора Восточной Сибири в вопросе о характере поземельных отношений в крае противоречила основным положениям проекта. Безграничное пользование государственными землями расценивалось в отчете за 1863 г. как причина

экстенсивного ведения хозяйства и промышленного застоя³⁴⁰. В дальнейших рассуждениях заметна идеализация пореформенных порядков в Европейской России. "Отсутствии частной поземельной собственности, оставляя все земли в руках неразвитого крестьянского населения, не допускает никаких улучшений в системе хлебопашества и земледелия вообще, и лишает население тех полезных указаний опыта и науки, которые неминуемо имели бы благотворительное влияние на успехи земледелия, коль скоро рядом с крестьянскими хозяйствами стояли бы рационально устроенные и снабженные достаточными материальными средствами более крупных землевладельцев собственников"³⁴¹.

Возможный в сибирских условиях путь развития сельского хозяйства авторы отчета видели во введении частной собственности на землю, — как крестьянской, так и крупных землевладельцев. "Вековым опытом уже известно, что пользование землею тогда только приобретает значительную ценность в глазах частных людей и тогда только сопровождается успехами в земледелии и в развитии народного хозяйства, когда земля эта составляет неотъемлемую собственность лиц, трудящихся над нею"³⁴². Авторы отчета выступали против сохранения общины, считая, что она хотя и имеет "исторические основы и соответствует народному духу русских обывателей страны, служит вместе с тем едва ли не важнейшим препятствием к развитию материального благосостояния ее"³⁴³. (Напомним в связи с этим об отрицательном отношении к общине Н.Н. Муравьева-Амурского.) От общих рассуждений "главное местное начальство" было готово перейти к практическим действиям, поручив составить "проект правил для продажи частным лицам свободных государственных имуществ Восточной Сибири, с приспособлением предположенного уже учреждения сельских банков для осуществления этого преобразования"³⁴⁴.

В 1871 г. Н.П. Синельников повторил основные предложения своего предшественника об ограничении общинных форм землевладения и установлении частной собственности на землю. Очевидно, позиция высшей местной администрации была обусловлена спецификой поземельных отношений в Восточной Сибири. Как отмечал В. Н. Худяков, своеобразие их было настолько сильным, что правительству и в 70-е годы³⁴⁵ не удалось распространить на Сибирь реформу 1866 г.

Проект изменений в устройстве казачьего населения Восточной Сибири также был инициирован сверху — высочайшим повелением 1859 г. об учреждении комитетов для пересмотра положений о казачьих войсках. Комитетом для составления проектов положений о казачьих войсках Восточной Сибири во главе с Б.К. Кукелсом в 1861—1862 гг. был подготовлен первоначальный вариант. Его авторы стремились "вывести военный элемент из земледелия и домашнего быта казаков" и добиться "дарования им в этом гражданских прав", что сделало бы невозможным вмешательство офицеров в хозяйство казаков³⁴⁶. В 1862 г. пришлось составлять проект нового положения о Забайкальском войске, в основу которого была положена присланная из Петербурга записка управляющего иррегулярными войсками, содержавшая, по мнению К.Н. Шслашникова, под руководством которого теперь работала новая комиссия в Иркутске, множество противоречий и неясностей³⁴⁷.

В сентябре 1863 г. началась деятельность по кодификации* новых положений о казачьих войсках, приступили к созданию нового проекта. В соответствии с указанием правительства предполагалось исходить из необходимости "развития гражданственности казачьих сословий". Высшая администрация Восточной Сибири предлагала, во-первых, "представить войсковому народонаселению право общественного самоуправления в пределах Положения 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и участия в делах гражданского и военного по войску управления посредством особых выборов". Во-вторых, применить к "казачьему населению" земские учреждения. В-третьих, ³⁴⁸отделить гражданское управление в войске от военного. О более либеральной по сравнению с другими высшими сановниками позиции Корсакова в этом вопросе и его стремлении ввести в войске земские учреждения упоминается в книге А.Т. Топчого. Правда, автором допущена неточность: в описываемое им время М.С. Корсаков был уже не военным губернатором Забайкальской области, а генерал-губернатором Восточной Сибири. Неточным является и утверждение, будто "Корсаков признавал, что положение бывших приписных не улучшилось" после перечисления их в казаки³⁴⁹. На самом деле Корсаков отмечал, что промедление с реформой в казачьем сословии ставит бывших приписных в худшее положение по сравнению с

их соседями — казенными крестьянами. В отчете за 1865 г. тезис о необходимости коренной реформы в военном и сословном отношениях был подкреплён сравнением положения казаков и нерчинских крестьян, из числа которых в 1851 г. было образовано забайкальское пешее казачество. "Крестьяне эти в свое время с переходом в казачье сословие были поставлены в несравненно лучшее против прежнего положение, но впоследствии соседнее им в Нерчинском горном ведомстве население получило новое устройство, основанное на благодетельных началах, изложенных в Положении 19 февраля 1861 г., представляющее им во многом большие преимущества против тех, которыми пользуются в настоящее время пешие казаки, а потому весьма было бы желательно предоставить в наискорейшем времени и этим последним воспользоваться... преобразованиями"³⁵⁰.

Нс доверяя местным комитетам, правительство 18 октября 1865 г. учредило Особый временный комитет для пересмотра казачьих законоположений. Начался³⁵¹ второй период подготовки реформы для казачьих войск, который продолжался до 90-х годов XIX в.

Большим было личное участие Корсакова в составлении другого важного для Сибири проекта — о реформе ссылки.

Попытки более или менее радикально изменить положение ссыльных в Восточной Сибири и управление ими предпринимались неоднократно. Как уже отмечалось во второй главе, трудности в осуществлении этой реформы проистекали из разного понимания петербургскими и сибирскими властями цели ссылки. Для Петербурга главной была карательная функция ссылки, а для сибирских администраторов — колонизационная.

От Муравьева Корсакову остался проект реформы ссылки, который был составлен Б.А. Милютиным. Основная его идея — освобождение ссыльных из-под власти Кабинета путем передачи их в управление гражданского ведомства, которое определяло бы их на работы в другие ведомства. Корсаков первоначально соглашался с проектом. Как и предшественники, он склонен был подчеркивать колонизационную роль ссылки. "Класс ссыльных в Восточной Сибири, — писал он, — весьма многочисленный... и разнообразный по свойству лиц, его составляющих, мог бы приносить более действительную пользу малолюдному населению края, если бы существующий устав о них и

особенно о ссылаемых в работы соответствовал во всем как требованиям времени,³⁵² так и интересам края и... целям карательного закона"³⁵². Как вспоминал Милютин, проект, с некоторыми изменениями и дополнениями, внесенными в Петербурге, был уже одобрен, когда неожиданно Корсаков телеграммой к государственному секретарю попросил "в виду изменившихся обстоятельств и вновь обнаруженных данных" приостановить его рассмотрение и сообщил о намерении представить новый³⁵³.

Необходимость появления нового, отличного от муравьевского, проекта объяснялась "совершающимися преобразованиями в судебной части, предполагаемой отмены телесных наказаний даже для ссыльно-каторжных". Главное упущение, по мнению Корсакова, заключалось в том, что "характер работ, ныне производимых ссыльно-каторжными, находясь в прямой и исключительной зависимости от экономических соображений горного нерчинского начальства, не соответствует ни цели наказания, ни условиям каторжной работы вообще, и уничтожает на практике всякое соответствие степени наказания с тяжестью преступления". Организация работ на золотых промыслах затруднялась неизбежностью частых перемещений рабочих, для которых приходилось строить временные и, как правило, плохие тюремные помещения. Это еще отягощало положение каторжных и затрудняло предупреждение их побегов. По мнению администрации, с отменой телесных наказаний при отсутствии настоящих тюрем в местах каторжных работ оказывалось невозможным подвергнуть наказаниям преступников, совершавших новые³⁵⁴ преступления, побег или какие-либо иные проступки³⁵⁴. При обозрении в 1862 г. Забайкальской области и Нерчинских горных заводов Корсаков решительно, вполне в муравьевском духе, "признал крайне необходимым ныне же... не дожидаясь утверждения представленного проекта" вывести из ведения горного начальства и передать в управление особого военного начальника ссыльно-каторжных, находившихся в Шилкинском горном округе, чье положение, по его наблюдениям, было особенно тяжелым. В его подчинение переходили также все казачьи команды, расположенные в местах каторжных работ Нерчинского края. Таким образом, в одних руках сосредотачивались и хозяйственная, и дисциплинарная части управления каторжными Шилкинского ок-

руга, а также дисциплинарная часть управления каторжными всего Нерчинского края³⁵⁵.

В отчете за 1863 г., повторив тезис о неприменимости и устарелости Устава о ссыльных 1822 г., Корсаков поставил вопрос и о некоторых недостатках проекта, представленного в 1860 г. Муравьевым-Амурским и прежде поддерживавшегося им самим. Ссылаясь на "опыт временно учрежденного управления", он заявил о намерении расширить муравьевско-милютинский проект за счет распространения реформы и на другие категории ссыльных, а не только ссыльнокаторжных³⁵⁶. К тому же времени относится и появление значительного числа ссыльных и ссыльнокаторжных — участников польского национально-освободительного движения.

Восстание в Польше в 1863 г. и последовавшая за ним массовая ссылка в Сибирь его участников коренным образом изменили ситуацию. Надзор за политическими ссыльными, всегда входивший в обязанности высшей администрации Сибири, занимает все больше места в ее деятельности.

Между тем в Петербурге считали генерал-губернатора Восточной Сибири слишком снисходительным по отношению к политическим преступникам. Такие разговоры велись на разных уровнях, и кое-что из них доходило до Иркутска — например, П.А. Кропоткин услышал нечто в этом роде от государственного секретаря В.П. Буткова³⁵⁷. И если в некрологе М.С. Корсакову, опубликованном в либеральном "Голосе", с сочувствием и одобрением отмечалось "добросердечие, с которым он всегда относился к прибывавшим в Сибирь преступникам"³⁵⁸, то иначе оценивали подобное отношение власть предержащие. В конце 1866 г. шеф жандармов П.А. Шувалов, воспользовавшись командировкой в Восточную Сибирь для ревизии военного управления флигель-адъютанта Н.А. фон Розенбаха, поручил ему расследовать и положение ссыльных и объяснил это многочисленными доносами, обвинявшими местную администрацию в недостаточном надзоре за политическими ссыльными³⁵⁹. Ревизор не обнаружил особых послаблений³⁶⁰, но если после шести лет генерал-губернаторства Корсаков вызывал у правительства некоторые сомнения в отношении способности проявлять надлежащую строгость к политическим ссыльным, то еще хуже обстояло дело в начале 1860-х гг.

Самую большую угрозу для его репутации и даже для его положения создал, разумеется, успешный побег М.А. Бакунина. Несмотря на этот инцидент, Корсаков в течение нескольких лет сохранял прежнее довольно либеральное отношение к политическим ссыльным, хотя о дружеских отношениях уже не было и речи. Письма многих родных и знакомых, особенно из декабристского окружения, содержали просьбы оказать покровительство новым ссыльным — сыновьям и племянникам родных, соседей по имениям, знакомых и т.д. В январе 1862 г. (вскоре после побега Бакунина) ему написал Е.И. Рагозин: "Обратите свое внимание на политического преступника Михайлова, помогите ему, прошу вас именем молодой, благородной России, которая ожидает от вас доброго ответа на свою просьбу. ...Отыщите Михайлова, узнайте, как живет он, помогите ему. ...У него есть брат в заводах, горный офицер — далее не продолжаю"³⁶⁰. Как известно, М.Л. Михайлов, вероятно, не без участия Корсакова, отбывал наказание там же, где служил его брат, и даже жил у него на квартире.

М.И. Венюков сурово порицал обращение Корсакова с политическими ссыльными: "Как истинная посредственность, он не мог выносить критики своих ошибок и сослал, например, Пстрашевского и Завалишина, которых Муравьев оставлял в покос. Ни для Чернышевского, ни для Михайлова он ничего не сделал и даже допустил, за послабности последнему, пострадать почтенного Дейхмана"³⁶¹. На самом деле, как видно из документов по делам «О розыскании виновных в распространении между народом и войском возмутительного воззвания под названием "К молодому поколению"» и "О сосланном в каторжную работу политическом преступнике Михайлове и об арестовании по Высочайшему повелению отставного подполковника Шелгунова"³⁶², судьба наказанного за "послабления политическому преступнику" начальника Нерчинских горных заводов Дейхмана от Корсакова не зависела. Более того, если не сам генерал-губернатор, то его ближайшие подчиненные Кукель, Дадешкелиани, Малиновский и Кропоткин всячески помогали Михайлову и приехавшим к нему Шелгуновым³⁶³. После того, как в Петербурге было принято решение о виновности П.Л. Михайлова (брата ссыльного) и О.А. Дейхмана, Корсаков "полагал достаточным наказанием строгий выговор Дейхману и выговор Михайлову. Но министр внутренних дел

и шеф жандармов настояли на предании их суду³⁶⁴. Разумеется, генерал-губернатор вовсе не сочувствовал идеям Михайлова и Чернышевского, да и сами они были для него людьми гораздо более чужими и непонятными, чем, например, декабристы. Для Чернышевского он не сделал даже и того немногого, что для Михайлова. Впрочем, в 1864 г. это было бы уже и затруднительно — после отстранения от должности Кукся, хотя и временного, осуждения Дейхмана, выговора самому Корсакову за побег Бакунина и, главное, после изменения политического климата в России.

И все же в глазах "неблагонадежных" людей генерал-губернатор имел репутацию либерала. С просьбой о помощи Николаю Григорьеву, который обвинялся в "поругании правительства и дерзко отзывался о священной особе государя императора"³⁶⁵, к Корсакову обратился в 1863 г. Е.Я. Колосов. Он писал о преследовании земским исправником Григорьева и выражал надежду, что "малая вера в справедливость власти, может быть, и теперь основанная только на знании дичных качеств Ваших, не будет совершенно уничтожена"³⁶⁶. Во время следствия по делу сибирских областников генерал-губернатор Восточной Сибири и его бывший сослуживец и приятель, ставший жандармским штаб-офицером в Омске и фактически возглавивший работу следственной комиссии В.П. Рыкачев, сделали все для того, чтобы ограничить дело географическими рамками Западной Сибири. Конечно, Корсаков был заинтересован в этом как администратор, но он все же предпринял некоторые шаги, чтобы вывести из-под удара больного и уже сосланного в Иркутск по другому делу А.П. Шапова, о чем, между прочим, настойчиво хлопотал и жандармский офицер Рыкачев. Последний писал Корсакову: "Шапов... вполне заслуживает участия", он и так уже просидел двое суток в Омском тюремном замке с преступниками, будучи "совершенно невинен и не прикосновен к тому делу, по которому был арестован... Шапов излечился уж от увлечений молодости и уверяю Вас честно, вовсе уж не вреден в политическом отношении". Рыкачев после освобождения Шапова из острога поселил его у себя, где ссыльный профессор прожил трое суток, доставляя своему хозяину "истинное удовольствие огромным запасом разнообразных сведений, выработанных и усвоенных им"³⁶⁷. Шапов избежал наказания по делу областников еще и благодаря поручительству, которое

дал при его освобождении знакомый с ним по работе в Сибирском отделе ИРГО князь П.А. Кропоткин³⁶⁸.

Но польская ссылка и ссыльные поляки уже не вызывали у Корсакова ни сочувствия, ни желания помочь, хотя иногда это и делалось в ответ на просьбы родных и знакомых. Характерен эпизод, запечатленный в его письмах к матери: "Посылаю вам справочку о Беневоленском. Что можно, для него сделано... а вообще с ними здесь хорошо обходятся, даже слишком ласково обходились, за что много неприятного вытерпел я в бытность свою в Петербурге"³⁶⁹. И через полгода: "Бывший студент Беневоленский оставлен в Енисейской губернии. Больше ничего пока не могу для него сделать, со временем, если будет вести себя хорошо, может быть, чем-нибудь возможно будет облегчить его участь, а пока должен быть и этим доволен. Он должен был ехать в Якутскую область, но за болезнь разрешено его оставить в Енисейской губернии. Много поляков присылают ко мне. В настоящее время им здесь не такое легкое житье, как прежде было, но все же йбходятся с ними вполне по-человечески, потому что и к преступникам должно быть оказываемо законное снисхождение"³⁷⁰. После восстания на Кругобайкальском тракте отношение Корсакова к полякам резко ухудшилось, в письме к Н.П. Игнатьеву от 9 октября 1866 г. уже звучит откровенная враждебность: "Опыт показывает, как мало они заслуживают какого-либо снисхождения. Верить им нельзя, ничего святого для них нет"³⁷¹.

Но наряду с личной помощью Михаила Семеновича Корсакова тем или иным политическим ссыльным, генерал-губернатор Корсаков предпринимал в своей административной деятельности определенные меры по организации политической ссылки вообще. В этом смысле его положение оказалось довольно сложным, ибо именно на период его управления пришлась первая волна действительно массовой политической ссылки, последовавшая после восстания 1863 г. Ни центральная, ни региональная администрации не были подготовлены к ней ни в экономическом, ни в организационном отношении.

Во-первых, в крае не оказалось достаточно карательных сил и органов, что наглядно показало выступление ссыльных поляков в 1866 г. на Кругобайкальском тракте. Во-вторых, не было необходимых условий для организации каторжных работ: казенные заводы передавались или уже были переданы в частные руки, на золотых

промыслах для этого не было условий. В-третьих, не было оборудованных помещений, и следовавшие по этапу или уже достигшие места назначения размещались во временных и плохо приспособленных. В-четвертых, как вынужден был констатировать Корсаков, с учреждением Забайкальской области, улучшением дорог и присоединением Амура "утратилось прежнее уединенное положение Нерчинского округа", что облегчало возможность побегов.

В такой ситуации естественными казались обращение к уже имевшемуся опыту декабристской ссылки и предложение организовать, как тогда, особое комендантское управление на Нерчинских заводах. История последнего исследована в статьях Л.С. Клер и Б.С. Шостаковича³⁷². Авторы рассматривают связанную с этой инициативой деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири и его подчиненных, а также анализируют причины постигшей проект неудачи. К их числу Л.С. Клер относит и то обстоятельство, что "Корсаков не представлял массовости польской ссылки"³⁷³. Правда, 9 ноября 1863 г. Корсаков ходатайствовал об учреждении особого комендантства и указывал, что "прилив этой категории преступников (участников восстания 1863 г. — *Н.М.*), судя по имеющимся сведениям, может увеличиться до значительного размера"³⁷⁴. Аргументируя свое предложение, генерал-губернатор отмечал затруднительность и даже невозможность обеспечить надзор за ссыльнокаторжными в случае их распределения по разным рудникам и заводам. Очевидно, в существовавших условиях этого нельзя было сделать ни при сосредоточении всех в одном месте, ни при расселении по разным местам.

Представляется совершенно справедливым замечание названных авторов о том, что предложение Корсакова об организации особого комендантства в Нерчинской каторге было связано и с процессом перестройки всей структуры управления системы каторжных тюрем на территории Нерчинского горного округа³⁷⁵. Попытка повторить опыт первого комендантского управления, созданного в 1826 г. — даже с использованием той же секретной инструкции, которая была дана С.Р. Лепарскому, — не могла быть осуществлена в совершенно иных условиях середины 1860-х гг. Инструкция, составленная по образцу данной Лепарскому, вошла в противоречие с появившимися к этому времени законодательными актами, определявшими права генерал-губернатора и губернаторов.

Уже началась передача ссыльнокаторжных — пока только уголовных — из горного в гражданское ведомство, представителем которого также был губернатор. Новый комендант не получил прежней абсолютной независимости от местных властей и оказался в подчинении и у генерал-губернатора Восточной Сибири, и у забайкальского военного губернатора, что обусловило неизбежные конфликты. В 1869 г. была окончательно закреплена передача управления Нерчинской каторги в ведение забайкальского губернатора³⁷⁶. Но главное — Корсаков, как он и писал в декабре 1864 г. шефу жандармов, действительно не представлял себе подлинного масштаба новой политической ссылки и ожидал прибытия "от 200 до 300 человек и сообразно этому числу... было сделано распоряжение о приготовлении помещения на Нерчинских заводах"³⁷⁷.

Таким образом, местная администрация была дезориентирована: перед ней была поставлена задача, масштабы которой не обозначены; не оказалось ни средств, ни сил, ни даже информации, а центральные власти не оказывали ей необходимого содействия. Более того, штаты беспощадно урезались, средства не выделялись и даже о подлинном числе отправленных в Восточную Сибирь ссыльных и ссыльнокаторжных местное начальство узнало лишь зимой 1865 г., когда люди находились уже в пути, а по зимнему времени подготовить необходимые помещения было невозможно. Уже к 23 ноября 1864 г. было³⁷⁸ выслано 1123, вскоре ожидалось прибытие еще 295 чел.³⁷⁹ Сравнительно небольшую часть ссыльных удалось распределить по солеваренным и винокурным заводам Енисейской и Иркутской губерний, заводам Нерчинского горного округа и на Петровский железоделательный завод. Отсутствие подходящих работ и вынудило привлечь политических ссыльных к дорожным работам, и поэтому большая часть политических ссыльных оказалась сосредоточена в дер. Сиваковой и окрестностях Читы и употреблялась на дорожные работы, в том числе и на Кругобайкальском тракте³⁷⁹.

В июне 1865 г. главное начальство Восточной Сибири даже обратилось с предложением о прекращении дальнейшей высылки ссыльнокаторжных в Восточную Сибирь³⁸⁰. После того, как это предложение было отвергнуто, учрежденными в Иркутске и Красноярске "временными Комитетами для составления особых правил по устройству быта политических преступников, ссылаемых

в Восточную Сибирь на поселение, житье и водворение", были определены местности для водворения, размеры и условия получения ссуд на обзаведение хозяйством, а также условия отлучек и "способы призрения дряхлых и больных". Генерал-губернатор и его помощники разумно рассудили, что после того, как опыт покажет необходимость изменений в разработанных положениях, такие могут быть внесены³⁸¹. Выраженному в том же документе ожиданию, что правила могли бы принести пользу ссыльным и "служить надежно мерою к сохранению спокойствия в крае", не суждено было, как показало восстание 1866 г., сбыться. В 1865 г. по ходатайству генерал-губернатора при нем было учреждено особое Управление для надзора за политическими преступниками, сосланными за участие в польском мятеже во главе с полковником Н.И. Вакульским. Из предусмотренных расходов в размере 24,5 тыс. руб. 10 тыс. предполагалось³⁸² истратить на организацию секретного надзора.

Может быть, предчувствуя опасное развитие событий, Корсаков в 1865 г. обратился в Комитет министров с предложением дать ему право военно-полевого суда в случае возможных беспорядков. Он аргументировал свое ходатайство тем, что из-за единовременной ссылки поляков, 15 тыс. штрафованных солдат и ежегодно поступающего большого числа уголовных преступников, "Восточная Сибирь сделалась сосредоточием порочных людей". После дискуссии Комитет министров принял решение о предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири права судить военно-полевым судом ссыльнокозачных, высланных "порочных" нижних чинов и всех сосланных за убийство, разбой, поджог, и подтвердил ранее имевшееся у него право такого суда в случае измены и бунта³⁸³. Как известно, очень скоро это право было применено, и хотя Корсаков в 1866 г. находился вне Иркутска, он должен был подтвердить приговор по делу о бунте политических преступников.

История восстания ссыльных на Кругобайкальском тракте в 1866 г.³⁸⁴ не раз становилась предметом специального изучения. Большинство авторов приходят к выводу, что сложившаяся в 1865—1866 гг. обстановка "способствовала развитию революционного заговора". С.Ф. Коваль отмечал: "Перенаселенность всех мест заключения, полуголодное существование, строгость режима содержания, болезни были причиной ряда волнений", предшество-

вавших решительному выступлению³⁸⁵. Вместе с тем волнения ссыльных, в том числе и протест партии из 74 чел. в декабре 1865 г. в дер. Сиваковой, недовольство ссыльных, их скученность обращали внимание жандармских офицеров, но не приводили к каким-либо переменам в организации ссылки. О возможности выступления ссыльных предупреждали и енисейский жандармский штаб-офицер полковник Н.И. Борк, и ротмистр М.С. Купенков, и якутский губернатор А.Д. Лохвицкий, извещенный доносчиком³⁸⁶. Однако никаких сколько-нибудь серьезных мер к предотвращению восстания принято не было.

Действия властей при подавлении восстания следует признать достаточно энергичными и решительными. Коваль отмечает, что "был разгадан общий замысел восстания и приняты своевременно меры к закрытию выхода в Забайкалье и путей отступления через Култук в Тункинскую долину к монгольской границе", оказались в наличии военные силы и транспортные средства, что позволило "опередить восставших и закрыть их в узком мешке прибрежной полосы дороги", были привлечены наряду с регулярными войсками и две конные казачьи бригады, призваны и вооружены казаки и крестьяне³⁸⁷. Попытки поддержать выступление на Кругобайкальском тракте, предпринятые несколькими ссыльными в Канском округе Енисейской губернии, также пресекли решительно и бескомпромиссно.

Как уже отмечалось, сам Корсаков во время этих событий отсутствовал, и всем распоряжались его ближайшие подчиненные, остававшиеся в Иркутске, — председательствующий в Совете Главного управления иркутский губернатор К.Н. Шлашников и начальник штаба войск Восточной Сибири Б.К. Куксль. По мнению С.Ф. Коваля и Н.П. Митиной, в работе назначенной генерал-губернатором следственной комиссии проявилось "стремление представить Кругобайкальское восстание частным, чисто локальным делом", «поменьше демонстрировать перед Петербургом "домашние дела"»; сибирские власти в очередной раз "затушевывали суть дела", ибо "показать размах революционной деятельности ссыльных означало признать плохую работу местных властей"³⁸⁸.

М.С. Корсаков учредил военно-полевой суд и утвердил его решение. Правда, при конфирмации он смягчил приговор для нескольких человек³⁸⁹ и, телеграфируя в столицу решение суда, просил еще смягчить его. Не

дождавшись ответа, он "приказал свершить казнь". Ответ же, пришедший почтой через месяц, предоставлял генерал-губернатору "поступить по собственному благоусмотрению"³⁹⁰. Таким образом, Петербург засвидетельствовал, что недоверия к Корсакову и подозрений в его попустительстве по отношению к политическим ссыльным больше не существует, но четверо осужденных были расстреляны.

ОТНОШЕНИЯ С ПЕТЕРБУРГОМ

Во все годы генерал-губернаторства Корсакова отношения с центром оставались для него самым больным местом.

Еще готовя Корсакова себе в преемники, Муравьев был озабочен слабостью его связей в столице и пытался по возможности исправить положение. Так, в декабре 1855 г. Корсаков был направлен в Петербург "к великому князю Константину Николаевичу не с каким-нибудь экстренным поручением, но для объяснений по разным предметам"³⁹¹ и, как объяснял сам Муравьев в письме к Казакевичу, с тем, чтобы он "посвящался в придворные хитрости"³⁹². Но надежда Муравьева на то, что положение Корсакова будет таким же, каким было его собственное в 1848—1858 гг.³⁹³, не оправдалась. Корсаков не стал при Александре II любимцем государя, каким был сам Муравьев при Николае I. В письмах к родным в 50-е годы Корсаков нередко упоминал о милостях Николая I и своей любви и уважении к нему³⁹⁴. Став генерал-губернатором, он ни разу в частных письмах не выразил чувств к кому-либо из членов императорской фамилии и не упомянул об особых отношениях с кем-нибудь из них, за исключением великой княгини Елены Павловны. После благополучного завершения кризиса 1862—1863 гг., когда были приняты его оправдания и объяснения в связи с обвинениями Завалишина, Корсаков был "у Великой княгини Елены Павловны и благодарил за участие в делах". Накануне во время аудиенции она говорила и о сибирских делах, и о затруднительном положении, и даже о личной жизни Корсакова³⁹⁵. И еще однажды в переписке прозвучала нота личного отношения к монарху — когда сообщалось о реакции в Восточной Сибири на покушение 1866 г. ("Страшное известие о покушении на жизнь Государя 4 апреля в сех нас переполошило... ду-

маю, что тут что-нибудь серьезное, а не просто действия какого-нибудь сумасшедшего, и горько и досадно"³⁹⁶.)

Необходимость прочной поддержки в столице и, особенно, при дворе, была очевидна. При назначении генерал-губернатором Корсаков рассчитывал на поддержку Муравьева-Амурского, предполагая, "что просто членом Государственного совета он не останется, а дадут ему какое-нибудь назначение на пользу не одной Восточной Сибири, а всего отечества"³⁹⁷. Эти надежды не оправдались и, хотя Муравьев всячески старался помочь своему молодому наследнику, его собственные возможности оказались ограничены. Как отмечал Казакевич, "Корсаков молод и, конечно, без твердой поддержки от Высших властей не в состоянии будет снести всех неприятностей, сопряженных с занимаемой должностью"³⁹⁸.

Более того, он частично унаследовал конфликты Муравьева с министрами, во многом неизбежно вытекавшие из самой системы управления. Отсюда бесконечные жалобы в письмах на медлительность и равнодушие петербургских департаментов, на их стремление не считаться с мнением и намерениями региональных властей. "Что делать с Петербургом, — писал Корсаков Н.П. Игнатьеву, — который хочет все знать лучше других и распоряжается по своим взглядам, часто весьма ошибочным, только одно могу сказать, что в Петербурге действовать энергически решительно не хотят"³⁹⁹. Вплоть до середины 60-х годов отчетливо ощущалась и личная неприязнь столичных бюрократов к молодому преемнику Муравьева. В письмах к родным он не раз отмечал, что "в Петербурге смотрят враждебно против настоящего управления Восточной Сибири"⁴⁰⁰, что "Петербург не забывает, что [он] назначен по рекомендации графа Амурского"⁴⁰¹, что там "сильно хлопчут о замене [его] другим лицом, верно, имеются на [это] место желающие, и потому такое сильное желание, чтоб [он] оставил Сибирь"⁴⁰².

Последнее предположение не было беспочвенным — в 1863 г. поговаривали о возможной замене Корсакова А.Л. Потаповым, тогда исполнявшим должность начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением, а в 1864 г. ставшим помощником вилenskого генерал-губернатора. Муравьев связывал это с возрастанием роли Сибири как места ссылки и писал Игнатьеву:

"Это бы значило, что на Сибирь смотрят только как на казарму [для] ссыльных"⁴⁰³.

Среди открытых недоброжелателей генерал-губернатора Восточной Сибири был влиятельный министр финансов М.Х. Рейтсрн, недовольный поддержкой Корсаковым кяхтинского градоначальника в его конфликте с директором таможни, настойчивыми попытками подчинить кяхтинскую, а затем иркутскую таможню местному губернатору "на правах начальника таможенного округа" как "лицу доверенному и... беспристрастному к подведомственным ему местам и соблюдающему выгоды казны и народа"⁴⁰⁴.

В свою очередь Корсаков как представитель региональной элиты возмущался несправедливостью отношения центра к Сибири и действиями министра финансов как проводника этой политики. В письмах Игнатьеву он повторял: грех Министерству финансов отказывать в каких-нибудь 100 тыс.⁴⁰⁵ руб., когда один акциз дает ему огромный дивиденд. Восточная Сибирь дает более 7 млн. руб. дохода, а имеет расходу до 3400 тыс. Неужели в крайнем ее положении (наводнения и неурожай) правительство не поможет ей единовременно какими-нибудь 400 тыс. руб.?⁴⁰⁶ Характерен зафиксированный А.В. Рзмневым применительно к 70—80-м годам XIX в. факт сотрудничества генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова с идеологом областничества Н.М. Ядринцевым⁴⁰⁷. Отмеченное этим же историком некоторое сближение сибирской администрации с сибирскими областниками могло объясняться именно откровенно колониальной политикой центра по отношению к Сибири.

Неожиданным и крайне неприятным было и решение Морского министерства об отмене права генерал-губернатора Восточной Сибири распоряжаться остатками сумм по этому ведомству. По мнению восточносибирской администрации, это наносило "окончательный удар [по] военному капиталу, который только и держался морскими суммами"⁴⁰⁸. Жалобы на финансовые трудности и усиление контроля за расходованием средств на нужды Амурского края постоянно звучат в переписке Корсакова⁴⁰⁹. Но еще больше удручало то, что подобная позиция морского министерства фактически означала отказ его главы великого князя Константина Николаевича оказывать Корсакову ту поддержку, которой некогда пользо-

вался Н.Н. Муравьев и на которую рассчитывал его преемник.

Муравьев также надеялся на хорошее отношение к Корсакову со стороны двух наиболее важных для сибирских генерал-губернаторов лиц — военного министра и управляющего делами Сибирского комитета. "Я всегда радуюсь, — писал он в марте 1860 г., — когда говорят о тебе Сухозанет и Бутков: они тебя искренне любят и уважают, а это два главные лица для генерал-губернатора и командующего войсками в Восточной Сибири"⁴¹⁰. Но назначение военным министром Д.А. Милютина, который быстро приобрел большое влияние, изменило ситуацию.

Не очень ладились отношения с министром внутренних дел, чему способствовало и то, что Корсаков отказался назначить бездарного и непригодного к просимой должности родственника жены П.А. Валуева своим чиновником по дипломатической части⁴¹¹. Бесконечные конфликты с генерал-губернаторским окружением П.Н. Замятнина, попавшего в енисейские губернаторы и удерживавшегося на этой должности лишь благодаря настойчивой протекции своего брата, министра юстиции Д.Н. Замятнина, не могли улучшить отношений последнего с Корсаковым, хотя тот и пытался уйти от открытого столкновения со своим подчиненным. Бакунинская история, дело о послаблениях Михайлову, общее мнение о попустительстве Корсакова политическим ссыльным — все это делало неизбежным неприязнь к нему со стороны III отделения. И расположенный к Корсакову Бутков в частной беседе с Н.В. Буссе выразил сожаление, что Корсаков продолжает "выказывать снисходительность политическим преступникам", и заметил, что после бакунинской истории следовало "круто приняться за сосланных... тогда бы не было новой истории с Михайловым"⁴¹². В письме, отправленном с оказией, Ю.И. Штубендорф даже передавал своему шефу совет В.П. Буткова "быть осторожным в письмах, потому что более, чем вероятно, что они подлежат вскрытию и рассмотрению"⁴¹³. И действительно, в секретном архиве III отделения отложились материалы перлюстрации писем к Корсакову, в частности, весьма радикальных и антиправительственных писем Е.И. Рагозина.

Итак, положение Корсакова в Петербурге свидетельствовало об отсутствии у него сильного покровителя. Пожалуй, главным его доброжелателем был Н.П. Игнатьев. В письмах к нему Корсаков затрагивал даже такие

вопросы, которые отнюдь не входили в компетенцию директора Азиатского департамента МИДа. Типично письмо от 5 июня 1864 г., в котором сообщается о содержании отправленных с курьером бумаг. Они относились к действиям кабинетских золотых промыслов, к устройству почтовых сообщений через Монголию, продаже телеграфной линии и т.д.⁴¹⁴. Обычна и просьба быть покровителем посылаемых в Петербург подчиненных и курьеров генерал-губернатора и научить их, как передать камердинеру государя отчет по Нерчинским горным заводам, чтобы он попал в собственные руки императора⁴¹⁵. Но Игнатьев сам занимал не слишком высокое место.

В личных письмах говорилось о постоянной борьбе с министерствами и департаментами, а однажды вырвалось: "Три года я управляю краем под тою мыслию, что не сегодня, так завтра пришлют мне на смену другого генерал-губернатора (со времен бакунинской истории). В Петербурге это очень хорошо знают и пользуются моим неопределенным положением. Перебирая прежнюю переписку генерал-губернатора, часто вижу, какую сильную и надежную поддержку имел граф Амурский в Николай Павловиче, зато многое и сделано. Тогда мне и на ум не придет сравнивать себя с Николаем Николаевичем, который обладает гениальными, по моему мнению, способностями, но все же и помощь и поддержка ему были сильные", — писал Корсаков брату 11 марта 1864 г.⁴¹⁶.

Отношения с центральной властью осложнялись попытками продолжать муравьевский курс на противостояние ведомствам, подчинение генерал-губернатору их местных органов и опору в этих действиях на монарха. За исключением внешнеполитических вопросов, продолжить муравьевский курс в новых условиях не удавалось и не могло удалиться — те же объективные факторы, которые когда-то развели самого Муравьева с либеральными бюрократами в столичных сферах, теперь не позволяли его менее энергичному и талантливому преемнику продолжать его линию.

Примечательно, что не только в письмах родным, но и в переписке с доверенными людьми из числа ближайших подчиненных Петербург выступает как нечто целое, как высшая власть вообще. В условиях острейшей политической борьбы в правительственных кругах высшая администрация региона не демонстрирует никаких политических предпочтений. Абсолютно политически инфан-

тным выглядит такое объяснение смены ряда высших лиц в правительстве в 1861 г.: "Немудрено, много было уже чересчур старых, а человек не может же быть постоянно на службе, надо когда-нибудь и отдохнуть"⁴¹⁷. Высказываясь в отчетах и проектах в пользу реформ и доказывая необходимость их распространения на Сибирь, Корсаков в большинстве случаев одобряет конкретные действия реакционера М.Н. Муравьева и осуждает поступки либералов. Причины подобного поведения можно увидеть на примере отношения Корсакова к В.П. Безобразову. После его выступления с осуждением колонизации Амура, когда Безобразов получил публичный выговор от великого князя Константина Николаевича, Корсаков с удовлетворением писал: "В его лета пора быть посolidнее, меньше ораторствовать, а основательнее обсуждать дело... Как он ни благороден и честен в своих понятиях, но я бы ему дела не поручил, слишком много о себе думает, с этим далеко не уедешь, на фразах легко выезжать в публике, но для дела этого очень мало"⁴¹⁸.

Как и при Муравьеве, отношение к Амуру либеральных бюрократов и либералов вообще делало невозможным их союз с близкой к ним по взглядам высшей восточносибирской администрацией. В то же время сами эти взгляды и их отстаивание, хотя и не всегда последовательное и энергичное, разводило Корсакова и его приближенных с правыми.

Неизбежные столкновения со столичными бюрократами, вызывавшие возмущение Муравьева и — в первые годы — самого Корсакова, теперь воспринималось более спокойно. Хотя и велась "постоянная борьба с разными лицами в Петербурге на бумаге, что, — как писал Корсаков в 1864 г., — не мешает... впрочем лично быть с ними в хороших отношениях, но, верно, уж таково положение вообще генерал-губернатора, о разных вздорах приходится иногда вести упорную переписку с Петербургом как будто с врагами и с бою многое что брать для края. Дело в том, что в переписке главную роль играют канцелярии министров, которые имеют особенное удовольствие, где только могут, выказать какое-либо с своей стороны влияние, а потому ради этого удовольствия и путают и замедляют разные иногда и весьма важные вопросы"⁴¹⁹. При этом сам Корсаков пользовался среди директоров департаментов "славой умного, весьма деятельного и не суетливого администратора". Во всяком случае, так говорили

Ю.И. Штубендорфу тс из них, с кем он виделся⁴²⁰. Постепенно отношения с Петербургом становились более устойчивыми и гладкими, несмотря на то, что, по словам того же Штубендорфа, "Сибирью мало интересуются"⁴²¹.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ВНЕШНИЙ ОБЛИК. ХАРАКТЕР

Источники содержат немного сведений о внешнем облике и характере М.С. Корсакова. Более или менее полное описание его внешности сохранилось лишь в дневниковой записи В.П. Быковой за 30 марта 1871 г.: "Помню живо наше первое знакомство: то было ровно 12 лет назад, в 1859 г., в марте. ...Очень молодой человек, блондин, розовый, с прекрасными голубыми глазами. ... На вид ему было не более лет 25, пожалуй, еще моложе. Чрез 10 лет, когда в последний раз, в 1869 году, вернулся он женатым из Петербурга, он был совсем седой, с тяжелой поступью и как-то опустившийся, но лицо все еще свежее и голос звонкий и молодой"⁴²².

При том, что сохранилось сравнительно немного свидетельств о характере М.С. Корсакова в мемуарах и письмах других людей, имеется уникальный источник для изучения внутреннего мира этого человека — его собственные письма родным практически за всю сознательную жизнь, с начала 1840-х до 1870 гг. Они позволяют проследить эволюцию представлений о себе и о мире, о своем месте в нем, о смысле службы.

Многие мемуаристы отмечали мягкость Корсакова и его ровное обращение с людьми, особенно в сравнении с вспыльчивым Муравьевым. Сам он писал родным: Николай Николаевич на "17 лет старше меня, а характером далеко пылче и слишком все к сердцу принимает, забывая о том, что этим себя только раздражает, а делу никакой пользы не принесет"⁴²³. Муравьев же писал М.С. Волконскому: Корсаков "менее меня и увлекается, и меньше горячится; это так и нужно, и если некоторое увлечение было полезно в мои 13 лет, то теперь требуется именно ровность и даже некоторая холодность в характере генерал-губернатора"⁴²⁴.

Более хладнокровный и спокойный Корсаков в молодости все же был склонен, в духе николаевского времени, к

нагайке и зуботычинам. В 1851 г. он писал с дороги: "К сожалению, должен сознаться, что пришлось мне еще в Костромской губернии [испытать] прочность своей нагайки. Увы! Она сломалась после 3-х или 4-х ударов по спине ямщика"⁴²⁵. Позже он стал придерживаться более гуманных правил, сам осуждал подобное поведение подчиненных и писал Муравьеву: "Гуманный теоретически Лавров, оставляя Иркутскую губернию, кажется не применил теорию к практике и рук своих не пожалел, за что, конечно по надлежащем разборе жалоб ямщиков, не должен уйти от замечания"⁴²⁶. Корсаков поддерживал гуманное обращение офицеров с нижними чинами — во всяком случае, именно такую позицию он занял в разговоре с моряком лейтенантом Бурачеком, и тот писал ему: "У меня свежи в памяти наши разговоры, я уверен, что желания и обещания ваши не останутся словами — будут приведены в исполнение. ... Неужели вы считаете меня до такой степени бесчувственным, что для исполнения приказаний начальства стал бы тиранить солдат?"⁴²⁷ Не исключено, что эта эволюция действительно произошла под влиянием герценовской пропаганды, как утверждал Б.Г. Кубалов. Но, скорее, сказывалось изменение общественных настроений.

Правда, этот гуманизм имел весьма ограниченные рамки и отступал, когда надо было проявить требовательность, например, по отношению к "золотой молодежи". П.В. Казакевич упрекал его за это: "Вы защищаете Гурьева, но он делал при сплаве или позволял делать с крестьянами разные разности, не говоря уже о том, что их пороли весьма изрядно"⁴²⁸.

Для Корсакова было характерно серьезное отношение к службе. В юности служба воспринималась им как долг перед отечеством и семьей ("поддержать честь Карсаковых"). В декабре 1856 г. он писал брату: "Мы живем не для генеральских чинов и вообще, принося пользу своим существованием, можем безгрешно, мне кажется, подумать и о другом. Я здесь много могу пользы принести... но часто думаю, что за гений такой я, чтоб меня нельзя было заменить другим"⁴²⁹. Позже обычным мотивом стало сознание своего долга перед Н.Н. Муравьевым, обязанности оправдать его надежды.

Для человека на столь значительной должности в нем не слишком было развито честолюбие. На наш взгляд, это объясняется стремительной карьерой: "Честолюбие мое

уже и без того очень избаловано, — писал Корсаков в декабре 1856 г., — и я вполне понимаю, что в мои лета быть на том месте, которое занимаю, весьма и весьма много"⁴³⁰; и через месяц: "Правительство мое опять выхватило меня вперед перед другими, и милость эта для меня большая, но я как-то не увлекаюсь сию и постоянную лучшую мыслью моею остается по-прежнему возможность обнять вас в России"⁴³¹. Свои способности он оценивал весьма трезво. Завалишин утверждал, что в начале своей губернаторской деятельности Корсаков был смеццон и жалок и мучим сознанием своего "недостойнства"⁴³². В неопубликованном варианте мемуаров Завалишин передавал рассказ самого Корсакова о том, что "отец считал его младенцем по уму" и, определив всех братьев "по ученым службам", сказал: "Ну, а вот из этого ничего не выйдет" — и отдал Михаила в школу гвардейских подпрапорщиков⁴³³. Даже сделав скидку на известную язвительность Завалишина и его страсть к преувеличениям, ясно, что Корсаков осознавал недостаток своего образования и, как явствует из письма к брату, не считал себя незаменимым.

Со временем власть над людьми, ощущение значения если не себя самого, то своей должности, сказались и на его самооценке. Об этом свидетельствуют собственные высказывания Корсакова в письмах разных лет. Впервые направляясь в Сибирь в должности офицера для особых поручений, он удивлялся тому, что в нем видели причастного к власти. После того, как в Канске к нему явился городничий, в дневнике появилась запись: "Я сконфузился и никак не мог понять, что ко мне, ничтожному маленькому человеку, является городничий"⁴³⁴. В 1851 г., отправляясь в Якутскую область для организации транспортировки тяжелых грузов в Камчатку, он писал родным: "Еду и думаю, как будут у меня дела в Якутской области. ...Поручение мое очень сложное и немаловажное"⁴³⁵. Но то, что якутский областной начальник, человек значительно старше Корсакова и годами, и чином, и должностью в официальной иерархии, обращается к нему за указаниями и воспринимает как представителя высшей власти, уже не вызывает ни недоумения, ни удивления и воспринимается как должное. А еще через четыре года, оказавшись в Шилкинском заводе в роли руководителя подготовки амурского сплава 1855 г., Корсаков возмущался тем, что ему отвели недостойное его помещение — "какой-то совершенный анбар без сеней". И хотя с раз-

мещением людей явно были большие трудности, "полицейстеру досталось порядком, под арестом его выдержал и страху им здесь задал и перешел теперь в лучшую здесь квартиру"⁴³⁶. Когда-то Е.И. Рагозин писал Корсакову: "Желаю вам, чтобы демон власти не овладел вами, мне кажется, вы начинали поддаваться ему. Удержаться трудно, для спасения нужно идти против себя"⁴³⁷. Вероятно, избежать вполне этой опасности не удалось.

Все же, даже став генерал-губернатором, Корсаков тяготился своим официальным положением и писал родным: "Много вообще мне забот и тяжких дум, и очень ошибаются те, кто думает, что жизнь моя при такой карьере усеяна цветами. Я еще не так испорчен, чтобы почести и власть могли заменить для меня вес на свете"⁴³⁸. Роль начальника, за каждым шагом которого следят, каждое слово обсуждают, очень удручала, хотя Корсаков и понимал, что подобное положение неизбежно.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Материальное положение М.С. Корсакова с самого начала его службы в Сибири обеспечивалось большей частью казенным содержанием. Правда, в первые годы изредка приходилось прибегать к помощи отца. В Иркутске расходов было немного, так как жил и обедал он у Н.Н. Муравьева, но дальние командировки наносили урон бюджету. Фраза: "Нс будь якутской командировки, я бы с нынешнего года начал подбавлять в братский наш капитал"⁴³⁹ из письма от 8 мая 1852 г. подтверждает возможность нс только жить исключительно на казенное содержание, но и откладывать из него какие-то суммы. Правда, это было возможно при весьма существенной финансовой поддержке Н.Н. Муравьева, что понимал и сам Корсаков⁴⁴⁰. Он имел бесплатное помещение и вообще жил на всем готовом в доме генерал-губернатора, "в Россию", даже в отпуск, ездил на казенный счет.

Его семья принадлежала к среднему поместному дворянству и имела неплохие имения и в Центральной России, и в Белоруссии, но и детей было девять человек — шесть сыновей и три дочери. После смерти отца всеми хозяйственными делами семьи занимался второй из сыновей Семена Николаевича — Сергей. Судя по письмам к нему Михаила из Тарусова во время отпуска с подробными отчетами по хозяйству — о ходе посевных и убо-

рочных работ, о строительстве молочной фермы и продаже яблок, о ремонте флигеля и установке решеток в избе за скотным двором, чтоб сажать туда пьяных дворовых⁴⁴¹, — Сергей Семенович еще при отце управлял фамильным имуществом. Раздел имений после смерти отца проходил с некоторыми осложнениями, несмотря на дружеские отношения между членами семьи и общий некорыстолюбивый дух. В переписке братья, как водится, винили в этом мужей сестер (за исключением П.А. Бакунина); споры доходили до того, что приходилось прибегать к третейским судьям. Позиция Михаила Семеновича сводилась к тому, что ради спокойствия сестер следует пожертвовать материальными интересами⁴⁴².

Заняв должность губернатора и наказного атамана, он стал получать значительные суммы: по должности губернатора 2000 руб. жалованья и 2000 руб. столовых, плюс по должности наказного атамана 1017 руб. жалованья и 1961 р. 40 к. столовых, всего 6978 р. 40 к.⁴⁴³. Кроме того, в 1858 г. за участие в присоединении Амура ему был пожалован пожизненный пенсион 2000 руб. в год⁴⁴⁴. Амурская пенсия тратилась не на собственные нужды. В 1861 г. на эти деньги была выстроена богадельня для бывших дворовых в Тарусове⁴⁴⁵, позже из них оказывалась помощь С.С. Лавровой, учившейся в Цюрихском университете. Несмотря на приличное содержание, свободных денег обычно не оставалось. Это было связано и с дороговизной жизни в Восточной Сибири, и с большими расходами на поддержание собственного статуса: то приходилось обзаводиться хозяйством в Чите, то в якутскую библиотеку жертвовать не 10 руб., как все другие чиновники, а 25 руб., так как "генерал" дал 50⁴⁴⁶, то ссужать подчиненных.

В 1860 г., став помощником генерал-губернатора, Корсаков получал 8 тыс. в год. В феврале 1861 г. исправляющему должность генерал-губернатора генерал-майору Корсакову было назначено: жалованья по чину 1017 руб., жалованья по званию 2082 руб., столовых по званию 3362 р. 40 к., добавочного содержания 14 700 руб., на разъезды 1715 р. 40 к. плюс 10 тыс. единовременно "на обзаведение"⁴⁴⁷.

В том же году Корсаков сообщил матери: "Денежные средства в настоящее время очень мне кстати пришлись, видишь, какой я гадкий человек стал, о деньгах радуюсь", но дороговизна заставила сделать долги⁴⁴⁸, чего он, как знали все знакомые, терпеть не мог⁴⁴⁹. Даже получая

по 23 тыс. в год, Корсаков не имел свободных средств и объяснял это так: "Экономии мне из моего, хотя и хорошего содержания, при здешней дороговизне и **необходимых для генерал-губернатора расходов**, делать решительно невозможно, пенсию же свою не трогаю, впрочем, живу очень скромно"⁴⁵⁰ (выделено нами. — **Н.М.**).

Решив в начале своего генерал-губернаторства, что вести дом на столь же широкую ногу, как при Муравьеве, он не может и не будет⁴⁵¹, Корсаков все же вынужден был идти на представительские траты. То заказывался "у Гарднеровых на фабрике полный сервиз столовый и чайный"⁴⁵², то нанимались новые слуги, то делались подарки — в том числе высокопоставленным лицам в Петербурге. Все же в генерал-губернаторском доме хозяйство было уже налажено, и Корсаков принял его в полном порядке.

Несколькими годами раньше в Чите ему пришлось начинать с нуля: приехал в "совершенно пустой дом, бывший атаман все свое домашнее заведение распродал по рукам", купить ничего нельзя было — все надо было заказывать из Москвы или, в лучшем случае, из Иркутска. "Воду к обеду подают в штофе, — жаловался он родным, — так как посуда из Москвы придет нескоро"⁴⁵³. Пришлось нанять экономку, чтоб смотрела "за столовым бельем, провизией и всем хозяйством и огородами"⁴⁵⁴. Ей было положено жалованье 15 руб. в месяц. Были свои коровы и куры, лошади — тройка упряжных и верховая. Конечно, прислуживали вывезенные из Тарусова дворовые ("Петрушка будет камердинером и служить в комнатах"), нанимались еще слуги: "Андрян (человек, которого я нанял) — буфетчиком и надзирать за конюшней, будет еще и кучер, повар, истопник печей (он же дворник) и казачка (она же кухарка для людей)"⁴⁵⁵. В доме, как уже отмечалось, жили два адъютанта, Муравьев и Ротчев, чиновник особых поручений Рагозин, офицеры для поручений Тимрот, Поливанов и Головин (вероятно, родственник Е.А. Головина), инженер путей сообщения Шишков⁴⁵⁶. Но если бы Корсаков был семейным человеком, слуг пришлось бы держать еще больше.

И губернаторская, и генерал-губернаторская должности предполагали участие в светской жизни (соблюдение приличий требует то на бале быть, то на обеде, — писал он матери⁴⁵⁷). Несмотря на жалобы по поводу "светской суеты", некоторые из подобных обязанностей выполнялись с явным удовольствием — устройство благо-

творительных базаров и лотерей, посещения Читинского детского приюта и Девичьего института в Иркутске. К числу обязательных ритуалов относилось и посещение богослужений, особенно в торжественные дни.

В юные годы он был проникнут искренним и глубоким религиозным чувством, вынесенным из семьи. И в письмах, и в дневниковых записях упоминается о посещении церкви в будни и праздники, осуждается чрезмерная пышность и официальность пасхальной службы в Иркутском кафедральном соборе. Встречаются и такие замечания: "Страстная неделя, я говею. Бог знает, хорошо ли удастся мне ответить здесь, по крайней мерс так, как я надеялся это сделать"⁴⁵⁸; "ходил я в церковь, чтоб отслужить по тетушке панихиду, но обедня уже кончилась и священника не было... вечером опять схожу перед вечерней, хочется^{45д} мне помолиться о ней, да и о самом себе помолиться"^{45д}. В апреле 1851 г. в далекой Мюринской инородческой управе в Якутской области он записал в дневнике наутро посте пасхального богослужения: «Вспомнил, какая это великая ночь... вспомнил, что один в этой глуши. ...Помолился я усердно за всех наших... Напрасно ждал я хотя обрашник (так в тексте. — **Н.М.**) той радостной службы, какая бывает в эту ночь у нас в России, — как всегда приятно волновалось сердце, когда, бывало, священник, обращаясь с крестом, говорил: "Христос Воскресе"^{4,0} и получал в ответ радостное "Во истину Воскресе"^{4,0}. Позже религиозные мотивы занимают в письмах значительно меньше места, появляются даже сетования на долгие службы. Но, разумеется, Корсаков исправно посещает церковь, и вообще соблюдение церковного календаря в значительной степени определяло образ жизни генерал-губернатора.

Заняв этот высокий пост, Корсаков стал вести более оседлую жизнь, чем в молодости, но все-таки регулярные поездки в Петербург и объезды обширного края, включая отдаленные Амурскую и Приморскую области, были неизбежны. В молодости путешествия воспринимались с известной долей романтизма, а быт в пути описывался как приключение: "Для дневки выбирается посуше местечко между деревьями на берегу реки, раскладывается огонь, расстилаются медвежины вместо ковров, выючный ящик служит вместо стола, Василий хлопочет за обедом, до изготовления которого мы с Налабардиным (моим чиновником) или проводим время в разговорах, в вос-

поминаниях якутских балов, или с ружьями бродим за утками, или пишем свои заметки"⁴⁶¹. В зрелые годы дорога стала восприниматься как скучная и утомительная повседневность, единственное, что ее скрашивало, — возможность навестить старых знакомых и бывших или нынешних сослуживцев — пермского губернатора Б.В. Струве, амурского Н.В. Буссе, омского жандармского штаб-офицера В.П. Рыкачева и др.

Обычный день был наполнен главным образом работой: "Утром как встанешь, так до обеда в 4 часа и даже до вечернего чая с рук на руки меня передают, так что совсем ослабеешь от множества разных лиц, с которыми все говоришь большую частью о делах"⁴⁶². Дела, раньше бывшие предметом увлечения и неформальной заботы, все больше ощущаются как тягостный долг. В откровенных письмах родным проскальзывают нарастающие апатия и равнодушие. Иногда они высказаны прямо, чаще заметны лишь в сравнении с прежними рассказами о служебных делах. За время генерал-губернаторства он несколько раз отрывался от управления, находясь в отпусках и уезжая на Амур. Постепенно возвращение к выполнению обязанностей стало восприниматься как тяжелая лямка, в которую приходилось вновь и вновь впрягаться.

Неизменной нотой в письмах звучит жалоба на свое всегда официальное положение. В начале генерал-губернаторства она высказывается более эмоционально ("Уж как мне эта официальность надоела! Таким надо быть сухим, холодным, ровным ко всем, всякое слово взвесить, совсем человек портится"⁴⁶³), через несколько лет — более меланхолично ("Жаль только, что я везде официальное лицо, начальник"⁴⁶⁴). Столь же неизменны и сетования на одиночество, на отдаленность и редкие встречи с родными, тоску по семье, на то, что со всеми окружающими связан служебными отношениями, что даже досуг чаще всего проводится не так, как хотелось бы. "Теперь масленица и город кипит жизнью, постоянно то вечера, то катанье с гор, то театр, то маскарад... Не могу сказать, чтоб было весело, хотя бываю почти везде и заставляю себя веселиться. 1 марта был премиленький bal costume у Извольских, большей частью дамы и мужчины были в русских костюмах, и хозяева были чрезвычайно довольны, что всем было весело. Оставался я там до 3-х часов ночи. Но все же невесело было для меня собственно. Причина тому положению — значительные заботы, кото-

рые неразрывны с занимаемой мною должностью"⁴⁶⁵. Корсаков отмечал, что в Иркутске он совсем не таков, как дома: "Здесь я большею частью серьезен. ...Мало пища сердцу, все боишься встретить в людях обман и ложь"⁴⁶⁶.

Своеобразной попыткой создать некую отдушину, заменитель далекого любимого Тарусова стала постройка дачи. "Последнее время в Иркутске отдохновением мне служила строящаяся дача на берегу реки Ангары, которая была названа Звездочкой (подчеркнуто автором. — *Н.М.*) в память удавшихся звездочек во время фейерверка"⁴⁶⁷, — писал Корсаков матери в 1861 г. С тех пор упоминания о "Звездочке" в письмах стали регулярными, а в 1865 г. был даже послан «альбом с видами моей "Звездочки"»⁴⁶⁸. Выросши в имении и часто бывая там и в молодости, Михаил Семенович часто с нежностью вспоминал Тарусово как райский уголок, с которым связаны отрадные воспоминания детства. Любовь к природе выразилась в стремлении и в Сибири выращивать в доме цветы, устраивать палисадники, завести дачу.

Построенный в 1856 г. атаманский дом в Чите, в котором Корсаков прожил около трех лет, был просторен, хотя и не очень удобен ("некоторые комнаты холодны, потому что печи неудобно устроены"⁴⁶⁹). Он строился в расчете на семейного человека, сам Корсаков не думал долго жить в нем, поэтому там были предусмотрены помещения для губернаторши и детские⁴⁷⁰. Около дома был разбит сад, и в 1862 г. он с большим огорчением писал, что этот сад "совершенно уничтожен" новым забайкальским губернатором Жуковским, и "даже то место, где была аллея, выпажано и посеян овес для зелени, видно у всякого барина своя фантазия"⁴⁷¹.

Поселившись в Иркутске в генерал-губернаторском доме, Корсаков многое оставил в нем так, как было при Муравьеве, даже оранжерею с редкостными цветами и ананасами. Но он, в отличие от предшественника, был холостяком, и в доме до 1869 г., когда Михаил Семенович наконец женился, не было хозяйки — ее заменяли чиновники особых поручений.

Из развлечений, кроме обычных балов, приемов, карточной игры ("Я даже начал в карты играть, впрочем, не бойтесь, это не до пристрастия", — писал он матери в 1864 г.⁴⁷²), маскарадов, театра, появлялись новые, вызывавшие, во всяком случае, на первых порах, интерес и сочувствие генерал-губернатора. В 1861 г. это была ор-

ганизация дамского благотворительного общества для помощи бедным жителям города⁴⁷³ (в 1866 г. Корсаков обещал затянному теми же дамами обществу посещения больных "присылать все выигранные им в карты деньги"⁴⁷⁴), в 1864 — семейные вечера. Последние проходили в благородном собрании, куда дамы приезжали не в бальных, а в повседневных нарядах. Там "каждый вечер веселятся, танцуют, поют хором около фортепиано русские песни, — писал Корсаков матери, — слушая хор, вспоминаешь дом, теперь есть несколько молодых людей, умеющих хорошо играть на фортепиано, иногда у меня после обеда сыграют что-нибудь"⁴⁷⁵.

От отца он унаследовал пристрастие к гомеопатии. Михаил Семенович и сам лечился "крупинками", и рекомендовал их другим, хотя в таких серьезных случаях, как тяжелая болезнь Н.Н. Муравьева в 1850 г., подобные попытки не делались. Любопытно, что Корсаковы и, в частности Александра Корнильевна — жена М.С. Корсакова, — способствовали переезду в Петербург известного врача, специалиста по тибетской медицине Бадмаева, и рекомендовали его многим высокопоставленным лицам.

ЛИЧНЫЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

В первые сибирские годы Николай Николаевич и Екатерина Николаевна Муравьевы заменяли Корсакову собственную семью. Михаил Семенович любил и уважал Муравьева не только как начальника, но и как близкого родственника. Особенно это стало заметно во время тяжелой болезни Муравьева в 1850 г., когда Корсаков отложил свой отъезд на Камчатку и в Якутск и неотлучно, целыми днями, а во время кризиса и ночью находился при больном, деля это дежурство только с его женой. Сам же Муравьев писал о Корсакове, что он считал его за сына и был к нему искренне привязан. Корсаков сохранил благодарность к прежнему начальнику и позже. Отставной губернский секретарь В.П. Шумахер в 1865 г. был определен Корсаковым чиновником особых поручений и получил задание "заняться составлением подробных исторических описаний приобретения, занятия и заселения Приамурской страны и всех экспедиций, которые для этой цели были совершаемы"⁴⁷⁶. В письмах к Корсакову Шумахер сообщал о своих успехах и трудностях, отмечая, что "сочинение об Амуре займет более

тысячи больших печатных страниц"⁴⁷⁷ и что "книга об Амурской стране... зажмет рты клевете"⁴⁷⁸. Главным героем повествования должен был стать, конечно, Н.Н. Муравьев. В 1861 г. Михаил Семенович очень тяжело переживал отъезд Муравьева, именно тогда в его письмах особенно остро стала звучать тема одиночества. ("И приеду я в Иркутск опять один-одинешенек, останусь в этом огромном для холостого человека доме, так мало в будущем поэзии, что и думать не хочется"⁴⁷⁹, — писал он матери.)

Своеобразным утешением стало для Корсакова покровительство Девичьему институту и его воспитанницам. Описывая матери свое тоскливое настроение в пасхальные дни 1860 г., он заметил: "Я успел съездить в Институт к своим временным (заменяя генерал-губернатора, он также временно возглавлял совет Института. — Н.М.) деточкам и с ними разговелся, с начальницей Института госпожой Быковой мы большие друзья"⁴⁸⁰. В Чите подобное покровительство он оказывал детскому приюту, причем не только формальное — так, в отсутствие губернатора по его распоряжению детям на Пасху были розданы подарки⁴⁸¹. Сестра начальницы Иркутского института В.П. Быкова не раз отмечала в дневнике, что институтки и воспитательницы веселились на "Звездочке". "Добрый Михаил Семенович тешит наших воспитанниц, выпущенных 30 июня. ... Там весело, там пляшут, павильон на заимке освещен"⁴⁸². Корсаков, как некогда основатель Института В.Я. Руперт, вникал и в мелочи жизни Института — например, обсуждал с начальницей план сада. Отголоски звучавших тогда споров слышны в письме А.П. Быковой, посылавшей ему этот план с замечанием: "Поэзия и практическая жизнь идут в нем рука об руку, даже и огород, который смущал вас при нашем совещании, и тот нашел себе уютенькое местечко, откуда, не нарушая общей гармонии сада, он будет приносить свою дозу пользы заведению"⁴⁸³.

В жизни Михаила Семеновича была долгая и безответная любовь к Неллиньке — дочери декабриста С.Г. Волконского Елене Сергеевне. Корсаков познакомился с нею в Иркутске сразу по приезде. Хотя друзья в письмах подшучивали над ним, упоминая о красоте Нелли и ее блистательных успехах на балах, в письме родным от 18 мая 1852 г. сам Михаил Семенович пишет о

ней довольно спокойно и как бы небрежно: "Молчанов с женою едет... в Петербург... Славная она дамочка, говорит мне, что если бы вы были в то время в Петербурге, то заехала бы к вам рассказать, как я живу в Иркутске (хотя надобно правду сказать, она мало знает о подробностях моей жизни)"⁴⁸⁴. Серьезное чувство к ней появилось, видимо, позже. После смерти ее первого мужа Д.В. Молчанова Корсаков делал молодой вдове предложение, но получил отказ. Она вышла за другого. Долго после этого он не хотел даже думать о женитьбе, объясняя это тем, что "слишком глубоки были последствия неудачной моей привязанности"⁴⁸⁵. Новая надежда появилась после кончины ее второго мужа Н.А. Кочубея, но сватовство вновь оказалось неудачным. Наиболее подробно перипетии этого долгого и неудачного романа описаны в письмах А.В. Поджио к Корсакову⁴⁸⁶.

В Иркутске Корсаков пользовался большим успехом у женщин и считался самым завидным женихом — об этом открыто писала ему одна из поклонниц, Т.Ф. Чайковская⁴⁸⁷. В сатирической оде "На отъезд графа Амурского" Корсакову посвящено одно четверостишие, также с упоминанием его успехов у дам: "Разорены полки Козаков, / Их в службе варварской томят, Назимовой занят Корсаков, / А не козаками занят"⁴⁸⁸.

Вскоре в его жизнь вошла новая женщина и на этот раз надолго. Уже в 1862 г. родственник и подчиненный В.С. Муравьев сообщал Михаилу Семеновичу, что в Иркутске "продолжают поговаривать о Вашей связи с Вакульской и что она имеет большое влияние на дела"⁴⁸⁹. О ее влиянии на генерал-губернатора упоминал и жандарм Дувинг. Александра Корнильевна Вакульская (урожденная Попова) была женой иркутского полицмейстера, имевшего весьма дурную репутацию, но пользовавшегося покровительством генерал-губернатора и сделавшего в Сибири неплохую карьеру. В письмах Н.Г. Шульмана второй половины 60-х гг. подробно, со всеми мелочами рассказывалось о ее жизни в отсутствие Михаила Семеновича. Именно эта женщина стала в 1869 г. женой М.С. Корсакова.

О необходимости жениться ему много и настойчиво писали и говорили и родные, и друзья, и Н.Н. Муравьев, и даже великая княгиня Елена Павловна. Планы строились самые разные. Сообщая матери о своем решении, Корсаков писал: "Отброшены все предположения о состо-

янии, красивом лице и положении в обществе. Я хочу найти и, кажется, нашел такого именно человека, который любит меня для меня"⁴⁹⁰. Ни состояния, ни положения в обществе у вдовы иркутского полицмейстера, действительно, не было. Трудно судить о том, насколько удачен был этот брак, — он длился всего два года.

Все друзья Корсакова были из числа сослуживцев и подчиненных. В начале 50-х годов он был очень дружен с адъютантом Муравьева И.С. Мазаровичем, который писал ему: "Я ни к кому так сильно не привязывался, и ни к кому не имел такого доверия, как к Вам, и, наконец, я ни с кем так не сходил с мыслями, как с Вами"⁴⁹¹. Позже близкое знакомство и дружеские отношения связывали Корсакова с семьей начальника штаба войск Восточной Сибири Б.К. Кукселя. Высоко ценил он тещу Кукуля — Надежду Терентьевну Клейменову — и писал о ней матери: "Хороший и редкий был здесь человек, которую я много люблю и уважаю, но и она уехала. ...Женщина она пожилая, много в жизни перенесла, а между тем весьма сердечная и религиозная, а вы дали мне такое воспитание, что люблю и уважаю таких людей"⁴⁹².

Несколько лет М.С. Корсаков оказывал финансовую и моральную поддержку Софье Лавровой. О ее жизни, отношениях с семьей Н.Н. Муравьева, участии в революционном движении говорилось во второй главе. Учеба в Цюрихе требовала средств — их дал ей генерал-губернатор из своей "амурской пенсии"⁴⁹³. Однако он не мог одобрять ее увлечения радикальными идеями и писал матери: "При ее ошибочном направлении никогда она не будет в жизни счастлива тем прочным счастьем, которое иногда дается в жизни. Лишь бы Маню свою поберегла и не ставила ее на тот путь, который слишком тяжело ощущается, а между тем никакой прочности в своем основании не имеет"⁴⁹⁴. Другая дочь Т.Ф. Чайковской, В.С. Кропоткина, также получала от него нежные письма, исполненные отеческой заботы. В 1868 г. он приглашал ее мужа, А.А. Кропоткина, прослужившего ранее несколько лет в Восточной Сибири, вернуться туда по окончании Военно-юридической академии и сопровождал это приглашение словами: "К тому времени, вероятно, он перестанет гоняться за звездами в небе"⁴⁹⁵. (А.А. Кропоткин увлекался астрономией и писал научно-популярные работы на эту тему.)

ОТСТАВКА

Мысль о прекращении службы в Сибири появилась у М.С. Корсакова уже в первые годы здесь и затем многократно возникала вновь. Об отставке же с поста генерал-губернатора после кризиса в его отношениях с центром в 1862—1863 гг. речь в переписке долго не возобновлялась. По мнению горячо возражавшего против подобного шага Н.Н. Муравьева, естественным рубежом мог стать 1869 г. "Через год, — писал он своему преемнику в 1868 г., — будет 20 лет твоей сибирской службы, и желал бы всякому из нынешних государственных сановников иметь право сказать, что 20 лет они прослужили с такою пользою для отечества, как ты прослужил в Сибири"⁴⁹⁶.

Возобновление вопроса об отставке, возможно, было связано и с комиссией генерал-адъютанта И.Г. Сколкова. Так же, как и в 1866 г. фон Розенбаху, Сколкову два года спустя была поручена ревизия только военного управления. Но его поездка рассматривалась как неблагоприятный для генерал-губернатора симптом. В том же 1868 г. жандармский полковник Дувинг позволил себе в очередном донесении в III отделение открытую критику в адрес главного местного начальника и его предшественника. После указания на быструю карьеру Корсакова и покровительство ему со стороны начальника и родственника, Дувинг писал: "Он действует по тем правилам, как действовал Муравьев; но Муравьев был слишком умен и дальновиден, он действовал слишком энергично, желая себя выказать перед правительством и этими крутыми мерами расстроил край; теперь генерал-губернатор вот уже почти 7 лет не может исправить те недостатки и беспорядки по хозяйству, которые произошли при Муравьеве, край обеднел, торговля упала, многие из купечества выехали из Сибири; чиновничества, приглашенного на службу, в настоящее время весьма мало хорошего, все они почти в долгу и едут в Сибирь с отчаяния; между тем генерал-губернатор не любит, когда ему доложат что-нибудь откровенно и этим, конечно, от себя отталкивает, стал слишком недоступен, так что при Муравьеве в этом отношении было лучше, а к нему можно только явиться в назначенные общие приемные дни со всеми"⁴⁹⁷.

В этом и последующих донесениях подвергались критике и ближайшие подчиненные генерал-губернатора —

начальник штаба Кукель, иркутский полицмейстер Ду- манский, глава окружного интендантства Шульман и др., причем указывалось и на покровительство им со стороны генерал-губернатора. В донесении за 1869 г. Дувинг пов- торил обвинения в адрес Корсакова и утверждал, что "в крае почти новом, богатом, все как-то упадает — торгов- ля, промышленность, — народ беднеет и нет должного справедливого разбирательства". Самым отрицательным образом — как попустительство — характеризовалось отношение к подчиненным: "Чиновничество и вообще служащие люди, которые пользуются милостию генерал- губернатора, быстро идут вперед, хотя по видимому не заслуживали бы должного внимания; вся администрация действует так, как им приказано, и всегда здешние под- ведомственные чины бывают скрыты от всех [разоблачений их] злоупотреблений и в случае неловкого положения ос- тавить его на старом месте, получает лучшее назначение, примеров тому довольно. Губернаторы назначают боль- шую частью все из здешних, которые мало заботятся о благе жителей, ревизии их оканчиваются тем, что они быстро проскачут по губернии"⁴⁹⁸. Донесения жандарм- ского штаб-офицера не только вскрывали некоторые не- достатки и упущения в управленческой деятельности Корсакова (в частности, почти прекратившийся при нем приток образованной молодежи на службу в Сибирь), но и указывали на его пошатнувшееся положение.

Тогда же было решительно отвергнуто предложенное Корсаковым новое преобразование управления краем, предполагавшее упразднение должности командира Си- бирской флотилии и назначение губернатором Примор- ской области гражданского лица вместо моряка. В ответ на запрос начальства уже покинувший Дальний Восток П.В. Казакевич отстаивал необходимость сохранения ста- туса губернатора Приморской области, выдающуюся роль моряков в процессе колонизации Приамурья и утверж- дал, что Иркутск (т.е. генерал-губернатор) вообще — лишняя инстанция, к тому же слишком отдаленная, и что многое не только по военной и морской, но и по граждан- ской части исполнялось и раньше без разрешения ге- нерал-губернатора. В заключение Казакевич предлагал вер- нуться к мысли Муравьева-Амурского и отделить При- морскую область от Восточной Сибири⁴⁹⁹.

Посетив зимой 1868/69 г. в очередной раз Петербург, Корсаков осенью вернулся в Иркутск. Александр II был

им доволен и сказал: "Я тебя благодарю. Дай Бог, чтобы всегда так было у тебя в будущем, как было до сих пор"⁵⁰⁰. Но уже в сентябре 1869 г. Корсаков писал из Иркутска матери о намерении через год уехать из Си- бири навсегда⁵⁰¹. К декабрю 1869 г. завершила работу ревизия генерала Сколкова, и через несколько месяцев в Иркутске уже открыто стали говорить и о разделении Восточной Сибири с учреждением Приамурского генерал- губернаторства (на деле это произошло только в 1884 г.), и о неприятностях Корсакова. Летом 1870 г. Казакевич писала родственница из Иркутска, что генерал-губерна- тору "прислали просто целый том запросов, написанных не только резко, но даже дерзко, и требующих немедлен- ного ответа, как сказано, для доклада государю, говорят, что по отзыву Сколкова, войско в страшном беспорядке... Если все это справедливо, то его царствию пришел ко- нец"⁵⁰². Но митрополит Иннокентий, встречавшийся с генералом Сколковым по просьбе Корсакова, сообщал ему, что Амурский край произвел на ревизора вполне благоприятное впечатление⁵⁰³.

2 сентября 1870 г. генерал-губернатор Корсаков отбыл с супругою в Петербург — гласит "Иркутская лето- пись"⁵⁰⁴ — и ничего не сообщает о прощании безутешного народа с любимым начальником, как это было принято в прежние времена. В январе 1871 г. генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен уже немолодой и опыт- ный администратор, сенатор Н.П. Синельников. М.С. Кор- сakov получил почетное и соответствующее традициям место члена Государственного совета, но вскоре про- студился и 16 марта 1871 г. скончался на 45-м году жизни. Как сказано в некрологе, "вынос тела покойного был удостоен Высочайшим присутствием Государя Импе- ратора, Особ Высочайшей Фамилии, высшими правитель- ственными сановниками и многочисленную публикою"⁵⁰⁵. Похоронен Михаил Семенович был, как он сам того хотел, на кладбище своего прихода, где упокоились и почти все члены его семьи.

* *
*

Генерал-губернаторство М.С. Корсакова пришлось на пе- реломное время. Хотя реформы в полном объеме и не были тогда распространены на Сибирь, но общая ситуация в

стране не могла не сказаться и на окраине. Высшая администрация края оказалась не чужда либеральных или околлиберальных настроений, охвативших значительную часть бюрократической элиты империи. Но ей также были свойственны непоследовательность и противоречивость в попытках проводить соответствующие преобразования в экономической, социальной, культурной сферах и вовсе чужды намерения что-либо изменять в сфере политической.

Окружающие и петербургские власти видели в Корсакове прежде всего и почти исключительно наследника Муравьева-Амурского, однако его административная деятельность была направлена не только на продолжение начатого при Муравьеве (главным образом на освоение Дальнего Востока), но и на преобразования. Успехи и неудачи были в значительной степени обусловлены политикой центра, но и собственные действия, местная инициатива сыграли немалую роль — в частности, в развитии просвещения, реформе управления ссыльными, расширении частнопредпринимательских начал в горнорудной промышленности. За исключением омрачивших его управление восстания на Кругобайкальском тракте и стихийных бедствий, на этот период не пришлось крупных потрясений и серьезных событий.

Преемник Корсакова Н.П. Синельников признавал в мемуарах: "Генерал Корсаков был разумный и честный человек"⁵⁰⁶, хотя и отмечал обнаруженные злоупотребления его подчиненных.

Заметное влияние личные качества Корсакова оказали — наряду с условиями времени — на его кадровую политику. Если неуклонный рост образовательного уровня был следствием перемен, обусловленных новой эпохой, то увеличение представительства опытных и долго прослуживших в Сибири чиновников, отсутствие быстрых и внезапных кадровых изменений можно отнести на счет нерешительности и мягкости главы администрации.

Подводя итоги генерал-губернаторства М.С. Корсакова, можно согласиться с выводом Вагина: "Если бы он мог сделаться генерал-губернатором тотчас после Руперта, то его считали бы не только недурным, но даже очень хорошим генерал-губернатором. ...Но после такого блестящего метеора, как граф Амурский, Корсаков был бледен и даже немного смешноват. ...Нужно отдать справедливость Корсакову: при нем легко двигалось и свободно жилось"⁵⁰⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Централизованная система управления, замкнутая на ее единоличного главу — монарха — и включавшая накопившуюся за века сложную сеть противоречий и противовесов, оставляла довольно значительное поле для проявления личных качеств руководителей регионов. Порой она даже создавала дополнительные возможности для проявления их самостоятельности. В таких условиях значение личных качеств человека, занимавшего столь высокий пост, — его воли, ума, честности, решительности, осознания им ведущих тенденций эпохи, — оказывалось особенно велико. В середине XIX в. происходил пусть медленный, противоречивый, но все же отказ от военно-феодалных методов управления. Реформы 60-х годов хотя и сохранили в неприкосновенности режим абсолютной власти монарха, несколько ослабляли роль личного начала в управлении, усиливая значение закона и прочих нормативных актов, — но также и столичной бюрократии.

Деятельность генерал-губернаторов осуществлялась в установленных рамках, важнейшими из которых были взаимоотношения центра и регионов. Характер отношений с центром являлся важнейшим фактором, определявшим деятельность генерал-губернатора. Влияние министерств и канцелярий оказывалось настолько сильным, что только при личной поддержке императора глава региона мог некоторое время противостоять им. Лишь то обычное для абсолютной монархии обстоятельство, что воля государя была в ней выше закона, позволило энергичному и решительному человеку, выдающемуся государственному деятелю Н.Н. Муравьеву, пользуясь благосклонностью Николая I и поддержкой группы министров, осуществить свои грандиозные планы. Как выясняется, сенаторскую ревизию, закончившуюся отставкой В.Я. Руперта, инициировало III отделение — таков был исход конфликта генерал-губернатора с могущественным цент-

ральным ведомством. Попытка находившегося в зените славы, но потерявшего со смертью Николая I поддержку монарха Н.Н. Муравьева-Амурского противостоять всевластию министерств и поставить управляемый им край в особое положение закончилась его уходом и с должности, и вообще со службы. При частичном сходстве взглядов группы либеральных бюрократов, вставших во главе управления империей на рубеже 1850—1860-х гг., и М.С. Корсакова региональная политика центра противоречила объективным интересам Восточной Сибири, что привело генерал-губернатора к поражению в его попытках добиться распространения реформ на Сибирь.

Основные направления деятельности глав местной администрации в значительной степени были обусловлены потребностями региона. Генерал-губернатор — кем бы он ни был — должен был решать проблемы ссылки и колонизации, золотопромышленности и внешней торговли, пограничных сношений и путей сообщения, состава административного корпуса и отношений с местным обществом. Поэтому было неизбежным сохранение известной преемственности не только между Муравьевым-Амурским и его учеником Корсаковым, но и между антагонистами Рупертом и Муравьевым. Однако содержание конкретных задач и пути их решения менялись под влиянием времени и личных качеств генерал-губернаторов. От этих же факторов зависела и система приоритетов — на первый план выходили разные задачи. В частности, все более важной проблемой для администрации после восстания 1863 г. становится политическая ссылка. По мере развития общественной жизни и роста самосознания сибиряков изменялись суть и методы регулирования отношений между управляющими и управляемыми.

За рассматриваемый период произошли серьезные изменения в административном корпусе Восточной Сибири. Часть их связана с влиянием времени (неизменный рост образовательного уровня, появление в годы Великих реформ группы молодых чиновников и офицеров, чья деятельность и образ жизни были обусловлены новыми идеями), некоторые происходили под непосредственным воздействием кадровой политики генерал-губернаторов (более быстрое обновление аппарата и увеличение участия военных и дворян в администрации при Муравьеве). За счет кадровой политики Корсакова возросла в 1860-е гг.

доля опытных чиновников, находившихся на службе в Сибири довольно долго.

Власть генерал-губернаторов, особенно на отдаленных окраинах, была чрезвычайно велика, порой они превращались в местных владык. Не случайно постоянное сравнение их окружения с царским двором, как не случайны и постоянные интриги в этом окружении. В таких условиях с неизбежностью складывалась система фаворитизма, подчинявшая себе даже неординарных и волевых людей.

Предназначенные быть представителями центральной власти на окраине империи, генерал-губернаторы нередко через несколько лет превращались в представителей интересов региона перед центром. В то же время у них было достаточно власти, чтобы подчинить чуть ли не всю жизнь края достижению поставленной задачи, как это, например, продемонстрировал Н.Н. Муравьев при решении амурского вопроса. Но для этого необходимо было проявить и определенные личные качества.

Черты характера генерал-губернатора серьезно влияли на его административную деятельность. Мягкость В.Я. Руперта по отношению к подчиненным способствовала расцвету коррупции, вспыльчивость Н.Н. Муравьева оттолкнула многих незаурядных его сотрудников, а слепое доверие к любимцам испортило отношения с потенциальными союзниками. Но и лучшие результаты были достигнуты именно вследствие проявления собственных интересов и убеждений — создание Девичьего института было прямым следствием личной инициативы Руперта, либеральные взгляды Муравьева и Корсакова привели к освобождению нерчинских горнозаводских приписных крестьян и рабочих. Даже такое эпохальное для России событие, как присоединение Амурского края, во многом было обусловлено честолюбием, решительностью и настойчивостью Н.Н. Муравьева-Амурского.

Суммируя все вышесказанное, выделим наиболее значительные факторы, определявшие основные направления и результаты деятельности генерал-губернаторов. Это, во-первых, существовавшая в России система управления и проводившаяся центральной властью политика. Во-вторых, объективные потребности региона. В-третьих, потребности и условия эпохи. И, в-четвертых, — личные качества самих генерал-губернаторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 26.
- ²Биография как историческое исследование: Встречи в редакции // История СССР. 1970. № 4. С. 237.
- ³Страховский И.М. Губернское устройство // ЖМЮ. СПб., 1913. № 7. С. 63.
- ⁴Соколов К.Н. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // ВП. СПб., 1903. Кн. 8. С. 65—67.
- ⁵СЗ. 1857. Т. 2, ч. 1. Ст. 294.
- ⁶Соколов К.Н. Очерк истории... С. 41.
- ⁷Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х—начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 35.
- ⁸СЗ. 1842. Ч. 1, кн. 4. Ст. 248; Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800—1860). М., 1985. С. 18—19.
- ⁹Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 3, ч. 1: Комитет министров в царствование императора Александра II (1855, февраля 19 — 1881, марта 1). С. 78—86.
- ¹⁰СЗ. 1857. Т. 2, ч. 2. Ст. 156.
- ¹¹Кузнецов А.С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1987. С. 10.
- ¹²Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2: Административное право. С. 24—27.
- ¹³РГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 147, л. 12. Бросается в глаза сходство ситуации с типичными в предшествующие десятилетия и даже века.
- ¹⁴Соколов К.Н. Очерк истории... С. 49.
- ¹⁵Там же. С. 41.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Шумилов М.М. Местное управление... С. 50.
- ¹⁸СЗ. 1857. Т. 2, ч. 2. Ст. 429.
- ¹⁹Лемке М.К. Очерки освободительного движения "шестидесятых годов": По неизданным документам с портретами. СПб., 1908. Прилож. 3.
- ²⁰Там же. С. 456.
- ²¹Там же. С. 459.
- ²²Там же. С. 461.

²³См.: Скропышев Я.С. Тобольская губерния в 50-х гг. // Виктор Антонович Арцимович: Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С. 25—78.

²⁴Лемке М.К. Очерки освободительного движения... С. 463.

²⁵Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 415.

²⁶РГБ, ф. 137, 90.12, л.300б.

²⁷Лемке М.К. Очерки освободительного движения... С. 461.

²⁸СЗ. 1842. Ч. 2, кн. 2. Ст. 32, 502.

²⁹СЗ. 1857. Т. 2, ч. 1. "Учреждение о губерниях". Ст. 343.

³⁰Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т.1. С. 299—338; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления // Там же. СПб., 1908. Т. 3; Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин // Учен. зап. Казан. ун-та. 1891. Кн. VI. С. 27—70; Коркунов П.М. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. 2, ч. особ.; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2: Административное право; Соколов К.Н. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // ВП. 1903. Кн. 7. С. 110—179; кн. 8. С. 39—76; Страховский И.М. Губернское устройство // ЖМЮ. СПб., 1913. № 7. С. 28—93 (2-я pag.); № 8. С. 70—121 (2-я pag.); № 9. С. 122—172 (2-я pag.).

³¹Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 1; Блинов И.А. Губернаторы... С. 359.

³²Соколов К.Н. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // ВП. 1903. Кн. 8. С. 59, 70.

³³Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. С. 210.

³⁴Страховский И.М. Губернское устройство // ЖМЮ. СПб., 1913. № 8. С. 107.

³⁵Там же. № 9. С. 171.

³⁶[Прутченко С.М.] Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Ист.-юрид. очерки С. Прутченко: В 2 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 354, 401

³⁷Крыжановский В. О состоянии и изменениях высшего местного управления Восточной Сибири с 1822 по 1887 год: Ист.-юрид. очерк // РА. 1913. № 7. С. 17—25.

³⁸Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // РМ. 1903. № 8. С. 1—23 (2-я pag.).

³⁹Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 22—23.

⁴⁰См., напр.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: В 3 т. СПб., 1882; Деятели реформы // Великая реформа. М., 1911. Т. 5; Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990; и др.

⁴¹[Вагин В.И.] Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 годы. Собр. В. Вагиным. СПб., 1872. Т. 1, 2.

⁴²Дамешек Л.М. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX века // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 133.

⁴³Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Матер. к биографии: В 2 кн. М., 1891.

⁴⁴[Буцинский П.Н.] Граф П.Н. Муравьев-Амурский. Сочинение Ив. Барсукова: Рец. проф. Харьковского ун-та Петра Буцинского. СПб., 1895. С. 3—4.

⁴⁵Там же. С. 27.

⁴⁶РГБ, ф. 18, 30.123, л. 106. Подробнее о работе Б.В. Струве над биографией Н.Н. Муравьева см. наш комментарий в книге: *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский* в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 306—307.

⁴⁷Вагин В.И. К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского // ГАИО, ф. 162, оп. 1, д. 81; Вагин В.И. "Муравьевское время" в Сибири // ГАИО, ф. 162, оп. 1, д. 47, д. 48; ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1699; Свербеев П.Д. Описание плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири в 1854 г. // Зап. СОИРГО. СПб., 1857. Кн. 3, отд. 1. С. 1—79; Струве Б.В. Воспоминания о Сибири: 1848—1854 // РВ. 1888. № 4. С. 145—184; № 5. С. 27—70; № 6. С. 87—123; № 10. С. 108—134; № 11. С. 193—217.

⁴⁸[Ravenstein E.G.] The Russians on the Amur; its Discovery, Conquest, and Colonisation, with a Description of the Country, its Inhabitants, Productions, and Commercial Capabilities; and Personal Accounts of Russian Travellers by E.G. Ravenstein, F. R. G. S., Corresponding Fellow of the Geographical Society of Frankfurt. London: Trübner and Co, 1861.

⁴⁹Шумахер П.В. Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 годах // РА. 1878. Кн. 3, № 8. С. 393—426; Он же. К истории приобретения Амура: Наши сношения с Китаем (1848—1860), по неизданным источникам // РА. 1878. Кн. 4, № 11. С. 257—343.

⁵⁰РА. 1878. Кн. 3, № 8. С. 425.

⁵¹РГБ, ф. 137, 127.29, л. 8об., 10. Письма П.В. Шумахера М.С. Корсакову от 5/17 мая и от 7 сент. 1869 г.

⁵²Струве Б.В. Воспоминания о Сибири... Подробнее об истории появления этого сочинения см.: *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский* в воспоминаниях современников. С. 307.

⁵³Вагин В.И. "Муравьевское" время в Сибири // ГАИО, ф. 162, оп. 1, д. 47, 48; ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1699; Он же. К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского // ГАИО, ф. 162, оп. 1, д. 81, 82. Опубл.: *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 265—280.

⁵⁴Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800—1860 гг.). М., 1985.

⁵⁵Там же. С. 19.

⁵⁶Гернуха В.Г. Совет министров в 1857—1961 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Вып. V. С. 120—137; Она же. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978; Оржиховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах XIX века. Горький, 1974; Он же.

Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.). М., 1982.

⁵⁷Пауна Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века. Л., 1967. С. 147—175.

⁵⁸Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 5.

⁵⁹Slavic Review. Winter, 1983. Vol. 42, N 4. P. 742—743. Цит по: Глисон Э. Великие реформы в послевоенной историографии // Великие реформы в России: 1856—1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушелла. М., 1992. С. 14.

⁶⁰Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Bd 33. S. 313—316. Цит. по: Глисон Э. Великие реформы... С. 15.

⁶¹Борисов А. Руководители карательных органов дореволюционной России / Академия МВД СССР. Вып. I: Министры внутренних дел. М., 1979. С. 4.

⁶²Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России: 1856—1861. М., 1984; Шевырев А.П. Реформы в морском ведомстве России после Крымской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Он же. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

⁶³Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // ВИ. 1989. № 10. С. 13; см. также: Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России: 1861—1874 (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России: 1861—1874. М., 1992. С. 24—43.

⁶⁴Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁶⁵Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1967. Bd. 13; Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge (Mass.), 1976; Lincoln W. In the Vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucracy. 1825—1861. Dekalb., 1978. См. также: Медушевский А.Н. Государственный строй России периода феодализма (XV—XIX вв.). (Зарубежная историография): Научно-аналитический обзор. М., 1989.

⁶⁶Lincoln W. Nicolas I, Emperor and Autocrat of all the Russia. Bloomington, 1978.

⁶⁷Orlovsky D. The Limits of Reform: the Ministry of International Affairs in Imperial Russia, 1802—1881. Cambridge (Mass.), 1981.

⁶⁸Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 29, № 3. P. 429—443.

⁶⁹Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 5—18.

⁷⁰Герасимова Ю.И. Кризис правительственной политики в годы революционной ситуации и Александр II // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. Т. 2; Она же. Отношение правительства к участию печати в обсуждении крестьянского вопроса в период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. // Там же. М., 1974. Т. 6; Попов И.И. Тверское выступление 1862 г. и его

место в событиях революционной ситуации // Там же; *Он же*. Либеральное движение провинциального дворянства России в годы подготовки и проведения реформы 1861 г. (по материалам центральных губерний): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1974; *Он же*. Из истории общественного движения в России в годы революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Рязань, 1976; *Розенталь В.Н.* Нарастание "кризиса верхов" в середине 50-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. Т. 2. С. 40—63; *Она же*. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации: Московский кружок А.В. Станкевича в 1855—1857 гг.; Петербургский кружок К.Д. Кавелина в 1855—1857 гг. // Там же. М., 1963. Т. 3. С. 372—399; *Она же*. Русский либерал 50-х годов XIX в. (Общественно-политические взгляды К.Д. Кавелина в 50-х — начале 60-х годов) // Там же. М., 1974. Т. 6; *Сладкевич Н.Г.* Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Там же. М., 1962. Т. 2; *Он же*. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л., 1962; и др.

⁷¹*Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М., 1966; *Он же*. "Колокол" и его корреспонденты (июль—октябрь 1858 г.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978. Т. 7.

⁷²*Эйдельман Н.Я.* [Рец.] П. А. Зайончковский. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. // ВИ. 1979. № 1. С. 123.

⁷³*Эйдельман Н.Я.* После 14 декабря... Из записной книжки писателя-архивиста // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1978. Вып. 14. С. 271.

⁷⁴*Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы / Подгот. И.А. Желваковой и Н.Я. Эйдельманом. Иркутск, 1988; *Эйдельман Н.Я.* Лунин. М., 1970.

⁷⁵*Кузнецов А.С.* Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1987. Вып. 2; *Он же*. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1987; *Клер Л.С.* Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII — начале XX века // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982; *Клер Л.С., Шостакович Б.С.* Второе комендантское управление на Нерчинских заводах // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 101—122; *Клер Л.С.* Органы управления Нерчинской каторгой // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 139—158.

⁷⁶*Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX в.). Иркутск, 1986; *Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983; *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984; *Топчий А.Т.* Реорганизация аппарата управления Сибирским казачьим войском на основаниях реформы 1861 г. // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 18; *Он же*. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1889). Томск, 1979; и др.

⁷⁷*Маркова И.Б.* Управление Сибирью в 20—60-е годы XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. С. 18.

⁷⁸*Маркова И.Б.* Круг чтения сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Кни-

гописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 56—67; *Она же*. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1985.

⁷⁹*Быкова Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985.

⁸⁰*Валевский А.Л.* Биография как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: Биограф. альманах. М., 1995. Вып. 6. С. 32—68; *Дубин Б.В.* Биография, репутация, анкета: О формах интеграции опыта в письменной культуре // Там же. С. 7—31.

⁸¹*Макашин С.А.* Салтыков-Шедрин на рубеже 1850—1860 годов: Биография. М., 1972.

⁸²*Корнилов В.А. М.М. Сперанский — генерал-губернатор Сибири* // Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1989. С. 22—34; *Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства* // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века. Иркутск, 1988. С. 114—123.

⁸³Единственный в то время посвященный П.Н. Муравьеву специальный очерк, вышедший отдельным изданием, носит популярный характер. См.: *Штейн М.Г.* Н.Н. Муравьев-Амурский: Ист.-биограф. очерк. Хабаровск, 1946. 43 с.

⁸⁴*Кабанов П.И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 86—87.

⁸⁵Там же. С. 94.

⁸⁶Там же. С. 92.

⁸⁷*Алексеев А.И.* Николай Муравьев // Первопроходцы. М., 1983. С. 162—228. (Сер. "ЖЗЛ").

⁸⁸*Кубалов Б.Г.* Протест против выступления Бакунина об "иркутской дуэли" // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63, ч. 3; *Он же*. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855—1862). ("Полярная звезда", "Голоса из России", "Колокол" и "Под суд!" в Сибири). Иркутск, 1958; *Он же*. Первенец частной сибирской печати газета "Амур" (1860—1862 гг.) // Зап. Иркут. обл. краевед. музея. Иркутск, 1961. Вып. II. С. 55—87; *Он же*. Муравьев-Амурский и его сподвижники // ГАИО, ф. 2873, оп. 1, д. 24. Рукопись 1932 г.; и др.

⁸⁹*Кубалов Б.Г.* А.И. Герцен и общественность Сибири. С. 160.

⁹⁰Там же; *Петряев Е.Д.* Люди и судьбы. Иркутск, 1957; *Он же*. Исследователи и литераторы старого Забайкалья: Очерки из истории культуры края. Чита, 1958; *Он же*. Впереди — огни: Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968.

⁹¹*Кубалов Б.Г., Коваль С.Ф.* К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964. Вып. 1: Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. С. 31.

⁹²*Нагаев А.С.* Золотопромышленность Восточной Сибири в 30—50-е гг. XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края. Красноярск, 1958; *Хроленок С.Ф.* Золотодобывающая промышленность Сибири (1832—1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.

⁹³*Нагаев А.С.* К истории движения рабочих золотых приисков Восточной Сибири в первой половине XIX в. // ИА. 1959. № 5. С. 223.

⁹⁴*Болонев Ф.Ф.* Семейские: Историко-этнографич. очерки. Улан-Удэ, 1985; *Лобанов В.Ф.* Старообрядческие общины Забайкалья и само-

державие в первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983; *Шмелевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья (XVII — середина XIX в.). Новосибирск, 1985.

⁹⁵*Коваль С.Ф.* Декабрист В.Ф. Раевский. Иркутск, 1951; *Шатрова Г.П.* Декабрист И.И. Горбачевский. Красноярск, 1973; *Она же.* Декабрист Д.И. Завалишин: Проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984.

⁹⁶*Коваль С.Ф.* Декабристы и общественное движение 50-х — начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 275.

⁹⁷*Дулов А.В.* Петрашевы в Сибири. Иркутск, 1996. С. 175—176. Основу книги составила кандидатская диссертация, защищенная в 1965 г.

⁹⁸*Материалы для биографии М. Бакунина* / Под ред. В. Полонского. М.; Пг., 1923. Т. 1—3; *Полонский В. М.А.* Бакунин. М.; Л. 1925; *Корнилов А.А.* Годы странствий Михаила Бакунина. Л., 1925; *Пирумова Н.М.* Бакунин. М., 1970. (Сер. "ЖЗЛ").

⁹⁹*Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857—1861).* Новосибирск, 1993.

¹⁰⁰*Акашев Ю.Д.* Экономические проблемы Дальнего Востока и русская общественность (50—60-е гг. XIX в.): Канд. дис. М., 1971; *Он же.* Веноков о переселенческой политике царизма на Дальнем Востоке в середине XIX в. // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1970. № 359; *Он же.* Полемика о заселении Приамурья на страницах русской периодической печати (1858—1860) // Вopr. всеобщей истории. Хабаровск, 1972; *Он же.* Заселение Приамурья и политика царизма в 60-е годы XIX в. // История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. Вып. 1; *Он же.* Амурский вопрос и его освещение в периодической печати (60—70-е гг. XIX в.) // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX — начало XX в.). М., 1989. С. 130—143.

¹⁰¹*Акашев Ю.Д.* Экономические проблемы Дальнего Востока... С. 70—72, 166.

¹⁰²*Азов А.В.* Русская периодическая печать конца 1850-х—1880-х гг. о проблемах освоения Приамурья. Канд. дис. Ярославль, 1985. С. 38—39.

¹⁰³*Алексеев А.И.* Сподвижники Г.И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967; *Он же.* Дело всей жизни: Книга о подвиге Г.И. Невельского. Хабаровск, 1972; *Он же.* Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982; *Он же.* Геннадий Иванович Невельской: 1813—1876. М., 1984.

¹⁰⁴*Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860—1895. М., 1956. С. 117—119; *Кабанов П.И.* Амурский вопрос. С. 102; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 235—240; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 160—170.

¹⁰⁵*История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917).* М., 1994. С. 198—199.

¹⁰⁶*Quested R. K. I.* The Expansion of Russia in East Asia. 1857—1860. Kuala Lumpur, University of Malaya Press Singapore, 1968. P. 63.

¹⁰⁷*Мамай А.С.* Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848—1854) // Вестн. МГУ. Сер. "История". 1996. № 3; *Он же.* Амурский вопрос в дальневосточной политике России в середине XIX в.: Н.Н. Муравьев-Амурский. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

¹⁰⁸*Мясников В.С.* "Договорными статьями утвердили...": Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. М., 1996. С. 267.

¹⁰⁹1857—1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. Рец.: *Мироненко С.В.* (ВИ. 1995. № 5—6. С. 166—168); *Ананьич Б.В., Чернуха В.Г.* (Отечествен. история. 1996. № 3. С. 183—185).

¹¹⁰*Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 314.

¹¹¹*Шумилов М.М.* Местное управление... С. 4—5.

¹¹²Там же. С. 96.

¹¹³*Зырянов П.Н.* [Рец.] Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. // Отечествен. история. 1993. № 6. С. 190.

¹¹⁴*Robbins R. jr.* The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca & London, 1987. Первая глава монографии опубликована в переводе на русский язык с предисловием акад. Б.В. Ацабича (Отечествен. история. 1993. № 1. С. 202—213).

¹¹⁵*Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50—60-х гг. XIX в. в России: Историко-источниковедческие очерки (по материалам Московской и Калужской губерний). Калуга, 1994.

¹¹⁶*Куликов С.В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 3—25; *Мионов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; *Раскин Д.И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX — начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3; *Pintner W.M.* The Civil Officialdom and the Nobility in the 1850's // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th Century. Chapel Hill, 1980. P. 227—249.

¹¹⁷*Писарькова Л.Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечествен. история. 1996. № 4. С. 29—44; *Она же.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. Вып. 3. С. 121—139; Там же. Вып. 4. С. 147—159; *Морякова О.В.* Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 8: История. 1993. № 6. С. 11—23.

¹¹⁸*Корелин А.П.* Введение // Российские самодержцы: 1801—1917. М., 1994. С. 7.

¹¹⁹*Россия на рубеже веков: исторические портреты.* М., 1991; *Российские реформаторы (XIX — начало XX в.).* М., 1995; *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин: Судьба российского реформатора. М., 1993; *Островский И.В.* П.А. Столыпин и его время. Новосибирск, 1992; *Томсинов В.А.* Светило русской бюрократии: Исторический порт-

рет М.М. Сперанского. М., 1991; *Он же*. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; *Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность и политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989; 2-е изд. М., 1993; *Захарова Л.Г.* Александр II // ВИ. 1992. № 6—7. С. 58—80; *Она же*. О "личном факторе" в истории: роль императора Александра II в проведении Великих реформ 60—70-х годов XIX века в России // Уральск. историч. вестн. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 53—63; *Капустина Т.А.* Николай I // ВИ. 1993. № 11—12. С. 27—50; *Мироненко С.В.* Николай I // Российские самодержцы: 1801—1917. М., 1994; *Княпина Н.С.* Александр Михайлович Горчаков // ВИ. 1997. № 12. С. 34—63; и др.

¹²⁰*Алексушин Г.В.* Самарские губернаторы. Самара, 1996; *Пермские губернаторы: Традиции и современность.* Пермь, 1997; *Тверские губернаторы.* Тверь, 1996; и др.

¹²¹*Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в начале XIX в.: Поиски особой системы управления // История и общество в панораме веков: Тез. докл. и сообщ. / Всесоюзн. Байкальск. историч. школа. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 25—29; *Он же*. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX — начале XX вв.: Учеб. пособ. Омск, 1991; *Он же*. Охотско-Камчатский край и Сахалин в планах российского самодержавия (конец XIX — начало XX в.) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни (конец XIX — начало XX в.). Омск, 1994. С. 69—83; *Он же*. Региональное управление Сибири в XIX — начале XX в.: основная проблематика // Проблемы региональной истории: Тез. докл. и сообщ. / Байк. ист. школа. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 177—180; *Он же*. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: Проблемы регионального управления // Отечествен. история. 1994. № 2. С. 60—71; *Он же*. Обсуждение в правительственных сферах России вопроса об особых преимуществах государственной службы в Сибири и на Дальнем Востоке (60—80-е годы XIX в.) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX — начало XX в.). Омск, 1994. С. 39—48; *Он же*. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; *Он же*. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1997.

¹²²*Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX века. С. 12.

¹²³*Ремнев А.В.* Административная политика... С. 34—35.

¹²⁴Там же. С. 35.

¹²⁵*Ремнев А.В.* Западно-сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. // Страницы историч. прошлого. Омск, 1994; *Он же*. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель // Изв. Омск. историко-краевед. музея. 1996. № 4. С. 136—144; *Он же*. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // ВИ. 1997. № 2. С. 141—149.

¹²⁶*Вибе П.П.* "Ученый генерал" [Г.Х. Гасфорд] // Омская старина. 1993. № 2. С. 83—90; *Он же*. Генерал-губернаторы Западной Сибири // Отечество. М., 1995. Вып. 6. С. 113—127.

¹²⁷*Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.

¹²⁸*Дамешек И.Л.* Сибирская административная реформа Сперанского 1822 г. // Проблемы региональной истории: Тез. докл. и сообщ. /

Байкальск. историч. школа. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 164—167; *Она же*. Михаил Сперанский // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 2—10; *Дамешек И.Л.* "Устав об управлении инородцев" Сперанского // Земля Иркутская. 1997. № 8. С. 17—20.

¹²⁹*Дамешек И.Л., Дамешек И.Л., Кузнецова Е.А.* Сперанский и Муравьев // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 24—27.

¹³⁰*Кузнецова Е.А.* Взгляд Н.Н. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1991. Вып. 12. С. 100.

¹³¹*Кузнецова Е.А.* Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822—1858 гг. // Проблемы региональной истории: Тез. докл. и сообщ. / Байкальск. историч. школа. Иркутск. 1994. Ч. 1. С. 35—39.

¹³²*Кузнецова Е.А.* Кадровая политика Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля Иркутская. 1995. № 4. С. 4—10.

¹³³*Кутузов М.А.* Дело его жизни. Владивосток, 1997.

¹³⁴*Матханова Н.П.* Воспоминания как источник по истории общественной мысли Сибири середины XIX века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1991. С. 102—115; *Она же*. Жандармские донесения как источник по истории сибирской администрации // Сургут, Сибирь, Россия / Междунаро. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Тез. докл. Екатеринбург, 1994. С. 114—117; *Она же*. Эпистолярный корпус Корсаковых как источник для реконструкции культурной жизни Восточной Сибири в середине XIX века // Российская провинция XVIII—XX вв.: Реалии культурной жизни / Матер. Третьей Всерос. науч. конф. Пенза, 1998. Ч. 2; *Она же*. Мемуары В.И. Вагина как источник по истории сибирского чиновничества XIX в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XIX в. Новосибирск, 1998. С. 145—160; *Она же*. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время (в печ.).

ГЛАВА I

¹Сведения о биографии и происхождении приводятся по послужному списку В.Я. Руперта. — см.: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 1—18.

²[*Бестужевы Н.А. и М.А.*] Воспоминания Бестужевых / Комментар. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 741.

³ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 389, л. 2.

⁴Там же, л. 3.

⁵Там же, л. 1.

⁶Там же, л. 2.

⁷ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 687, л. 3об.

⁸ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1837 г., д. 218, л. 1.

⁹*Иркутская летопись* (Летописи Н.И. Пежемского и В.А. Кротова) с предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1911. № 5. С. 258.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 1—18.
- ¹² Там же.
- ¹³ Иркутская летопись... С. 263, 265, 267, 268.
- ¹⁴ Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске // Литературный сборник / Изд. ред. "Восточного обозрения". СПб., 1885. С. 256—257.
- ¹⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 15об, 16.
- ¹⁶ РГВИА, ф. 395, оп. 148, д. 207, л. 19.
- ¹⁷ ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1837 г., д. 218, л. 6; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 107.
- ¹⁸ [Львов Л.Ф.] Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. № 3. С. 352—365; № 4. С. 541—558; *Sibirien: nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Straßcolonie geschildert von Charles Herbert Cottrell* / С англ. на нем. перевел и замечаниями снабдил М.В. Линден. Dresden und Leipzig, 1846. Репр.: Библиография: Малоизвестные сочинения о Сибири // Сибирь. 1877. № 2. 9 янв. См. также: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 107—108; Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске. С. 249—280; 2-е изд.: Вагин В.И. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 451—482.
- ¹⁹ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 5.
- ²⁰ Там же, л. 9об.—10.
- ²¹ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 1874, ст. 1349, л. 151об.
- ²² Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. С. 331; Туманик А.Г. Крупнейшие православные храмы Сибири. Новосибирск, 1998. С. 64—74.
- ²³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 19—19об.
- ²⁴ Там же, д. 1874, ст. 1341, л. 74—112.
- ²⁵ Там же, д. 1853, ст. 282/16, л. 40—40об.
- ²⁶ Там же, л. 68об.—69.
- ²⁷ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1847 г., д. 149, л. 42.
- ²⁸ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 75—76.
- ²⁹ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1994. С. 57—59.
- ³⁰ ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1837 г., д. 218, л. 4об.—5об.
- ³¹ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1847, д. 149, л. 27об.
- ³² Рапорт начальника Камчатки капитана Машина от 9 (21) января 1846 г.; Записка генерал-лейтенанта Руперта от 7 (19) марта 1846 г. Цит. по: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М., 1990. С. 66.
- ³³ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения... С. 70.
- ³⁴ РГВИА, ф. 395, оп. 148, д. 207, л. 1об.—2.
- ³⁵ История Сибири. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 442.
- ³⁶ ИА. 1959. № 5. С. 223.
- ³⁷ Лобанов В.Ф. Старообрядческие волнения в Забайкалье в начале 40-х годов XIX века // Изв. СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. Новосибирск, 1985. Вып. 3, № 14. С. 44.

- ³⁸ Шмелевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII — середина XIX в.). Новосибирск, 1985. С. 216.
- ³⁹ Лобанов В.Ф. Старообрядческие волнения... С. 45.
- ⁴⁰ Шмелевич М.М. Очерки истории... С. 218—219.
- ⁴¹ Лобанов В.Ф. Старообрядческие волнения... С. 43—48.
- ⁴² Шмелевич М.М. Очерки истории... С. 218.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 267.
- ⁴⁵ Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1985. С. 50.
- ⁴⁶ Мамсик Т.С. Сибирская администрация и крестьянское движение 1840-х годов ("Предписание" М.В. Ладыженского исправникам) // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века. Иркутск, 1988. С. 13.
- ⁴⁷ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 177.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1841 г., д. 98, л. 12—13об.
- ⁴⁹ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 24об.—35.
- ⁵⁰ Кубалов Б.Г., Коваль С.Ф. К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964. Вып. 1: Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. С. 29.
- ⁵¹ Кодан С.В. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 205—206.
- ⁵² Там же. С. 208.
- ⁵³ Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 279.
- ⁵⁴ Сибирские письма декабристов: 1838—1850. Красноярск, 1987. С. 236—237.
- ⁵⁵ Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 1: Дневник и письма. С. 171—172. (Письмо И.И. Пущину от 22 декабря 1839 г.)
- ⁵⁶ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 452—453, примеч.
- ⁵⁷ [Бестужева Н.А. и М.А.] Воспоминания... С. 190—192.
- ⁵⁸ Там же. С. 742.
- ⁵⁹ Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1987. Т. 2: Письма, дневник 1857—1858 гг. С. 28.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Трубецкой С.П. Материалы... Т. 2. С. 487.
- ⁶² [Волконская М.Н.] Записки княгини М.Н. Волконской / С предисл. издателя М.С. Волконского. СПб., 1906. С. 184.
- ⁶³ Грыновский Ян. Сибирь и каторга // Родина. 1994. № 12. С. 102.
- ⁶⁴ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка: Из детских лет // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди: Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 266.
- ⁶⁵ Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1985. С. 235.
- ⁶⁶ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 289—347.
- ⁶⁷ Там же. С. 345.

- ⁶⁸Матханова Н.П. "Погубитель Лунина" // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечеств. история. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 106—111.
- ⁶⁹ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1144, д. 12, л. 516—555. Формулярный список 1857 г.
- ⁷⁰Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. М., 1979. С. 370 (запись от 19 января 1839 г.).
- ⁷¹Там же. С. 388 (запись от 19 сентября 1840 г.).
- ⁷²Цит. по: Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.). М., 1982. С. 21.
- ⁷³Иркутская летопись... С. 269.
- ⁷⁴Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. С. 290.
- ⁷⁵Там же. С. 305.
- ⁷⁶Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. С. 251; Перцева Т.А. Сибирский кружок распространителей сочинений М.С. Лунина // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. I. С. 50; Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970. С. 296—297.
- ⁷⁷Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 302.
- ⁷⁸Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России... С. 37—82; Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826—1853): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Абакумов О.Ю. III отделение в период общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994.
- ⁷⁹Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 139.
- ⁸⁰Этот сюжет рассматривался нами и ранее — см.: Матханова Н.П. История отставки генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта по материалам III отделения // Сургут, Сибирь, Россия / Междунауч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 201—209.
- ⁸¹Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России... С. 75.
- ⁸²РГИА, ф. 1261, оп. 1, 1840 г., д. 17, л. 10об.—12; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 126—130. Там же см. о конфликтах жандармов с генерал-губернаторами Западной Сибири И.А. Вельяминовым и Восточной Сибири Н.С. Сулимою (с. 117—126).
- ⁸³ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1841 г., д. 98, л. 8об.
- ⁸⁴Там же, л. 31об.
- ⁸⁵Там же, оп. 1842 г., д. 104, л. 5об.
- ⁸⁶Там же, оп. 1843 г., д. 44, л. 2об.
- ⁸⁷Там же, оп. 1842 г., д. 104, л. 7—10.
- ⁸⁸Там же, л. 5, 12—12об.
- ⁸⁹Там же, л. 15—15об.
- ⁹⁰Там же, л. 17об.—18об.
- ⁹¹Там же, л. 18об.—21.
- ⁹²Там же, л. 19об.—20.
- ⁹³Там же, л. 22.

- ⁹⁴Там же, л. 27—27об.
- ⁹⁵Там же, л. 23—24.
- ⁹⁶Устав о службе по определению от правительства // СЗ. 1842. Т. 3. Прилож. к ст. 355; СЗ. 1857. Т. 3. Прилож. к ст. 358.
- ⁹⁷См., напр.: Киселев И.И., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9. С. 6—31.
- ⁹⁸СЗ. 1842. Т. 3. Расписание должностей гражданской службы по классам. Прилож. к ст. 355 "Устава о службе по определению от правительства"; СЗ. 1857. Т. 3. Прилож. к ст. 358.
- ⁹⁹Все эти и последующие подсчеты осуществлены нами на основе анализа формулярных и послужных списков, хранящихся в РГИА (ф. 44, 1265, 1284, 1349), РГВИА (ф. 395, 400), ГАИО (ф. 24, 712). См. также Прилож. 1.
- ¹⁰⁰Сопоставление с данными Г.Ф. Быкова затруднено тем, что в его работе приводятся сведения о всех чиновниках ниже VIII класса. Для середины XIX в. исследователи, как уже отмечалось, обычно включают в группу высшей бюрократии лиц с чинами I—V классов.
- ¹⁰¹Быков Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв.: Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 117—118.
- ¹⁰²Там же. С. 125, 155.
- ¹⁰³СЗ. 1842. Т. 3. Прилож. к ст. 355.
- ¹⁰⁴Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин // Учен. зап. Казан. ун-та. 1891. Кн. VI. С. 39.
- ¹⁰⁵Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 143—145.
- ¹⁰⁶[Прутченко С.М.] Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Ист.-юрид. очерки С. Прутченко: В 2 т. СПб., 1899. Т. I. С. 399.
- ¹⁰⁷РГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 17, л. 8.
- ¹⁰⁸ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1841 г., д. 98, л. 9.
- ¹⁰⁹ОР РГБ, ф. F. IV, д. 698, л. 356об.—357.
- ¹¹⁰Вагин В.И. Старые сибиряки: Н.Е. Тюменцов // Восточное обозрение. 1898. № 15. 4 февр.; ГАИО, ф. 162, оп. 1, д. 27, л. 27—29; Скропышев Я.С. Тобольская губерния в 50-х гг. // Виктор Антонович Арцимович: Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С. 26—32.
- ¹¹¹ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1841 г., д. 98, л. 9об.
- ¹¹²Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 55.
- ¹¹³Там же.
- ¹¹⁴Александров В.А., Покровский Н.И. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 115.
- ¹¹⁵Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1981. С. 74.
- ¹¹⁶Быков Г.Ф. Русское неподатное население... С. 125, 120.
- ¹¹⁷Там же. С. 168.
- ¹¹⁸ОР РГБ, ф. F. IV, д. 861, л. 293—293об. Цит. по: Писарькова Л.Ф. Российский чиновник // Человек. М., 1995. № 4. С. 147.
- ¹¹⁹РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 35.

- ¹²⁰Вагин В.И. Старые сибиряки: Н.Е. Тюменцов...
¹²¹Там же.
¹²²Иркутская летопись... С. 367.
¹²³РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 27—32.
¹²⁴Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. Первое пятидесятилетие: 1845—1895. Иркутск, 1896. С. 8.
¹²⁵ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1844 г., д. 247, ч. 15, л. 12.
¹²⁶Там же, л. 20б.
¹²⁷ОР РГБ, ф. 712, 1.9, л. 390б.
¹²⁸Кашин Н.И. Некролог [И.С. Сельскому] // Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. М., 1861. Т. 1, № 7. Смес. С. 70.
¹²⁹РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 97—102.
¹³⁰Кашин Н.И. Некролог... С. 70.
¹³¹Сельский И.С. Ответ на вопрос Гумбольдта о появлении тигра в Северной Азии // Зап. СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 1, отд. 3. С. 9.
¹³²Сельский И.С. Исторический материал о сношениях европейцев с Японией // Зап. СОИРГО. СПб., 1857. Кн. 4, отд. 2. С. 17—22; Он же. Последняя осада Албазина маньчжу-китайцами в 1687 году // Зап. СОИРГО. СПб., 1858. Кн. 5, отд. 1. С. 101—118.
¹³³ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 21. И.С. Сельский и иркутский губернатор А.В. Пятницкий были женаты на сестрах: в доносе Фалькенберга в 1841 г. Сельский был назван свояком иркутского губернатора, его жену звали Елизаветой Александровной, жену Пятницкого — Любовью Александровной; в 1857 г., через несколько лет после отставки и смерти Пятницкого, И.С. Сельский получал письма из Парижа от некоей Любови Александровны (ГА РФ, ф. 1143, оп. 1, д. 74, л. 40б. — письмо И.С. Сельского С.П. Трубецкому от 4 окт. 1857 г., Иркутск).
¹³⁴ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 21.
¹³⁵Там же.
¹³⁶[Львов Л.Ф.] Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. № 5. С. 355.
¹³⁷РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 80б. — 9.
¹³⁸Там же, ф. 1281, оп. 4, 1846 г., д. 204, л. 6—60б.
¹³⁹Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 1853, ст. 282/16, л. 110б. — 12.
¹⁴⁰Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске. С. 268, 270.
¹⁴¹ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 6.
¹⁴²РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475.
¹⁴³ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1841, д. 98, л. 340б.
¹⁴⁴Там же, л. 240б., 200б.
¹⁴⁵Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 43, 241, 272, 518.
¹⁴⁶Зайончковский Н.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 35—36.
¹⁴⁷Эйфельман Н.Я. Лукин. М., 1970. С. 297; Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лукин. Л., 1985. С. 236.
¹⁴⁸РГВИА, ф. 395, оп. 31, д. 846, л. 8—19.

- ¹⁴⁹РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 971.
¹⁵⁰ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 24.
¹⁵¹РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 1108.
¹⁵²Там же, л. 1112—1112об.
¹⁵³Исторический очерк деятельности Иркутского института... С. 2.
¹⁵⁴Иркутская летопись... С. 259; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3, кн. 1. С. 96—97.
¹⁵⁵Исторический очерк деятельности Иркутского института... С. 1.
¹⁵⁶Там же. С. 2.
¹⁵⁷Там же. С. 4.
¹⁵⁸Там же. С. 5—7.
¹⁵⁹Там же. С. 8; РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 208, л. 114.
¹⁶⁰Исторический очерк деятельности Иркутского института... С. 9—10.
¹⁶¹Там же. С. 6.
¹⁶²Там же. С. 61.
¹⁶³Там же.
¹⁶⁴Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 101—102.
¹⁶⁵ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 29—30, 31—36.
¹⁶⁶Дюгамель А.О. Автобиография // РА. 1885. № 7. С. 410.
¹⁶⁷Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 181; Броневский С.Б. Записки // ОР РГБ, ф. F. IV, д. 698, л. 55—559.
¹⁶⁸Вагин В.И. Сороковые годы в Иркутске. С. 270.
¹⁶⁹ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 26.
¹⁷⁰РГИА, ф. 1263, д. 1713, л. 928об., 941об.
¹⁷¹Пашина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века. Л., 1967. С. 162.
¹⁷²Письмо А.З. Муравьева В.Л. Давыдову от 4 марта 1844 г. // Историк-марксист. М., 1926. Т. 1. С. 197—198.
¹⁷³Завалишин Д.И. Записки декабриста. С. 378.
¹⁷⁴Блинов И.А. Исторические материалы, извлеченные из сенаторского архива: Сенаторские ревизии. // ЖМЮ. 1913. № 2. С. 264 (2-я паг.).
¹⁷⁵РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1653, л. 161.
¹⁷⁶Там же, д. 1713, л. 919, 920об.
¹⁷⁷Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. С. 266.
¹⁷⁸РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 919.
¹⁷⁹Там же, ф. 1021, оп. 1, д. 53, л. 20б.
¹⁸⁰Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 1653, л. 163.
¹⁸¹СЗ. 1832. Т. 1. Учреждение Сената. Прилож. к ст. 486; СЗ. 1842. Т. 1. Учреждение Сената. Ст. 256.
¹⁸²Пашина Э.С. Сенаторские ревизии... С. 159.
¹⁸³РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 921, 922об.—924. Всеподданнейший рапорт от 22 мая 1845 г.
¹⁸⁴Там же, л. 930—930об.
¹⁸⁵ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 45—46.
¹⁸⁶Там же, л. 48.

- 187 РГИА, ф. 1021, оп. 1, д. 53, л. 1.
- 188 Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 945—945об.
- 189 Там же, л. 912—912об.
- 190 Там же, л. 946—950об.
- 191 Там же, л. 951—952.
- 192 РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1796, 12 мая 1846 г., № 1903, л. 654.
- 193 Там же, л. 655—656.
- 194 [Бестужевы Н.А. и М.А.] Воспоминания... С. 194—195.
- 195 ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1826 г., д. 61, ч. 43, л. 38. Самы документы обнаружить не удалось.
- 196 Паина Э.С. Сенаторские ревизии... С. 163.
- 197 РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1796, л. 667—667об.
- 198 Пуцун И.И. Записки о Пушкине. С. 199—200. Письмо Е. А. Энгельгардту от 5 марта 1845 г.
- 199 РГИА, ф. 1263, Прилож. к журн. Комитета министров за май 1847 г., ч. III, д. 1869, л. 582—583. Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 149.
- 200 Там же.
- 201 Паина Э.С. Сенаторские ревизии... С. 163—164; РГИА, ф. 1405, оп. 48, д. 372.
- 202 РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1713, л. 1014.
- 203 Там же, л. 947об., 1014.
- 204 Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 187, 190.
- 205 Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 147—149.
- 206 Вагин В.И. Сороковые годы. С. 257—258.
- 207 Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 283.
- 208 Там же. С. 271.
- 209 Вагин В.И. Сороковые годы. С. 261.
- 210 Иркутская летопись... С. 267.
- 211 РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1845 г., д. 475, л. 1—18.
- 212 Иркутская летопись... С. 258.
- 213 Вагин В.И. Сороковые годы. С. 258.
- 214 Там же. С. 261.
- 215 Там же. С. 272.
- 216 Иркут. губ. вед. 1866. 10 сент.
- 217 [Львов Л.Ф.] Из воспоминаний... // РА. 1885. № 4. С. 540, 542.
- 218 Вагин В.И. Сороковые годы. С. 258.
- 219 Пуцун И.И. Записки о Пушкине... С. 137. Письмо И.И. Пуцуна М.А. Фонвизину от 28 апр. 1840 г.
- 220 Трубецкой С.Н. Материалы... Т. I. С. 302.
- 221 ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1842 г., д. 104, л. 9.
- 222 [Бестужевы Н.А. и М.А.] Воспоминания... С. 170.
- 223 ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1841 г., д. 98, л. 16.
- 224 Там же, оп. 1842 г., д. 104, л. 7.
- 225 Там же, оп. 1844 г., д. 247, ч. 14, л. 2.
- 226 Иркутская летопись... С. 289.

ГЛАВА 2

- ¹ Барсуков... Кн. 1. С. 166.
- ² О генеалогии Муравьевых и Мордвиновых см.: Муравьев М.В. Муравьевы: Родословная. Ревель, 1893. Сведения о биографии Н.И. Муравьева, кроме особо оговариваемых случаев, приводятся нами по данным формулярного списка члена Государственного совета графа Н.И. Муравьева-Амурского (ИРЛИ, ф. 320, д. 1577; опубликован: Граф Н.И. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 291—299, а также по: Барсуков. Кн. 1, 2.
- ³ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 75.
- ⁴ Барсуков. Кн. 1. С. 10.
- ⁵ Там же С. 28, 35.
- ⁶ Там же. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 120.
- ⁸ [Филиппсон Г.И.] Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Граф Н.И. Муравьев-Амурский... С. 34—35; Амиров С.А. Из Записок доктора Соломона Амирова: Несколько слов о Николае Николаевиче Муравьеве, графе Амурском, и Владетеле Абхазии Кн[язе] Михайле Шервашидзе // Там же. С. 37—40.
- ⁹ Барсуков. Кн. 1. С. 119.
- ¹⁰ Там же, С. 131.
- ¹¹ Там же. С. 135.
- ¹² Там же. С. 143.
- ¹³ Там же. С. 133, 145.
- ¹⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 152.
- ¹⁶ Барсуков. Кн. 1. С. 153, 158.
- ¹⁷ Там же. С. 135.
- ¹⁸ Там же. С. 157, 158. По данным формулярного списка назначен исправляющим должность военного губернатора г. Тулы и тульского гражданского губернатора 16 июня 1846 г., утвержден в этой должности 6 июля 1847 г. (Граф Н.И. Муравьев-Амурский... С. 293).
- ¹⁹ Барсуков. Кн. 1. С. 161.
- ²⁰ Венюков М.И. Граф Муравьев-Амурский // РС. 1882. № 2. С. 524.
- ²¹ Барсуков. Кн. 2. С. 21—26.
- ²² Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. С. 238—242.
- ²³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 126.
- ²⁴ Семевский В.И. Крестьянский вопрос... С. 243.
- ²⁵ Там же. С. 238.
- ²⁶ Там же. С. 189—190.
- ²⁷ Барсуков. Кн. 2. С. 17.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1844 г., д. 247, ч. 50, по Тульской губернии, л. 19.
- ²⁹ Там же, л. 23об.
- ³⁰ Барсуков. Кн. 2. С. 17.

³¹ Там же.

¹² *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 6. С. 122.

³³ *Барсуков.* Кн. 2. С. 22—23.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Там же. С. 24.

³⁶ Там же. С. 24—26.

³¹ *Се невский В.И.* Крестьянский вопрос... С. 240—253. " "

³⁷ *Барсуков.* Кн. 1. С. 164.

³⁹ *Крутиков В.И.* Отмена крепостного права в Тульской губернии. Тула, 1956. С. 38—39.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 109, 4-я экзп., оп. 1848 г., д. 89 "О неповиновении крестьян помещицы Тульской губернии Резвой и о подстрекательстве к тому человеком Фроловым", л. 5.

⁴¹ Там же, л. 1.

⁴² Там же, л. 5об.

⁴³ Там же, л. 5об., 1об.

⁴⁴ Там же, л. 2—3об.

⁴⁵ Там же, л. 6об.—7.

⁴⁶ Там же, л. 7—7об.

⁴⁷ Там же, л. 10, 7об.—9.

⁴⁸ *Крутиков В.И.* Отмена крепостного права... С. 13.

⁴⁹ РГИА, ф. 1265, оп. 5, д. 268, л. 131 — 146. Формулярный список Л.О. Стадлера.

⁵⁰ *Барсуков.* Кн. 1. С. 162—163.

⁵¹ ГА РФ, ф. 1146, оп. 1, д. 685, л. 7об. Письмо В.В. Муравьева-Амурского к М.С. Волконскому от 3 авг. 1897 г.

⁵² *Барсуков.* Кн. 1. С. 163.

⁵³ *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 87.

⁵⁴ Там же. С. 47.

⁵⁵ *Венюков М.И.* Граф Муравьев-Амурский // РС. 1882. № 2. С. 524.

⁵⁶ *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 4. С. 152—153.

⁵⁷ *Дюгамель А.О.] Автобиография* // РА. 1885. № 6. С. 255—256.

⁵⁸ *Граф П.Н. Муравьев-Амурский...* С. 87.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 320, д. 1577; *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 299.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1848 г., д. 413.

⁶¹ *Иркутская летопись* (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротона) с предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1911. № 5. С. 292.

⁶² *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 45.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 247.

⁶⁵ См.: *Полевой Б.П.* Опознание статей петрашевца А.П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане // История СССР. 1961. № 1. С. 155—159.

⁶⁶ *Барсуков.* Кн. 2. С. 45—47.

⁶⁷ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 1, к. 1734, л. 1 — 1об.

⁶⁸ *Барсуков.* Кн. 1. С. 205.

⁶⁹ *Струве Б.В.* Воспоминания // Граф **И.И.** Муравьев-Амурский... С. 48.

⁷⁰ *Вагин В.И.* Сороковые года в Иркутске. (Из воспоминаний) // Там же. С. 42—43.

⁷¹ Установлено по формулярным и послужным спискам.

⁷² *Вагин В.И.* Старые сибиряки. II: Николай Егорович Тюменцев // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 44.

⁷³ *Вагин В.И.* К биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского // Там же. С. 265.

⁷⁴ Там же. С. 266.

⁷⁵ *Струве Б.В.* Воспоминания... // РВ. 1888. № 4. С. 172.

⁷⁶ *Кузнецова П.А.* Кадровая политика Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля Иркутская, 1995. № 4. С. 5.

⁷⁷ Эти и следующие подсчеты сделаны по данным послужных и формулярных списков, хранящихся в ГАИО (ф. 24, 712), РГВИА (ф. 395, 400), РГИА (ф. 37, 44, 1265, 1284, 1349). См Прилож.

⁷⁸ *Кузнецова Е.А.* Кадровая политика... С. 4—10.

⁷⁹ *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 268.

⁸⁰ *Барсуков.* Кн. 1. С. 271.

⁸¹ Там же. С. 580.

⁸² *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 46.

⁸³ См.: *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 33—35.

⁸⁴ *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 271—273, 277.

⁸⁵ *Венюков М.И.* Из воспоминаний... // Граф Н.Н. Муравьев-Амурс-кий... С. 216—217.

⁸⁶ ОР РГБ, ф. 137, 38.4, л. 7об., 14.

⁸⁷ *Вагин В.И.* Сороковые годы // Литературный сборник / Изд. ред. "Вост. обозр." СПб., 1885. С. 256.

⁸⁸ *Граф Н.П. Муравьев-Амурский...* С. 269, 273.

⁸⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 5, 1859 г., д. 132 Отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1849 г., л. 7—7об.

⁹⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 34, д. 77, 1849 г., л. 6—6об. Письмо Н.Н. Муравьева-Амурского к Л.А. Перовскому.

⁹¹ *Струве Б.В.* Воспоминания // Граф П.Н. Муравьев-Амурский... С. 52.

⁹² *Струве Б.В.* Воспоминания... // РВ. 1888. № 4. С. 181; № 5. С. 28.

⁹³ *Хомяков А.С.* Сочинения. М., 1900. Т. VIII. С. 69 (письмо к А.В. Веневитинову. Март 1844 г.).

⁹⁴ *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...* С. 60.

⁹⁵ ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 19об. 24 марта 1849 г.

⁹⁶ *Порох И.В.* История в человеке: Н.А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80-х годов XIX в. Саратов, 1971; *Он же.* Генерал-студент // Годы и люди. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 32—56; *Сидоров И.С.* Николай Александрович Мордвинов среди петрашевцев

(по новым архивным материалам) // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 47—61.

⁹⁷ ОР РМБ, ф. 366, оп. 1, д. 332, л. 7об.—8.

⁹⁸ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 269.

"ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1844 г., д. 247, ч. 14, по Енисейской губернии, л. 5.

¹⁰⁰ ИРЛИ, арх. Кавелина, 20.689 / СХУ б 10, л. 15об.—16. 18 дек. 1861 г.

¹⁰¹ Струве Б.В. Воспоминания... // РВ. № 5. С. 40; № 4. С. 162.

¹⁰² Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 272.

¹⁰³ Скарятин В.Д. Беглый очерк золотопромышленности в Восточной Сибири и значения ее для края // Одесск. вестн. 1860. № 52. 17 мая.

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1848 г., д. 413, л. 2об.; РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1854 г., д. 109, л. 34об.

¹⁰⁵ Ср.: Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 4. С. 164; ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 1, к. 1734, л. II—III об.

¹⁰⁶ ТАИО, ф. 24, оп. 9, д. 1, к. 1734, л. Поб.—12.

¹⁰⁷ Барсуков. Кн. 2. С. 251—252.

¹⁰⁸ РГИА, ф. 1265, оп. 4, д. 115, л. 2—5об., 11; оп. 1, д. 88, л. 16об.

¹⁰⁹ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год // Граф И.Н. Муравьев-Амурский... С. 188—189.

¹¹⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 5, 1851 г., д. 130, л. 48об.

¹¹¹ ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 19—20об.

¹¹² Граф Н. Н. Муравьев-Амурский... С. 267—268.

¹¹³ РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 154, л. 8об.—9.

¹¹⁴ Там же, ф. 1281, оп. 5, 1850 г., д. 132, л. 50об.—51.

¹¹⁵ Барсуков. Кн. 1. С. 531.

¹¹⁶ Кубалов Б.Г., Коваль С.Ф. К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964. Вып. 1: Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. С. 31.

¹¹⁷ Топчий А.Т. Крестьянские реформы и Сибири (1861—1899 гг.). Томск: ТГУ, 1979. С. 24, 17.

¹¹⁸ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 66; Вагин В.И. "Муравьевское время" в Сибири // ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1699, л. 37 об.—38.

¹¹⁹ Барсуков. Кн. 2. С. 96.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 61.

¹²² Барсуков. Кн. 1. С. 256—257.

¹²³ Зуев А.С. Проекты реформ Забайкальского пограничного казачьего "войска" второй четверти XIX в. // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 39—46.

¹²⁴ Зуев Л.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 60—61; Барсуков. Кн. 2. С. 154—155; Кабанов Н.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 98—99.

¹²⁵ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 6, С. 92.

¹²⁶ Барсуков. Кн. 2. С. 305—309. Письмо от 3 окт. 1860 г.

¹²⁷ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Кузнецова Е.А. Сперанский и Муравьев // Земля Иркутская. 1994. № 3.

¹²⁸ Барановская М.О. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. С. 192, 225—228; Она же. Завалишин и Амурский вопрос // Дальний Восток. 1958. № 4. С. 165—167; Брегман Л.А., Федосеева Е.Н. Владимир Федосеевич Раевский // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 5—56; Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х — начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 263—278; Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 39—40; Шatroва Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск, 1984. С. 3—171; и др.

¹²⁹ Кузнецова Е.А. Н.Н. Муравьев и декабристы // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 8—19.

¹³⁰ ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1848 г., д. 338, л. 5.

¹³¹ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 221.

¹³² Вартищева А.Е. Па реке Амуре в 1854—1855 гг.: Воспоминания офицера из отряда Н.Н. Муравьева // РС. 1891. № 8. С. 328.

¹³³ ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1852 г., д. 239, л. 7.

¹³⁴ [Фролов А.Ф.] Воспоминания Александра Филипповича Фролова. По поводу статей Д.И. Завалишина // РС. 1882. № 5. С. 475.

¹³⁵ Летописи Государственного Литературного музея. М., 1938. Вып. 3. С. 448.

¹³⁶ Пущин И.И. Записки... С. 266. Письмо И.И. Пущина к Ф.Ф. Матюшкину от 11 февр. 1853 г.

¹³⁷ // уны; М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 394 / Комментарий. Н.Я. Эйдельмана; Муравьев М.В. Статья М.С. Лунина "Взгляд на дела Польши" // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 266. Автор последней статьи — историк и генеалог Михаил Валерианович Муравьев, внучатый племянник графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

¹³⁸ ОР РГБ, ф. 137, 1534, д. 6, л. 8об.

¹³⁹ Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение... С. 268—269.

¹⁴⁰ Барсуков. Кн. 2. С. 62.

¹⁴¹ Дюгамель А.О. Автобиография // РА. 1885. № 10. С. 163.

¹⁴² "Всё они скрупулезно фиксировались в "Иркутской летописи": 3 сент. 1851 г. Муравьев с супругой выехал из Иркутска в Петербург, 12 авг. 1851 г. вернулся; 15 февр. 1853 г. выехал и 21 мар. 1854 г. вернулся; 14 янв. 1856 г. выехал и 13 дек. того же года вернулся; в январе 1860 г. выехал и 16 июня вернулся. (Иркутская летопись. С. 304, 311, 318, 324, 361; [Романов Н.С.] Иркутская летопись: 1857—1880 г. (Продолжение "Летописи П.И. Пешсмского и В.А. Кротова) / Сост. Н.С. Романов. Под ред. И.И. Серебренникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1914. № 8. С. 19, 60, 63.

¹⁴³ ОР РГБ, ф. 137, 38, л. 1об., 3об.

¹⁴⁴ Граф П.Н. Муравьев-Амурский... С. 70.

¹⁴⁵ Барсуков. Кн. 1. С. 294.

¹⁴⁶ Гончаров И.А. По Восточной Сибири: В Якутске и в Иркутске // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 138.

- ¹⁴⁷ ОР РГБ, ф. 137. 119.35, л. 106.
- ^ш Барсуков. Кн. 1. С. 248.
- Н 90 р РГБ ф** ¹³⁷ — ад ¹²¹ л. ³², 1 июня 1852 г.
- ¹⁵⁰ Барсуков. Кн. 1. С. 338. Письмо от 3 нояб. 1853 г.
- ^т Барсуков. Кн. 1. С. 263.
- ¹⁵² О ходе се при И.Б. Пестеле см.: Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // ВИ. 1997. № 2.
- ¹⁵³ РГИЛ, ф. 1265, ои. 2, д. 147, л. 13—130б.
- ^ш Барсуков. Кн. 1. С. 261. Письмо Л.А. Перовскому от 11 мар. 1850 г.
- ¹⁵⁵ Барсуков. Кн. 2. С. 45.
- ¹⁵⁶ РГИА, ф. 1284, он. 34, 1849 г., д. 77, л. 50б.; Барсуков. Кн. 1. С. 248—249, 293.
- ¹⁵⁷ Герцен А.И. Граф Муравьев-Амурский и его поклонники // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 159.
- ¹⁵⁸ РГИА, ф. 1281, оп. 5, 1851 г., д. 130, л. 60—61.
- ¹⁵⁹ Там же, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 284, л. 710б.—73.
- ^ш Граф П.Н. Муравьев-Амурский... С. 226.
- ¹⁶¹ РГИА, ф. 1284, оп. 41, 1856 г., д. 154, л. 78—85. Об основании СОИРГО и роли Н.Н. Муравьева см. также: Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: Изучение народов северо-востока Азии. 1845—1917. Новосибирск, 1994. С. 15—16.
- ¹⁶² Васин В.И. Старое время Сибирского географического отдела // Сиб. сб.: Прилож. к газ. "Вост. обозрение". Иркутск. 1896. Вып. 1. С. 2.
- ¹⁶³ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. М., 1984. С. 45; Он же. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974.
- ^ш Кабанов Н.И. Амурский вопрос. С. 102.
- ¹⁶⁵ Восточная Сибирь: Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина / Сообщ. В.П. Насини // ЧОИДР. 1875. Кн. 2, разд. 5: Смесь. С. 103—188; Полевой Б.П. Оpozнание статей петрашевца А.П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.) // История СССР. 1961. № 1. С. 155—159.
- ^ш Полевой Б.П. Экспедиция Е.В. Путятина и ее задачи // Римский-Корсаков В.А. Балтика — Амур. Хабаровск, 1980. С. 373—374.
- ¹⁶⁶ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М., 1994. С. 198—199.
- ^ш Мамай А.С. Споры в русском правительстве по амурскому вопросу (1848—1854) // Вестн. Моск. ун-та: История. 1996. № 3. С. 6—7.
- ^ш Полевой Б.П. Оpozнание статей... С. 157; Он же. Экспедиция Е.В. Путятина... С. 373.
- ¹⁷⁰ ЧОИДР. 1875. Кн. 2, разд. 5: Смесь. С. 148—149, 171, 181—183, 187, 173—177.
- ^{П1} Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 176, 190.
- ^т Барсуков. Кн. 2. С. 91.
- ^{п3} Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 152, 161, 163—164, 166, 173—174. Обобщенные результаты подсчитаны нами по данным П.А. Зайончковского.
- ¹⁷⁴ ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 4, к. 1143, л. 3—5.
- ¹⁷⁵ Кузнецова Е.А. Кадровая политика Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля Иркутская. 1995. № 4. С. 5.
- ¹⁷⁶ ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 4, к. 1143, л. 50б.
- ¹⁷⁷ ЦИА Г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 22, л. 542об. 30 окт. 1859 г.
- 1780 р РГБ ф** ¹³⁷ Ю.2.26, л. 70б.—8. Письмо И.А. Малахова М.С. Корсакову. 1863 г.
- ¹⁷⁹ Там же, ф. 137, 120.32, л. 7.
- ¹⁸⁰ /гра</> Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 100.
- ¹⁸¹ РГВИА, ф. 395, оп. 289, д. 27, л. 30об., 390б.
- ¹⁸² Заборинс Ки А.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848—1856 гг. // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 115.
- ¹⁸³ [Ефимов И.В.] Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский перед судом профессора П.Н. Бутинского: Заметки и воспоминания И.В. Ефимова. СПб., 1896. С. 115—117; Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 178—179.
- ¹⁸⁴ В воспоминаниях Р.К. Богданова адъютант И.С. Мазарович назван чиновником особых поручений (Граф Н.Н. Муравьев-Амурский— С. 188).
- ¹⁸⁵ РГА ВМФ. ф. 1365, оп. 1, д. 6, л. 610б. Письмо Н.Н. Муравьева к В.С. Завойко от 9 нояб. 1855 г.
- ^ш Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Хабаровск, 1900. Т. V, вып. III. С. 57—58.
- ^{1870 р РГВИА ф ¹³⁷ 127.12, л. 17—170б. Письмо Ю.И. Штубендорфа к М.С. Корсакову от 27 авг. 1851 г.}
- ¹⁸⁶ [Ефимов И.В.] Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский... С. 44—45.
- ^т Граф П.Н. Муравьев-Амурский... С. 207—208.
- ИЭДОР р, Б ф** ^{6д} 14 55_ л 70б.—8.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, д. 202, л. 2. Копия письма Н.Н. Муравьева В.А. Долгорукову. Февр. 1856 г.
- ¹⁹³ РГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 49, л. 330б.
- ¹⁹⁴ Там же; ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, д. 202.
- ^т Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 276.
- ^ш Барсуков. Кн. 2. С. 103.
- ¹⁹⁷ РГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 49, л. 133, 1470б.
- ¹⁹⁸ Об этом писали декабристы П.С. Бобрищев-Пушкин и В.И. Штейнгель И.И. Пущину (Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск. 1985. Т. 1: Записки и письма. С. 537, 293).
- ¹⁹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1841 г., д. 98, л. 80б.
- ²⁰⁰ ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, д. 202, л. 5—50б., л. 6—60б.
- ²⁰¹ РГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 49, л. 149—164.
- 2020 р РГБ ф** ¹³⁷ ⁹¹ ³³ л ¹³⁰ б.
- ²⁰³ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 61.
- 2040 р РГБ ф** ⁶⁹ ¹⁴ ⁵⁵ л ⁵⁰ б
- ²⁰⁵ Кабанов Н.И. Амурский вопрос.
- ^ш Барсуков. Кн. 1. С. 411.
- ²⁰¹ [Белокопытов П.В.] Из истории колонизации Приамурья: Дневник П.В. Белокопытова // СЛ. 1914. № 1. С. 1—2.

- ²⁰⁸Подробно история первых сплавов описана в мемуарах их участников. См.: *Демидов М.Г.* (Запись И.В. Любарского). Бедственная экспедиция // ИВ. 1894. № 2. С. 444—452; *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака... С. 34; *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 153—162, 190.
- ²⁰⁹*Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 11. С. 195.
- ²¹⁰РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 21, л. 41об.
- ²¹¹[*Ravenstein E.G.*] The Russians on the Amur; its Discovery, Conquest, and Colonisation, with a Description of the Country, its Inhabitants, Productions, and Commercial Capabilities; and Personal Accounts of Russian Travellers by E. G. Ravenstein, F.R.G.S., Corresponding fellow of the Geographical Society of Frankfurt. London: Trübner and Co. 1861. ([*Равенштейн Э.Г.*] Русские на Амуре; его открытие, завоевание и колонизация; с описанием страны, ее обитателей, продукции, экономических возможностей и личными отчетами русских путешественников, Э.Г. Равенштейна.)
- ²¹²*Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири. СПб., 1889. С. 154—155; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М., 1990. С. 92.
- ²¹³*Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения... С. 109.
- ²¹⁴Там же. С. 150.
- ²¹⁵РГИА, ф. 1265, оп. 7, 1858, л. 121; ф. 1265, оп. 9, д. 44; оп. 12, д. 129.
- ²¹⁶*Барсуков*. Кн. 2. С. 104—108.
- ²¹⁷См.: *Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.* Петропавловск-Камчатский, 1979; *Щедрин Г.И.* Петропавловский бой. М., 1975.
- ²¹⁸*Барсуков*. Кн. 1. С. 514.
- ²¹⁹ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3411, л. 3об.
- ²²⁰[*Фролов А.Ф.*] Воспоминания... С. 495.
- ²²¹*Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 140—141.
- ²²²Там же. С. 226.
- ²²³*Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири и политические ссыльные в годы первой революционной ситуации // Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 36.
- ²²⁴ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1849 г., д. 214, ч. 35, л. 58.
- ²²⁵Письмо от 8 дек. 1860 г. // *Бакушин М.А.* Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Женева, 1896. С. 187.
- ²²⁶*Головин А.В.* Записки для немногих // ВИ. 1996. № 5—6. С. 127.
- ²²⁷ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 12, 72.
- ²²⁸*Венюков М.И.* Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1: 1832—1867. С. 246.
- ²²⁹ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 75об. 10/22 дек. 1858 г.
- ²³⁰*Венюков М.И.* Из воспоминаний: 1881—1884 годы. Париж // *Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 282.
- ²³¹*Барсуков*. Кн. 1. С. 471.
- ²³²Там же. С. 588.
- ²³³Там же. С. 473.

- ²³⁴Там же. С. 477.
- ²³⁵*Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 73—74.
- ²³⁶[*Collins P.Mc.D.*] Siberian Journey down the Amur to the Pacific, 1856—1857. A New Edition of a Voyage down the Amoor by Perry Mc. Donough Collins. Madison, 1962. P. 114. См. также: *Матханова Н.П.* Путевые записки американского коммерсанта П.М. Коллинза о городах Сибири середины XIX века // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. Новосибирск, 1992. С. 98.
- ²³⁷ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, л. 134, л. 6.
- ²³⁸*Барсуков*. Кн. 1. С. 336.
- ²³⁹Там же. С. 619. Письмо М.С. Корсакову от 20 февр. 1861 г.
- ²⁴⁰ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 466. Письмо М.С. Корсакову от 15 июля 1860 г.
- ²⁴¹Там же, л. 466—466об; *Барсуков*. Кн. 1. С. 593—594.
- ²⁴²РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 284, л. 37об.—38.
- ²⁴³Там же, оп. 9, л. 44, л. 29—29об.
- ²⁴⁴Там же, оп. 7, л. 267, л. 30—36об, 50—54.
- ²⁴⁵*Барсуков*. Кн. 1. С. 293, 572.
- ²⁴⁶*Венюков М.И.* Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 гг. // РС. 1879. № 1. С. 292—294; *Даттан А.В.* Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1987. С. 1—24; *Завалишин Д.И.* Амурская компания // Современная летопись (прилож. к "Московским ведомостям"). 1866. № 13. 1 мая; *Краткий обзор действий Амурской компании за 7 лет ее существования* // Восточное Поморье. Николаевск, 1865. № 3—5.
- ²⁴⁷РГИА, ф. 1265, оп. 9, д. 219, л. 9—10об.
- ²⁴⁸*Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении Цинского Китая // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 204.
- ²⁴⁹*Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 234.
- ²⁵⁰Там же. С. 217—218.
- ²⁵¹О выделении средств с 1859 г. см.: РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 53. Об отмене этих ассигнований в 1860 г. см.: там же, оп. 11, д. 161, л. 46об.
- ²⁵²Там же, оп. 9, д. 53.
- ²⁵³*Граф Н.Н. Муравьев-Амурский*... С. 218.
- ²⁵⁴РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 21, л. 4об. Письмо Н.Н. Муравьева к П.В. Казакевичу от 20 апр. 1857 г.
- ²⁵⁵Там же, л. 40об. Письмо Н.Н. Муравьева к П.В. Казакевичу от 4 июня 1857 г.
- ²⁵⁶ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 594—595. Письмо за июнь—июль 1861 г.
- ²⁵⁷РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 21, л. 40. Письмо от 4 июня, 6/г.
- ²⁵⁸РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 284, л. 34об.—35; оп. 9, д. 44, л. 30об.—31.
- ²⁵⁹Там же, оп. 10, л. 50, л. 98—117, 144—157.
- ²⁶⁰*Кубалов Б.Г., Коваль С.Ф.* К вопросу о раскрепощении труда... С. 31.
- ²⁶¹*Толчий А.Т.* Крестьянская реформа в Сибири... С. 53, 54.

- ²⁶²РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 159, л. 58об.
- ²⁶³Более подробно о губернаторах этого времени см.: *Матханова Н.И.* Губернаторский корпус Восточной Сибири середины XIX века // *Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечествен. история.* Новосибирск, 1996. № 2. С. 3—9.
- ²⁶⁴Барсуков. Кн. 1. С. 386.
- ²⁶⁵ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 46об.
- ²⁶⁶Барсуков. Кн. 1. С. 477. Письмо от 10 окт. 1856 г.
- ²⁶⁷Там же.
- ²⁶⁸Барсуков. Кн. 1. С. 580—582.
- ²⁶⁹РГИА, ф. 1265, оп. 9, 1860 г., д. 42, л. 92.
- ²⁷⁰Дюгамель А.О. Автобиография // РА. 1885. № 10. С. 174.
- ²⁷¹ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 42об.—43.
- ²⁷²Барсуков. Кн. 1. С. 579, 582.
- ²⁷³Барсуков. Кн. 2. С. 189—194; РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 1об., 7.
- ²⁷⁴Там же, л. 13об.
- ²⁷⁵Там же, л. 134об.
- ²⁷⁶Там же, л. 120об.
- ²⁷⁷1857—1861: Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 84. Письмо Александра II от 20 дек. 1858/1 янв. 1859 г.
- ²⁷⁸Крылов В.В. Административные документы и письма Высокопреосвященного Иннокентия, Архиепископа Камчатского, по управлению Камчатской епархией и местными духовными учебными заведениями за 1846—1868 гг. Казань, 1908. С. 124—125; Барсуков. Кн. 2. С. 254—258.
- ²⁷⁹Кучумова Л.А. Концепция Церкви и Государства в общественной мысли 1850—1860-х годов: Православный приход // *Православие и русская народная культура.* М., 1993. Кн. 2. С. 187—192.
- ²⁸⁰РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 240, л. 344—353.
- ²⁸¹Богданов Р.К. Воспоминания... // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 197—198.
- ²⁸²Азадовский М.К. Песнь о переселении на Амур // СА. № 3—4. Минусинск, 1916. С. 158.
- ²⁸³[Белокопытов П.В.] Из истории колонизации ... // СА. 1914. № 1. С. 3—4.
- ²⁸⁴Вагин В.И. "Муравьевское время" в Сибири // ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1699, л. 20об.—21.
- ²⁸⁵Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 239—240.
- ²⁸⁶Кузнецова Е.А. Взгляд Н.Н. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // *Ссылные революционеры в Сибири.* Иркутск, 1991. Вып. 12. С. 94—105.
- ²⁸⁷Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 240.
- ²⁸⁸Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь. (1857—1861 гг.). Новосибирск, 1993. С. 13.
- ²⁸⁹Там же. С. 103—104.
- ²⁹⁰Там же. С. 59.

- ²⁹¹Там же. С. 74—75.
- ²⁹²РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1309, л. 37—40; ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1450, д. 8, л. 46.
- ²⁹³Бакунин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. С. 113—114. (Письмо от 7 нояб. 1860 г.).
- ²⁹⁴Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 49.
- ²⁹⁵ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 58—58об.
- ²⁹⁶Там же, л. 77об., 7/19 апр. 1863 г.
- ²⁹⁷Там же, л. 81об., 4/16 мар. 1863 г.
- ²⁹⁸Там же, л. 62об., 1/13 июля 1862 г.
- ²⁹⁹ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 75б.
- ³⁰⁰Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 62—69; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 15—67; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 332.
- ³⁰¹Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 84.
- ³⁰²ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 42об.
- ³⁰³Граф Н.Н. Муравьев-Амурский ... С. 214.
- ³⁰⁴Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 85.
- ³⁰⁵Иркутские губ. ведомости. 1859. № 14.
- ³⁰⁶Е.Р. [Рагозин Е.И.] Бунт раскольников в 1859 году (из воспоминаний о Сибири) // ИВ. 1893. № 4. С. 162—168; Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 257—260.
- ³⁰⁷См.: Барсуков. Кн. 1. С. 480—481.
- ³⁰⁸ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 7, к. 1734; Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 358—361.
- ³⁰⁹Барсуков. Кн. 1. С. 650.
- ³¹⁰Там же. С. 641, 644.
- ³¹¹ОР РГБ, ф. 22, 3.210, л. 95—95об. Письмо Н.А. Белоголового к отцу, А.В. Белоголовому, от 2 июня 1858 г.
- ³¹²Иркутские губ. ведомости. 1858. № 38. 18 сент.
- ³¹³Барсуков. Кн. 1. С. 550; Иркутские губ. ведомости. 1859. № 3. 15 янв.
- ³¹⁴Иркутские губ. ведомости. 1858. № 47. 20 окт.
- ³¹⁵ГАИО, ф. 24, оп. 9, к. 1735, л. 43.
- ³¹⁶ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 20, л. 312. Письмо Б.К. Кукеля М.С. Корсакову. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 75.
- ³¹⁷ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 20, л. 232.
- ³¹⁸Арефьев В.С. Бутаевич-Петрашевский в Сибири // РС. 1902. Т. 109. С. 178.
- ³¹⁹ГАИО, ф. 24, оп. 9, к. 1736, д. 77, л. 1—2об.
- ³²⁰Дело о поединке между коллежским советником Федором Беклемишевым и коллежским ассессором Неклюдовым // *Любавский А.* Русские уголовные процессы. СПб., 1867. Т. 2. С. 64—107; *Быкова В.П.* Записки старой смолянки. СПб., 1899. Ч. 2: 1858—1878. С. 44—55; *Венюков М.И.* Из воспоминаний... // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский...

- С. 225; Милютин В.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Там же. С. 244—247; Радде Г.И. Автобиография // Там же. С. 173—174; Вагин В.И. К биографии... // Там же. С. 278—279; Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири...; Он же. Протест против выступления Бакунина об "иркутской дуэли" // Лит. наследство. М., 1956. Т. 63; Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х — начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975; Матханова Н.П. Декабрист А.В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1; Дулов А.В. Иркутская дуэль // Сибирь. 1992. № 5. С. 216—228; Шободоев Е.Б. Новые источники по делу о дуэли М.С. Неклюдова с Ф.А. Беклемишевым 16 апреля 1859 г. в Иркутске и ее последствиях // Проблемы региональной истории: Тез. докл. и сообщ. / Байкальск. историч. школа. Иркутск. 1994. Ч. 1. С. 62—65; Ремнев А.В. Иркутская дуэль 1859 года // Отечество. М., 1995. Вып. 6. С. 285—300. Серьезные возражения вызывает трактовка событий, связанных с иркутской дуэлью 1859 г. Должиковым — в частности, его утверждение, что Муравьев и Бакунин (а, значит, и участники дуэли) представляли более прогрессивные силы, а местные купцы, М.В. Петрашевский и другие противники "золотой молодежи" выступали в узкосословных интересах купцов-монополистов и "туземного" чиновничества (Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь. С. 60—65).
- ³²¹ Раевский В.Ф. Материалы... Иркутск, 1983. Т. 2. С. 437. Письмо Г.С. Батенькову от 25 сент. / 6 окт. 1860 г.
- ³²² ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1456, л. 81, л. 81—82об.
- ³²³ Винокова М.И. Из воспоминаний... // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 225.
- ³²⁴ Быкова В.П. Записки старой смолянки... С. 44.
- ³²⁵ Поджио А.В. Записки, письма. С. 251. Письмо от 25 июня [1860 г.].
- ³²⁶ Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон—Женева: Вольная русская типография, 1857—1867. / Факсим. изд. М., 1964. Вып. 10. Прилож. "Под суд!". 1859—1862. С. 13—16. Л. 2, 15 нояб. 1859 г.
- ³²⁷ Белоголовый Н.А. Убийство Неклюдова в Иркутске: Письма к брату и другим членам кружка // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка / Изд. подгот. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. Иркутск, 1988. С. 508
- ³²⁸ Л. 6 и 7, 1 и 15 июля 1860 г. / Колокол... С. 60—64, 68—71.
- ³²⁹ Колокол... М., 1962. Вып. 3: 1860 г. С. 615, 616 (л. 6 и 7, 1 и 15 июля 1860 г.).
- ³³⁰ Барсуков. Кн. 1. С. 598.
- ³³¹ Там же.
- ³³² Там же. С. 599.
- ³³³ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 151.
- ³³⁴ Герцен А.И. Граф Муравьев-Амурский и его поклонники // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 157.
- ³³⁵ Колокол. Л. 40—41 от 15 апр. 1859 г., отд. "Смесь" // Герцен А.И. Собр. соч... М., 1958. Т. 14. С. 395—396.
- ³³⁶ Герцен А.И. Собр. соч... М., 1958. Т. 14. С. 316.
- ³³⁷ Бакунин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву... С. 162.

- ³³⁸ Герцен А.И. Собр. соч... Т. 15. С. 449, comment.
- ³³⁹ Колокол... М., 1962. Вып. 3: 1860 г. С. 721 (л. 87 и 88, 15 дек. 1860 г.).
- ³⁴⁰ ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 62об.. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 147—148.
- ³⁴¹ ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 75об.
- ³⁴² Колокол... М., 1962. Вып. 4. С. 810 (л. 96, 15 апр. 1861 г.).
- ³⁴³ Там же. С. 817—819 (л. 91, 1 мая 1861 г.: Подвиги псковского губернатора Муравьева); Барсуков. Кн. 1. С. 628—629.
- ³⁴⁴ Герцен А.И. Собр. соч... Т. 15. С. 390, comment.; Белоголовый Н.А. Три встречи с Герценом // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка... С. 417. См. также: Белоголовый Н.А. Письма к брату и другим членам кружка // Там же. С. 459.
- ³⁴⁵ Герцен А.И. Собр. соч... Т. 15. С. 157.
- ³⁴⁶ Белоголовый Н.А. Три встречи с Герценом... С. 417.
- ³⁴⁷ Бакунин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. С. 117.
- ³⁴⁸ Repton Letters. New-York: Public Library. 2.12.1856. P. 39—40: // An American's Siberian Dream by Norman Saul // Russian Review. 1978. Oct. Vol. 37, N 4. P. 412.
- ³⁴⁹ "Как только в политическом курсе Н.Н. Муравьева наместилась радикальная тенденция, — пишет В.А. Должиков, — либералы сразу качнулись от него" (см.: Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 95).
- ³⁵⁰ Барсуков. Кн. 1. С. 607.
- ³⁵¹ Там же. С. 634.
- ³⁵² Дюгамель А.О. Автобиография // РА. 1885. № 10. С. 164.
- ³⁵³ Там же. № 7. С. 414.
- ³⁵⁴ Струве Б.В. Воспоминания. // РВ. 1888. № 5. С. 40—41.
- ³⁵⁵ РА. 1878. № 11. С. 261; Святиков С.Г. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1929. С. 30.
- ³⁵⁶ [Шапов А.П.] Письмо А.П. Шапова Александру II в 1861 г. // Красный архив. М.; Л., 1927. Т. 6(19). С. 159—160.
- ³⁵⁷ Кропоткин Н.А. Записки революционера // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 261.
- ³⁵⁸ Святиков С.Г. Россия и Сибирь... С. 76.
- ³⁵⁹ Барсуков. Кн. 1. С. 533.
- ³⁶⁰ 1857—1860: Переписка... С. 73. Письмо Александра II от 16/28 нояб. 1858 г.
- ³⁶¹ Барсуков. Кн. 2. С. 224—225.
- ³⁶² Там же. С. 287.
- ³⁶³ ГА РФ, ф. 109, секр. арх., оп. 3, д. 1307—1312 и др.
- ³⁶⁴ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 148, л. 43об.
- ³⁶⁵ Там же. л. 44.
- ³⁶⁶ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 87. Письмо Н.П. Игнатьеву от 12 сент. / 31 авг. 1863 г.
- ³⁶⁷ Барсуков. Кн. 1. С. 540.
- ³⁶⁸ Там же. С. 548.
- ³⁶⁹ Головин А.В. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 г. // Зап. науч. об-ва марксистов. 1927. № 7 (1). С. 143. Цит. по:

Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 34.

³⁷⁰ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 201об., 8 февр. 1860 г.

³⁷¹**Лемке М.К.** Очерки освободительного движения "шестидесятых годов": По неизданным документам с портретами. СПб., 1908. С. 458, прилож. 3.

³⁷²ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 447об.

³⁷³1857—1861: Переписка... С. 73.

³⁷⁴**Татищев С.С.** Император Александр II. СПб., 1911. Т. I. С. 277.

³⁷⁵ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 492об. 23 дек. 1860 г.

³⁷⁶1857—1861: Переписка... С. 11.

³⁷⁷**Барсуков.** Кн. 1. С. 627.

³⁷⁸**Вагин В.И.** Сороковые года в Иркутске... // **Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 41, 42.

³⁷⁹**Глен П.А.** (запись Н.К. Энона). Записки // Там же. С. 133.

³⁸⁰**Гончаров И.А.** По Восточной Сибири... // Там же. С. 138.

³⁸¹**Филиппсон Г.И.** Воспоминания // Там же. С. 34.

³⁸²**Демидов М.Г.** (запись И.В. Любарского). Бедственная экспедиция // Там же. С. 153.

³⁸³**Филиппсон Г.И.** Воспоминания // Там же. С. 34.

³⁸⁴Там же. С. 33.

³⁸⁵**Заборинский А.И.** **Граф Н.Н. Муравьев-Амурский** в 1848—1856 гг. // Там же. С. 114.

³⁸⁶**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский** в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998.

³⁸⁷ОР РГБ, ф. 137, 121.1, л. 2.

³⁸⁸Там же, л. 2об. В 1852 г. С.О. Чайковский был отстранен от службы "за медленность и упущения" (РГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 93, л. 6, 23об.).

³⁸⁹ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 27, к. 1146, л. 58.

³⁹⁰**Барсуков.** Кн. 1. С. 164 (письмо брату от 31 июля 1847 г.).

³⁹¹РГИА, ф. 1284, оп. 34, д. 77, 1849 г., л. 1—1об.

³⁹²РА. 1885. № 10. С. 183.

³⁹³РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 62, л. 1об.

³⁹⁴Там же, ф. 908, оп. 1, д. 148, л. 17об.

³⁹⁵Там же, ф. 1265, оп. 9, д. 42, л. 114.

³⁹⁶**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 181.

³⁹⁷ОР РГБ, ф. 137, 74.19, л. 9об.—10.

³⁹⁸**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 76.

³⁹⁹ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 20; ф. 137, 41.6, л. 4.

⁴⁰⁰Там же, ф. 137, 38. 4, л. 9об.—10.

⁴⁰¹Там же, ф. 137, 41.6, л. 7.

⁴⁰²Там же, л. 4об., 6.

⁴⁰³**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 196.

⁴⁰⁴Там же. С. 184—185.

⁴⁰⁵Там же. С. 204.

⁴⁰⁶Там же. С. 140.

⁴⁰⁷ОР РГБ, ф. 137, 78.9, л. 1об., 22 июля 1850 г.

⁴⁰⁸**Вагин В.И.** "Муравьевское время" в Сибири // ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1699, л. 33.

⁴⁰⁹**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 196.

⁴¹⁰Там же. С. 183—184.

⁴¹¹Там же. С. 196.

⁴¹²Там же. С. 204.

⁴¹³ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 19об., 24 март. 1849 г., л. 6.

⁴¹⁴**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 78.

⁴¹⁵Там же, С. 79.

⁴¹⁶Там же.

⁴¹⁷Там же. С. 195—196.

⁴¹⁸**Барсуков.** Кн. 2. С. 225—228.

⁴¹⁹ГА РФ, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 266—266об., 12 мая 1854 г.

⁴²⁰ИРЛИ, ф. 1265, оп. 2, д. 1696, л. 1; **Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 349.

⁴²¹**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 204.

⁴²²Письмо А.Х. Имберга Д.И. Завалишину от 29 мая 1859 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 222—223.

⁴²³**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 139.

⁴²⁴Там же. С. 74.

⁴²⁵**Петров А.И.** Амурский щит. Хабаровск, 1974. С. 173.

⁴²⁶ОР РГБ, ф. 377, оп. 1, д. 751, л. 1.

⁴²⁷**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 250.

⁴²⁸**Барсуков.** Кн. 1. С. 537.

⁴²⁹**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 54.

⁴³⁰ОР РГБ, ф. 137, 38. 1, л. 4об.

⁴³¹См. разд. "Тулеский губернатор".

⁴³²**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 140.

⁴³³Там же. С. 56.

⁴³⁴**Григорьев Ю.Г.** Аян. 22 октября 1855 г. // Там же. С. 151—152.

⁴³⁵**Демидов М.Г.** Бедственная экспедиция // Там же. С. 156.

⁴³⁶**Скобелевич Г.Д.** Записки // Там же. С. 129.

⁴³⁷Письмо И.А. Гончарова к Е.П. и Н.А. Майковым от 19 янв. 1855 г. Иркутск // Там же. С. 332.

⁴³⁸ОР РГБ, ф. 137, 102.11, л. 6. 2 окт. 1852 г.

⁴³⁹Там же, л. 11. 29 окт. 1852 г.

⁴⁴⁰РГВИА, ф. 395, оп. 289, д. 27, л. 39об. 29 нояб. 1855 г.

⁴⁴¹Там же, л. 30об.

⁴⁴²ОР РГБ, ф. 137, 102.11, л. 23об.—24. Письмо И.С. Мазаровича к М.С. Корсакову.

⁴⁴³**Завалишин Д.И.** Декабристы. III: Как декабристы Амурское дело защищали // ОР РГБ, ф. 712, 1.9, л. 33об.

⁴⁴⁴**Граф Н.Н. Муравьев-Амурский**... С. 254.

⁴⁴⁵**Кропоткин П.А.** Дневники разных лет. М., 1992. С. 58.

⁴⁴⁶**Барсуков.** Кн. 1. С. 214. Письмо от 18 апр. 1849 г.

⁴⁴⁷**Струве Б.В.** Воспоминания... // РВ. 1888. № 5. С. 54.

- ⁴⁴⁸ГА РФ, ф. 1143, оп. 1, д. 61, л. 10б. (письмо Н.Н. Муравьева к С.П. Трубецкому от 30 нояб. 1858 г.).
- ⁴⁴⁹РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 21, л. 75об. 16 янв. [1859 г.].
- ⁴⁵⁰ОР РГБ, ф. 137, 97.5, л. 18об. (письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову. Цюрих, 11 февр. 1870 г.).
- ⁴⁵¹ОР РГБ, ф. 410, 13.41, л. 1. (письмо Н.Н. Муравьева-Амурского к С.С. Лавровой).
- ⁴⁵²Кропоткин П.А. Записки революционера. М.; Л., 1933. С. 169; История социально-революционного движения. Гл. 10: 1861—1881 гг. СПб., 1887. С. 111.
- ⁴⁵³Там же. С. 112.
- ⁴⁵⁴Барсуков. Кн. 1. С. 385, 386.
- ⁴⁵⁵Там же. Кн. 1. С. 469.
- ⁴⁵⁶ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 38об.
- ⁴⁵⁷Там же, л. 3246, л. 24—25.
- ⁴⁵⁸Барсуков. Кн. 1. С. 578.
- ⁴⁵⁹ОР РГБ, ф. 137, 39.20, л. 7об.
- ⁴⁶⁰ИРЛИ, ф. 320, оп. 1, д. 1577, л. 20; Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 298.
- ⁴⁶¹ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 57—57об.
- ⁴⁶²Венюков М.И. Из воспоминаний. 1881—1884 годы. Париж. // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 282.
- ⁴⁶³Валуев П.А. Дневник. М., 1961. Т. 1: 1861—1864. С. 242.
- ⁴⁶⁴Там же. С. 305.
- ⁴⁶⁵ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 10.
- ⁴⁶⁶Барсуков. Кн. 1. С. 514.
- ⁴⁶⁷Там же. Кн. 1. С. 643. Письмо В.П. Муравьеву от 5 янв. 1865 г.
- ⁴⁶⁸По желанию самого графа, умершего бездетным, его титул перешел к племяннику Валериану Валериановичу. Другой племянник, Николай Валерианович, не унаследовавший титула, стал известным государственным деятелем либерального толка, государственным секретарем, а затем и министром юстиции России. Его сын, внучатый племянник Н.Н. Муравьева-Амурского, Валериан Николаевич Муравьев, был публицистом, в 1917 г. участвовал в работе Временного правительства, в 1918 г. был членом подпольного "Тактического центра" и умер в ссылке. (см. о нем: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990).
- ⁴⁶⁹Андерсон В.М. Русский некрополь в чужих краях. СПб., 1915. Вып. I: Париж и его окрестности.

ГЛАВА 3

- ¹Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855—1862). ("Полярная звезда", "Голоса из России", "Колокол" и "Под суд!" в Сибири.) Иркутск, 1958. С. 79.
- ²Милотин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири. (Отрывок из воспоминаний) // ИВ. 1888. № 11. С. 317—364; № 12. С. 595—635; Кропоткин П.А. Записки революционера. М.; Л., 1933; Вагин В.И. Старое время Сибирского географического отдела // Сиб.

- сб. Прилож. к газ. "Вост. обозрение". Иркутск, 1896. Вып. 1.; Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992; [Быкова В.П.] Записки старой смолянки В.П. Быковой. 1858—1878. СПб., 1899. Ч. 2: Жизнь в Сибири — в Иркутске. СПб., 1899.
- ³ОР РГБ, ф. 137, 41.5—41.21.
- ⁴Потомки Н.Н. Корсакова именovali себя Карсаковыми, но в официальных документах сохранилось написание их фамилии через о, это же написание — Корсаковы — принято в данной работе (кроме цитат, в которых воспроизводится написание подлинника).
- ⁵ОР РГБ, ф. 137, 41.7, л. 37.
- ⁶50 из 138 папок фонда Корсаковых в ОР РГБ (ф. 137), 39 из 47 единиц хранения в личном фонде М.С. Корсакова в ЦИА г. Москвы (ф. 864), в фондах Н.П. Игнатова в ГА РФ (ф. 730), Волконских в ГА РФ (ф. 1146) и ИРЛИ (ф. 57) и др.
- ⁷Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., 1893. С. 1.
- ⁸Там же. С. 35, 56.
- ⁹Эйдельман П.Я. После 14 декабря... Из записной книжки писателя-архивиста // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1978. Вып. 14. С. 273.
- ¹⁰Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей) / Под ред. Е.Н. Коншиной и П.А. Зайончковского. М., 1951. С. 81—86.
- ¹¹Черных В.А. Земледелец Александр Мордвинов. (Из архивных разысканий) // Освободительное движение в России. Саратов, 1973. Вып. 3. С. 39, 48; Сидоров И.С. Николай Александрович Мордвинов среди пестрашцев (по новым архивным материалам) // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 47—61.
- ¹²Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам, 1895. Кн. 1: 1832—1867. С. 265—266.
- ¹³ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 18. Письмо родителям от 17 марта 1849 г.
- ¹⁴Там же, 111.16, л. 2—2об.
- ¹⁵СЗ. 1857. Т. 2, ч. 1. Ст. 348.
- ¹⁶Романов Д.И. Присоединение Амура к России // Рус. слово. 1859. № 7. С. 112.
- ¹⁷ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1468, д. 278 (формулярный список М.С. Корсакова).
- ¹⁸Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 223—224.
- ¹⁹ОР РГБ, ф. 137, 40.17, л. 1.
- ²⁰ИРЛИ, ф. 57, оп. 3, д. 114, л. 3.
- ²¹Барсуков. Кн. 1. С. 357; РГВИА, ф. 395, оп. 163, д. 76, 1857 г., л. 8.
- ²²ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 3об., 8. Подробнее о содержании писем Иннокентия см.: Матханова Н.П. Письма Св. Иннокентия (Вениаминова) к М.С. Корсакову // Роль традиции в литературном процессе (в печати).
- ²³ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 35об., 38об.

- ²⁴Там же, 38.2, л. 25. Письмо родителям от 24 дек. 1851 г.
- ²⁵Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 год. (Отрывки) // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 189.
- ²⁶ОР РГБ, ф. 137, 41.19, л. 3об.
- ²⁷Там же, 41.18, л. 11об. (апр. 1851 г.).
- ²⁸Там же.
- ²⁹Там же 41.15, л. 21об.—22.
- ³⁰Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 81.
- ³¹Там же.
- ³²ОР РГБ, ф. 137, 37.15, л. 20об.
- ³³Из писем В.С. Завойко от 13 мар. 1850 г. (ОР РГБ, ф. 137, 90.12, л. 5), П.И. Запольского от 2 июля 1852 г. (там же, 90.24, л. 1) и за окт.—нояб. 1852 г. (там же, л. 13об.), Пр. Солдотуба от 30 сент. 1852 г. (там же, 118.27, л. 3).
- ³⁴ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 4об. Письмо от 21 янв. 1852 г.
- ³⁵Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 11. С. 209—210.
- ³⁶ОР РГБ, ф. 137, 41.14, л. 12.
- ³⁷Там же, 41.20, л. 28.
- ³⁸Там же, 41.17, л. 7об.
- ³⁹Там же, 41.12, л. 24об. Июнь 1850 г.
- ⁴⁰Пуцин И.И. Записки о Пущкине. Письма. М., 1988. С. 229 (февр. 1849 г.).
- ⁴¹Там же. С. 214.
- ⁴²ГА РФ, ф. 279, оп. 1, д. 66, л. 1об. Письмо опубликовано нами: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири и политические ссылки в годы первой революционной ситуации // Ссылочные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 42—43. Прил. 1.
- ⁴³Об этом свидетельствуют, в частности, письма А.П. Сеславина к М.С. Корсакову: ОР РГБ, ф. 137, 117.40, л. 4, 6.
- ⁴⁴СЗ. 1857. Учреждения гражданского управления казаков. Ст. 1405, 1526, 1541.
- ⁴⁵ОР РГБ, ф. 137, 102.26, л. 1об.—2 (письмо столоначальника отделения И.А. Малахова).
- ⁴⁶Барсуков. Кн. 1. С. 347.
- ⁴⁷Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // РВ. 1888. № 11. С. 209.
- ⁴⁸Барсуков. Кн. 1. С. 350.
- ⁴⁹Завалишин Д.И. Декабристы. III: Как декабристы Амурское дело защищали // ОР РГБ, ф. 712, 1.10, л. 57.
- ⁵⁰Барсуков. Кн. 1. С. 374.
- ⁵¹ОР РГБ, ф. 137, 38.7, л. 2.
- ⁵²ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 278, к. 1468.
- ⁵³ОР РГБ, ф. 137, 111.32, л. 1об.
- ⁵⁴Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 441.
- ⁵⁵[Быкова В.П.] Записки старой смолянки... С. 293—294.
- ⁵⁶Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 423.

- ⁵⁷[Collins P.] Siberian Journey down the Amur to the Pacific, 1856—1857. A New Edition of A Voyage down the Amoor by Perry Mc Donough Collins. Madison, 1962. P. 193.
- ⁵⁸ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 6об.
- ⁵⁹Там же, 38.8, л. 10—10об.
- ⁶⁰Завалишин Д.И. [Записки декабриста] Гл. VI и IX // ОР РГБ, ф. 289, оп. 1, л. 10, л. 24об.
- ⁶¹ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 20—20об.
- ⁶²Там же, 38.8, л. 24.
- ⁶³Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 415.
- ⁶⁴ОР РГБ, ф. 137, 39.19, л. 10 (письмо к брату Сергею).
- ⁶⁵Там же, 38.8, л. 23—23об.
- ⁶⁶Там же, 38.8, л. 9об.
- ⁶⁷Там же, 38.8, л. 28об.
- ⁶⁸РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 88, л. 33об.
- ⁶⁹Там же, л. 34.
- ⁷⁰[Collins P.] Siberian Journey... P. 129.
- ⁷¹Барсуков. Кн. 1. С. 454.
- ⁷²ОР РГБ, ф. 137, 39.20, л. 1об. (8 июля 1859 г.).
- ⁷³Там же, л. 3 (21 окт. 1859 г.).
- ⁷⁴ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 23, л. 244—244об.
- ⁷⁵Барсуков. Кн. 1. С. 588.
- ⁷⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 11—11об.
- ⁷⁷РГИА, ф. 1265, оп. 10, л. 196, л. 1—4.
- ⁷⁸ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 31—1об. (3 нояб. 1856 г.).
- ⁷⁹Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 415.
- ⁸⁰ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 9.
- ⁸¹Там же, 39.20, л. 1об. (письмо к брату Сергею от 8 июля 1859 г.).
- ⁸²Там же, 38.8, л. 38.
- ⁸³Там же, 38.19, л. 5.
- ⁸⁴Барсуков. Кн. 1. С. 479 (1 дек. 1856 г.).
- ⁸⁵ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1826 г., д. 61, ч. 43, л. 27об. (2-я паг.).
- ⁸⁶Бакушин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Женевы. 1896. С. 148 (7 нояб. 1860 г.).
- ⁸⁷ОР РГБ, ф. 137, 116.1, л. 1.
- ⁸⁸ГА РФ, ф. 109, секр. арх., оп. 3, д. 1313, л. 1.
- ⁸⁹ОР РГБ, ф. 137, 116.1, л. 3—3об. (25 янв. 1862 г.).
- ⁹⁰Кропоткин П.А. Дневники... С. 62.
- ⁹¹Завалишин Д.И. Письмо в редакцию журнала "Современник" от 28 февр. 1860 г. // РГБ, ф. 289, оп. 1, л. 28, л. 3.
- ⁹²[Поливанов Н.П.] Из воспоминаний Н.П. Поливанова о Восточной Сибири // РА. 1898. № 12. С. 576.
- ⁹³ОР РГБ, ф. 137, 39.19, л. 5 (письмо брату Сергею, апр. 1856 г.).
- ⁹⁴[Collins P.] Siberian Journey... P. 110—111, 119; Матханова Н.П. Путевые записки американского коммерсанта П.М. Коллинза о городах Сибири середины XIX века // Населенные пункты Сибири: опыты исторического развития. Новосибирск, 1992. С. 97—98.

- ⁹⁵ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 26.
⁹⁶Там же, 38.19, л. 14 (22 янв. 1857 г.).
⁹⁷[Инокентий] Письма Инокентия, митрополита Московского и Коломенского. СПб., 1898. Кн. 2. С. 64.
⁹⁸РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857, д. 88, л. 3.
⁹⁹ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 50б.—6.
¹⁰⁰Там же, 39.19, л. 50б (26 апр. 1855 г.).
¹⁰¹Там же, 102.26, л. 3 (письмо И.А. Малахова, 1853 г.).
¹⁰²РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 88, л. 4—40б.
¹⁰³Там же, л. 340б.—35.
¹⁰⁴РГИА, ф. 1265, оп. 7, д. 208, л. 70—70об.
¹⁰⁵Там же, д. 148, л. 180б.
¹⁰⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 100б.
¹⁰⁷Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... // ИВ. 1888. № 11. С. 352.
¹⁰⁸Там же.
¹⁰⁹Венюков М.И. Из воспоминаний... Кн. 1. С. 265—266.
¹¹⁰Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 127.
¹¹¹Там же, с. 179.
¹¹²Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 423.
¹¹³ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1826 г., д. 61, ч. 43, л. 880б.
¹¹⁴Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 423.
¹¹⁵Ex officio — по долгу службы (лат.). Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 435. Речь идет о большой работе: Романов Д.И. Присоединение Амура к России // Русское слово. 1859. № 4—8.
¹¹⁶ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1826 г., д. 61, ч. 43, л. 24; Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 435.
¹¹⁷Радде Г.И. Автобиография / авториз. перев. с нем. А.Г. Валлинга // Коллекция Кавказского музея. Тифлис, 1912. Т. 6, ч. 1. С. 21.
¹¹⁸Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 160—162, 335—336; Шумахер Н.В. Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 года // РА. 1878: № 8. С. 423—425.
¹¹⁹Облеухов А.Н. Путевые записки при возвращении вверх по Амуру двух с половиной рот сибирских линейных батальонов № 13—14 в 1856 году // Русский мир. 1872. № 45, 46, 50.
¹²⁰ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1826 г., д. 61, ч. 43, л. 100.
¹²¹Венюков М.И. Из воспоминаний... Кн. 1. С. 216—217.
¹²²РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 170, л. 260б.—27.
¹²³ОР РГБ, ф. 137, 39.19, л. 170б. (письмо С.С. Корсакову, май 1858 г., Сретенск).
¹²⁴Кухель Бр.К. Из эпохи присоединения Приамурского края // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 230.
¹²⁵Барсуков. Кн. 1. С. 619.
¹²⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.14, л. 2.
¹²⁷ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 247.
¹²⁸ОР РГБ, ф. 137, 39.21, л. 60б. (письмо брату Сергею, 11 мар. 1864 г.).

- ¹²⁹Там же, л. 7—70б.
¹³⁰ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 70б.
¹³¹Стеклов Ю.М. М.А. Бакунин, его жизнь и деятельность (1814—1876): В 3-х ч. М., 1920. Ч. 1. С. 384—386. Пирумова Н.М. М.А. Бакунин. М., 1970. С. 168—171; Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857—1861 г.). Новосибирск, 1993.
¹³²ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 230б.—24.
¹³³Там же, л. 24.
¹³⁴Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 86—87.
¹³⁵ГА РФ, ф. 95, оп. 1, д. 69, л. 40б.—5.
¹³⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 35 (письмо к матери).
¹³⁷РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 170, л. 20.
¹³⁸ОР РГБ, ф. 137, 38.14, л. 28.
¹³⁹Там же, л. 290б.
¹⁴⁰ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 5.
¹⁴¹РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 20, л. 310—310об. (письмо сестре, 4 авг. 1863 г.).
¹⁴²ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 130б.—14 (письмо к матери).
¹⁴³Там же, 102.18, л. 20—20об. (письмо А.Я. Макарова).
¹⁴⁴См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 152; Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX — начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времени. СПб., 1994. Вып. 3. С. 35.
¹⁴⁵ОР РГБ, ф. 137, 111.17, л. 39—39 об. (письмо В.С. Муравьева к М.С. Корсакову, 28 окт. 1862 г.).
¹⁴⁶Кропоткин П.А. Дневники... С. 62 (9 сент. 1862 г.).
¹⁴⁷ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 247.
¹⁴⁸Там же, л. 248.
¹⁴⁹ОР РГБ, ф. 137, 38.16, л. 6 (письмо к матери).
¹⁵⁰ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 580б.—59 (17 дек. 1863 г.).
¹⁵¹Там же, л. 370б. (10 дек. 1861 г.).
¹⁵²Барсуков. Кн. 1. С. 582.
¹⁵³Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 66.
¹⁵⁴Завалишин Д.И. Декабристы. III // ОР РГБ, ф. 712, 1.10, л. 112.
¹⁵⁵РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 20, л. 330об. (письмо к брату, 10 июня 1864 г.).
¹⁵⁶ОР РГБ, ф. 137, 119.42, л. 2—20б.
¹⁵⁷РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 20, л. 292—296 (письмо к брату).
¹⁵⁸[Инокентий] Письма Инокентия... Кн. 2. С. 64 (письмо Н.Н. Муравьеву, 20 апр. 1857 г.).
¹⁵⁹ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 10.
¹⁶⁰Рицль А.Е. Из провинции. Выборы. // Развлечение: Журнал литерат. и юмористич. 1862. № 27. 4 июля. С. 20.
¹⁶¹ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 11.

- ¹⁶²[Синельников Н.П.] Записки сенатора Синельникова // ИВ. 1895. № 6. С. 705. № 7. С. 28, 39; ГА РФ, ф. 109, 1 экзп., оп. 1871 г., л. 31, л. 30.
- ¹⁶³См., напр., планы перестановок в составе высшей администрации после смерти И.С. Сельского (ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1470. л. 327, л. 254—256) и в связи с пропением об отставке П.Н. Успенского (ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1477, л. 525, л. 36).
- ¹⁶⁴Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... // Ист. вестн. 1888. № 11. С. 346.
- ¹⁶⁵ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1. л. 22, л. 155.
- ¹⁶⁶ОР РГБ, ф. 137, 116.61, л. 5об.—6 (20 июля 1864 г.).
- ¹⁶⁷ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1844 г., л. 247, ч. 15, л. 40—40об. (13 янв. 1862 г.).
- ¹⁶⁸Там же, л. 49—50 (12 янв. 1864 г.).
- ¹⁶⁹Там же, л. 41—41об. (13 янв. 1862 г.).
- ¹⁷⁰Там же, л. 44 (9 янв. 1863 г.).
- ¹⁷¹ОР РГБ, ф. 137, 116.65, л. 3.
- ¹⁷²Там же, 73.14, л. 11—11об. (письмо Н.П. Булатова, 1871 г.).
- ¹⁷³РГИА, ф. 1265, оп. 11, л. 197, л. 1—4об.
- ¹⁷⁴ОР РГБ, ф. 137, 94.51, л. 1об. (письмо К.В. Кинаста к М.С. Корсакову, 21 июля 1863 г.).
- ¹⁷⁵[Синельников Н.П.] Записки... // ИВ. 1895. № 7. С. 32.
- ¹⁷⁶ГА РФ, ф. 109, 1 экзп., оп. 1871, л. 31, л. 168об.
- ¹⁷⁷[Синельников Н.П.] Записки... // ИВ. 1895. № 7. С. 28.
- ¹⁷⁸ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 22 (письмо к матери от 4 сент. 1861 г.).
- ¹⁷⁹Там же, 38.14, л. 5об.—6.
- ¹⁸⁰Петров А.И. Амурский щит. Хабаровск, 1974. С. 343.
- ¹⁸¹Кропоткин П.А. Дневники... С. 114 (26 мая 1863 г.).
- ¹⁸²Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... // ИВ. 1888. № 12. С. 601.
- ¹⁸³ОР РГБ, ф. 137, 94.59, л. 23—23об. (письмо В.Н. фон Клингенберга от 18 апр. 1863 г.).
- ¹⁸⁴ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 23, л. 552, 553об. (30 мар. 1860 г.).
- ¹⁸⁵Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... // Ист. вестн. 1888. № 12. С. 505—506.
- ¹⁸⁶ГА РФ, ф. 95, оп. 1, л. 67.
- ¹⁸⁷Русский инвалид. 1866. № 223.
- ¹⁸⁸Кукель Бр.К. Из эпохи... // ИВ. 1896. № 9. С. 683.
- ¹⁸⁹Кропоткин П.А. Дневники... С. 106 (20 апр. 1863 г.).
- ¹⁹⁰Венюков М.И. Из воспоминаний... Кн. 1. С. 266.
- ¹⁹¹[Кропоткин П.А., Кропоткин А.А.]. Петр и Александр Кропоткины: Переписка. М.: Л., 1933. Т. 2. С. 146—147 (письмо П.А. Кропоткина к А.А. Кропоткину, 10 янв. 1864 г.).
- ¹⁹²ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1464, л. 186, л. 95—97.
- ¹⁹³Филиппсон Г.И. Воспоминания // РА. 1884. Кн. 1. С. 346.
- ¹⁹⁴Кропоткин П.А. Дневники... С. 72.
- ¹⁹⁵ОР РГБ, ф. 137, 88.6, л. 7об.—9.

- ¹⁹⁶ОР РГБ, ф. 410, 10.72, л. 19 об., 25, 26.
- ¹⁹⁷Мерцалов В.И. О закрытии кяхтинского градоначальства // Восточное обозрение. Иркутск, 1894. 11 мар.
- ¹⁹⁸[Кропоткин П.А., Кропоткин А.А.]... Переписка... Т. 2. С. 70 (письмо П.А. Кропоткина к А.А. Кропоткину, 22 дек. 1863 г.).
- ¹⁹⁹ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1470, л. 327, л. 272.
- ²⁰⁰Кропоткин П.А. Записки революционера // Граф Н.П. Муравьев-Амурский... С. 261.
- ²⁰¹Там же, с. 264.
- ²⁰²ОР РГБ, ф. 137, 38.12, л. 2.
- ²⁰³ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1. л. 23, л. 236об.
- ²⁰⁴Там же, л. 236, 249 (черновики писем М.С. Корсакова к Н.Н. Муравьеву, февр.—апр. 1860 г.).
- ²⁰⁵Сборник старинных бумаг... Ч. 10. С. 264.
- ²⁰⁶ОР РГБ, ф. 137, 39.20, л. 8 (18 апр. 1860 г.).
- ²⁰⁷ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 23, л. 251 (22 февр. 1860 г.).
- ²⁰⁸ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1464, л. 186, л. 184, 210, 454.
- ²⁰⁹Вагин В.И. Старое время... С. 3.
- ²¹⁰Там же.
- ²¹¹ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 22, л. 691. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 74.
- ²¹²Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь... С. 59.
- ²¹³Иркутские губ. ведомости. 1860. 12 мар. № 11.
- ²¹⁴Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета "Амур" (1860—1862 гг.) // Зап. Иркут. обл. краевед. музея. Иркутск, 1961. Вып. 2.
- ²¹⁵ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 20, л. 813.
- ²¹⁶Там же, л. 23, л. 49об.
- ²¹⁷Там же, л. 49 а.
- ²¹⁸Завалишин Д.И. Декабристы // РВ. 1884. № 2. С. 858.
- ²¹⁹Львов Ф.Н. О недостатках в управлении Восточной Сибирью // ОР РГБ, ф. 69, XIV.55, л. 1.
- ²²⁰Завалишин Д.И. Декабристы // РВ. 1884. № 2. С. 858; Львов Ф.Н. Письмо Д.И. Завалишину от 28 июля 1861 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1902. Ч. 8. С. 253—254.
- ²²¹ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 23, л. 251об. (22 февр. 1860 г.); Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 79.
- ²²²РГИА, ф. 1265, оп. 10, л. 195, л. 1—1об.
- ²²³См.: Матханова Н.П. Эпистолярные источники о журнальных просктах сибирских областников (60-е годы XIX века) // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 138—139.
- ²²⁴ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, л. 23, л. 244.
- ²²⁵ГАИО, ф. 24, оп. 4, к. 1727, л. 204, л. 1—1об.
- ²²⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 34об. (письмо к матери, 17 сент. 1863 г.).
- ²²⁷ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1826 г., л. 61, ч. 43, л. 198—198об.

²²⁸Сборник старинных бумаг... Ч. 8. С. 254. Член Иркутского губернского суда Ф.Ф. Ольдекоп не согласился с решением этого суда и не признал законным осуждение заседателей нижестоящего окружного суда, которые вынесли суровый приговор участникам иркутской дуэли. За это вместе с заседателями он сам был отдан под следствие по обвинению в корыстных действиях, осужден не был, но перешел на службу в Казань.

²²⁹ОР РГБ, ф. 137, 39.20, л. 7.

²³⁰Там же, 78.12, л. 2.

²³¹Раевский В.Ф. Материалы... Т.2. Прилож., с. 508.

²³²РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 13 (отчет за 1860 г.).

²³³Там же, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 110б.

²³⁴Барсуков. Кн. 1. С. 477.

²³⁵РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 30б.—4.

²³⁶Там же, л. 310б.

²³⁷Там же, л. 320б.

²³⁸Там же, л. 330б.

²³⁹Там же.

²⁴⁰Там же, л. 34—340б.

²⁴¹Там же, л. 38.

²⁴²Крестьянское движение в 1827—1869 гг. М.:ИЛ, 1931. Вып. II. С. 79—80.

²⁴³ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 37 (9 дек. 1861 г.).

²⁴⁴ОР РГБ, ф. 137, 38.14, л. 20.

²⁴⁵ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1871 г., д. 31, л. 16.

²⁴⁶РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 490б.

²⁴⁷Там же, л. 50.

²⁴⁸Там же, л. 59.

²⁴⁹См., напр.: Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака... // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 197—198.

²⁵⁰РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 530б.

²⁵¹Там же, ф. 908, оп. 1, д. 170, л. 21—23.

²⁵²Там же, л. 230б.

²⁵³Там же, л. 230б.—24.

²⁵⁴Там же, л. 25—290б.

²⁵⁵ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 260б.

²⁵⁶РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 17—170б.

²⁵⁷Там же, оп. 11, д. 161, л. 6.

²⁵⁸Там же, л. 60б.

²⁵⁹Там же, л. 70б.—8.

²⁶⁰ОР РГБ, ф. 137, 41.16, л. 19—20.

²⁶¹РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 31.

²⁶²ОР РГБ, ф. 137, 118.39, л. 1 (письмо М.Р. фон Стенбока к М.С. Корсакову, 3 нояб. 1863 г.).

²⁶³Там же, л. 10б.—2.

²⁶⁴РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 34.

²⁶⁵Там же, л. 35.

²⁶⁶Там же, л. 34—350б.

²⁶⁷ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 580б.

²⁶⁸РГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 161, л. 56.

²⁶⁹ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 600б. (письмо Н.П. Игнатьеву, 4 февр. 1864 г.).

²⁷⁰РГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 161, л. 20.

²⁷¹Там же, ф. 1281, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 85—850б.

²⁷²Там же, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 35.

²⁷³Там же, л. 35.

²⁷⁴ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 60.

²⁷⁵Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 440.

²⁷⁶ОР РГБ, ф. 137, 38.17, л. 19.

²⁷⁷РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 780б.

²⁷⁸Там же, л. 790б.

²⁷⁹Там же, л. 19—190б.

²⁸⁰ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 580б. (17 дек. 1863 г.).

²⁸¹ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 175 (7 мар. 1861 г.).

²⁸²ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 55.

²⁸³Кропоткин П.А. Дневники... С. 167 (11 апр. 1864 г.).

²⁸⁴ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 40—400б.

²⁸⁵ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 160б.

²⁸⁶Там же, 38.14, л. 50б. (20 февр. 1862 г.).

²⁸⁷Там же, 94.59. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири... С. 50.

²⁸⁸ОР РГБ, ф. 137, 38.14, л. 10 (23 мар. 1862 г.).

²⁸⁹Там же, л. 120б. (2 апр. 1862 г.).

²⁹⁰ОР РГБ, ф. 137, 38.16, л. 20.

²⁹¹РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 940б.—95.

²⁹²ОР РГБ, ф. 137, 39.20, л. 50б. (письмо к брату Сергею).

²⁹³ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 199—2000б. (письмо Б.К. Кукеля к М.С. Корсакову, 15 мар. 1861 г.).

²⁹⁴Амур. 1861. № 84.

²⁹⁵Там же.

²⁹⁶РГИА, ф. 1281, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 101—1010б.

²⁹⁷Дамешек Л.М. Временное положение о крестьянских начальных школах 1898 года и народы Сибири // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск. 1982. С. 42.

²⁹⁸Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... // ИВ. 1888. № 12. С. 605.

²⁹⁹ОР РГБ, ф. 137, 94.30, л. 13, 16. (письма В.Д. Карпова к М.С. Корсакову, 18 сент. 1863 г., 20 сент. 1865 г.).

³⁰⁰РГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 161, л. 80б.—9.

³⁰¹Там же, л. 16—160б.

³⁰²РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 380б.

³⁰³Там же, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 63.

³⁰⁴Там же, л. 630б.

³⁰⁵Черных В.А. Земледелец Александр Мордвинов... С. 39, 42.

³⁰⁶ОР РГБ, ф. 137, 116.1, л. 80б. (27 июня 1862 г.).

³⁰⁷РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 210б., 40.

- ³⁰⁸ Там же, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 51—51об.
³⁰⁹ Там же, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 40.
³¹⁰ Там же, л. 41.
³¹¹ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 59—59об.
³¹² Там же, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 6—6об.
³¹³ [Беллюстин И.С.] Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858. Об отношении Св. Иннокентия к высказанным в ней суждениям см.: [Иннокентий] Письма... Кн. 1. С. 168.
³¹⁴ РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 6—6об.
³¹⁵ ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 13об.
³¹⁶ Там же, 41.17, л. 15—15об. (дневник 1851 г.).
³¹⁷ РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 6—6об.
³¹⁸ Там же, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 7.
³¹⁹ Там же, л. 6об.—7.
³²⁰ [Вениамин] Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к Казанскому архиепископу Владимиру (1862—1889) // ЧОИДР. 1913. Вып. IV. С. 22—23, 37.
³²¹ ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 236об.—237, 246.
³²² [Вениамин] Письма... С. 72—73.
³²³ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1857 г., д. 88, л. 23об.—24.
³²⁴ ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 31об.
³²⁵ РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 20.
³²⁶ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 46.
³²⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 170, л. 14—14об.
³²⁸ ОР РГБ, ф. 137, 88.6, л. 3.
³²⁹ Топчий А.Т. Политика Кабинета и местной администрации в отношении поземельного устройства мастеровых Нерчинского горного округа по положениям реформы 1861 г. // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972. С. 114—116; Кубалов Б.Г., Коваль С.Ф. К вопросу о раскрепощении труда в Восточной Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964. Вып. 1. Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. С. 48.
³³⁰ Топчий А.Т. Политика Кабинета... С. 119—130.
³³¹ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 24об.—25.
³³² Там же, ф. 1265, оп. 7, 1858 г., д. 267, л. 17—54.
³³³ Там же, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 199, л. 28—29.
³³⁴ Там же, ф. 1281, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 34об.
³³⁵ Там же, л. 38об.
³³⁶ ОР РГБ, ф. 137, 88.15, л. 14.
³³⁷ Там же, 102.26, л. 5об.—6 (письмо И.А. Малахова М.С. Корсакову, 1863 г.).
³³⁸ Зайончковский П.А. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // История СССР. 1858. № 4. С. 103.
³³⁹ Там же. С. 104.
³⁴⁰ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 20об.—21.
³⁴¹ Там же, л. 21—21об.
³⁴² Там же, л. 21об.—22.

- ³⁴³ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 20.
³⁴⁴ Там же, л. 23.
³⁴⁵ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 77, 89.
³⁴⁶ ОР РГБ, ф. 137, 96.9, л. 45 (письмо Б.К. Кукеля М.С. Корсакову от 19 дек. 1862 г.).
³⁴⁷ Там же, ф. 137, 126.12, л. 5—5об. (письмо К.Н. Шелашникова М.С. Корсакову, 28 нояб. 1862 г.).
³⁴⁸ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 73—73об.
³⁴⁹ Топчий А.Т. Крестьянская реформа... С. 85.
³⁵⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 63—64об.
³⁵¹ Топчий А.Т. Крестьянская реформа... С. 75.
³⁵² РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 202, л. 8об.
³⁵³ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 243.
³⁵⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1863 г., д. 99, л. 9—12.
³⁵⁵ Там же, л. 10—11об.
³⁵⁶ РГИА, ф. 1265, оп. 6, 1864 г., д. 119, л. 13об.—15об.
³⁵⁷ Кропоткин П.А. Дневники... С. 200 (3 сент. 1864 г.).
³⁵⁸ Голос. 1871. № 81. 22 мар. / 3 апр.
³⁵⁹ [Розенбах Н.А.] Записки Н.А. фон Розенбаха // РС. 1916. № 1. С. 62—64.
³⁶⁰ ОР РГБ, ф. 137, 116.1, л. 5—6об. См также: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири и политические ссылки в годы первой революционной ситуации // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 34—46. Подробнее о судьбе М.И. Михайлова и деле о "ослаблениях" ему во время сибирской ссылки см.: Роцевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976; Она же. Тобольское дело (М.И. Михайлов, тобольское общество и доносчики) // Политические ссылки в Сибири: XVIII — начало XX в. Новосибирск, 1983. С. 82—102.
³⁶¹ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... С. 223.
³⁶² ГА РФ, ф. 109, 1-я экзп., оп. 1861 г., д. 274, л. 249, 294, 347; ГАИО, ф. 24, оп. 3, к. 39, д. 27, л. 1—7.
³⁶³ Михайлов М.Л., Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.Н. Воспоминания. М., 1967. Т. 2. С. 411, 425; Кропоткин П.А. Дневники... С. 72.
³⁶⁴ Скрипилев Е.А. Первый политический процесс 60-х годов в России и сибирская ссылка // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 82.
³⁶⁵ Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 351.
³⁶⁶ ОР РГБ, ф. 137, 95.18, л. 2об.
³⁶⁷ Там же, 116.65, л. 19—20.
³⁶⁸ Российское золото. М., 1994. Т. 2. С. 306 (примеч. к письмам П.А. Кропоткина с приисков); ГАО, ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 1101.
³⁶⁹ ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 40об. 17 дек. 1863 г.
³⁷⁰ Там же, 38.16, л. 18об. 14 июня 1864 г.
³⁷¹ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 49.

372 Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 101—122; Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в. — 1917) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 139—157.

373 Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой... С. 147.

374 Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское... С. 102.

375 Там же. С. 104.

376 Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой... С. 144.

377 Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское... С. 113.

378 Там же.

379 РГИА, ф. 1281, оп. 7, 1866 г., д. 84, л. 16—17.

380 Там же, л. 13.

381 Там же, л. 14об.—15.

382 РГВИА, ф. 395, оп. 57, 1865 г., 1 отд., д. 2516, л. 2—2об.

383 Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 3, ч. 1. С. 52—54.

384 Коваль С.Ф. За правду и волю: К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. Иркутск, 1966; Митина Н.П. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М., 1966.

385 Коваль С.Ф. За правду... С. 117.

386 Там же. С. 117—123.

387 Там же. С. 161—162.

388 Там же. С. 178. Митина Н.П. Во глубине... С. 138.

389 Коваль С.Ф. За правду... С. 185.

390 Митина Н.П. Во глубине... С. 142.

391 ОР РГБ, ф. 137, 38.7, л. 21.

392 РГА ВМФ, ф. 1191, д. 21, л. 30об.

393 Барсуков. Кн. 1. С. 608.

394 ОР РГБ, ф. 137, 38.7, л. 1об.; 39.18, л. 5.

395 Там же, 38.14, л. 26об.; 38.15, л. 8.

396 Там же, 39.21, л. 1 (письмо к брату Сергею 10 апр. 1866 г.).

397 Там же, 38.13, л. 7об.—8.

398 РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 20, л. 296.

399 ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 12об. (письмо от 21 мая 1860 г.).

400 ОР РГБ, ф. 137, 38.15, л. 35об.

401 Там же, 39.20, л. 14 (27 окт. 1863 г.).

402 Там же, ф. 137, 38.16, л. 5.

403 ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3475, л. 91об.

404 Там же, д. 3191, л. 30об., 39об. (письма М.С. Корсакова к Н.П. Игнатьеву 15 окт. 1861 г., 21 янв. 1862 г.).

405 Там же, л. 51 (19 мар. 1863 г.).

406 Там же, л. 56об. (15 окт. 1863 г.).

407 Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: Проблемы регионального управления // Отечествен. история. 1994. № 2. С. 62.

408 ОР РГБ, ф. 137, 127.20, л. 24об. (письмо Н.Г. Шульмана к М.С. Корсакову 6 июля 1862 г.).

409 ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 44—44об., 66об.

410 Барсуков. Кн. 1. С. 585.

411 ОР РГБ, ф. 137, 127.20, л. 20об. (письмо Н.Г. Шульмана к М.С. Корсакову 5 июля 1862 г.).

412 Там же, 73.29, л. 2об.—3 (письмо Н.В. Буссе к М.С. Корсакову 7 янв. 1864 г.).

413 ОР РГБ, ф. 137, 127.14, л. 4об. (4 мая 1863 г.).

414 ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 3191, л. 64—64об.

415 Там же, л. 38 (21 янв. 1862 г.).

416 ОР РГБ, ф. 137, 39.21, л. 7об.—8.

417 Там же, 38.13, л. 15 (письмо к матери, 18 июня 1861 г.).

418 Там же, л. 14 (письмо к матери, 30 мая 1861 г.).

419 ОР РГБ, ф. 137, 39.21, л. 6об. (письмо к брату Сергею, 11 марта 1864 г.).

420 Там же, 127.14, л. 12 (11 июня 1863 г.).

421 Там же, л. 4об. (4 мая 1863 г.).

422 [Быкова В.П.] Записки... С. 293—294.

423 ОР РГБ, ф. 137, 38.7, л. 8.

424 Барсуков. Кн. 1. С. 637 (письмо Н.Н. Муравьева к М.С. Волконскому, По, Франция, февр. 1862 г.).

425 ОР РГБ, ф. 137, 38.1, л. 17 (25 февр. 1851 г.).

426 ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 237об. (черновик письма к Н.Н. Муравьеву, 1 февр. 1860 г.).

427 ОР РГБ, ф. 137, 73.20 б. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен... С. 87.

428 ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 562. Цит. по: Кубалов Б.Г. А.И. Герцен... С. 87.

429 ОР РГБ, ф. 137, 38.8, л. 39.

430 Там же, л. 38 (письмо к родителям).

431 ОР РГБ, ф. 137, 39.19, л. 13 (22 янв. 1857 г.).

432 Завалишин Д.И. Записки декабриста... С. 423.

433 Завалишин Д.И. Декабристы. III // ОР РГБ, ф. 712, 1.9, л. 34об.

434 ОР РГБ, ф. 137, 41.5, л. 35. (9 мар. 1849 г.).

435 Там же, 38.1, л. 16—16об.

436 Там же, 38.7, л. 9об.

437 Там же, 116.1, л. 6об. (25 янв. 1862 г.).

438 Там же, 38.14, л. 4—4об. (26 янв. 1862 г.).

439 Там же, 38.3, л. 26об.

440 Там же, 39.17, л. 2. (17 апр. 1853 г.).

441 Там же, 39.17, л. 3—8об.

442 Там же, 38.15, л. 39 (17 дек. 1863 г.).

443 РГИА, ф. 1265, оп. 9, д. 42, 1860 г., л. 114об.—118.

444 ГАИО, ф. 24, оп. 1, к. 1468, л. 278, л. 10.

445 ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 29—29об.

446 Там же, 39.18, л. 7об. (письмо к брату Сергею, 28 июня 1856 г.); 41.13, л. 6об. (дневник, 18 июня 1850 г., Охотск).

- 447РГИА, ф. 1265, оп. 10, д. 62, л. 1—10б.
 448ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 7—70б. (15 мар. 1861 г.).
 449См. письмо Ю.И. Штубендорфа к М.С. Корсакову от 27 авг. 1851 г. с передачей слов Н.Н. Муравьева о последнем: "Он попал в долги, а это ему как аккуратному хозяину неспосно" (ОР РГБ, ф. 137, 127.12, л. 170б.).
 450ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 27—270б. (письмо к матери, 23 окт. 1861 г.).
 451Там же, л. 20б. (письмо к матери, 9 янв. 1861 г.).
 452Там же, л. 90б. (27 мар. 1861 г.).
 453Там же, 38.8, л. 9—90б. (14 мар. 1856 г.).
 454Там же, л. 5 (20 февр. 1856 г.).
 455Там же, л. 5—50б.
 456[Поливанов Н.П.] Из воспоминаний... С. 570.
 457ОР РГБ, ф. 137, 38.13, л. 13 (30 мая 1861 г.).
 458Там же, 41.6, л. 150б. (дневник, 28 мар. 1849 г.).
 459Там же, л. 8 (18 мар. 1849 г.).
 460ОР РГБ, ф. 137, 41.17, л. 15—150б.
 461Там же, 38.1, л. 320б.—33 (письмо к родителям, 29 апр. 1851 г.).
 462Там же, 38.16, л. 3 (письмо к матери, 31 янв. 1864 г.).
 463Там же, 38.13, л. 18. (письмо к матери, 3 авг. 1861 г.).
 464Bal costumé — костюмированный бал (франц.). Там же, 38.16, л. 40б. (письмо к матери, 31 янв. 1864 г.).
 465Там же, 38.13, л. 5—60б. (письмо к матери, 3 мар. 1861 г.).
 466Там же, 38.7, л. 40б.
 467Там же, 38.13, л. 150б. (18 июня 1861 г.).
 468Там же, 38.17, л. 21 (26 нояб. 1865 г.).
 469Там же, 39.20, л. 4 (письмо к брату Сергею, 21 окт. 1859 г.).
 470Там же, 39.19, л. 12 (письмо к брату Сергею, 27 окт. 1856 г.).
 471Там же, 38.14, л. 130б. (письмо к матери, 29 апр. 1862 г.).
 472Там же, 38.16, л. 3 (31 янв. 1864 г.).
 473Там же, 38.13, л. 190б. (письмо к матери, 4 авг. 1861 г.).
 474[Быкова В.П.] Записки... С. 139 (21 мар. 1866 г.).
 475ОР РГБ, ф. 137, 38.16, л. 4 (31 янв. 1864 г.).
 476ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 43, к. 1634, л. 92, 101.
 477ОР РГБ, ф. 137, 127.29, л. 40б. (1 янв. 1867 г.).
 478Там же, л. 100б. (7 сент. 1869 г.).
 479Там же, 38.12, л. 220б. (27 дек. 1860 г.).
 480Там же, 38.12, л. 10 (3 апр. 1860 г.).
 481ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 113 (письмо Н. Ворожцова к М.С. Корсакову, 13 апр. 1860 г.).
 482[Быкова В.П.] Записки... С. 110—112.
 483ЦИА г. Москвы, ф. 864, оп. 1, д. 23, л. 108—1080б.
 484ОР РГБ, ф. 137, 38.3, л. 28—280б.
 485Там же, 39.20, л. 6 (письмо к брату Сергею, 8 апр. 1860 г.).
 486Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 337, 340—342, 367—369.

- 487ОР РГБ, ф. 137, 121.1, 121.2. Об этой незаурядной женщине см.: Матханова Е.И., Матханова Н.П. Круг чтения двух поколений сибирячек из одной необычной семьи: Т.Ф. Чайковская и ее дочери // Третьи Макушинские чтения. 12—14 мая 1994 г. Омск; Новосибирск, 1994. С. 24—26.
 488ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1696, л. 20б.
 489ОР РГБ, ф. 137, 111.17, л. 30б.
 490Там же, 38.21, л. 10б. (2 янв. 1869 г., С.-Петербург).
 491Там же, 102.10, л. 30б. (7 дек. 1851 г.).
 492Там же, 38.16, л. 23—230б. (17 сент. 1864 г.).
 493Там же, 97.5, л. 12—180б. (письма С.С. Лавровой, урожденной Чайковской, к М.С. Корсакову).
 494Там же, 38.21, л. 120б. (16 сент. 1869 г.).
 495ОР РГБ, ф. 410, 12.22, л. 1—10б. (16 июля 1868 г.).
 496Барсуков. Кн. 1. С. 657 (25 янв. / 6 февр. 1868 г.).
 497ГА РФ, ф. 109, 1-я эксп., оп. 1866 г., д. 7, ч. 15, л. 80б.—9 (15 июня 1868 г.).
 498Там же, л. 26—27 (12 янв. 1870 г.).
 499РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 10 (Мнение об учреждении должности Главного командира портов Восточного океана и об отделении Приморской области от генерал-губернаторства Восточной Сибири), л. 1—7.
 500ОР РГБ, ф. 137, 38.21, л. 7 (письмо к матери, 22 апр. 1869 г.).
 501Там же, л. 120б. (16 сент. 1869 г.).
 502РГА ВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 23, л. 9—9 об.
 503ОР РГБ, ф. 137, 91.23, л. 28.
 504[Романов Н.С.] Иркутская летопись: 1857—1880 гг. (Продолжение "Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова") / Сост. Н.С. Романов. Под ред. И.И. Серебrenникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1914. № 8. С. 259.
 505Голос. 1871. № 81. 22 мар.
 506[Синельников Н.П.] Записки сенатора ... // ИВ. 1895. № 6. С. 695.
 507Базалийская О. Иркутские правители в воспоминаниях современников // Земля Иркутская. Иркутск, 1997. № 8. С. 34.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Барсуков —	Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). М., 1891. Кн. 1, 2.
ГАИО —	Государственный архив Иркутской области
ГАОО —	Государственный архив Омской области
ГА РФ —	Государственный архив Российской Федерации
ВИ —	Вопросы истории
ВП —	Вестник права
ВСОИРГО —	Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ЖМЮ —	Журнал Министерства юстиции
ИВ —	Исторический вестник
ИРЛИ —	Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
ОР РГБ —	Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки
ОР РНБ —	Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
РА —	Русский архив
РВ —	Русский вестник
РГА ВМФ —	Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГВИА —	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА —	Российский государственный исторический архив
РМ —	Русская мысль
РС —	Русская старина
СА —	Сибирский архив: Журнал истории, археологии, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока
СЗ —	Свод законов Российской империи
СОИРГО —	Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ЦИА	Центральный исторический архив города Москвы
г. Москвы —	
ЧОИДР —	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО КОРПУСА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО ФОРМАЛЬНЫМ КРИТЕРИЯМ ЗА 1845—1865 гг., чел.

Таблица 1

Класс чина	1845	1850	1853	1855	1860	1865
III	1	1	1	2	1	2
IV	3	5	12	11	17	15
V	14	15	13	14	18	12
VI	5	4	5	5	8	4
VII	2	3	5	3	1	4
VIII	0	0	0	1	0	0
Класс должности						
III	1	1	1	1	2	1
IV	3	4	7	7	7	6
V	15	20	21	22	24	25
VI	5	3	7	6	12	5
VII	1	0	0	0	0	0
Всего	25	28	36	36	45	37
Чин равен должности	11	16	14	16	13	14
Чин выше должности	6	5	12	11	21	15
Чин ниже должности	8	7	10	9	11	8

Таблица 2

Отношение к военной службе	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Служат в Военном и Морском министерствах	3	3	3	5	7	4
Числятся по армии и флоту, служба в других ведомствах*	1	2	6	5	6	6
Ранее служили в армии или военном ведомстве**	5	2	4	4	6	4
Имеют военное образование***	1	1	1	1	1	0
Нет сведений	1	1	5	1	2	1

* Учены офицеры корпуса военных инженеров, не учтены горного корпуса.

** Выходцы из казачьего сословия, не служившие в армии, не учитываются.

*** Кроме учтенных выше.

Таблица 3

Происхождение	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Из дворян	11	14	19	22	24	19
Из духовенства	2	1	3	2	5	3
Из купечества и почетных граждан	3	3	2	1	2	3
Из штаб- и обер-офицерских детей	2	3	2	1	6	5
Из приказных и мелкого чиновничества	1	2	3	3	2	2
Из мастеровых и заводских людей	0	0	0	1	1	1
Из мещан	-	1	1	1	1	1
Из казаков	1	1	1	2	1	1
Прочие недворяне	3	1	2	2	1	0
Нет сведений	4	1	3	1	2	2
Всего	25	28	36	36	45	37
В том числе уроженцы Сибири	4	6	6	8	11	8

Таблица 4

Образование	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Высшее	7	9	11	12	20	14
Среднее	3	6	10	10	11	12
Начальное	2	4	6	6	4	4
Домашнее	10	6	7	6	7	4
Нет сведений	3	3	2	2	3	3

Таблица 5

Возраст, лет	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 40	5	2	6	5	9	8
От 41 до 60	18	25	23	24	26	21
Старше 61	1	0	4	5	8	4
Средний возраст	47,0	48,7	48,8	49,3	50,1	49,0
Нет сведений	1	1	3	2	2	4

Таблица 6

Наличие крепостных и недвижимости*	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 10 душ	2	2	2	1	2	
От 50 до 100 душ	2	4	3	3	3	
От 100 до 500 душ	1	0	1	1	2	
Более 500 душ	0	0	1	3	2	
Только дом	6	3	4	4	5	1
До 100 дес.	—	—	—	—	—	1
От 100 до 1000 дес.	—	—	—	—	—	2
Более 1000 дес.	—	—	—	—	3	1
Не имели	13	17	19	21	24	22
Размеры не указаны	—	—	—	—	—	5
Нет сведений	1	2	6	3	4	5

* Награжденные землями в Сибири не учитываются.

Таблица 7

Опыт службы по профилю ведомства, лет	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 5	2	3	4	7	2	1
От 6 до 10	1	1	4	2	8	3
11 и более	22	22	25	26	33	32
Нет сведений	0	2	3	1	2	1
Опыт службы в Сибири						
До 5	7	4	10	7	7	6
От 6 до 10	5	2	1	7	9	3
11 и более	13	19	22	21	28	27
Нет сведений	0	3	3	1	1	1

2. СОСТАВ ВЫСШЕГО ГУБЕРНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ДАННЫМИ ПО РОССИИ В ЦЕЛОМ, 1853 г.

Показатель	По России в целом*		По Восточной Сибири**			
			Чины, занимавшие должности 4 — 6 классов***		Без членов Совета ГУВСа	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дворяне	180 из 207	87,0	11 из 21	52,4	7 из 13	53,8
Помещики	139 из 200	69,5	4 из 21	19,9	2 из 13	15,4
Не имеющие собственности или владеющие только домом	61 из 200	30,5	17 из 21	81,0	11 из 13	84,6
Лица с высшим или средним образованием	116 из 224	51,8	12 из 21	57,1	5 из 13	38,5
Лица в возрасте до 40 лет	19 из 204	9,3	4 из 21	19,0	1 из 13	7,7
Лица в возрасте от 41 до 50 лет	73 из 204	35,8	3 из 21	14,3	1 из 13	7,7
Лица в возрасте от 51 до 60 лет	84 из 204	41,2	11 из 21	52,4	8 из 13	61,5
Лица в возрасте 61 год и старше	27 из 204	13,2	3 из 21	14,3	3 из 13	23,1
Православные	175 из 207	84,5	16 из 21	76,2	9 из 13	69,2
Лютеране	24 из 207	11,8	4 из 21	19,0	3 из 13	23,1

* Подсчитано по: *Зайончковский И.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. Учтены губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, палат гражданского и уголовного суда, управляющие палатами государственных имуществ.

** Подсчитано по формулярным и послужным спискам.

*** Учтены губернаторы, председатели губернских и областных правлений, казенных палат и губернских судов, а также хянтинский градоначальник и члены Совета ГУВСа.

3. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА
АДМИНИСТРАТИВНОГО КОРПУСА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
ПО НЕФОРМАЛЬНЫМ КРИТЕРИЯМ ЗА 1845—1865 гг., чел.

Т а б л и ц а 1

Класс чина	1845	1850	1853	1855	1860	1865
III	1	1	1	2	1	2
IV	3	5	11	12	12	9
V	6	8	5	4	5	8
VI	6	5	5	6	11	11
VII	3	3	10	7	4	9
VIII	1	1	3	2	10	8
IX	2	2	2	6	4	3
X	3	2	2	3	1	3
XI	0	1	1	1	0	0
Нет сведений	2	0	2	1	2	1
Всего	27	28	42	44	50	54
Класс должности						
III	1	1	1	1	2	1
IV	3	4	7	7	7	6
V	14	17	17	18	17	22
VI	2	2	10	4	10	11
VII	7	4	7	14	14	14
Всего	27	28	42	44	50	54
Чин равен должности	8	13	16	15	12	20
Чин выше должности	2	2	5	7	8	6
Чин ниже должности	15	13	19	21	28	27

Т а б л и ц а 2

Отношение к военной службе	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Служат в Военном и Морском министерствах	8	7	12	12	14	15
Числятся по армии и флоту, служба в других ведомствах*	2	3	6	7	6	8
Ранее служили в армии или военном ведомстве**	6	5	4	5	7	2
Имеют военное образование***	1	1	1	1	1	0
Нет сведений	0	0	0	2	0	0
Всего	17	16	23	25	28	25

* Учтены офицеры корпуса жандармов и корпуса военных инженеров, не учтены горного корпуса.

** Вышедцы из казачьего сословия, не служившие в армии, не учитываются.

*** Кроме учтенных выше.

Таблица 3

Происхождение	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Из дворян	14	17	28	31	37	32
Из духовенства	2	1	2	2	5	4
Из купечества и почетных граждан	2	1	1	1	1	3
Из штаб- и обер-офицерских детей	2	3	2	1	1	7
Из приказных и мелкого чиновничества	0	2	2	2	1	1
Из мастеровых и заводских людей	0	0	1	1	1	1
Из мещан	0	1	1	1	1	0
Из казаков	1	1	2	1	1	1
Прочие недворяне	2	1	2	3	1	1
Нет сведений	0	1	1	1	1	4
Всего	27	28	42	44	50	54
В том числе уроженцы Сибири	4	7	9	7	5	9

Таблица 4

Образование	1845	1850	1853	1855	1860	1865
Высшее	6	8	14	16	23	18
Среднее	5	7	16	16	15	22
Начальное	2	6	6	5	6	4
Домашнее	7	5	4	5	2	3
Нет сведений	7	2	2	2	4	7

Таблица 5

Возраст, лет	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 40	10	7	19	21	28	27
От 41 до 60	13	20	17	18	17	16
Старше 61	0	0	3	3	2	3
Средний возраст	42,1	44,7	41,2	41,8	40,0	40,3
Нет сведений	4	1	3	2	3	8

Таблица 6

Наличие крепостных и недвижимости*	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 10 душ	1	2	1	0	0	
От 11 до 50 душ	1	0	1	0	0	
От 51 до 100 душ	2	4	4	3	3	
От 101 до 500 душ	3	1	1	2	2	
Более 500 душ	0	0	4	5	3	
Только дом	3	3	3	3	2	2
Менее 100 дес.	—	—	—	—	—	1
От 101 до 1000 дес.	—	—	0	1	1	4
Более 1000 дес.	—	2	1	1	3	1
Размеры не указаны	—	—	—	—	—	5
Не имели	13	14	21	26	32	32
Нет сведений	4	2	6	3	4	9

* Награжденные землями в Сибири не учитываются.

Таблица 7

Опыт службы по профилю ведомства, лет	1845	1850	1853	1855	1860	1865
До 5	1	6	14	10	6	4
От 6 до 10	4	4	7	10	12	13
11 и более	17	17	20	23	22	34
Нет сведений	5	1	1	1	10	3
Опыт службы в Сибири, лет						
До 5	5	11	27	21	17	11
От 6 до 10	6	3	1	9	13	12
11 и более	10	13	14	13	17	28
Нет сведений	6	1	0	1	3	3

- Абакумов О.Ю. — 372
 Аввакум (Честной Д.С.) — 318
 Агте (Ахте) Н.Х. — 52, 137, 146
 Азатовский М.К. — 43, 60, 193, 269, 369, 386, 396
 Азов А.В. — 32, 366
 Акашев Ю.Д. — 32, 366
 Александр II — 10, 34, 164, 167, 173, 174, 176—178, 188, 192, 213, 217, 218, 221, 222, 274, 290, 334, 354, 363, 367, 368, 386, 389, 390
 Александров В.А. — 74, 373,
 Александрова Н.Н. — 388
 Александрович В.Д. — 154, 160, 234, 235
 Александрович Е.Ф. — 234, 235
 Алексеев А.И. — 29, 33, 150, 365, 366, 382
 Алексушин Г.В. — 368
 Амиров С.А. — 377
 Ананьин Б.В. — 367
 Андерсон В.М. — 392
 Андреевич Я.М. — 59
 Андриян, слуга — 345
 Анненков П.П. — 94
 Анненков Ф.А. — 157, 207, 296
 Аракчеев А.А. — 101, 368
 Арефьев В.С. — 387
 Арсеньев А.И. — 60, 84, 97
 Арсеньева Л.В. — см. Руперт Л.В.
 Арцимович В.А. — 12—14, 220, 361, 373
 Афонасьев А.А. — 201, 202
 Ахте — см. Агте Н.Х.
 Бадмаев, врач — 349
 Базалийская О. — 407
 Бакунин М.А. — 32, 130, 176, 195—198, 200, 204, 208, 212—215, 217, 219, 263, 275, 276, 282, 290, 291, 296, 327, 328, 365, 366, 384, 386, 387—389, 395, 397, 399
 Бакунин П.А. — 313
 Бакунин П.А. — 275, 344
 Бакунина П.С. — см. Корсакова П.С.
 Бакунины — 312, 313
 Баласогло А.П. — 118, 150—153, 378, 382
 Баранов А.Е. — 381
 Барановская М.Ю. — 381
 Барр Дж. — 173
 Барсуков И.П. — 18, 19, 40, 103—104, 106—108, 113, 117, 118, 233, 237, 362, 377—397, 404, 405, 407
 Бартевев П.И. — 20
 Барятинский А.И. — 178, 222, 231, 240
 Барятинский А.П. — 59
 Баснин В.П. — 382
 Батеньков Г.С. — 5, 388
 Безак А.П. — 278
 Безносиков, адъютант — 55
 Безносиков Я.С. — 76
 Безобразов В.П. — 314, 319
 Безобразов М.А. — 61, 92, 199
 Беклемишев Ф.А. — 157, 164, 207, 208, 296, 299, 387, 388
 Беллюстин И.С. — 317, 402
 Белоголовые — 388
 Белоголовый А.А. — 208, 209
 Белоголовый А.В. — 180, 387
 Белоголовый П.А. — 61, 89, 208, 209, 214, 371, 375, 387—389
 Белокопытов П.В. — 170, 193, 295, 383, 386
 Белых С. — 201, 202
 Бенардаки Д.Е. — 144
 Беневоленский, политический ссыльный — 329
 Бенкендорф А.Х. — 44, 46, 52, 58, 62, 63, 65—67, 87, 91
 Бершадский (Бершацкий) В.И. — 112, 121
 Беспрозванных Е.Л. — 33, 366
 Бестужев М.А. — 59, 60, 93, 97

- Бестужев П.А. — 59, 60, 97, 381
 Бестужевы — 61, 80, 97, 369, 371, 376
 Бибииков А.И. — 141, 158, 166
 Билибин И.Я. — 72
 Блинов И.А. — 16, 88, 361, 375
 Блудов Д.Н. — 82, 194
 Бобановский К.И. — 96
 Бобринский В.А. — 107, 108, 215
 Бобрищев—Пушкин П.С. — 383
 Богданов К.А. — 158, 162, 193
 Богданов Р.К. — 29, 132, 152, 161, 225, 227, 229, 230, 295, 380, 383, 384, 386, 394, 400
 Болонев Ф.Ф. — 31, 54, 365, 371
 Болотов М.П. — 107
 Болховитинов Н.П. — 172, 173, 370, 384
 Большаков Д.Р. — 294, 297, 298
 Борисов А., историк — 24, 363
 Борисов А.И. — 59
 Борк П.И. — 333
 Брегман А.А. — 381
 Броневский С.Б. — 44, 72, 87, 375
 Бронниковский И.В. — 82, 120
 Булатов П.П. — 398
 Булычев И.Д. — 89, 165
 Бурачек Г.А. — 341
 Буссе П.В. — 154, 158, 172, 193, 194, 232, 271, 280, 282, 294, 337, 347, 405
 Бутащевич—Петрашевский М.В. — см. Петрашевский М.В.
 Бутков В.П. — 138, 205, 218, 326, 337
 Буцинский П.П. — 19, 124, 362, 383
 Бушнелл Дж. — 363
 Быкова А.П. — 350
 Быкова В.П. — 207, 235, 245, 256, 340, 350, 387, 388, 393, 394, 406
 Быконя Г.Ф. — 27, 70, 74, 365, 373
 Бюцов Е.В. — 311
 Ваганов В.В. — 127, 158, 161
 Вагин В.И. — 8, 18, 19, 21, 45, 47, 72, 76, 77, 81, 87, 95, 96, 120—122, 125, 126, 128, 130, 133, 142, 149, 166, 194, 209, 223, 229, 245, 296, 298, 299, 356, 361, 362, 369, 370, 373—376, 379, 380, 382, 386, 388, 390—392, 399
 Вадковский Ф.Ф. — 59, 97

- Вакульская — см. Корсакова А.К.
 Вакульский Н.И. — 286, 332
 Валиевский А.Л. — 365
 Валлинг А.Г. — 396
 Валуев П.А. — 199, 218, 240, 337, 392
 Варехова С.И. — 41
 Василий, слуга — 346
 Васильев Д.И. — 201, 202
 Веденягин А.В. — 92
 Вельяминов И.А. — 372
 Венсвитин А.В. — 379
 Вениамин (Благоданов В.А.) — 318, 402
 Венцель К.К. — 199, 207, 226
 Венцель Э.К. — 162
 Венюков М.И. — 106, 107, 113, 126, 148, 162, 182, 183, 195, 199, 206, 228, 229, 231, 240, 268, 269, 272, 278, 291, 310, 327, 366, 377—379, 384, 385, 387, 388, 392, 393, 396, 398
 Вибс Н.И. — 38, 368
 Владимир, архиепископ Казанский — 402
 Влахопулов К.И. — 93, 140, 167
 Волконская (в 1-м браке Молчанова, во 2-м Кочубей, в 3-м Рахманова) Е.С. — 165, 254, 350, 351
 Волконская (урожд. Раевская) М.Н. — 371
 Волконские — 61, 63, 89, 140, 141, 168, 254, 393
 Волконский М.С. — 18, 19, 61, 141, 225, 228, 249, 254, 340, 371, 378, 405
 Волконский С.Г. — 60, 61, 96, 165, 180, 254, 300, 350
 Вольф Ф.Б. — 63
 Ворожцов П., чиновник — 406
 Воронцов М.С. — 105, 177
 Воронцов—Вельяминов, тульский помещик — 107
 Врангель Ф.П. — 173, 221
 Вронченко Ф.П. — 114
 Гагарин А.И. — 292
 Гарновский П.И. — 252
 Гасфорд (Гасфорд, Гасфорд) Г.Х. — 38, 115, 185, 189, 231, 232, 368
 Гаупт В.В. — 112
 Георгиевский В.М. — 200—202
 Герасимова Ю.И. — 25, 363

Герцен А.И. — 20, 30, 40, 147, 163, 176, 195, 197, 204, 208, 210—215, 263, 279, 300, 365, 382, 384, 387—389, 392, 395, 399, 401, 405
 Гессен В.М. — 16, 18, 361
 Глен Н.А. фон — 223, 230, 390
 Глисон Э. — 363
 Голицын А.Н. — 106
 Голицын, кн., тульский помещик — 106, 107
 Головин Е.А. — 102, 103, 121, 345
 Головин, адъютант — 345
 Головин А.В. — 177, 219, 384, 389
 Голубков П.В. — 85
 Гондатти Н.Л. — 39, 368
 Гончаров И.А. — 5, 144, 175, 223, 228, 231, 233, 234, 381, 390, 391
 Горбачевский И.И. — 31, 366
 Горчаков А.М. — 173, 368
 Горчаков П.Д. — 56, 61, 115, 217
 Градовский А.Д. — 16, 361
 Григоров, золотопромышленник — 180
 Григорьев Н.А. — 328
 Григорьев Ю.Г. — 391
 Гулькевич Н.В. — 205
 Гумбольдт А. — 374
 Гурий (Карпов Г.) — 311
 Гурьев Д.Н. — 157, 207, 285, 296
 Давыдов В.Л. — 253, 375
 Дадешкелиани А.М. — 291—293, 320, 327
 Дадешкелиани К.М. — 292
 Дамешек И.Л. — 39, 139, 368, 369, 381
 Дамешек Л.М. — 18, 39, 139, 362, 364, 369, 381, 401
 Данилов, купец — 204
 Дараган К.Я. — 65, 67, 72, 75, 81—84, 120, 127
 Дараганы — 82
 Даттан А.В. — 385
 Де Витте Н.П. — 284, 294
 Девоуланд, генерал — 43
 Дейхман К.А. — 120
 Дейхман О.А. — 321, 327, 328
 Демидов М.Г. — 224, 233, 384, 390
 Демидова Н.Ф. — 74, 373
 Деревнина Т.Г. — 372
 Державин Г.Р. — 227
 Деспот—Зенович А.И. — 293

Дибич И.И. — 83
 Дитмар Н.П. — 282, 284, 294
 Дмитриев С.С. — 6
 Долгоруков В.А. — 167, 383
 Долгоруков П.В. — 129
 Должиков В.А. — 32, 195—197, 199, 296, 366, 386—389, 397, 399
 Дондуковы—Корсаковы, кн., род — 393
 Дружинин Х.М. — 142
 Дубельт (урожд. Перская) А.Н. — 247
 Дубельт Л.В. — 26, 43, 65—67, 87, 88, 247
 Дубин Б.В. — 365
 Дубинина Н.И. — 39, 368
 Дувинг А.А. — 286, 287, 351, 353, 354
 Дулов А.В. — 32, 366, 388
 Думанский И.И. — 354
 Дымбылов, тайша — 65
 Дюгамель А.О. 38, 87, 114, 115, 143, 189, 215, 216, 226, 278, 368, 375, 378, 381, 386, 389
 Евсевич (Орлинский Е.П.) 201
 Егоров К.Г. — 120, 121
 Екатерина II — 8, 148
 Елена Павловна, вел. кн. — 102, 113, 177, 243, 334, 351
 Ельчанинова (В замужестве Мазарович) А.И. — 234
 Ерошкин Н.П. — 22, 360, 362
 Ефимов И.В. — 127, 129, 152, 161, 162, 226, 228, 229, 383
 Желвакова И.А. — 364
 Железняков, судья — 55
 Жемчужников М.Н. — 88
 Жилейщиков, топограф — 199
 Житомирская С.В. — 41
 Жуковский Е.М. — 277, 282, 298, 317, 348
 Заблоцкий—Десятовский А.П. — 361
 Заборинский А.И. — 142, 154, 161, 224, 383, 390
 Завалишин Д.И. — 14, 19, 29, 31—33, 40, 41, 58, 78, 88, 93, 113, 115, 139, 140, 142, 159, 163, 164, 169, 174, 182, 209, 212, 215, 218, 221, 231, 234, 237, 248, 255—258, 262, 264, 269—272, 276, 278, 281, 289,

291, 295, 297—299, 301, 304, 314, 327, 334, 342, 366, 371, 375, 381, 385, 391, 394—397, 399, 401, 405
 Завойко В.С. — 14, 144, 159, 161, 164, 221, 251, 253, 306, 383, 394
 Загоскин М.В. — 196, 204, 205, 296, 297
 Зайончковский П.А. — 7, 17, 22—26, 28, 94, 156, 363, 364, 374, 376, 377, 382, 393, 397, 402, 412
 Закревский А.А. — 211
 Замятнин Д.Н. — 337
 Замятнин П.Н. — 184, 280, 281, 283, 289, 337
 Замятнины — 289
 Занадворов Ф.П. — 141, 165—169, 203, 235
 Запольский П.И. — 136, 142, 154, 159, 160, 256, 258, 262, 266, 269, 270, 394
 Зарин В.Н. — 122, 157, 160, 228, 234
 Захарова Л.Г. — 24, 34, 222, 363, 368
 Знаменский М.С. — 371, 388, 389
 Зольникова Н.Д. — 41
 Зуев А.С. — 137, 370, 380
 Зырянов П.Н. — 35, 367
 Иванов А. — 54
 Иванов В.А. — 35, 367
 Ивановский В.В. — 16, 18, 71, 361, 373
 Игнатьев Н.П. — 174, 190, 197—199, 216, 238, 240, 246, 280, 281, 302, 308, 309, 311, 312, 319, 329, 335—338, 389, 393, 401, 404
 Игумнов Н.М. — 49, 179
 Извольские П.А. и Е.Г. — 347
 Имберг А.Х. — 162, 231, 234, 248, 391
 Иннокентий (Вениаминов (Попов) И.Е.) — 5, 153, 192, 240, 249, 252, 265, 283, 317, 318, 355, 386, 393, 396, 397, 402
 Кабанов П.И. — 28, 29, 32, 33, 150, 169, 365, 366, 380, 382, 383
 Кавелин К.Д. — 127, 129, 364, 380
 Казакевич П.В. — 154, 168, 170, 172, 179, 184, 188, 190, 194,

236, 255, 277, 281—283, 334, 335, 341, 354, 355, 385
 Казимирский Я.Д. — 59, 174, 232, 253
 Казнаков Н.Г. — 38, 336
 Калашников И.Т. — 95, 249
 Кандинские, купцы — 132, 250
 Канкрин Е.Ф. — 49, 86, 108
 Капустина Т.А. — 368
 Капцевич П.М. — 38
 Карпов В.Д. — 290, 298, 315, 316, 401
 Карсаков, Карсаковы — см. Корсаков, Корсаковы
 Катенин А.А. — 231
 Кашин Н.И. — 374
 Квестид Р. — 33, 366
 Кейкуатов В.А. — 294
 Кинаст К.В. — 398
 Киняпина Н.С. — 368
 Киселев И.Н. — 373
 Киселев П.Д. — 56, 86, 106, 114
 Клейменова (урожд. Ананьева) Н.Т. — 352
 Клейнмихель П.А. — 146
 Клер Л.С. — 330, 364, 404
 Клигенберг В.Н. фон — 196, 220, 235, 279, 289, 292, 313, 398
 Клигенберг (урожд. Мордвинова), мать В.Н. фон Клигенберга — 196
 Ключарев, тульский помещик — 107
 Кобяков П.Н. — 122, 126
 Ковалевский Е.П. — 128, 147, 177, 216, 218
 Коваль С.Ф. — 31, 32, 135, 141, 185, 320, 332, 333, 365, 366, 371, 380, 381, 385, 388, 402, 404
 Кодан С.В. — 364, 365, 371
 Кокорин Н.Ф. — 294
 Колесников В.П. — 142
 Коллинз П.М.Д. — 173, 179, 183, 215, 257, 259, 264, 310, 385, 395
 Колосов Е.Я. — 328
 Кондратьев В.П. — 312
 Коновалов, отст. колл. советник — 128, 134, 185
 Константин Николаевич, вел. кн. — 34, 135, 173, 177, 178, 188, 192, 199, 217—219, 221, 222, 230, 238, 243, 255, 276, 282, 314, 334, 336, 339, 367, 386

- Коншина Е.И. — 393
 Копылов В.И. — 63, 94, 98, 120
 Корелин А.И. — 367
 Корженевский Е.А. — 112, 122
 Коркунов Н.М. — 16, 17, 361
 Корнилов А.А. — 366
 Корнилов В.А. — 365
 Корнилов И.И. — 232
 Корсаков А.С. — 247, 316
 Корсаков М.С. — 5, 6, 14, 18, 20, 29—32, 78, 126—128, 133, 136, 140, 141, 143, 144, 154, 157—159, 162, 168, 170, 175, 176, 178, 180, 181, 183, 187, 188, 190, 191, 193, 195, 196, 198, 201, 205, 209, 210, 212, 215, 220—222, 225—230, 232—234, 236—239, 245—292, 294—306, 308—315, 317—321, 323—346, 348—356, 358, 359, 362, 383, 385, 387, 391—394, 397—407
 Корсаков Н.И. — 246, 393
 Корсаков Н.С. — 313
 Корсаков С.И. — 246, 343
 Корсаков С.С. — 260, 313, 343, 344, 395, 396, 401, 404—406
 Корсакова (урожд. Попона, в 1-м браке Вакульская) А.К. — 349, 351
 Корсакова (урожд. Мордвинова) А.С. — 246
 Корсакова (в замужестве Бакунина) И.С. — 247, 316
 Корсакова (урожд. Мордвинова) С.И. — 247, 256
 Корсаковы, семья — 245—247, 264, 341, 369, 393
 Корсаковы, род — 31, 393
 Коттрель Ч. — 47, 370
 Кочубей Н.А. — 351
 Кривошеин А.В. — 367
 Кривошеин К.А. — 367
 Кропоткин А.А. — 237, 292, 293, 352, 398, 399
 Кропоткин П.А. — 217, 235, 237, 245, 279, 291, 292, 294, 295, 312, 326, 327, 329, 389, 391—393, 395, 397—399, 401, 403
 Кропоткина (урожд. Чайковская) В.С. — 237, 293, 352
 Кропоткины — 237, 293
 Кротов В.А. — 369, 378, 381, 407
 Крузенштерн Н.И. — 111
 Крутиков В.И. — 111, 378
 Крыжановский В. — 17, 361
 Крылов В.В. — 386
 Кубалов Б.Г. — 30, 31, 135, 185, 200, 205, 210, 213, 245, 297, 320, 341, 365, 371, 380, 385, 387—389, 392, 399, 401, 402, 405
 Кузнецов А.С. — 360, 364
 Кузнецов Е.А. — 153, 165, 169
 Кузнецов И.К. — 75, 82
 Кузнецов П.И. — 179
 Кузнецова (в замужестве Дарган) А.И. — 75, 82
 Кузнецова Е.А. — 39, 122, 124, 139, 156, 157, 194, 369, 379, 381, 382, 386
 Кухель Б.К. — 154, 205, 238, 280, 290, 291, 293, 294, 314, 323, 327, 328, 333, 352, 354, 387, 401, 403
 Кухель Бр.К. — 182, 230, 273, 290, 396, 398
 Куликов С.В. — 367
 Купенков М.С. — 333
 Куртуков П.М. — 294
 Кутузов М.А. — 40, 369
 Кучумова Л.А. — 386
 Кюхельбекер В.К. — 62, 63, 372
 Кюхельбекер М.К. — 142
 Лавриновский П.К. — 120
 Лавров Н.С. — 236, 292, 341
 Лаврова М.Н. — 352
 Лаврова С.С. — см. Чайковская С.С.
 Ладыженский М.В. — 56, 137, 371
 Лазаревский Н.И. — 11, 16, 17, 360, 361
 Ланской С.С. — 12
 Лемке М.К. — 12, 360, 361, 390
 Лепарский С.Р. — 330
 Ливен, княгиня — 115
 Линден А.М. — 294
 Линден М.В. — 370
 Линкольн В. — 24, 363
 Лисицына Г.Г. — 41
 Лисовский Н.Ф. — 142
 Литвинов, чиновник — 201
 Лихачев, жандарм — 111
 Лобанов В.Ф. — 31, 54, 55, 365, 370, 371
 Лобковский М.И. — 120
 Лотман Ю.М. — 5, 360
 Лохвицкий Александр — 196, 197
 Лохвицкий А.Д. — 165, 197, 201, 264, 266—268, 271, 280, 283, 284, 294, 333
 Лунин М.С. — 26, 58, 62—64, 82, 83, 97, 99, 141, 233, 364, 371, 372, 374, 381
 Лутковский И.С. — 277, 278, 291
 Лыткин, штабс-капитан — 201, 202
 Львов Л.Ф. — 47, 62, 63, 80, 89, 97, 370, 374, 376
 Львов Ф.Н. — 163, 164, 168, 175, 182, 209, 214, 278, 295, 298—300, 399
 Любавский А.Д. — 387
 Любарский И.В. — 384, 390
 Людовик XIV — 148
 Мазарович И.С. — 132, 234, 235, 352, 383, 391
 Майковы Е.П. и Н.А. — 391
 Макаров А.Я. — 397
 Макашин С.А. — 28, 365
 Мак-Коллинз — см. Коллинз П.М.—К.Д.
 Максимов С.В. — 19, 33, 237
 Максимович К.К. — 83, 84, 120
 Максимович, гсн.-майор — 83, 92
 Малахов И.А. — 159, 321, 383, 394, 396, 402
 Малиновский А.И. — 193, 195, 301, 327
 Мамай А.С. — 33, 151, 222, 367, 382
 Мамсик Т.С. — 56, 371
 Мангазеев А.М. — 120
 Марков В.И. — 132, 203
 Маркова И.Б. — 27, 364
 Мартынов П.А. — 236
 Масловский М.И. — 196, 296
 Матханова Е.И. — 41, 407
 Матханова Н.П. — 369, 372, 381, 384—386, 388, 393—395, 399, 403, 407
 Матюшкин Ф.Ф. — 141, 381
 Машин Р.Г. — 53, 370
 Медведев, ссаул — 233
 Медведникова Е.М. — 84, 99, 147
 Медовичева Т.А. — 41
 Медушевский А.И. — 363
 Мейер И. — 204
 Меншиков А.С. — 114, 118, 143, 250
 Мерцалов В.И. — 293, 399
 Мехеда, офицер — 174
 Милотин Б.А. — 21, 117, 194, 203, 232, 245, 267, 268, 285, 289, 290, 294, 298, 315, 324, 325, 388, 392, 396, 398, 401
 Милотин Д.А. — 189, 236, 240, 290, 337
 Милотин И.А. — 5, 12, 24, 321
 Милотины — 26
 Мирошенко С.В. — 24, 363, 367, 368, 373
 Миронов Б.И. — 367
 Митина Н.П. — 333, 404
 Митьков М.Ф. — 253
 Михаил, слуга — 229
 Михайлов М.Л. (Михайлов М.И.) — 275, 327, 328, 337, 403
 Михайлов П.Л. — 327
 Моллер А.А. — 178, 199, 229
 Моллер Н.П. — 158, 160, 235
 Молчанов Д.В. — 128, 136, 158, 164—168, 351
 Молчанов М.М. — 207
 Мордвинов А.А. — 393, 401
 Мордвинов П.А. — 379, 393
 Мордвинов П.С. — 5, 246, 247
 Мордвиновы, семья — 128
 Мордвиновы, род — 247, 377
 Морякова О.В. — 36, 367
 Муравьев А.З. — 59, 375
 Муравьев А.И., декабрист — 104
 Муравьев А.И., брат П.И. Муравьева-Амурского — 103
 Муравьев В.И. — 104, 107, 108
 Муравьев В.М. — 122, 127, 132, 140, 227, 236, 247
 Муравьев В.И., брат П.И. Муравьева-Амурского — 18, 103, 110, 188, 203, 213, 214, 236, 237, 389, 392
 Муравьев В.И., внук предыдущего — 392
 Муравьев В.С. — 345, 351, 397
 Муравьев М.В. — 377, 381
 Муравьев М.И. — см. Муравьев-Виленинский М.И.
 Муравьев И.В. — 392
 Муравьев И.М. — 60
 Муравьев И.Паз. — 101, 103
 Муравьев Н.И. — см. Муравьев-Амурский Н.И.
 Муравьев И.И. — см. Муравьев (Карский) Н.И.
 Муравьев-Амурский В.В. — 378, 392
 Муравьев-Амурский И.И. — 5, 6, 11, 14, 18—21, 28—34, 39, 40, 52, 53, 61, 75, 76, 78—80, 94,

101—170, 172—243, 245—253, 255—260, 262—265, 267, 269—271, 273—276, 278—283, 285—290, 294—301, 303, 305, 307, 309—311, 318, 322, 324, 326, 327, 334—340, 343, 345, 348—354, 356—359, 362, 365, 367, 369, 377—392, 394, 396, 397, 399, 400, 403, 405, 406
 Муравьев-Апостол М.И. — 253
 Муравьев-Виленский М.Н. — 101, 104, 191, 240, 247, 299, 321, 339
 Муравьев (Карский) Н.Н. — 101, 113, 115, 247
 Муравьева (урожд. Мордвинова) Е.Н. — 101
 Муравьева (урожд. де Ришмон) Е.Н. — 113, 140, 141, 175, 227, 230, 232—236, 349
 Муравьевы — см. Муравьевы-Амурские Е.Н. и Н.Н.
 Муравьевы А.М. и Н.М. — 63
 Муравьевы, род — 247, 377
 Муравьевы-Амурские Е.Н. и Н.Н. — 140, 227, 233
 Муханов П.А. — 92, 140
 Мясников В.С. — 34, 367
 Мясников Н.Ф. — 76
 Мяснов П.Н. — 107, 108, 111
 Нагаев А.С. — 31, 53, 365
 Назимов В.И. — 278
 Назимова, жена А.А. Назимова — 351
 Наквасин, купец — 132
 Налабардин Н.И. — 253, 346
 Нарочницкий А.Л. — 33, 366
 Невельская (урожд. Ельчанинова) Е.И. — 234
 Невельской Г.И. — 19, 29, 33, 118, 138, 150, 153, 154, 164, 169, 172, 221, 248, 366, 382
 Недоба, тесть В.Я. Руперта — 44
 Нейдгардт А.И. — 104
 Неклюдов М.С. — 206—208, 211, 387, 388
 Нессельроде К.В. — 33, 34, 114, 118, 144, 146, 151, 152
 Нечкина М.В. — 25, 26, 363, 403
 Николай I — 13, 20, 24, 34, 43, 58, 60, 64, 93, 94, 101, 106, 108, 113, 118, 125, 131, 167, 172, 176, 177, 211, 217, 225, 239, 243, 334, 338, 357, 358, 363, 367, 368, 374
 Нил (Исакович Н.Ф.) — 54
 Норов В.А. — 107, 108, 112
 Норов, тульский помещик — 106
 Носков И.А. — 132
 Облеухов А.Н. — 271, 272, 396
 Оболенский Е.П. — 59
 Овчинников, казак — 135
 Огарев И.П. — 176, 195, 197, 212, 213, 215, 263, 384, 387—389, 395
 Оглезнева Т.Н. — 382
 Окунь С.Б. — 62, 63, 371, 372, 374
 Ольдекоп Ф.Ф. — 299, 400
 Оржеховский И.В. — 22, 362, 372
 Орлов А.Ф. — 91, 113, 114, 116, 139, 142, 143, 205, 250
 Орловский Д. — 24, 363
 Осипов И.М. — 77, 78, 85
 Остен (Austin) — 172
 Островский И.В. — 367
 Ошанин, тульский помещик — 107
 Павленко Н.И. — 28
 Павлинов Н.М. — 292
 Павлинова (урожд. Чайковская) Л.С. — 237
 Павлиновы — 293
 Павлова В.П. — 60, 371
 Падалка В.К. — 84, 98, 188
 Падалка Е.В. — см. Руперт Е.В.
 Пайна Э.С. — 22, 88, 94, 363, 375, 376
 Панасевич В.Р. — 207
 Панин В.Н. — 86, 88, 91, 93, 114, 166, 211
 Панов Н.А. — 140
 Паршин В.П. — 249
 Педашенко И.К. — 282, 284, 294
 Пежемский П.И. — 369, 378, 381, 407
 Пейтон Б. — 215, 389
 Перегудова З.И. — 41
 Перельгин И.Д. — 201
 Перельгин П.Ф. — 202
 Пермикин Г.М. — 307
 Перовский В.А. — 114, 177
 Перовский Л.А. — 50, 87—89, 91, 110, 114, 115, 118, 121, 132, 143, 145, 147, 177, 225, 243, 250, 379, 382
 Персин И.С. — 141
 Перская — см. Дубельт А.Н.

Перцева Т.А. — 63, 372
 Пестель И.Б. — 38, 368, 382
 Пестерев Н.Н. — 207, 209
 Петр I — 212, 367
 Петр (Петрушка), слуга — 345
 Петрашевский М.В. — 175, 176, 205, 207, 209, 211, 212, 214, 235, 297, 327, 387, 388
 Петров А.И. — 231, 289, 391, 398
 Петряев Е.Д. — 31, 365
 Пинтнер В. — 25, 363, 367
 Пирумова Н.М. — 366, 387, 397
 Писарев Д.И. — 293
 Писарькова Л.Ф. — 36, 76, 367, 373
 Поджо А.В. — 80, 82, 102, 140, 208, 254, 351, 374, 377, 381, 388, 406
 Поджо А.О. — 82
 Подлесный И.Д. — 291
 Подушкин, капитан-лейтенант — 382
 Покровский Н.Н. — 28, 41, 74, 373
 Полевой Б.П. — 150, 378, 382
 Поливанов Н.П. — 264, 345, 395, 406
 Полонский В. — 366
 Попов И.П. — 25, 363
 Попов, чиновник — 65
 Порох И.В. — 379
 Потанов А.Л. — 278, 335
 Потемкин Г.С. — 246
 Похвиснев А.Н. — 141
 Пресняков А.Е. — 361, 379
 Прутенко С.М. — 17, 71, 361, 373
 Путятин Е.В. — 142, 173, 211, 221, 228, 273, 274, 278, 382
 Пушкин А.С. — 371, 376, 394
 Пушин И.И. — 5, 59, 93, 140, 141, 253, 254, 301, 371, 376, 381, 383, 394
 Пятницкая Л.А. — 374
 Пятницкий А.В. — 61, 65, 67, 83, 84, 87, 96, 98, 116, 120, 139, 374
 Рабцевич В.В. — 364
 Равенштейн Э.Г. — 20, 172, 362, 384
 Рагозин Е.И. — 195, 200, 202, 263, 267, 268, 290, 316, 327, 337, 343, 345, 387
 Радаев В.В. — 373
 Радде Г.И. — 388, 396
 Раевский В.Ф. — 31, 182, 206, 212, 214, 234, 256, 278, 366, 381, 388, 394, 400
 Раевский И.А. — 107
 Раевский Ю.В. — 141
 Раскин Д.И. — 367, 397
 Рахим-оглы, рабочий — 261
 Ребиндер Н.Р. — 141
 Резвая, тульская помещица — 110, 111, 378
 Рейн О.Ф. — 287
 Рейтерн М.Х. — 336
 Ремнев А.В. — 37, 38, 46, 64, 71, 87, 94, 336, 368, 370—373, 375, 376, 382, 388, 404
 Рибер А.Дж. — 23
 Рилж А.Е. — 397
 Римские-Корсаковы, род — 393
 Римский-Корсаков В.А. — 29, 382
 Роббинс Р. — 35, 367
 Родственный А.Ф. — 50, 120
 Родюков И.Г. — 185
 Розенбах Н.А. фон — 326, 353, 403
 Розенталь В.Н. — 25, 364
 Рокасовский П.И. — 278
 Романов Д.И. — 212, 213, 270, 393, 396
 Романов Н.С. — 381, 407
 Ротчев К.А. — 345
 Ротчева (урожд. Гагарина) Е.П. — 286, 295
 Рощевская Л.П. — 403
 Рудаков И.Д. — 67
 Руперт В.Я. — 6, 12, 31, 43—50, 52—69, 73, 75, 76, 79—99, 114, 115, 121, 126, 136, 137, 154, 156, 202, 225, 226, 284, 294, 350, 356—359, 369, 370, 372
 Руперт (в замужестве Падалка) Е.В. — 95, 97, 98
 Руперт (урожд. Недоба) Е.Ф. — 44, 62, 95—97
 Руперт И.В. — 96
 Руперт Н.В. — 95
 Руперт (в замужестве Арсеньева) Л.В. — 95, 97, 98
 Руперты — 96
 Рыкачев В.П. — 287, 328, 347
 Сабиньский Ю. — 61
 Савелий (Сейфула), слуга — 228, 229
 Савенко П.Г. — 298
 Савинский А.С. — 294
 Салтыков-Щедрин М.Е. — 5, 28, 293, 365
 Самойлов Н.С. — 184, 185

Сватиков С.Г. — 217, 389
 Сербеев Н.Д. — 19, 141, 157, 230, 265, 362
 Сербеевы — 127
 Сгибнев А.С. — 29, 294
 Сельская Е.А. — 374
 Сельский И.С. — 67, 79, 80, 374, 398
 Семевский В.И. — 106, 107, 377, 378
 Семевский М.И. — 93
 Сенин Л.Г. — 115
 Серебрянников И.И. — 369, 378, 381, 407
 Середонин С.М. — 10, 360, 404
 Сеславин А.И. — 394
 Сибиряков М.В. — 96
 Сиверс П.А. — 286
 Сидоров И.С. — 379, 393
 Сильвергельм Э.Е. — 46, 53, 54, 121
 Синельников Н.П. — 284, 288, 303, 322, 355, 356, 398, 407
 Скарятин В.Д. — 130, 208, 219, 380
 Скобелцын Г.Д. — 158, 234, 391
 Сколков И.Г. — 353, 355
 Скрипилов Е.А. — 403
 Скропышев Я.С. — 72, 361, 373
 Сладкевич Н.Г. — 25, 364
 Сладковский М.И. — 33, 366
 Соколов К.И. — 16, 360, 361
 Соллогуб П. — 394
 Соловьев Ф.П. — 179
 Сперанский М.М. — 5, 11, 18, 28, 39, 57, 71, 90, 95, 139, 163, 240, 250, 287, 361, 365, 368, 369, 381
 Спешнев Н.А. — 128, 175, 196, 204, 205, 297
 Стадлер А.О. — 112, 122, 127—129, 134, 136, 161, 164, 378
 Станкевич А.В. — 364
 Старцев, купец — 132
 Стеклов Ю.М. — 397
 Стекло Э.А. — 173
 Стенбок М.Р. фон — 307, 400
 Столыпин П.А. — 367
 Страховский И.М. — 16, 17, 360, 361
 Струве Б.В. — 19—21, 29, 108, 113—118, 121, 122, 125—129, 131, 135, 136, 140, 142, 160, 161, 168, 169, 179, 227, 232, 233, 235, 237, 252, 255, 281, 347, 362, 378—380, 384, 389, 391, 394, 397
 Суворов А.А. — 115, 178
 Сукачев П.П. — 72, 294
 Сулима Н.С. — 372
 Суторгин, архитектор — 68
 Сухозанет Н.О. — 215, 337
 Сухотин М.И. — 207
 Сухтелен П.К. — 43
 Тамерлан — 148
 Танеев А.С. — 50
 Таскин А.Н. — 97, 120
 Татищев Н.Н. — 107, 112
 Татищев С.С. — 222, 390
 Тваровский И.Ф. — 144
 Тиле В.Л. — 55, 92
 Тимрот Г.А. — 282, 345
 Ткачев В.Р. — 201, 202
 Толстая (урожд. Перовская) А.А. — 50
 Толстой И.И. — 22, 47, 49, 52, 55, 56, 61, 82, 87—94, 114, 116, 120, 137
 Томсинов В.А. — 367
 Тон К.Н. — 49
 Топчий А.Т. — 135, 185, 320, 323, 364, 380, 385, 402, 403
 Торке Х. — 24, 363
 Торсон К.П. — 142
 Траверсе, жена Н.А. де Траверсе — 290
 Трапезников К.П. — 121
 Трескин Н.И. — 76, 95
 Трубецкая (урожд. Лаваль) Е.И. — 141, 230
 Трубецкие — 60, 61, 140, 141, 233
 Трубецкой С.П. — 60, 62, 64, 80, 88, 96, 97, 140, 141, 371, 374, 376, 392
 Трыновский Я. — 371
 Трюбнер Н. — 20, 362, 384
 Туманик А.Г. — 370
 Тюменцев Г.Е. — 82, 116, 120
 Тюменцев Н.Е. — 72, 76—78, 120, 121, 161, 373, 374, 379
 Тютчева А.Ф. — 379
 Тютюнник Л.И. — 34, 222
 Унковский А.М. — 313
 Успенский П.Н. — 62—64, 75, 81, 82, 84, 97, 120, 127, 398
 Фалькенберг Н.Я. — 46, 47, 57, 64—68, 72, 79, 81—83, 92, 97, 98, 116, 374
 Федоров В.А. — 368
 Федосеева Е.П. — 381
 Филд Д. — 24, 363

Филиппсон Г.И. — 18, 19, 223, 224, 377, 390, 398
 Флегонт, слуга — 229
 Фонвизин М.А. — 59, 371, 376
 Фролов А.Ф. — 174, 381, 384
 Фролов И.В. — 159, 251
 Фролов, отставной чиновник — 112, 378
 Фуругельм И.В. — 283
 Хабаров Е.П. — 152
 Хилл (Hill) С. — 172
 Хомяков А.С. — 128, 379
 Хохлов А.Н. — 385
 Хроленок С.Ф. — 31, 365
 Худяков В.Н. — 322, 403
 Чайковская (в замужестве Лаврова) С.С. — 225, 236, 237, 293, 344, 352, 392, 407
 Чайковская (урожд. Булатова) Т.Ф. — 225, 351, 407
 Чайковские — 225, 237, 293
 Чайковский С.О. — 225, 390
 Черноусов Р.А. — 128
 Чернуха В.Г. — 22, 35, 362, 367, 387
 Черных В.А. — 393, 401
 Чернышевский Н.Г. — 293, 327, 328
 Чернявский П.А. — 201
 Честной Д.С. — см. Аввакум
 Чибиряев С.А. — 368
 Шатрова Г.П. — 31, 366, 381
 Шварц, жандарм — 107, 111, 112
 Шевырев А.П. — 24, 363, 390
 Шелашников К.Н. — 154, 280, 283, 284, 289, 294, 323, 333, 403
 Шелгунов Н.В. — 327, 403
 Шелгунова Л.П. — 403
 Шелгуновы — 292, 327
 Шервашидзе М.Г. — 377
 Шестунов М.П. — 209, 295, 299
 Шишков, инженер — 345
 Шишмарев Я.П. — 158, 200, 202, 311
 Шкаратан О.И. — 373
 Шмулевич М.М. — 31, 54, 55, 366, 371
 Шободоев Е.Б. — 388
 Шостакович Б.С. — 330, 364, 404
 Штейн М.Г. — 365
 Штейнгель В.И. — 97, 383
 Штубендорф Ю.И. — 149, 188, 229, 283, 337, 340, 383, 406
 Шувалов П.А. — 326

Шульман Н.Г. — 280, 294, 351, 354, 405
 Шумахер П.В. — 20, 117, 349, 362, 396
 Шумилов М.М. — 9, 12, 35, 360, 367
 Шапов А.П. — 217, 328, 389
 Шедрин Г.И. — 384
 Шедрин — см. Салтыков-Шедрин М.Е.
 Шербатский П.Ф. — 280
 Щетинин В.И. — 120
 Шукин Н.С. — 298
 Шукин П.И. — 391, 393, 399
 Эйдельман Н.Я. — 26, 28, 62, 364, 372, 374, 381, 393
 Эклоф Б. — 363
 Эммонс Т. — 23
 Энгельгардт Е.А. — 376
 Эпов Н.К. — 390
 Эрн Н.К. — 294
 Юшневская М.К. — 59, 97
 Юшневский А.П. — 59
 Ядринцев Н.М. — 336
 Яковенко И.Г. — 294
 Яковлев Н.М. — 120
 Якушкин В.И. — 141
 Якушкин И.Д. — 60, 140, 141, 253, 254
 Collins Perry Mc Donough — см. Коллина П.М.Д.
 Cottrell Ch. H. — см. Коттрел Ч.
 Field D. — см. Филд Д.
 Lincoln W. — см. Линкольн В.
 Orlovsky D. — см. Орловский Д.
 Peyton — см. Пейтон Б.
 Pierr le Grand — см. Пьер I
 Pintner W.M. — см. Пинтиер В.
 Ravenstein E.G. — см. Равенштейн Э.Г.
 Richemond de — см. Муравьева (урожд. де Ришмон) Е.И.
 Robbins R. — см. Роббинс Р.
 Quisted R.K.I. — см. Квестид Р.
 Saul Norman — 389
 Torke H.-J. — см. Торке Х.
 Trubner N. — см. Трюбнер Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Вильгельм Яковлевич Руперт: 1837—1847 . . .	43
До Сибири	—
Первые сибирские годы	45
Административная деятельность: замыслы, успехи и неудачи	47
Руперт и декабристы. Дело М.С. Лунина	58
Конфликт с жандармским ведомством	64
Состав административного корпуса. Отношения с под- чиненными	68
Девичий институт	84
Отношения с Петербургом. Ревизия и отставка	86
Частная жизнь	95
Глава 2. Николай Николаевич Муравьев-Амурский: 1847—1860	101
До Сибири	—
Начало карьеры	—
Тульский губернатор	105
Назначение генерал-губернатором	113
Сибирь. Начало: 1848—1851/52 гг.	118
Кадровая политика	120
Экономическая и социальная политика	130
Административные преобразования	136
Н.Н. Муравьев и декабристы	139
Отношения с Петербургом	143
“Покровитель просвещения”	147
Второй период генерал-губернаторства	150
Подготовка к решению амурского вопроса	—
Кадровая политика	154
“Занадворовская история”	164
Амурские сплавы	169
Внешнеполитическая деятельность	171
Отношение к политическим ссыльным	174
Отношения с Петербургом	176
Экономическая политика	179
Заклочительный период генерал-губернаторства	186
Кадровая политика. Вопрос о преемнике	—

Проекты колонизации	191
Политические взгляды и реальная политика	195
“Иркутская дуэль” и изменения во внутренней по- литике	206
Н.Н. Муравьев и Вольная Русская печать	210
Отношения с Петербургом	214
Частная жизнь	223
Внешний облик. Характер	—
Образ жизни	225
Семья. Личные привязанности	232
Отставка	237
Глава 3. Михаил Семенович Корсаков: 1861—1870 . . .	245
Путь к вершине	246
До Сибири	—
Первые сибирские годы	247
Забайкальский губернатор	256
Генерал-губернатор	273
Назначение и утверждение	—
Отношения с подчиненными. Кадровая политика	280
Отношения с местным обществом	295
Административная деятельность	299
“Великие реформы” 60-х годов и деятельность М.С. Корсакова	312
Отношения с Петербургом	334
Частная жизнь	340
Внешний облик. Характер	—
Образ жизни	343
Личные привязанности	349
Отставка	353
ЗаклЮчение	357
Примечания	360
Список сокращений	408
Приложения	409
Именной указатель	416

Научное издание

Матханова Наталья Петровна

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

В.Я. Руперт
Н.Н. Муравьев-Амурский,
М.С. Корсаков

Редактор Л.В. Островская
Оператор электронной верстки Е.Н. Зимица

ЛР № 020909 от 1.09.94. Подписано в печать 14.12.98. Гарнитура таймс. Формат 84×108
1/32. Бумага типографская. Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,5. Уч-изд. л. 23. Тираж
500 экз. **Заказ № 478.**

Издательство Сибирского отделения РАН.
Научно-издательский центр ОНЦГМ.
630090 Новосибирск, проспект Академика В.А. Коптюга, 3.
Отпечатано в СП «Наука».
630077, г. Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25.